

4•1980

ИМЯ И ДЕЛО ЛЕНИНА БУДУТ ЖИТЬ ВЕЧНО!

ПРОЛЕТАРИИ ВСЕХ СТРАН, СОЕДИНЯЙТЕСЬ!

Ежемесячный литературно-художественный и общественно-политический журнал ЦК ВЛКСМ

4 • 1980

Основан в 1922 году

В НОМЕРЕ:

Первая страница обложки: Ленин на трибуне. С картины художника А. Герасимова.
Четвертая страница обложки: Ленинград. Фото АПН.

Наш адрес:

125015, Москва, А-15, Новодмитровская ул., д. 5а.
Телефоны редакции: приемная — 285-88-58; отдел прозы — 285-80-55; отдел поэзии — 285-88-40; отдел очерка и публицистики — 285-80-26; отдел критики — 285-80-14; отдел «Товарищ» — 285-89-66; секретариат — 285-80-16.

К 110-Й ГОДОВЩИНЕ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. И. ЛЕНИНА

П. МЕЗЕНЦЕВ

В. И. ЛЕНИН. ЭСТЕТИКА ЖИЗНЕУТВЕРЖДЕНИЯ

История литературы и искусства знает периоды особо благотворного влияния передовых эстетических идей на художественное развитие человечества. Эпоха от Великого Октября до сегодняшнего дня намного превосходит в этом отношении любой период прошлого. В невиданно короткие сроки советская литература завоевала в мире признание самой передовой, самой революционной, самой идейной и народной из всех прогрессивных литератур современности.

Не является ли этот факт наглядным выражением истинно гуманистической природы социалистического общества? Не является ли этот факт свидетельством творчески-созидательной силы марксистско-ленинского учения о литературе и искусстве, эстетических идей и принципов Ленина, которыми одухотворена политика Советского государства и Коммунистической партии в области художественного творчества?

Благотворная сила эстетики ленинизма заключена в жизненно-верном политическом духе ее основных принципов: принципов классовости, высокой идейности, партийности и народности. Все, чего до-

стигла наша страна в художественном прогрессе, в привлечении к творчеству миллионов и миллионов людей, в раскрытии того «непочатого» родника народного творчества, о котором говорил Ленин, в теоретическом и практическом соединении искусства с судьбами социалистического преобразования общества, — все это добыто нашей партией и государством благодаря неуклонному практическому претворению великих ленинских эстетических принципов.

Благотворная сила эстетического учения марксизма-ленинизма заключена в ее диалектико-материалистической методологии, в том широком, многостороннем, жизненно-верном мировоззрении, которое дает писателю и художнику трезвый взгляд на действительность, освобождает его сознание и творческую фантазию от химер и призраков, порожденных религиозными и идеалистическими извращениями реальности. В основе нашей эстетики лежит ленинская теория отражения, дающая художественному творчеству верные ориентиры, вдохновляющая верой в безграничные возможности разума, в неисчерпаемые способности познания, таящиеся в человеческом разуме.

Диалектико-материалистическая философия Маркса — Ленина, продолжив, развив и доведя до победного конца борьбу материалистической «линии Демокрита» против «идеалистической линии Платона», обнажила до корней враждебность идеализма живой жизни, искусству и творчеству. Материалистическая философия, имеющая один корень с «наивным реализмом» масс, признающим объективную реальность за первоначало всего, что окружает человека в жизни, чем полна и прекрасна сама жизнь, из века в век укрепляла доверие человеческого разума к материи, природе, реальности, все глубже раскрывала понимание материи как неистощимого жизнетворящего начала всех начал. От Демокрита к Бэкону и Дидро, а от них к Белинскому и Чернышевскому идет непрерывная линия — линия философско-эстетической защиты природы, ее красоты, гармонии, грации и совершенства от идеалистических нападок и дискредитации, линия «апологии действительности», как говорил Чернышевский, линия неустанных поисков творческого вдохновения и художественного образотворчества в живой реальности, в жизни людей, их труде и борьбе.

Марксизм-ленинизм подвел под эстетическую апологию действительности своих предшественников научную диалектико-материалистическую базу. В трудах Маркса, Энгельса, Ленина опровергнуто ложное мнение о якобы косной материи. Используя весь богатейший арсенал научного знания, все достижения естественных наук, они доказали, что в действительности, а не в ложных философских спекуляциях, материи присуще движение, динамика, что нет материи без движения, как нет движения без материи. Ленин на основе данных начавшейся в его время революции в физике и других естественных науках развенчал модные направления субъективного идеализма, пытавшиеся паразитировать на новых великих открытиях науки, и всесторонне развил диалектико-материалистическое учение о первичности материи и ее текучем, изменчивом, динамичном характере. В самом «фундаменте» материи заложены, как убеждает Ленин, неиссякаемые источники развития, внутренней пульсации, самодвижения и жизненности. Эстетическое в объективной действительности, которое Гераклит и Демокрит выражали в идее гармонии и красоты космоса, Дидро — в

«гармонии Вселенной», Чернышевский — в бессознательном стремлении природы к образованию красоты и совершенства, получило в произведениях Ленина исчерпывающее научное обоснование. Объективная реальность, материя, открыла свою бесконечную сущность. Перед взорами людей выступила не мертвая масса, серая, бесцветная и неподвижная, как ее оклеветали попы и идеалисты, а материя, матерь всего сущего, полная жизни, красок и звуков, неисчерпаемого смысла и красоты.

Для ума и творческой фантазии писателя, художника марксистско-ленинское понимание мира имеет великий воодушевляющий смысл.

Ленин призывает всматриваться в объективную реальность жизни, в ее переливы и переходы, в смену ее форм и движения, в борьбу между старым и новым, в процессы непрекращающегося обновления. Используя афористическое выражение из «Фауста» Гёте, он не раз повторял: «Теория, мой друг, сера, но вечно зелено вечное дерево жизни». Эту мысль Ленин выражал и в терминах философии («явление богаче закона»), и на языке политики («практика в сто раз важнее всякой теории»), и на языке эстетики. Самая хорошая теория только шаг на пути познания к открытию новых и все более глубоких объективных истин. И так во всем: в физике, в естествознании, в философии, в политике, в искусстве и литературе. Чем разнообразнее, чем глубже и вернее восприятие писателем, художником окружающей действительности, чем искренней его влюбленность в жизнь, в тот разнообразно-изменчивый, подвижный, текучий мир, который, как пишет Ленин, «богаче, живее, разнообразнее, чем он кажется», который является нам «полным звуков, красок и т. д.», тем больше стимулов для творческого вдохновения, тем значительнее и жизненнее образные обобщения, художественные полотна.

И в ленинской теории познания («теории отражения»), и в ленинской эстетике все начинается с «живого созерцания» явлений объективной, существующей независимо от сознания человека реальности, той животворящей субстанции, каждый атом которой, более того, каждый электрон неисчерпаемы по своему существу. Ленинская идея неисчерпаемости материи, вплоть до атома и электрона, предвосхитила великие открытия научно-технической революции XX века. Все самые фантастические научно-технические завоевания нашего века сознательно или бессознательно исходят из этой идеи, данной человечеству гением Ленина. Все чаще, настойчивее и углубленней всматриваются писатели и художники в страницы работы Ленина «Материализм и эмпириокритицизм», в страницы ленинских «Философских тетрадей». Ленинское учение о богатстве мира, о первосущности материи и бесконечности ее содержания и форм импонирует художественному творчеству, обостряет внимание художника и возвышает его разум. Недаром французский писатель Андре Стиль, шаг за шагом вникая в философский мир Ленина, восклицал: «Какая огромная поэтическая сила, в самом высоком значении слова, исходила из этого богатого оттенками и смелого мировоззрения...»

Учение о «живом созерцании» как исходном пункте познания представляет собой теоретико-методологический базис не только теории познания, но и подлинно научной эстетики, ибо оно ориентирует творческую фантазию не на призрачные, а на реальные источники художественного творчества. Сама собой обнажает-

ся пустота теорий самопроизвольного зарождения художественных идей. Не может выдержать яркого света этого учения теория «самовыражения» творческой личности, оборвавшей связи с реальным миром современности, загнавшей себя в тупики башни из слоновой кости. Абсурдным становится образ поэта, спрашивающего сквозь форточку такой башни или коммунальной квартиры: «Какое, милые, у нас тысячелетье на дворе?» В свете ленинской идеи ярко выступает величие борьбы, которую вели наши революционно-демократические критики против литературы, черпавшей свои образы из арсеналов «праздношатающейся фантазии» (Белинский).

В искусстве и литературе все идет именно «от живого созерцания», все — от первого замысла до последнего штриха, завершающего многолетний труд, а то и труд всей жизни писателя, художника. И если в научном познании процесс лишь начинается с «живого созерцания», то в художественном творчестве не бывает такого этапа, на котором «живое созерцание» совсем угасало бы или отходило на задний план. Без «энергии внешнего раздражения» не может быть эмоционально накаленной работы разума и фантазии творчески одаренной личности, не существует возможности образного воспроизведения событий, характеров, предметов и явлений. Поэтому «живое созерцание» или «действительно непосредственная связь сознания с внешним миром» в художественном отражении реальности имеет особое значение. Во всех случаях, когда Ленину приходилось говорить о художественном творчестве и побудительных мотивах творчества, он обращал внимание на эту сторону дела. По его убеждению, на одних идеях, пафосе, добрых пожеланиях, — в обход жизни, непосредственно данной художнику в опыте, непосредственно прочувствованной им, — создать подлинное произведение искусства нельзя. Ленин формулирует одну из закономерностей художественного творчества: «Когда автор свои рассказы посвящает теме, ему неизвестной, выходит нехудожественно». Отсутствие живого опыта, данных «живого созерцания» нельзя восполнить ничем.

Сколько наша литература XIX века дала примеров того, как писатель, нередко выдающийся и даже великий, оказывался в творческом кризисе, когда пытался творить, движимый силою умозрения, а не силою горячих впечатлений от действительности! Как не вспомнить И. С. Тургенева с его трагически-грустным признанием: «Я готов допустить, что талант, отпущенный мне природою, — не умалился; но мне нечего с ним делать. Голос остался, да петь нечего. Следовательно, лучше замолчать. А петь нечего, потому что я живу вне России — а не жить вне России я, по обстоятельствам всесильным — не могу...»

Особую остроту проблема «живого созерцания» приобрела в художественном творчестве эпохи социалистического строительства. В новых исторических условиях она получила новое идейное наполнение: вопрос встал так — либо писатель, художник погружается в бурный поток революционного народного дела и выносит из него впечатления, способные воплотиться в художественную форму, либо он оказывается творчески бесплодным. В письмах Ленина к А. М. Горькому, написанных в первые годы Советской власти, ясно и точно выражена мысль, что условием вдохновенного творчества отныне становится участие писателя в «строении новой жизни», связь его с массами, возводящими новый строй жизни. «Ежедневно во всей жизни ощущать прикосновение»

тех народных масс, которые трудом и борьбой утверждают социализм, — только это может дать писателю, художнику то, без чего он не может жить, — именно высокий импульс творчества. Источником творческого вдохновения впервые в исторической жизни человечества становится созидательный, самоотверженный, одухотворенный великими идеями опыт масс, опыт, который, говорит Ленин, «великолепен, высок, величествен». На стыке этого всемирно-исторического опыта народа с индивидуально-своеобразным опытом писателя рождается та страсть, та эмоциональная атмосфера, то горение, из пламени которого, как все живое из огня Гераклита, возникает чудо художественных образов, неувядаемых творений искусства. Тот первый отряд советских писателей, талантом которых создана классика советской литературы, в избытке владел потрясающим жизненным материалом, который, говоря словами Леонида Леонова, «кровоточил, пульсировал и звенел в руках».

На основе «живого созерцания», благодаря переработке в сознании данного материала возникает «мысленная целостность» (Маркс) объектов и явлений: тем самым мысль поднимает единичное, данное нам в ощущении, на уровень особенного и далее — на ступень всеобщего. «...У разума, — цитирует Ленин Фейербаха, — вообще нет другой цели и другого назначения, как обобщать данные чувства, чтобы освобождать нас от докучного труда повторения, чтобы предвосхищать, заменять, сберегать чувственный опыт и чувственное созерцание». Взаимозависимость «живого созерцания» и абстрагирующей, обобщающей работы сознания настолько велика, что чувственное созерцание невозможно без направляюще-корректирующей деятельности мозга, а образование понятий, идей, образов, словом, «мысленной целостности» предмета неосуществимо вне наглядного, конкретного представления. Соотношение того и другого сложно, противоречиво, диалектично, изменчиво и подвижно. Ленин не однажды указывал на противоречия между верным наблюдением и неверным пониманием, между точной характеристикой явления и ошибочными выводами из этой характеристики, между реальным значением факта и тем, что о нем думают. И в художественном творчестве совсем непросто осуществляется переход от «живого созерцания» к образным обобщениям, и здесь объяснение не всегда совпадает с наблюдением, впечатление с пониманием, связь образов с идейным замыслом писателя или художника. Но тут есть особенность, своя специфика.

Художественное мышление, на какие бы высоты образных обобщений оно ни подымалось (Прометей, Фауст, Медный Всадник), не отрывается от чувственного богатства, не гасит радужного очарования конкретно-чувственной прелести жизни. Размышляя, обдумывая, осуществляя данные живых впечатлений, все глубже вникая в самое насущное и главное, что подлежит творческому воспроизведению, писатель не уходит в мир отвлеченностей, законов и формул, а, напротив, все более погружается в живой поток жизни, так что нередко начинает вживе, в красках, звуках, жестах видеть в своем воображении то, что еще надо сделать сценой, картиной, художественным событием. Неразрывное с логической ступенью мышления, образное мышление писателя по самой своей сути образно и в исходном пункте, и в конечном результате. Но абстрактное мышление не отвечало бы собственному названию, если бы оно не стремилось вытеснить образность

своими логическими структурами. Поэтому, взаимодействуя в творческом процессе, логическое и образное отражения действительности представляют собой единство противоположностей, которые спорят и даже конфликтуют друг с другом.

Классики марксизма-ленинизма установили три основные формы противоречия: подавление образного отражения абстрактными рассуждениями (проявление дурной тенденциозности в искусстве и литературе); превращение художественных образов в рупоры идей автора (шиллеризация); победа образного постижения истины жизни над ограниченными взглядами и классовыми предрассудками писателя. Ленина особенно интересовала последняя форма противоречия, он раскрывал ее, оценивая с точки зрения русской революции, ее хода и перспектив творчество таких, например, писателей, как Лев Толстой, Гоголь, Короленко, Горький.

Идеалом же писателя для Маркса, Энгельса и Ленина был художник, в творчестве которого гармонически соединялась бы шекспировская живость и достоверность изображения с большой идейной глубиной, основанной на верном понимании исторического хода вещей, с подлинной партийностью мышления. Именно за такую гармонию многие годы боролся Ленин, внимательно следя за творчеством основателя пролетарской литературы — М. Горького, оберегая его от тлетворных влияний, стремясь поднять его как мыслителя до уровня безошибочного понимания коренных проблем революционно-освободительного движения пролетариата.

Марксизм-ленинизм со всей научной достоверностью раскрыл и объяснил диалектическую природу художественного мышления и его первоэлемента — образа. В конкретно-чувственной форме образа Маркс, Энгельс и Ленин неизменно подчеркивают идейное содержание, в отдельном видят свечение общего, в неповторимо-своеобразном, оригинальном — типическое, в идейном содержании — проявление живой полноты опыта и т. д. В образе схватывается сущность явлений, в картине выражается мысль о главном и решающем. Грани между образом и понятием условны, текучи, относительны. Их близость и единосущность проявляются уже в том, что они отличаются от ощущений. Ощущение есть «непосредственное». Или иначе: «непосредственно только ощущение». Все остальное, что вырастает на почве ощущения, уже есть опосредованное сознанием, уже не является непосредственной связью с реальностью. Понятие, как и образ, «есть вещь «духовная».

Для Ленина образ — глубокосодержательная форма познания действительности, конкретно-чувственное представление жизненных явлений, специфическое «копирование» их, снимок с них, опосредованный сознанием. Он согласен с утверждением Фейербаха: «Природа в голове и в сердце человека отличается от природы вне человеческой головы и вне человеческого сердца». Отражение предметов и явлений в сознании совпадает с этими явлениями и предметами, но не является ни их повторением, ни их заместителем, ни даже суррогатом. Он обнажил субъективно-идеалистическую, махистскую подоплеку попытки В. Базарова отождествить образ вещи с самой вещью. Последний цитировал Энгельса: «Представления о вещи и об ее свойствах совпадают с существующей вне нас действительностью» — и комментировал эту цитату таким образом: «Совпадают — это значит: в данных границах чувственное представление и *есть* (курсив Базарова) вне нас суще-

ствующая действительность...» Ленин назвал этот комментарий нелепостью, ибо он извращает самую суть мысли Энгельса. Ленин ответил комментатору: «...Чувственное представление *не есть* существующая вне нас действительность, а только *образ* этой действительности». Ленин обратился к немецкому оригиналу цитаты из Энгельса, которую привел В. Базаров, и показал, что слово «совпадать» у Энгельса употребляется в смысле «соответствовать», а вовсе не в смысле «быть тем же самым». Образ, как и понятие, как и чувственное представление, лишь форма, в которой реальность приблизительно верно воспроизводится, отражается в идеальном виде, а идеальное, как говорит Маркс, есть переработанное в человеческой голове материальное. В полном согласии с Фейербахом и Чернышевским Ленин считал, что искусство не нуждается в том, чтобы его образы признавались за подлинную реальность. В этом, между прочим, одно из отличий искусства от религии, которая навязывает людям продукты фантазии в качестве «живой предметности».

Явление «идеальное», «духовное», художественный образ, как и всякое «изображение в человеческой голове» (Энгельс) реальных вещей, существенно отличается от фотографического снимка. Хотя не раз и не два Ленин употребляет слова «копия», «копирование» применительно к познанию, он далек от того, чтобы субъективный образ объективного мира, возникающий в человеческом сознании, приравнять к фотографической копии. Тщетны попытки буржуазных критиков ленинской теории отражения вычитать из своеобразного ленинского словоупотребления некий примитивный смысл, не согласуемый с диалектической природой познания. «Копирование», «копия» — эти слова употребляются Лениным лишь в том смысле, чтобы нагляднее сделать мысль о первичности материи, объективной реальности, и вторичности наших представлений о ней, о первичности реальных вещей и вторичности «снимков», которые дают нам с этих вещей наши ощущения, представления, понятия. И не кто иной, как Ленин, многократно (это его кровное убеждение) противопоставляет образ фотографическому снимку, раскрывает в гносеологическом и в художественном образе содержание, далеко выходящее за рамки простого «зеркального отражения». В книге «Шаг вперед, два шага назад» он противопоставляет «фотографическое изображение» политического события изображению этого события в «картине». Ленин пишет о борьбе большевиков с меньшевиками по организационным и тактическим вопросам, о том, как эта борьба отражена была в голосовании. И делает чрезвычайно важную оговорку: «При этом вместо фотографического изображения, т. е. изображения каждого голосования в отдельности, мы постараемся дать картину, т. е. привести все главные типы голосования, игнорируя неважные сравнительно отступления и разновидности, которые могли бы только запутать дело».

Фотографирование, «копирование» имеет дело с отдельным явлением, с частным, оно дает вместе с важным и неважное. «Картина» отражает главное, решающее, дает «типы», в ней мысль абстрагировалась от всего, что «запутывает дело», что несущественно. Картина, образ, тип дают то, что поднято мыслью из сферы непосредственного, из сплетения случайного, нехарактерного и неважного:

В образе отражается сущность, а не поверхность предмета, не чисто внешнее эмпирическое сходство. В нем заключена мысль, выражен итог ее обобщающей работы. Поэтому образ, картина отличаются от «копии», от фотографического снимка своей идейной насыщенностью, выражением «важного», основного, сущностного в том, что он отражает. В этом его близость с понятием.

Редко кто так высоко ценил способность образов литературы и искусства проникать в сущность целой эпохи, в психологию классов и партий, в сердцевину народных чаяний и настроений, как это свойственно Ленину. Подобно Марксу, он обильно насыщал свои произведения литературными примерами, аналогиями, целеустремленно и систематически использовал литературные типы для разъяснения злободневных проблем современности. Даже в работах сугубо экономической проблематики, таких, как «Развитие капитализма в России», наряду со схемами, диаграммами, цифровыми данными и таблицами в системе доказательств фигурируют картины и образы, созданные русскими писателями. Литературный факт вовлекается в политико-экономический анализ тенденций хозяйственного развития страны и превращается в орудие критики антимарксистских концепций, «романтических» концепций народничества. Сочинения Ленина проникнуты великим доверием к достоверности образных обобщений действительности, в них нет и тени сомнений на этот счет, ни намека на представление об иллюстративности образных воплощений важных жизненных проблем. И чрезвычайно замечательно то, что истина, данная нам в художественном образе, никогда не повернута в сочинениях Ленина вспять, никогда не рассматривается как застывшая окаменелость мысли, как отблеск угаснувшего прошлого.

Достижения художественного познания, в какую бы эпоху они ни были осуществлены, Ленин обращает к современности, ищет в них источники освещения актуальных проблем, назревших вопросов исторического развития. В этом смысл его рекомендаций редакции «Правды» почаще цитировать Щедрина, чтобы получилось «освещение теперешних вопросов рабочей демократии с иной стороны, иным голосом». В этом смысл обращения Ленина к тургеневскому Пеночкину и гончаровскому Обломову, к гоголевскому Собакевичу, к чеховской Душечке и т. п.

Читая Ленина, каждый видит, что истина, однажды воплотившаяся в художественном образе, жива, актуальна, способна к развитию в условиях новой исторической ситуации. Социальный опыт классов, сословий, революционных поколений, запечатленный в правдивых образах, раскрывается Лениным с новой силой и глубиной. Сколько их, правдивых и ярких образов, созданных литературой и искусством прошлого, обрело на страницах ленинских трудов новый идейный смысл, открылось человечеству в невиданной еще глубине и значительности, засверкало неожиданными гранями! «Черносотенец Собакевич» оказывается не только фактом новой полосы в историческом развитии русского общества, но и явлением политической жизни Европы, дающим основание Ленину говорить о Собакевиче-Парвусе и Собакевиче-Гайдмане. Политическая мысль Ленина, подкрепленная верным эстетическим тактом, глубоким пониманием заключенных в образе возможностей, вовлекает в свой бурный поток литературно-художественные сокровища. Ленин, как никто, чуток к тому, что можно назвать элементом опережающего отражения, свойственного образу искусства,

пророческим духом подлинного художественного отражения непрерывно развивающейся общественной жизни. Сплошь и рядом выявляется историческая живучесть заключенных в образах социально-психологических типов, характеров и поведения людей. Это лучшее свидетельство того, что в художественных образах живет и движется объективная истина.

Учение Ленина об объективной истине, отражаемой в художественных обобщениях, непримиримо с бытовавшими в начале XX века и ставшими модными на его исходе теориями иероглифов, символов, знаков. Приверженцы этих теорий вместо образа подставляют «знак» и определение «искусство есть отражение действительности в образах» заменяют определением «искусство — знак, несущий художественную информацию». Исходя из этого, подобные теоретики утверждают, что искусство не может быть общедоступным, что оно «определено кодированным характером знака»... Само собой разумеется, что «изобразительный» или «эстетический» знак противопоставляется знаку познавательному, отсюда задачу науки определяют как задачу давать истинную информацию, а задачу искусства — вызывать определенную оценку. «Оценка» же, или ценность, на языке этих теоретиков, начиная с Ч. Морриса, означает явление чисто субъективного характера. Разумеется, в «знаковой системе» абстракционизм и прочие выверты обретают нежданно-негаданно значение чуть ли не высших проявлений творческого гения...

Читая все это, как не вспомнить иронические слова Ленина о сбитых с толку философах, «принимающих новые формулировки старых ошибок за новейшие открытия...». Ведь в подобных «теориях» воспроизводятся старые-престарые ошибки философско-эстетической мысли. И прежде всего в этих рассуждениях напрочь отвергается объективное содержание художественного образа, которое, как мы видели, так убедительно вскрывал в своих работах Ленин. Само понятие знака исключает объективную истину в образе. Еще Гельмгольц заметил, что образ, изображение и знак — вещи принципиально разные: «...от изображения требуется сходство с изображаемым предметом... От знака же не требуется никакого сходства с тем, знаком чего он является». Оперирование знаками — удобнейший способ оправдания всякого беспредметного искусства. Больше того, именно это «искусство» и отвечает «знаковой теории», именно это «искусство» нуждается в «кодовом ключе», именно кривляния абстракционистов способен «понимать» лишь тот, кто воспринимает их «как знак» и кто заранее «информирован о его значении».

Ленин специально разъясняет в своем труде «Материализм и эмпириокритицизм» принципиальное различие между образом, картиной, изображением и знаком. Он как бы предвидел, что появятся охотники подменять образы искусства «знаками». И потому предупреждал, что «одно дело изображение, другое дело символ, условный знак. Изображение необходимо и неизбежно предполагает объективную реальность того, что «отображается». «Условный знак», символ, иероглиф — суть понятия, вносящие совершенно ненужный элемент агностицизма». Кстати сказать, даже такие экзистенциалисты, как, например, Сартр, видят самое существенное различие между знаком и образом. Если, по мнению Ч. Морриса, портрет, скульптура, пейзаж, стихотворение — знак, то, по мнению Сартра, это нечто совсем иное. Он пишет: «Картина дает

Петра, хотя он там не присутствует. Знак, напротив, не дает своего объекта». Содержание знака совершенно индифферентно «по отношению к обозначенному объекту».

В современной науке понятие «знака», «символа» и их практическое значение благодаря успехам математических наук, развитию кибернетики и применению ЭВМ наполнились новым содержанием по сравнению с началом нашего века. Математизация наук без громадного роста роли условных знаков не была бы возможна. В абстрактном мышлении, оперирующем понятиями, категориями, законами, знаки, символы, сигналы имеют большое значение в качестве подсобных инструментов познания реальной действительности. Но все они (алгебраические и математические знаки, формулы, диаграммы, условные письменные обозначения, гербы, знамена, дорожные знаки, светофоры и семафоры и т. д. и т. п.), придавая в известной мере наглядно-чувственную форму абстрактным понятиям, подчинены в жизни логическим формам мышления. Все, что добыто буржуазной наукой в научно-прикладном использовании знаков, символов, сигналов, весь экспериментальный материал, собранный ею, безусловно важен и практически ценен. Но из этого не следует, что мы должны закрывать глаза на то, что знаки и символы, иероглифы и сигналы буржуазные ученые, начиная с основателя «знаковой теории» Ч. Морриса, используют против теории отражения, против материализма, против основы основ марксистско-ленинской теории познания. У них обозначение является доминантой по отношению к отражению, знак приобретает самодовлеющее значение. Дух Беркли, субъективно-идеалистически истолковывавшего «отношение метки или знака к вещи», витает над головами современных буржуазных теоретиков знаковости как самодовлеющего принципа. Тот же Ч. Моррис допускает возможность абсолютного изобразительного знака, в котором — на его искусственном языке — совмещаются «денотат» (то, на что указывает знак) и «передатчик» (самый знак). Таким образом, устраняется объективная реальность, а продукт сознания (знак) приобретает основополагающее значение. Это и есть теоретическое основание для признания абстракционизма как вершины искусства, ибо его «знаки» самодовлеющи, они не нуждаются ни в каких реальных предметах, они ничего не «отражают», а лишь обозначают «комплексы ощущений», субъективные «ценности», состояния и «мысли» абстракционистов. «Знаковая теория искусства» сливается со всеми современными реакционными эстетическими теориями, отрицающими объективное содержание в искусстве и литературе, кричащими о «революции» в искусстве и видящими ее в отказе искусства от изображения действительности. На все лады они ликующе провозглашают: искусство наконец закончило разрушение предмета, нашло содержание в себе самом, а не в человеке и окружающем его мире! Один из модных опровергателей искусства как отражения жизни, Пьер де Буадефф, в статье «Новый язык форм» обозначает даже основные вехи того пути, который прошло искусство, чтобы освободиться от реальности. Он пишет: «Импрессионизм разделяет материю, кубизм ее взрывает, абстракция берет ее в скобки».

В «Материализме и эмпириокритицизме» большое внимание уделено тем новым терминам и понятиям, которыми изобильно пользуются современные идеалистические течения и школы в области

философии и эстетики. Не раз говорит Ленин о «знаках», «символах», об иррационализме, концептуализме, даже об «экзистенциале», но ни одним из «модных» терминов Ленин не обольстился, ни одним из них и не подумал заменять проверенные практикой идеологической борьбы термины, понятия, категории марксистской философии и эстетики. Своим собственным примером Ленин показывает, как надо использовать экспериментальные научные наблюдения, опыты буржуазных «профессоров» и как необходимо отвергать их теорию, неверную методологическую основу, которую они насильно подсовывают нередко под верные стихийно-материалистические наблюдения и опыты, как нужно отстаивать и проводить свою диалектико-материалистическую линию в вопросах теории познания, в отношении основных вопросов эстетики.

Разумеется, Ленин не думал, что какой бы то ни было образ искусства объемлет всю истину жизни, полно и окончательно выражает свой предмет. Признавать объективную реальность предмета, объекта, модели «по отношению к картине» вовсе не значит, что весь объект входит в картину, что вся полнота объективной истины выразилась в том или ином художественном произведении. Ленин говорит: «Бесспорно, что изображение никогда не может всецело сравняться с моделью...» Сближая, по обыкновению, гносеологическую и эстетическую точки зрения, он подчеркивает историческую условность пределов приближения человеческого знания к «объективной, абсолютной истине» и завершает свое суждение первостепенной важности тезисом: «Исторически условны контуры картины, но безусловно то̀, что эта картина изображает объективно существующую модель».

По Ленину, художественный образ, как и образ гносеологический, представляет собой единство объективного и субъективного. Образ проникнут стремлением выразить всю полноту жизни, всю сложность и многогранность, богатство и разнообразие объективной реальности, но это стремление всегда будет находиться в процессе реализации, всегда будет стимулом, движущим образное познание от относительной к абсолютной истине. Ни в какие «абсолютные изобразительные знаки» он не верил. «Субъективное» в образе он также понимал диалектико-материалистически, а не механически и не субъективистски. Даже эмоциональное содержание произведений искусства было для него не только выражением своеобразного внутреннего мира писателя, художника, как порой трактуется этот вопрос. Ленин предельно внимателен ко всем особенностям личности художника, к великому и малому в ней, к разуму и предрассудку, к тому цвету и тонам, в которых писатель и художник видят окружающий мир, к «миросозерцанию», противоречиво переплетающемуся с истиной и заблуждением художника, к обстановке, в которой сложился его талант и развернулось творчество. Недаром же советовал он своим соратникам, своим партийным друзьям и товарищам «осторожно» и систематически воспитывать каждого, кто обладает истинным художественным талантом.

И наряду с этим Ленин видел источники эмоциональности произведений искусства не в одной лишь эмоциональной природе человека, наделенного художественным талантом, но и в природе самого образного отражения действительности, в той особенности образа, что он призван в своей обобщающей функции схватывать,

выражать, конденсировать наиболее важные, яркие, впечатляющие приметы конкретно-чувственного богатства объективной реальности. В образе обобщающая, проникающая в сущность мысль развивается и идет к своему результату, удерживая, сгущая, фокусируя характернейшее в живом явлении. Давая обобщенное понятие о человеке, о классовом типе или природном явлении, художественный образ заставляет нас испытывать очарование как бы живой, текущей человеческой жизни. Эмоциональная природа образа неизбежна это связующее звено между «живым созерцанием» и понятием, между единичностью реально существующих предметов и предметами, существующими в нашем сознании, в нашем слове всегда в виде абстракции.

Эмоциональное в образе не только авторская «оценка» и лирическое самовыражение, но и верное отражение автором чувственного богатства реальности — мира, человека в этом мире, всей пестроты жизни, ее красок и звуков. Не потому ли те школы и течения в искусстве, которые ориентировались преимущественно на «самовыражение» или на то, чтобы сделать главным в творчестве представление того, «как мне кажется», никогда не могли соперничать по глубине субъективного и эмоционального содержания с реалистическими направлениями, пафосом которых всегда было стремление постичь и выразить жизнь как она есть, во всей правде, во всей истине? В картинах и образах реалистического искусства, в произведениях социалистического реализма каждая деталь познавательна и эмоциональна как раз потому, что здесь писатель, художник стремился как можно полнее, глубже, точнее отразить неисчерпаемую в своей сущности реальность. Здесь субъективное не противостоит объективному, а творчески взаимодействует с ним. Эмоциональное в образе есть ответ чувства на все «красивое, эффектное и яркое» (Ленин), образ переводит обычное субъективное волнение при активном восприятии жизни в глубокое, одухотворяющее эстетическое переживание. Предметным выражением единства, и притом наиболее ярким выражением единства индивидуально-особенного, излучающего из себя трепетную эмоциональность, и обобщения, схватывающего сущность изображаемого, является образ-тип, создание которого М. Горький приравнивал к смелой и широкой научной гипотезе.

«Тип», «типическое» для Ленина явление не только сферы искусства и литературы. Типическое в жизни Ленин анализирует во множестве случаев и в капитальных трудах, и в статьях, и в своих письмах. И он отмечает, что в жизни типическое сложнейшим образом переплетается со случайным, исключительным и единичным.

В известной характеристике Суворина как типа ренегата, совершившего эволюцию от либеральных, даже демократических пристрастий молодости до бесстыдно откровенных восхвалений буржуазии, реакционной политики власть имущих, Лениным отмечены и те черты, которые отнюдь не обязательно встречаются в типах подобного рода. Такой подход вообще характерен для Ленина при анализе типов, формируемых реальной жизнью. Он говорит: «Личные исключения из групповых и классовых типов, конечно, есть и всегда будут. Но социальные типы остаются». Жизнь не дает типического в чистом виде, в ней всегда все сложнее, богаче, «хитрее», чем в логической формуле или художественном обобщении. Отсюда ленинские емкие афоризмы: «Явление

богаче закона», «Эпоха есть сумма разнообразных явлений, в коей кроме типичного всегда есть иное» и т. п.

Ленинская мысль во всем своем философско-эстетическом богатстве побуждает мыслителей и писателей, ученых и художников к самым серьезным, вдумчивым размышлениям, наблюдениям, исследованиям, анализам. Каждый настоящий писатель найдет в ленинском наследии ценнейшие уроки познания, образцы культуры мышления, образцы анализа и оценки противоречиво-сложного материала, накопленного годами, остро прочувствованного, напрашивающегося на образное воплощение.

Сколько раз ни обращался Ленин к вопросу о типе и типическом, нигде и никогда не признавал он возможность типического в явлении редком, единичном, исключительном или «вероятном». В одном из писем находим особенным образом выделенное изречение: **«Типичное не единственное»**. Значит, этой мысли Ленин придавал особо большое значение, когда обсуждался принципиально важный вопрос о типических и нетипических явлениях и событиях целой исторической эпохи. Типичное не единственное. Это Ленин говорил. А вот что типичное не массовое, не распространенное — этого не говорил. Ленин присоединялся к понятию Маркса о типическом. Типичное для Маркса, как указывает Ленин, — это «идеальное» «в смысле среднего, нормального», а отнюдь не в смысле исключительного, единичного или вероятного.

Ленинская мысль противостоит и тем мнениям, по которым все, что широко распространено, представляет собой типическое, что массово, то и типично. На самом же деле отнюдь не все, что очень распространено, является типическим. К типическому разум художника должен пробиться через пестроту и разнообразие весьма и весьма распространенных явлений. В неизмеримом богатстве являющегося разуму и таланту настоящего писателя, внимательно всматривающегося во все, что совершается вокруг, надо уловить «существенное явление», в котором как раз и проявляется логика закона.

«Когда решается какой-нибудь сложный и запутанный общественно-экономический вопрос, то азбучное правило требует, чтобы сначала был взят самый типичный, наиболее свободный от всяких посторонних, усложняющих влияний и обстоятельств, случай и уже затем от его решения чтобы восходили далее, принимая одно за другим во внимание эти посторонние и усложняющие обстоятельства». Здесь Ленин говорит о типическом в научном исследовании. Но это высказывание очень важно и для практиков искусства — писателей и художников, и для теоретиков и критиков в области художественного творчества. Типическое как предмет исследования есть самое характерное, наиболее существенное, освещающее закономерности жизни. Но путь к нему не прост.

«Нужно сквозь игру случайностей добираться до типов», — писал И. С. Тургенев. Крупнейшие советские писатели придерживаются того же мнения. У них теория типа вырастала из громадного личного опыта, из того, что десятки и сотни раз пришлось им испытать, прочувствовать и творчески преодолеть. М. Горький неустанно учил наших писателей как можно шире наблюдать людей «одного ряда», чтобы схватить типическое. «Ведь общие-то черты есть у них? Есть, несомненно. Вот вы их и отберите». Какой должен быть запас наблюдений, чтобы увидеть «общие черты» у сотен современников, окружающих писателя в

повседневной жизни! И как нужно вглядываться в их лица, поведение, привычки, в их жизнь, чтобы безошибочно определить основное, характерное, а не пускаться в натуралистические описания внешне эффектного, но неважного по своему существу.

«Надо брать человека, — советует писателям М. Горький, — который включает в себя наибольшее количество типичных черт людей своего рода». Такими же соображениями проникнуты и обращения А. Н. Толстого к молодым мастерам советской литературы: ищите «характерный факт», наблюдайте и сопоставляйте характеры живых людей, добивайтесь открытия в реально сущем ядра будущего типа, идите на риск создания образа-типа на основе увиденного и осмысленного характера. «Я, — говорил Толстой, — загораюсь, почувствовав в человеке типичное...»

То, что Ленин формулирует как теоретик, как философ, корифей науки, оказывается истиной, выстраданной писателями, добытой в подлинных муках творчества, завоеванной нескончаемыми трудами и вынесенной из громадного жизненного опыта. В том и сила ленинских идей, что они жизненны, что они результат глубочайших теоретических выводов на практике, какой бы области человеческой деятельности ни касалась она, эта практика.

Идеи Ленина в своей совокупности обосновали новый исторический поворот в художественном развитии человечества, теоретически и политически, философски и эстетически определили новый магистральный путь развития литературы и искусства, путь социалистического реализма, под знаменем которого развивается все самое передовое и революционное в искусстве нашего времени.

И каждая идея Ленина идет от жизни, черпает в ней свои силы, как древний Антей в соприкосновении с матерью-землей, каждая идея Ленина в сфере философии, и в сфере политики, и в сфере эстетики озаряет нас пафосом познания и преобразования действительности, пафосом жизнеутверждения.

●

А. Ф. КОСТИН,
доктор исторических наук

САМАРСКИЙ УНИВЕРСИТЕТ

I. ПОД НАДЗОРОМ ПОЛИЦИИ

4 (16) мая 1889 года семья Ульяновых переехала из Казани на хутор близ деревни Алакаевка, в пятидесяти верстах от Самары *. Здесь Владимир Ильич вместе с семьей проводил все летние месяцы с 1889 по 1893 год, а в остальное время года жил в Самаре.

В научном и культурном отношении Самара конца XIX века значительно отставала от Казани. Несмотря на то, что в городе насчитывалось не менее ста тысяч жителей, в нем не было ни одного высшего учебного заведения.

Приезд Ульяновых в Самару совпал с новым натиском царского самодержавия на прогрессивные силы общества. Усилился полицейский контроль. В Самаре, служившей местом поселения отбывших наказание революционеров-народников, царские ищейки старались сверх всякой меры. Еще не успели Ульяновы устроиться на первой самарской квартире, как пристав рапортовал городскому полицмейстеру: «На предписание Вашего высокоблагородия от 7 сего сентября за № 1422 имею честь донес-

* В дальнейшем даты событий даются только по старому стилю.

ти, что за приехавшими из быв. имения Сибирякова Анной Ильиничной Ульяновой, по мужу Елизаровой, и Владимиром Ульяновым учреждены: за первой, Елизаровой, негласное наблюдение, а за последним самый строгий надзор полиции, и что они квартируют во вверенной мне части на Полицейской пл., в доме Кулагина».

С этого момента служба самарской охранки не ведала покоя. Чиновникам и филерам полицейского сыска вменялось в обязанность знать о членах семьи Ульяновых все: образ их мыслей, источники существования, круг знакомых, причины отлучек из города и многое другое. И они старались. Достаточно сказать, что за время пребывания Ульяновых в Самаре различные органы полиции составили и пустили в оборот по их делу около 90 официальных документов. Неусыпные «заботы» властей распространялись не только на поднадзорных Анну и Владимира, но и на гимназистов первых классов Диму и Маняшу.

Делом «воспитания» учеников самарской мужской и женской гимназий Дмитрия и Марии Ульяновых занимался сам попечитель Казанского учебного округа П. Н. Масленников. В обширной докладной на имя министра народного просвещения он писал: «Я в бытность мою в Самаре лично просил самарского губернатора тайного советника Свербеева иметь через городскую и уездную полицию особый надзор за образом жизни в семье Ульяновых и за их отношениями к другим, остающимся еще на хуторе подозрительным личностям и при первом возникшем подозрении об участии и несовершеннолетних Ульяновых в каких-либо подозрительных сообществах меня немедленно уведомить для принятия соответствующих мер по мужской и женской гимназиям».

В Алакаевке с помощью М. Т. Елизарова — жениха, а потом и мужа старшей дочери — Ульяновы понемногу стали приводить в порядок хозяйство, купили лошадь и корову. Мать, по словам ее дочерей, надеялась даже на то, что Володя, если ему не удастся поступить в университет, заинтересуется сельским хозяйством. Но этого не случилось.

Между тем Владимир Ульянов все более сознавал, что ответственность за благополучие семьи ложится на его плечи. Ведь ни пенсия за отца, ни грошовые поступления за аренду земли, значительная часть которой отдавалась бесплатно местным крестьянам, не могли восполнить скромных расходов семейного бюджета. Необходим был заработок. И Володя попытался найти место репетитора. В ряде майских и июньских номеров «Самарской газеты» за 1889 год печаталось объявление:

«БЫВШИЙ СТУДЕНТ
желает иметь урок. Согласен в отъезд. Адрес: Вознесенская ул., дом Саушкиной. Елизарову, для передачи В. У. письменно».

Источники, в том числе воспоминания родных и близких, не содержат ответа на вопрос о судьбе этого газетного объявления. Скорее всего оно осталось без каких-либо последствий. Сам же Владимир Ульянов не оставлял попыток поступить в университет и вскоре добился своего.

Путь Владимира Ильича к университетскому образованию был нелегким. Еще во время кокушкинской ссылки он дважды обращался к властям с просьбой о поступлении в университет. Но ему было отказано в этом по мотивам «политической неблагонадеж-

ности». С переездом в Самару Владимир Ильич вновь послал просьбу на имя губернатора, но опять получил отказ. И он решил сдавать экзамены за университетский курс экстерном.

28 октября 1889 года В. И. Ульянов писал министру народного просвещения: «В течение двух лет, прошедших по окончании мною курса гимназии, я получил полную возможность убедиться в громадной трудности, если не невозможности, найти занятия человеку, не получившему специального образования». Владимир Ильич напомнил далее, что он крайне нуждается в занятии, необходимом для поддержания семьи, и просил разрешения «держать экзамен на кандидата юридических наук экстерном при каком-либо высшем учебном заведении».

Однако и на этот раз просьба Владимира Ильича была отклонена. Министр, вспомнив о сходке казанских студентов, наложил на его прошении гневную резолюцию: «Спросить об нем попечителя и департамент полиции, он скверный человек. Департамент полиции уже, вероятно, знает, что он делает на своей стороне».

Полиция, как и следовало ожидать, была «в курсе дел» Владимира Ульянова. Департамент полиции незамедлительно сообщил о причастности Ульянова к кругу лиц, «неблагонадежных в политическом отношении», стремление которых к получению высшего образования пресекалось в корне. И все же на проволочку с ответом просителю ушло около трех месяцев. Только в декабре Владимир Ильич был вызван в самарское городское полицейское управление, где ему зачитали отказ властей разрешить сдавать экзамен за университет экстерном.

Пересмотреть официальный отказ сыну о продолжении своего образования помогло вмешательство матери. С этой целью Мария Александровна сама поехала в Петербург и добилась приема у министра народного просвещения И. Д. Делянова. Вскоре разрешение «допустить Владимира Ульянова к экзаменам по предметам юридического факультета» в одном из университетов было получено.

Получив не без новых усилий разрешение на экзамен в столичном университете, Владимир Ильич осенью 1890 года впервые прибыл в Петербург, чтобы на месте познакомиться с условиями предстоящих испытаний. Список предметов для экзаменующихся экстерном был большим и сложным. В нем значились: римское право (догма и история), гражданское право и судопроизводство, торговое право и судопроизводство, история русского права, государственное право, международное право, политическая экономия и статистика, финансовое право, энциклопедия права, история философии права и многое другое.

Детально ознакомившись с программой государственных экзаменов и порядком их проведения, Владимир Ульянов приобрел нужные книги и возвратился в Самару. Воспоминания очевидцев показывают, с какой настойчивостью и упорством готовился молодой Ленин к предстоящим экзаменам. Даже крайне необходимые встречи с товарищами из революционного подполья были сведены до минимума. «Для меня было ясно, — вспоминает участник ленинского кружка в Самаре А. А. Беляков, — что на столе Владимир Ильич держит только те книги, которые в ближайший момент нужны для работы. Главная масса книг с правой стороны состояла из учебников, пособий, лекций, которые Владимир Ильич «про-

шибал», как выражался Скляренко, готовясь к экзамену за юридический факультет...»

Подготовка к экзаменам поглощала уйму времени. Изо дня в день Владимир Ильич прорабатывал материал — зимой в городе, летом в деревне. В семье Ульяновых удивлялись неисчерпаемой энергии и исключительной работоспособности Владимира Ильича.

Анна Ильинична: «Помню, как летом в Самарской губернии он устроил себе уединенный кабинет в густой липовой аллее, где дал вкопать в землю скамейку и стол. Туда уходил он, нагруженный книгами, после утреннего чая с такой точностью, как будто бы его ожидал строгий учитель, и там, в полном уединении, проводил все время до обеда, до 3 часов.

Никто из нас не ходил в ту аллею, чтобы не мешать ему».

Дмитрий Ильич: «В старом запущенном саду среди густой листвы у него был стол и скамейка, там раскладывались с раннего утра книги, рядом была утоптанная дорожка шагов в десять-пятнадцать, по которой он шагал, обдумывая прочитанное. Ни о каких шахматах, ни о каком развлечении здесь не могло быть и речи. Здесь нужно было работать, учиться, готовить себя не для шахмат, а для другой, более серьезной борьбы».

Мария Ильинична: «Владимир Ильич каждое утро после чая отправлялся, нагруженный книгами, словарями и тетрадями, в укромный уголок сада, где стояли стол и скамейка. Там проводил Владимир Ильич большую часть дня за научными занятиями. Он не просто читал книги, он изучал авторов, штудировал их, составлял конспекты, делал заметки и выписки из книг».

В последних числах марта 1891 года Владимир Ильич выехал из Самары в Петербург для сдачи первых экзаменов. Они прошли весьма успешно, но к концу сессии на его плечи свалилось тяжелое семейное горе. 8 мая в одной из петербургских больниц умерла от брюшного тифа сестра Ольга. Ей едва исполнилось 19 лет. Она училась на Высших женских курсах и обладала, по воспоминаниям ее подруг, выдающимися способностями к наукам: владела несколькими иностранными языками, живо интересовалась вопросами общественного движения, была любимицей целого курса слушательниц-бестужевок.

Владимир Ильич при всей его занятости на экзаменах проявлял трогательную заботу о больной Ольге. В конце апреля, когда сестре стало плохо, он отвез ее в Александровскую больницу и телеграфировал в Самару, что у Ольги обнаружен брюшной тиф и что «доктор надеется на благополучный исход». Однако вскоре им была послана вторая, более тревожная телеграмма: «Оле хуже. Не лучше ли маме ехать завтра».

Смерть Ольги глубоко потрясла Владимира Ильича, но он стойко перенес этот новый удар судьбы и, собрав воедино весь запас мужества и железной выдержки, продолжал сдачу экзаменов.

Государственные экзамены при Испытательной комиссии Петербургского универтитета проводились в два приема: в весеннюю и осеннюю сессии 1891 года. В первую сессию Владимир Ильич сдал домашнюю письменную работу и пять устных экзаменов по семи предметам; во вторую — остальные восемь по одиннадцати предметам. Кроме того, им было написано письменное сочинение по уголовному праву.

В состав Испытательной комиссии, которую возглавлял декан юридического факультета, профессор истории русского права

В. И. Сергиевич, входили крупные ученые-правоведы. Такой квалифицированный состав членов комиссии вызывал тревогу у многих экзаменующихся экстерном. Но Владимир Ильич был уверен в своих силах и подбадривал других. На самые сложные вопросы экзаменаторы получали от него одинаково четкие и обстоятельные ответы. Известный специалист по уголовному праву профессор И. Я. Фойницкий, пользовавшийся за строгость на экзаменах репутацией «грозы студентов», поставил Владимиру Ильичу за письменную работу высший балл. По всем восемнадцати предметам В. И. Ульянов получил оценки «весьма удовлетворительно», что давало ему право на получение диплома первой степени. «Тогда многие удивлялись, — вспоминает Анна Ильинична, — что будучи исключенным из университета, он... без всякой посторонней помощи, не сдавая никаких курсовых и полукурсовых испытаний, подготовился так хорошо».

Общая картина экзаменов по экстерну при Петербургском университете за 1891 год была следующей: из 134 экзаменующихся только девять представили письменные работы по предмету Фойницкого. 27 человек (из 33 экзаменующихся в одной группе с Владимиром Ильичем) получили дипломы, из них девять — дипломы первой степени. Для получения такого диплома требовалось более половины высших оценок «весьма удовлетворительно». Диплом В. И. Ульянова был единственным, в котором по всем предметам выставлен высший балл.

Диплом об успешном окончании юридического факультета он получил одновременно со своими однокашниками, проучившимися в университете полных четыре года. Это была значительная победа молодого Ленина, завоеванная в неравной борьбе с произволом царских чиновников и полиции.

После завершения университетского образования Владимир Ульянов был принят на должность помощника присяжного поверенного в Самарском окружном суде. Добиться этого назначения было непросто. Владимиру Ильичу, находившемуся под негласным надзором полиции, трудно было рассчитывать на поддержку судей и адвокатов. Но ему помог А. Н. Хардин, работавший присяжным поверенным в Самаре. «Владимир Ильич, — свидетельствует Д. И. Ульянов, — любил бывать у Хардина — первое время из-за шахмат, а потом, когда он сдал экзамены по юридическому факультету и записался у Хардина помощником присяжного поверенного, их связывали общие дела судебного характера».

Андрей Николаевич Хардин принадлежал к поколению юристов-семидесятников, придерживавшихся прогрессивных взглядов. Еще в 1879 году он подвергался аресту за связь с участниками самарских землевольческих поселений (В. Фигнер, А. Соловьевым и Ю. Богдановичем). Современники отзывались о нем как о весьма образованном адвокате, который пользовался большим влиянием в тогдашнем либеральном обществе. Он, по свидетельству знавших его специалистов, не стеснял своих помощников в их занятиях адвокатурой, предоставляя им самую широкую самостоятельность. Хардин особо выделял Владимира Ульянова как способного защитника и сожалел впоследствии, что он не пошел по пути цивилистики (гражданского права).

По ходатайству Хардина общее собрание Самарского окружного суда, состоявшееся 30 января 1892 года, зачислило Владимира Ульянова в корпус адвокатов. Однако для получения свидетельства

на право ведения судебных дел требовалось разрешение полиции, которое всячески тормозилось. Только 2 июля на отношении председателя суда в департамент полиции появилась наконец соответствующая резолюция: «Оставить Ульянова под негласным надзором полиции и уведомить о неимении препятствий к выдаче свидетельства на право хождения по делам».

За время занятий в суде (март 1892 — май 1893 г.) Владимир Ильич рассмотрел не менее 18 судебных дел: из них 3 гражданских и 15 уголовных. Его подзащитными были преимущественно крестьяне Поволжья, изнуренные страшной нуждой и голодом. Среди дел, защищаемых им на процессах, значились «богохульство», «мелкие кражи», «семейные неурядицы» и т. п. В ряде журналов «судебного заседания» зафиксированы определенные результаты молодого адвоката, выразившиеся в смягчении меры наказания подсудимым.

Первая защита Владимира Ульянова состоялась 5 марта 1892 года. В обвинительном акте Самарского окружного суда утверждалось, что подсудимый 34-летний В. Ф. Муленков в публичном месте «матерно обругал бога, ...государя императора и его наследника»; «он говорил также, что государь неправильно распоряжается». Муленкова судили при закрытых дверях, а его поступок квалифицировался по статье 180 Уложения о наказаниях. Ему грозила многолетняя тюрьма и ссылка. Но защитник Ульянов привел ряд доводов, смягчающих вину подсудимого, в результате чего суд вынес Муленкову сравнительно легкий приговор — год тюремного заключения.

Популярность молодого адвоката Ульянова быстро росла. Находившиеся под следствием бедняки крестьяне считали Владимира Ильича «своим человеком» и стремились заручиться его поддержкой. Сохранился рапорт присяжного поверенного О. Г. Гиршфельда на имя председателя Самарского окружного суда, в котором указывается, что подсудимые — крестьяне Тишкин, Зорин, Уждин, Зайцев, Красильников, Гайский и Муленков — выразили желание иметь своим защитником помощника присяжного поверенного В. Ульянова. На рапорте рукой Владимира Ильича сделана следующая запись: «Означенные защиты подсудимых... принять на себя согласен. Пом. прис. В. Ульянов». Ведение дел не по назначению суда, а по избранию самих подсудимых было привилегией известных адвокатов, которой по праву пользовался и Владимир Ильич.

Несомненный интерес представляет второе дело В. Ф. Муленкова, которое слушалось в суде при участии защитника Ульянова. На этот раз самарского крестьянина Муленкова судили за несколько мелких краж у разных лиц. Слабость пунктов обвинения Владимир Ильич видел в их мизерности, тенденциозности и запоздалости. Улики о «воровстве» впавшего в полную нищету бедняка Муленкова собирались около двух лет, а до суда они дошли только после того, как подзащитный был осужден за «богохульство». Логика защитника повлияла на решение присяжных заседателей. Суд вынес Муленкову оправдательный приговор.

Работа в суде, безусловно чуждом ему по своему классовому содержанию, научила Владимира Ульянова умению извлекать пользу даже из тогдашних законов для защиты прав и достоинства человека. Этим умением Владимир Ильич охотно пользовался не только при разборе судебных дел, но и вне суда, в обычной жизни. Однажды, вспоминает Д. И. Ульянов, брату с зятем М. Т. Ели-

заровым довелось перебираться на другой берег Волги в районе Сызрани. Когда лодка с пассажирами достигла середины реки, ее настиг и повернул обратно сторожевой катер купца Арефьева, державшего в этом месте переправу. Владимир Ильич, возмущенный самоуправством купца, подал на него жалобу местному земскому начальнику. Арефьев и его защитники делали все возможное, чтобы взять истца измором: дважды назначалось судебное разбирательство дела и дважды откладывалось по разным формальным соображениям.

Д. И. Ульянов пишет, что на третий разбор дела Владимир Ильич получил повестку уже зимой. «Он стал собираться в путь. Поезд отходил что-то очень рано утром или даже ночью; предстояла бессонная ночь, скучнейшие ожидания в камере земского начальника, на вокзалах и т. д. Хорошо помню, как мать уговаривала брата не ехать.

— Брось ты этого купца, они опять отложат дело, и ты напрасно проездишь, только мучить себя будешь. Кроме того, имей в виду, они там злы на тебя.

— Нет, раз я уж начал дело, должен довести его до конца. На этот раз им не удастся еще оттягивать.

И он стал успокаивать мать».

Настойчивость и принципиальность Владимира Ильича, проявленные в борьбе с именитым нарушителем закона, увенчались полным успехом. Богатому купцу Арефьеву не удалось избежать наказания: он получил свой срок — месяц тюремного заключения.

Работа в суде давала В. И. Ульянову богатый жизненный материал, снабжая его конкретным знанием реальной действительности. На правах «поверенного крестьянской бедноты» он получил возможность по «первоисточнику» изучать истинное положение дел в деревне, непосредственно наблюдать процесс расслоения крестьянства на кучку богатеев и массу обездоленных тружеников. В этом смысле адвокатская практика Владимира Ильича служила подспорьем в развитии его научного мировоззрения.

Завершение университетского образования и юридическая практика в Самаре — важные вехи на сложном пути формирования личности молодого Ленина. Они явились своеобразным экзаменом на гражданскую зрелость юноши. Однако «легальной деятельностью» жизнь Владимира Ильича в Самаре не ограничивалась, за ней просматривается другая, более существенная сторона его самарской биографии — подпольная революционная работа.

II. ПРОТИВ НАРОДНИКОВ

Как известно, еще в Казани Владимир Ульянов познакомился с основами теории научного социализма. Члены федосеевских кружков, среди которых находился молодой Ленин, изучали «Манифест Коммунистической партии», первый том «Капитала» Маркса, работы Энгельса и Плеханова. Там же, в нелегальных кружках, Владимир Ильич бывал свидетелем и участником горячих споров марксистов с народниками, упорно отстаивающими свои позиции.

Иначе обстояло дело в Самаре. Здесь, по свидетельству современников, вплоть до 1890 года о марксистах никто не имел определенного представления. Несмотря на быстрый рост капитали-

стических отношений, подрывавших основы народнической идеологии, ошибочные взгляды ее приверженцев были популярными у разночинной интеллигенции и прогрессивно настроенной молодежи. Тем не менее народничество Самары, как и всей России, переживало глубокий внутренний кризис. «Никакого целого, стройного мировоззрения, — отмечает М. И. Семенов, — выработать при таких условиях мы не могли. Сильной веры в дело революции, ясной и твердой целеустремленности у нас тогда еще не было. Понятно, каким откровением явилось для нас марксистское мировоззрение, которое принес нам Владимир Ильич».

Первое знакомство Владимира Ульянова с участниками самарского революционного подполья состоялось на квартире А. П. Скляренко, стоявшего во главе одного из народнических кружков. Алексей Павлович был уже признанным вожаком местной молодежи и причислял себя к сторонникам «субъективной социологии». Члены кружка регулярно, раз в неделю, собирались на занятия, где обсуждались рефераты на книги народнических писателей. Но большинству слушателей такие занятия казались скучными. «Было гораздо интереснее, — вспоминает Беляков, — когда мы всей компанией «ходили в народ», то есть отправлялись экскурсией в одну из деревень — Подгорное, Выползово, Рождественское. Это «хождение в народ» всегда давало много новых впечатлений, сближало нас с жизнью крестьян и ставило ряд практических вопросов».

С вступлением Владимира Ильича в кружок А. П. Скляренко постепенно менялось направление его деятельности. Правда, на первых порах внешне все оставалось по-прежнему: в установленное время кружковцы приходили на занятия, обсуждали рефераты на литературные новинки, участвовали в «журфиксах» * либеральной интеллигенции. Однако прежней скуки на занятиях и встречах уже не наблюдалось. Во время обсуждения «капитальных трудов» народнических авторов все чаще раздавались критические голоса, возникали горячие споры. Эта свежая критическая струя в повседневную жизнь членов кружка была внесена Ульяновым.

Глубокое знание марксизма и мастерство пропагандиста позволили Владимиру Ильичу сравнительно быстро завоевать симпатии большинства участников кружка и занять в нем ведущее положение.

Вскоре он взял на себя роль основного докладчика по критике либерально-народнической литературы и наладил систематическое изучение кружковцами произведений Маркса, Энгельса и Плеханова. «До приезда Владимира Ильича в Самару, — вспоминает Беляков, — страсть к первому тому «Капитала» была всеобщей, но не было ни одного кружка, который бы даже поверхностно его прорабатывал. Начинали храбро многие, но быстро остывали... После элементарной проработки вопросов марксизма в кружке Скляренко, особенно после комментариев Владимира Ильича, читать и понимать этот «страшный» «Капитал» К. Маркса стало легко, и «недостигаемый» Маркс стал своим, родным, близким и легко понимаемым. Никому из нас не думалось, что в конце концов, при хорошем руководстве занятиями, «Капитал» так прост, удобопонятен и так легко усваивается».

* Журфикс (франц.) — определенный день. В данном случае — вечера, встречи, устраиваемые представителями либеральной интеллигенции Самары с благотворительными целями.

Владимир Ильич хорошо знал не только экономическое, но и философское учение основоположников научного коммунизма. Однажды участники кружка обсуждали доклад В. А. Бухгольца на тему «Основы этического учения о благах» *. Содержание доклада было крайне абстрактным, представляющим собой мешанину из идеализма и метафизики. Многие «заумные истины» докладчика так и не дошли до сознания слушателей. Однако Владимир Ильич не только хорошо понял Бухгольца, но и подверг его сочинение серьезному критическому разбору. Всякие «основы этического учения о благах», утверждал он, занимают весьма скромное место в учении о революции. Что же касается идеалистической философии, то она служит прикрытием пессимизма ницше и шопенгауэров. «Для революционеров, — говорил он, — пригодна единственная жизнерадостная философия Маркса и Энгельса, философия классовой борьбы, ведущей к победе. Вместо заоблачных, недосягаемых, туманных теорий и мечтаний, непонятных истинным созидателям доподлинных реальных благ рабочим, философия Маркса и Энгельса захватывает своей простотой, доступной самому неискушенному уму, ибо обучает говорить убедительным языком фактов».

Но Владимир Ильич не ограничивался узкой, внутрикружковой пропагандой марксизма. С его приездом в Самару борьба против народников стала приобретать широкие наступательные формы. Наряду с усилением критики либерально-народнической литературы он все чаще вступал в открытые дискуссии с проповедниками народничества. Воспоминания современников донесли до нас ценнейшие сведения о встречах-дискуссиях молодого Ленина с такими «могиканами» народнического социализма, как М. В. Сабунаев, А. П. Россиневич, Н. К. Михайловский и другие.

М. В. Сабунаев, тайно объезжавший города Поволжья с целью восстановления из разрозненных кружков партии «Народная воля», в декабре 1889 года прибыл в Самару. Он остановился у А. П. Скляренко, квартира которого служила ему явкой. На беседу с «гостем из центра» собралось до 15 человек, среди приглашенных был и Владимир Ильич. На собрании Сабунаев, как отмечают очевидцы, изложил проект программы обновленной партии «Народная воля», которая представляла собой смесь элементов утопического и научного социализма. Вновь организуемую партию он считал временной, переходной, объединяющей в своих рядах народовольцев, народников, социал-демократов, и прочие оппозиционные группы в единое целое для борьбы с царским правительством.

Попытка Сабунаева «доказать» необходимость образования такой неопределенной партии показалась молодому Ленину довольно сомнительной и легковесной. «Владимир Ильич, — свидетельствует Беляков, — вспыхнул как порох, глаза его загорелись особенно ярко той иронической усмешкой, какой они всегда загорались, когда оппонент Владимира Ильича говорил очень большую глупость.

— Неужели же народовольцы не могут понять, что объединение

---

* Вильгельм Альфредович Бухгольц — немецкий подданный, после исключения из университета временно проживал в Самаре. В 1891 году выехал в Германию; в 1895 году встретился с В. И. Лениным за границей; позднее вступил в связь с «Союзом русских социал-демократов».

разнообразных революционных групп, фракций — большая фальшь, нелепость? — спросил Владимир Ильич и начал отчитывать Сабунаева ярко, почти резко и необычайно ясно. — Ведь характерно, что предложения об «объединении в Союз» поступают не от групп со вполне определенными программами и обращаются не к группам, близким к ним по своему пониманию «современной действительности». Предложения исходят от людей, которые от старого отстали, а к новому, вполне определенному, не пристали. Прежняя теория, которой придерживались борцы с деспотизмом, очевидно, пошатнулась и расстроила необходимую для борьбы организованность. И вот с перепугу «объединители» думают, что легко создать новую теорию, если выбросить определенность, обоснованность программы и все свести только к требованию политической свободы, к борьбе с деспотизмом, отбрасывая и обходя все остальные социальные вопросы. Это ребяческое заблуждение, и оно выяснится при первой же попытке совместной практической работы».

Несостоятельность позиции народовольца Сабунаева Владимир Ильич видел в отсутствии ясности целей и методов революционной борьбы. Он требовал определенного ответа на следующие жизненно важные вопросы: во-первых, признают ли новые народовольцы путь развития России к социализму — через капитализм; во-вторых, ставят ли они своей задачей идейное руководство борьбой рабочего класса, достижение его целей; в-третьих, возможно ли примирить непримиримые интересы буржуазии и пролетариата? Позднее на все эти вопросы дал исчерпывающий ответ сам Ленин.

Выступление молодого Ленина на встрече с Сабунаевым явилось полной неожиданностью для сторонников народнических взглядов. Оно не только привело в замешательство «гостя из центра», но и всколыхнуло умы кружковцев. Речь Владимира Ильича, по определению Белякова, обогатила членов кружка «бездной новых вопросов».

Из Самары Сабунаев уехал, не добившись желаемого результата. Однако визиты влиятельных народников с целью отвлечения молодежи от «модной болезни» — марксизма не прекратились. В марте 1891 года в гости к местным народникам (Ливанов, Португалов, Долгов, Савицкий) прибыл известный в Поволжье народнический агитатор А. П. Россиневич, выступивший с докладом о «самобытном пути» России к социализму. Докладчик отстаивал старый народнический взгляд на сельскую общину и кустарные промыслы как разновидность «народного производства», не приводя каких-либо новых доводов. Доклад Россиневича оказался настолько слабым, что не мог удовлетворить даже сторонников либерального народничества.

Владимир Ильич незамедлительно воспользовался теоретической беспомощностью Россиневича. Опираясь на конкретные статистико-экономические данные, он подверг пустопорожние рассуждения «приезжей знаменитости» уничтожающей критике. В его выступлении было убедительно показано, что хваленная народниками «однородная» крестьянская община находится во власти товарно-денежных отношений и распадается на различные социальные группы населения. «Особенно сильно были поражены Россиневич и другие народники утверждением Владимира Ильича, что «капиталист растет из кустаря», что кустарное производство, почитаемое народниками за особливое «народное производство», не

больше как первый шаг на пути развития капитализма. Цифрами из работ народников и земских статистических сборников Владимир Ильич доказал порабощение кустарей кулаками, а главное, выяснил, что кустарные промыслы не что иное, как «домашняя система крупной промышленности».

А. П. Россиневич, как и М. В. Сабунаев, покинул Самару «не солоно хлебавши». Явный провал своего визита он объяснил неподготовленностью собрания и «недооценкой противника» местными народниками.

Ближайшим результатом этой встречи явилось усиление внимания прогрессивной интеллигенции Самары к марксизму. Очевидцы рассказывают, что сразу же после отъезда Россиневича началась настоящая погоня самарцев за первым томом «Капитала». Большим спросом пользовались «Наши разногласия» и другие произведения Г. В. Плеханова. Это означало, что теория научного социализма поколебала устои народнической идеологии и стала быстро распространяться в местной революционной среде.

Борьба с либеральным народничеством в Самаре велась не только на почве теории, но и на почве практики. Существенным практическим мероприятием, вызвавшим разногласия между народниками и марксистами, явилась кампания помощи голодающим. В 1891 году голодало около 40 миллионов крестьян, особенно сильно в Поволжье. В Саратовской и Самарской губерниях свирепствовали эпидемии тифа и холеры. Вымирали целые деревни. Голодные люди покидали родные места, ища спасения в городах и рабочих поселках. Страшное народное бедствие потрясло демократическую общественность, вызвало новую волну студенческих «беспорядков» и стачечного движения рабочих.

Народническая интеллигенция Самары принимала самое близкое участие в различных обществах по оказанию помощи голодающему крестьянству. Многие народники, группировавшиеся вокруг В. В. Водовозова, входили в так называемый комитет по оказанию помощи голодающим, где совместно с либералами и правительственными чиновниками распределяли скудные запасы продовольствия среди незначительной части населения и произносили успокоительные речи.

С самого начала этой благотворительной кампании Владимир Ильич занял особую позицию. Активно выступая за оказание реальной помощи голодающим, он вместе с тем отрицательно относился к официально-пропагандистской стороне в деятельности комитета, считал ее одним из средств, затушевывающих растущие противоречия в жизни общества и проповедующих «теорию» гармонии классовых интересов. Характерно, что точка зрения молодого Ленина на отношение социал-демократов к голоду 1891 года полностью совпадала со взглядами Г. В. Плеханова. В противовес буржуазно-либеральной и монархической пропаганде, пытавшейся объяснить причины голода только «неблагоприятными климатическими условиями», Плеханов акцентировал внимание на социальных факторах: главную причину часто повторяющихся голодовок в России он видел в отжившей свой век системе помещичьего землевладения и реакционной политике царского самодержавия, приведших к «всероссийскому бедствию». Задачи социалистов в борьбе с голодом сводились, по мнению Плеханова, к объединению всех оппозиционных сил для свержения царизма и завоевания демократических свобод.

Сведения о действительном состоянии крестьянского хозяйства Владимир Ильич черпал не только из официальных отчетов и статистических сборников. При помощи родных и близких он заводил личные знакомства с крестьянами окрестных деревень, беседовал с ними о житье-бытье. Живя в Алакаевке, Владимир Ильич часто бывал у владельца хуторка Шарнеля А. А. Преображенского и подолгу разговаривал с ним о крестьянских судьбах; он познакомился с «крепким крестьянином» П. Т. Елизаровым (братом Марка Тимофеевича), с его взглядами и «практической смекалкой»; в селе Царевщина, недалеко от Самары, встречался с Василием Князевым и другими крестьянами-старообрядцами.

Не будет преувеличением сказать, что к марксизму Владимир Ильич шел не только от книги, но и от жизни. Изучению положения крестьянства он придавал особое значение, жертвуя ради этого даже отдыхом. Во время одной из «жигулевских кругосветок» * Владимир Ильич разговаривал с сельским торговцем Нечаевым о том, как ослабить рост деревенской бедноты. Собеседник был очень словоохотлив и «рубил сплеча».

— Ну, как ты ее ослабишь? Ведь вот зелье-то есть, и слабость нашу к нему никуда не денешь, а окромя того, пожары, недород, болезни — все одно к одному. Сегодня пропил узду, а завтра лошадь пропьешь, а там недород вывернулся — вот и вся недолга. Бедняк в нищие пошел, а средственный на его место, а у кого есть капитал и голова — землицу приберет к своим рукам, да его же, каналью, за хлеб и воду заставит работать. Не плошай, стало быть. Так оно своим чередом и катится. Часть деревни беднеет, другая богатеет; одни потянут на фабрику и в батраки, а другие вроде как бы в помещики. Бедность не ослабишь. Говорят, что она от господа, а по-моему, от человеческой глупости и от жизни...

— Ну а если артели образовать? Артелью, говорят, можно бедность побороть? — спрашивал Владимир Ильич.

Нечаев раскатисто рассмеялся:

— Ха-ха-ха, артель, тоже скажут! У нас артель хороша, чтобы пяток-другой «монахов» раздавить. Вот это дело идет дружно, да и то чаще мордобоем кончается. А для работы артель — дело неподходящее. Больше будут друг за другом выслеживать, чем работать.

— Ну а община разве не может беде помочь? — не унимался Владимир Ильич...

— Ну, община-то повыше. Эта уже не «монахами» лакает, а ведрами. Для этого дела, для выпивки, лучше общины ничего не придумаешь. Ну а касательно работы — она ни к чему, без последствиев.

Община, стало быть общество, вот опять для недоимок хороша, для сбора, значит, для всех повинностей, а для серьезной работы, для хозяйства она ни к чему, не помогает, так-то, милый мой, — закончил Нечаев и ласково похлопал Владимира Ильича по коленке...

«Для меня было ясно, — пишет далее А. А. Беляков, наблюдавший эту беседу Ленина с Нечаевым, — что тот кусочек неприкрашенной жизни, с которым мы только что столкнулись, очень зани-

* «Жигулевская кругосветка» — поездка на лодке вниз по течению Волги и ее небольшому притоку — реке Усе и снова по Волге. За несколько дней путешественники совершали замкнутый круг и возвращались обратно к месту отправления.

мал Владимира Ильича, который о чем-то сосредоточенно думал. Мы выбрались снова на стрежень, и Волга опять подхватила нас и понесла к нашей цели. Владимир Ильич нарушил созерцательное настроение, прервал молчание:

— Ведь вот этот старик Нечаев, не ученый-экономист, а как хорошо умеет проникать в самую суть вещей. Вот у кого не мешало бы Михайловским научиться понимать и неизбежный процесс дифференциации деревни и подлинное место артелей и общины в жизни деревни, и тогда они, пожалуй бы, перестали болтать о самобытных путях развития России и о социализме мужика».

Смело и решительно критикуя утопические взгляды и ошибочную тактику народников, Владимир Ильич не зачеркивал их революционного прошлого. Напротив, он с уважением относился к проживавшим в Самаре ветеранам народнического движения 70-х годов (Н. С. Долгов, А. И. Ливанов и др.), глубоко интересовался боевым опытом их революционной деятельности, пользовался их советами и услугами. Так, на квартирах Долгова и Ливанова, служивших явкой для революционеров, Владимир Ильич неоднократно встречался с интересующими его людьми, вел диспуты со своими оппонентами на злободневные темы. Через Долгова, в частности, он познакомился с И. Х. Лалаянцем и М. П. Ясневой (Голубевой), ставшими его верными соратниками по совместной борьбе.

Интересна судьба Марии Петровны Ясневой. Высланная из Орла в Самару за принадлежность к группе П. Г. Зачневского, последователя Бланки, она не изменила своим взглядам и стала устанавливать связи с местными революционерами. Будучи убежденной бланкисткой, Яснева первое время намеревалась «обратить в свою веру» и Владимира Ильича. Однако вскоре сама подпала под его влияние. «Часто и много мы с ним толковали о «захвате власти», — вспоминала она о годах самарской жизни, — ведь это была излюбленная тема у нас, якобинцев. Насколько я помню, Владимир Ильич не оспаривал ни возможности, ни желательности захвата власти, он только никак не мог понять — на какой такой «народ» мы думаем опираться, и начинал пространно разъяснять, что народ состоит из классов с различными интересами и т. п.».

Под влиянием Владимира Ильича Яснева постепенно пришла к убеждению в неправильности всех оттенков народничества, в том числе и якобинско-бланкистского. С середины 90-х годов она становится социал-демократкой, а потом вступает в ряды большевистской партии.

Владимир Ильич обладал громадной силой убеждения. Он умел не только наносить меткие удары по идейным противникам социал-демократии, но и завоевывать их на свою сторону. Все это ускорило идейное размежевание среди революционной молодежи. Активные участники самарского подполья порывали с народничеством и переходили на позиции научного социализма.

III. ВО ГЛАВЕ МАРКСИСТСКОГО КРУЖКА

1892 год был переломным в развитии революционного движения в Самаре. Он ознаменовался полным расколом кружка Скляренко на две противоположные части. Меньшинство его членов

(трое из восьми) продолжало упорствовать в отстаивании своих прежних либерально-народнических взглядов и выступать против нового, социал-демократического направления в развитии общественной мысли. Зато большинство членов кружка вместе с его руководителем окончательно убедились в преимуществах марксизма над обветшалыми догмами народничества и прочно шли за В. И. Ульяновым.

После раскола на стороне Владимира Ильича оказались А. П. Скляренко, А. А. Беляков, М. И. Семенова, И. А. Кузнецов и М. И. Лебедева. Так возник первый марксистский кружок в Самаре во главе с В. И. Ульяновым. Позднее в него вступили В. И. Ионов, И. Х. Лалаянц, С. М. Моршанская и А. М. Лукашевич. Все члены этого кружка были активными помощниками молодого Ленина в самарский период его деятельности и до конца своей жизни оставались верными марксистами-ленинцами.

Образование В. И. Ульяновым марксистского кружка в Самаре явилось важнейшим событием в истории «утробного» периода российской социал-демократии. В нем не только получили воплощение лучшие традиции федосеевских кружков, но и сама пропаганда марксизма в Поволжье стала более живой и действенной. Не случайно, что появление этого кружка Владимир Ильич считает началом своей марксистской деятельности. На вопрос анкеты делегата X съезда партии об участии в революционном движении до 1917 года он ответил: «1892—1893. Самара. Нелегальные кружки с.-д...».

Все участники самарского социал-демократического подполья единодушно отмечают дружественную атмосферу, царившую в кружке В. И. Ульянова. Тон товарищескому содружеству его членов задавал сам руководитель. «Если нужно было кому-либо помочь тем или иным знанием в области марксистской теории, — вспоминает М. И. Семенов, — или убедить заблуждающегося товарища в правильности того или иного положения этой теории, или же доказать ошибочность рассуждений того или иного автора, — Владимир Ильич не щадил никаких трудов. Он готов был разыскать нужную книгу, даже сделать необходимые выборки, а иногда и написать статью, чтобы осветить соответствующий вопрос самым обстоятельным образом. Отсюда и его многочисленные доклады на кружке по самым разнообразным вопросам марксистской теории, истории и экономики. Агитатор, пропагандист и чуткий, отзывчивый товарищ сочетались в нем в высокой степени полно и совершенно».

В Самаре, как свидетельствуют очевидцы, Владимир Ильич перевел немецкий текст «Манифеста Коммунистической партии» на русский язык. С ленинским переводом «Манифеста» знакомились участники самарских кружков, а затем он был переправлен в Сызрань. «Здесь, — пишет А. И. Ерамасов, — я отдал тетрадь знакомому учителю, который считался у начальства неблагонадежным. По какому-то делу учителя вызвали в Симбирск к директору народных училищ. Мать учителя испугалась, что нагрянут с обыском, и уничтожила тетрадь. Такова судьба этого перевода Ильича».

Значительным событием в жизни либеральной и радикальной интеллигенции Самары того времени явился приезд Н. К. Михайловского. Он был еще не развенчанным кумиром революционной молодежи, маститым философом и публицистом. Встреча самарских народников и марксистов (участников ульяновского кружка) с Ми-

хайловским состоялась на даче Водовозовых в мае 1892 года. Собравшимся на веранде дачи, вспоминает Беляков, было очень тесно, не хватало стульев, и многим пришлось сидеть на перилах и ступеньках.

К главному виновнику встречи Н. К. Михайловскому, выступившему с докладом о путях народников к социализму в России, большинство присутствующих относилось с благоговением. Каждое слово своего кумира сторонники «русской самобытности» воспринимали как истину в последней инстанции и в заключение наградили его громкими аплодисментами.

О чем же поведал Н. К. Михайловский своим самарским друзьям-единоверцам? В своей речи он красочно расписал «чудодейственные свойства» русской общины как исходного пункта социализма, эффектно подчеркнул «преимущества» России перед Западом. «В противовес гнилому Западу земельная община при известных условиях может помочь русскому народу миновать стадию буржуазного развития», — доказывал Михайловский.

Далее Михайловский повторил свой тезис о выдающейся роли «критически мыслящей личности», которая якобы способна повернуть ход истории в нужном направлении и повести за собой народную «толпу».

Говоря о социалистическом преобразовании России через общину и артель, Михайловский не преминул сослаться на Маркса, не отрицавшего в принципе выдвинутого Герценом и Чернышевским самобытного, то есть некапиталистического пути развития России. При этом он замалчивал, что Маркс вовсе не исключал для России и капиталистического пути.

После Н. К. Михайловского слово было предоставлено Владимиру Ильичу. Народническая часть собрания рассчитывала, что молодой оппонент не сможет противостоять столь опытному оратору и будет вынужден ретироваться. Однако ожидания народников не оправдались.

«Владимир Ильич начал очень тонко, деликатно, но весьма ядовито. Он указал, что охотно верит, что Николай Константинович марксист, но об этом вопросе говорить сегодня нет нужды. Об общине же мы очень давно и немало знаем от Чернышевского, из его «Критики философских предубеждений против общинного владения».

Не будем отрицать, что если есть община и артель как основные элементы социализма, то, несомненно, можно очень легко и просто перейти к социалистическому строю.

Михайловский многозначительно переглянулся с Водовозовым и Португаловым, как бы говоря: я так и ждал, что ваш старший «марксенок» сразу со мной согласится и будет посрамлен.

— К сожалению, — продолжал Владимир Ильич, — Чернышевский это говорил около тридцати лет тому назад, а жизнь, как это известно и Николаю Константиновичу, не стоит на месте, а непрестанно движется: жизнь не философский процесс, стройный и логически построенный. Экономическая жизнь многолика, многогранна и бесконечно разнообразна, и самых красивых слов недостаточно, чтобы выяснить положение общины».

Владимир Ульянов призывал народников вести спор о путях России к социализму конкретно, на основе анализа реальных фактов. А эти факты говорили о том, что в деревне завершается процесс разложения общины, повсеместно возникают новые про-

изводственные отношения, и отныне гарантия успеха социалистического движения — классовые интересы пролетариата, организованного для революционной борьбы против угнетателей.

Речь Владимира Ильича на диспуте с Михайловским была обстоятельной и принципиальной. Это признавали даже сами народники. Выступивший в заключительной части встречи сторонник Михайловского — В. О. Португалов согласился с Ульяновым относительно того, что в основе предмета спора должны лежать конкретные научные исследования, а В. В. Водовозов отмечал «увесистость» и «конкретность» критики Ильича.

Сам Михайловский высказал беспокойство за дальнейшую судьбу своих единомышленников. На следующий день после встречи он говорил Н. В. Водовозову:

«Ульянов, бесспорно, очень способный человек, сильный оппонент. Ясность мысли, сила логики и вооруженность цифрами выдвигают его как очень опасного для народничества марксиста. А эта простота изложения, чеканная отчетливость мысли в будущем могут выработать из него очень крупного пропагандиста и писателя. В общем, личность незаурядная, и народничеству с ним не раз придется встретиться».

С осени 1892 года Владимир Ильич вплотную засел за изучение всевозможной экономической, философской и исторической литературы. Многие десятки толстых фолиантов были проштудированы им за оставшийся отрезок самарской жизни. Творческая лаборатория молодого Ленина поражает целенаправленностью и остротой исследовательской мысли. Просматривая многочисленные «ученые труды» экономистов, Владимир Ильич делал немало выписок, иногда оставлял пометки и лаконичные замечания на полях прочитанного. Одно из таких замечаний сохранилось на полях статьи профессора-народника В. В. Карышева, опубликованной в журнале «Русское богатство». Автор статьи предлагал целый ряд экономических мер (дешевый кредит, страхование неурожаев, снабжение сельского населения орудиями производства, семенами, скотом), направленных, по его мнению, на предотвращение растущего разорения деревни и укрепление крестьянских хозяйств. Против этого места статьи Владимир Ильич написал: **«Сиречь, расширять и упрачивать товарное хозяйство, и в то же время устранить экспроприацию крестьянства, порождаемую этим товарным хозяйством. О хитроумный г. Карышев!»**

Эта ирония молодого Ленина вполне понятна и уместна: он высмеивает элементарную неспособность теоретиков либерального народничества выяснить природу товарного производства как базы капитализма и первой стадии его развития.

В самарский период Владимир Ильич написал несколько рефератов на труды народников-экономистов и организовал их обсуждение в подпольных кружках. По утверждению кружковцев, им были известны ленинские рефераты на следующие книги: В. П. Воронцова «Судьбы капитализма в России», Н. Ф. Даниельсона «Очерки нашего пореформенного общественного хозяйства», а также на произведения Н. К. Михайловского, С. Н. Южакова и С. Н. Кривенко. Работа Владимира Ильича над рефератами, в которых критически анализировались антинаучные взгляды идеологов либерального народничества, способствовала творческому восприятию теории марксизма, соединению ее с революционной практикой. Самарские рефераты Ленина послужили материалом для

ряда выдающихся теоретических трудов, в том числе знаменитой книги «Что такое «друзья народа» и как они воюют против социал-демократов?».

Среди первых научных работ, написанных Владимиром Ильичем в Самаре, особый интерес представляет его реферат на книгу В. Е. Постникова «Южно-русское крестьянское хозяйство». После обсуждения на кружке этот реферат был переработан им в статью под названием «Новые хозяйственные движения в крестьянской жизни» — самое раннее из дошедших до нас ленинских литературных произведений.

Суммируя и обобщая громадный фактический материал, содержавшийся в книге Постникова, он дал четкий классовый анализ социально-экономических процессов, происходивших в деревне, разоблачил народнический миф об «устойчивости» общинного землепользования перед капитализмом, показал распад сельской общины и рост буржуазных отношений в крестьянской среде.

Влияние Владимира Ильича как талантливого теоретика, пропагандиста и организатора самарских социал-демократов быстро возрастало. А вместе с тем активизировалась и деятельность ульяновского кружка. В 1893 году он пополнился новыми членами, расширились его связи с революционной молодежью. Помимо центрального марксистского кружка, которым руководил молодой Ленин, в Самаре возникли еще два: один на мельнице, другой в депо железнодорожных мастерских.

Идейным руководителем кружка «Мельница» стал В. А. Ионов. В него входили ученицы фельдшерской школы, некоторые рабочие, интеллигенты. Ионов снабжал участников кружка марксистской литературой, проводил с ними беседы. Позднее в кружке была создана нелегальная библиотека.

Владимир Ильич стремился вовлечь в социал-демократическое движение передовых рабочих. По инициативе Владимира Ильича И. А. Кузнецов наладил связи в железнодорожных мастерских и организовал там рабочий кружок. В него вошли слесари, токари, инструментальщики. Рядовыми участниками рабочего кружка явились слесари Павел Рябов и Тимофей Метелкин, токарь Вавила Куркин, инструментальщик Петр Волнухин и другие.

Кружок рабочих-железнодорожников был достаточно хорошо подготовленным. Его члены живо интересовались спорами между народниками и марксистами по вопросу о крестьянской общине и судьбах русской революции. На одно из занятий кружка был приглашен Владимир Ильич, выступивший с докладом на эту тему. Докладчик, по воспоминаниям Белякова, с необычайной простотой доказал, что земельная община — это сила, тормозящая развитие хозяйства, что расслоение крестьянства и распад его на группы по экономической зажиточности предрешают гибель общины, ее уничтожение. «В заключение, — пишет Беляков, — Владимир Ильич нарисовал очень яркую картину, свидетельствующую, что только пролетариат может свершить революцию, может встать во главе общественного движения и увлечь за собой крестьянство, и закончил словами Плеханова: «Революционное движение в России может восторжествовать только как революционное движение рабочих».

Добрые вести о самарских марксистах-ульяновцах проникали далеко за пределы города. На диспутах Владимира Ульянова с теоретиками и пропагандистами народничества неоднократно присут-

ствовали участники революционного подполья Саратова (Россов, Аргутинский и другие). В непосредственной связи с ленинским кружком находился А. И. Ерамасов, проживавший в Сызрани. С начала 1893 года в Самаре поселяются бывшие студенты из Казани — И. Х. Лалаянц, В. Е. Андреев, И. А. Керчикер.

Активная деятельность самарского марксистского кружка во главе с Владимиром Ильичем привлекла внимание участников революционного и социал-демократического движения ряда городов Поволжья. О переезде в Самару мечтал и Н. Е. Федосеев. Однако царские власти помешали ему осуществить намеченное. В сентябре 1892 года он был вновь заключен в тюрьму, а затем отправлен в ссылку.

Незадолго до этого в Самару для связи Н. Е. Федосеева с В. И. Ульяновым приехала М. Г. Копфенгауз *. Она привезла рукопись книги Николая Евграфовича о причинах падения крепостного права в России. Рукопись Федосеева была внимательно просмотрена Владимиром Ильичем и охарактеризована им как «первая серьезная попытка решить поставленную проблему с марксистской точки зрения».

В своем капитальном труде Н. Е. Федосеев, как свидетельствуют современники, использовал богатый фактический и литературный материал; он убедительно показал, что реформа 1861 года вызвана не «либеральными настроениями верхов», а серьезными экономическими причинами. «...Федосеев доказывал, что наиболее крупные помещики, в частности прибалтийские, с хозяйством более высокого типа (по интенсификации и рационализации), сплошь были за «освобождение», т. е. за новую, более выгодную для них капиталистическую форму порабощения».

Владимир Ильич энергично поддержал эту основополагающую идею федосеевской рукописи. Уже тогда он подчеркивал буржуазную подоплеку отмены крепостного права в России. Поэтому и его замечания на рукопись исходили из положения, что реформа 1861 года — «продукт товарного хозяйства и что весь ее смысл и значение состояли в том, чтобы разрушены были и те путы, которые сдерживали и стесняли развитие этого строя».

Достоверно известно, что замечания, сделанные Владимиром Ильичем на полях рукописи Федосеева, были направлены автору через М. Г. Копфенгауз. При ее помощи наладилась переписка между Владимиром Ильичем и Николаем Евграфовичем. Так, в одном из писем, адресованных П. П. Маслову, Ленин спрашивал: «Сообщите, у Вас ли статья о Постникове. Если у Вас, пошлите ее поскорее Н. Е. с просьбой отправить мне тотчас по прочтении: мне она нужна». В другом документе Владимир Ильич отмечал, что его переписка с Федосеевым «касалась возникших тогда вопросов марксистского или с.-д. мировоззрения».

К сожалению, эта ценнейшая переписка двух выдающихся пионеров русской революционной социал-демократии не сохранилась.

---

* Копфенгауз Мария Германовна — близкий друг и помощник Н. Е. Федосеева в его нелегкой жизненной судьбе. Как «невеста» она по поручению революционной организации посещала Федосеева в петербургской тюрьме и устанавливала связь «политического заключенного с волей». С тех пор началась дружба двух самоотверженных революционеров. Жизнь М. Г. окончилась трагически: узнав о гибели Федосеева в сибирской ссылке, она застрелилась.

При аресте Н. Е. Федосеева она была захвачена жандармами и, вероятно, уничтожена.

Одним из итогов революционной деятельности Владимира Ильича в Самаре явился переход лучшей части честной, прогрессивной молодежи на позиции марксизма. Под его влиянием от народничества к марксизму эволюционировали М. П. Яснева-Голубева, А. И. Ерамасов, М. Т. Елизаров, А. А. Преображенский и другие. Все они преданно служили делу революции, честно трудились на своих постах как в период подполья, так и после победы Октября.

В Самаре Владимир Ильич вырос в активного политического деятеля русской революционной социал-демократии, выдержавшего не одну идейную схватку с представителями либерального народничества. «Годы жизни в Самаре и еще ранее год в Казани, — писала А. И. Ульянова-Елизарова, — являлись лишь подготовительными для его работы, разлившейся затем так широко ...в это время складывалась и оформилась окончательно его революционная физиономия».

После отъезда Владимира Ильича из Самары марксистский кружок возглавил А. П. Скляренко. Все кружковцы прочно стояли на завоеванных позициях и вели активную пропаганду марксизма среди учащихся, интеллигенции и передовых рабочих. Они попрежнему собирались для обсуждения теоретических вопросов, размножали на гектографе листовки и прокламации. Так продолжалось до марта 1894 года, когда кружок разгромила полиция.

Однако семена марксизма, посеянные молодым Лениным в революционном подполье Самары, дали богатые всходы. Первые самарские марксисты-ленинцы разнесли эти семена по другим городам страны; их деятельность оставила свой заметный след в истории зарождения и развития социал-демократического движения в России.

Самарский период явился завершающей ступенью в процессе утверждения молодого Ленина на позициях марксизма. Эти годы можно сравнить с полным курсом революционного университета, идейно закалившего Владимира Ильича и вооружившего его научной теорией общественного развития. В Самаре же он приобрел и первые навыки подпольной работы.

Из Самары в Петербург В. И. Ленин выехал вполне сложившимся учеником и последователем Маркса, способным возглавить героическую борьбу рабочего класса за социальное освобождение трудящихся. Здесь, в центре рабочего движения России, развернулась его громадная теоретическая и практическая деятельность, увенчавшаяся созданием «Союза борьбы» — подлинного зачатка пролетарской партии.

●

СТИХИ МОЛОДЫХ

Наталья ВАРЕНИК

ЛЕНИН

Все раскатистей гулы времени,
Круче замыслов перевал...
И задумчивый профиль Ленина
Обтекает девятый вал.

Отживая,
Системы рушатся...
Люди тянутся все постичь.
Беспокойных морщинок кружевце
Собирает у глаз Ильич.

Он в глаза наши смотрит
пристально —
Он по ним
Сквозь десятки лет
Проверяет свою же истину,
Держит с каждым из нас совет...

г. Белая Церковь

Сергей АЛЕКСАНДРОВ

* * *

Река Урал сурова и красива...
И знаю я — она, как медсестра,

Чапаева из боя выносила
На проблески далекого костра.
Бил пулемет, от злости закипая,
Доканчивая смертную строку.
Какая пуля ранила Чапая?
Какая пуля ранила реку?
Их кровь смешалась,
Их судьба едина,
И время этих не залечит ран...
Течет река, и под конем начдива
Натянутый дрожит киноэкран.
И каждый раз, когда белогвардейцы
Преследуют Чапая по пятам,
То им навстречу, по веленью сердца,
Встают мальчишки в зале по рядам.
Не только свет искусства окрыляет
Их в этот миг, — забыв число и год,
Они встают, собою закрывая
Стреляющий в Чапая пулемет!

г. Одесса

Нелли СУББОТИНА

ТАЕЖНЫЙ ДОМИК

Таежный домик. Тихий час.
«Буржуйка» ржавая у входа...
Ее тепло согреет нас,
Уставших за день от похода.
Шумит над нами древний лес,
Колотит в крышу дождик глухо.
И кажется, нет больше мест,
Где было б так тепло и сухо,
Где было б так уютно мне.
В душе ни боли, ни сомнений.
Трещит жаркое на огне,
Сапожки сохнут на полене,
Валит парок от мокрых брюк,
И смотрит идолом чумазым
Из печки обгорелый сук
Своим огромным красным глазом.
Грибной дурман сковорода
На всю округу расточает.

И чай! Пожалуй, никогда
Я не пила такого чая.
Былое в дальней стороне,
Как жухлый лист в траве, осталось...
И никогда так щедро мне
Лицо судьбы не улыбалось.

г. Саки, Крымская обл.

Асан ДЖАКШЫЛЫКОВ

УКРАИНСКИЙ ЛЕС

Какая здесь зеленая земля,
Как чутко здесь душистый веет ветер,
Под пенье птиц кружатся тополя.
Ну есть ли радость бóльшая на свете?
Когда-то здесь гвардейскому полку
Пройти случилось. Лишь врага разбили,
Лопаты взяли и по топольку
В израненную землю посадили.
И принялись те саженцы. И вот
Листвой играют стройные деревья.
Шумит солдатский лес который год
Как символ жизни, мира и доверья.
И солнцем кроны светлые полны,
И смотришь ты с желаньем сокровенным:
Чтоб все, что в мир пришло после войны,
Осталось на века послевоенным.

г. Фрунзе

Перевел с киргизского
Игорь ЛЯПИН

Михаил АНИЩЕНКО

СТАРШИНА

Когда казарма засыпает
И в окнах плавится луна,
Я часто слышу, как шагает

Меж коек строгий старшина.
Гремят последние трамваи.
А он, усталый и седой,
Нам одеяла поправляет
И не торопится домой.
В его квартире неуютной
Есть тусклый снимок на стене.
Он говорил, что это Люда,
Она погибла на войне.
Она погибла и не знает,
Как старшина в тиши ночной
Нам одеяла поправляет
И не торопится домой.

г. Куйбышев

Михаил КИСЛОВ

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Кот мурлычет, и ходики тикают,
За окошком стоит тишина.
Я вернулся на родину тихую,
Что у каждого в мире одна.

Мать с утра громыхает ухватами,
Не удержит от радости слез...
Снилась часто мне в армии Хватовка —
То село, где родился и рос.

Батя курит цигарку погарскую,
Говорит, посмотрев на часы:
— Эх, хорош табачок!.. Благодарствую!
Но не этого надо бы, сын...

Я сижу за столом — не нарадуюсь
И гляжу со счастливым лицом,
Как племяш мою форму парадную
Примеряет, забыв обо всем...

г. Арзамас

Нина ЖОСУ

* * *

Пусть душа разбежится
по белому свету ручьями,
пусть раздарит себя,
пусть друзей заведет между вами.
Из души моей чéрпайте,
черпайте радость хмельную —
пусть к вам в сердце
нечаянный явится праздник,
пусть он в дом к вам придет
с добрым хлебом и с полною чашей;
возле дома пускай
прилетевшие ласточки вьются,
пусть поют вам над окнами
самые нежные песни
и на счастье, как принято думать,
под крышею делают гнезда.
Я богата, мне кажется,
я бесконечно богата —
если даже весь мир оделю я
своей беспокойной душою,
и тогда мне останется
клад мой желанный, весенний,
неизбывная радость —
поющая птица на ветке.
Ничего мне в уплату
не надо
за то, что возьмете, —
только пусть на лице вашем
крылья улыбка раскинет.
Из души моей черпайте,
черпайте!
Все, я знаю,
дарящей — во благо...
И богаче я стану
на песню, летящую к вам.

г. Кишинев

Перевела с молдавского
Н. ЗЕЛЕНСКАЯ

Вячеслав МАРЧЕНКО

СЕВЕРА́

Роман

7

В проливы вошли утром. Прокрапал мелкий дождик, кое-где называемый памерхой. Сизо-серые облака, скрутившись в валки, висели низко и казались недвижимы, и вдоль Большого Бельта дул ветер, рыхля воду. Справа берега чуть просматривались на горизонте, но скоро стали стремительно сходиться, оставив кораблям и пароходам протоку, равную примерно по ширине двум-трем рекам, таким, как Нева. С палубы крейсера берега были видны хорошо, и настолько они издали выглядели чистенькими и ухоженными, что невольно думалось, будто все это похоже на ту сусально-рождественскую правду, которую показывают в кино.

Паленов стоял возле своей башни, покуривал — курить в проливах разрешалось на всей верхней палубе и даже на надстройках, и все никак не мог отделаться от ощущения, что если он неосторожно ступит, то обязательно что-нибудь раздавит: или тот сиреневый опрятный домик под красной черепицей, или мельницу, или ту вон церковку, или кирку, — поди знай, какому тут молятся богу.

Поля, расчерченные на квадраты и прямоугольники, которые были обсажены по краям деревьями, напомнили Паленову старое бабушкино одеяло из лоскутиков, и эти лоскутики были разных цветов и оттенков. Он пытался определить, что же на них посеяно, и, кажется, узнал и делянки льна, и жита, и гороха, и ржи, но лен ли это был или жито, он не знал, да в общем-то и не в этом дело. Он чувствовал, как его властно потянуло на землю, к этому льну и житу, и он понял, что соскучился по земле, но не просто по земле, на которой что-то растет, а по горицкой земле, где на поповских концах испокон веку сеют льны и горох, а на Кривой бабе сажают картофель и сеют озимую рожь и где на Большой Лог гоняют в ночное лошадей, а на Мангазее пасут коров и овец.

На многих лоскутах махали крылами мельницы, их было так много и все они так равнодушно-лениво поднимали и опускали свои крылья, что Паленову уже показалось, будто на это цветистое лоскутное одеяло опустилась большая стая птиц, которые разбрелись на почтительное расстояние одна от другой, а теперь бы и рады собраться вместе, да одолели равнодушие и лень.

Окончание. Начало в № 2 и 3.

Не было тут ни больших сел, ни малых деревень, только среди деревьев стояли домики с хозяйственными постройками, кое-где паслись пятнистые коровы, там же, где домиков было два или три, возвышалось некое белое здание, и тут же поблизости устремлялась в небо колокольня.

Сзади кто-то подошел, но Паленов решил не оглядываться — мало ли ходило в этот час на палубе людей, тот же, кто подошел, спросил голосом Веригина:

— Что, земляк, взгрустнулось?

— Не то, чтобы взгрустнулось, — ответил Паленов, несколько отступая от борта и поворачиваясь к Веригину, — а только захотелось домой, в Горицы. Вот и нет-то там уже никого, а все верится, что там дом. Ведь должен же где-то у человека быть дом?

— Адмирал Макаров говорил: в море — дома, а на берегу — в гостях.

Паленов был тих и печален, и Веригин подумал, что любой человек, тот же Паленов, навсегда останется для него загадкой.

— А вон мельница крылами машет, — сказал Веригин, — а вон коровушки стоят, совсем как у нас.

— У нас, пожалуй, попросторнее, и поля, пожалуй, побольше.

— Тесно живут, — согласился Веригин. — У нас если поле, то это уж поле, а если дорога, так уж дорога, а тут все какое-то игрушечное, словно бы из детских кубиков.

Большой Бельт сужался, и берега подступали все ближе, виделись не только дома, мельницы, люди, коровы, машины, но и собаки и птицы, летящие низко над лугами, но оттого, что все укрупнялось и становилось определеннее и уже, скажем, нельзя было спутать мужчину с женщиной, впечатление игрушечной условности не проходило, и Паленов неожиданно даже для себя изумлялся, хотя и старался держаться бывалым человеком:

— Не понимаю, как можно жить среди этих игрушечных полей и прилизанных лесков, которые и на леса-то непохожи.

— Вы это о чем там, братцы, как голубки беседуете? — крикнул с надстройки от своей башни Самогорнов.

— А мы Европу обсуждаем, — весело отозвался Веригин. — Видишь, какая она чистая да прибранная.

Самогорнов легко перекинул свое тело на трап и в два

счета опустился на палубу, закурил, отрешенно улыбнулся:

— Люблю я, братцы, эту самую Европу. Не поход, а одно развлечение.

— Ты думаешь, весь поход так будет?

— Нет, братец, как минем сегодня проливы, так отцы-командиры, те, которые там на ходовом мостике и в боевой рубке, сыграют нам тревогу, и: «Прощайте, скалистые горы, на подвиг Отчизна зовет..,» Северá, братцы, Северá.

— Кому как, а мне что-то зябко от этих Северов, — сказал Веригин.

— Зябко или не зябко — это никого не волнует. Да и потом, что это такое — зябко? Начнем открывать новый театр — не то что зябко, жарко станет.

— Тут и вовсе никаких плаваний нет.

Паленов чуть отодвинулся, чтобы не мешать разговору старших, с интересом прислушиваясь к ним.

— Наше, братец, «тут» — Севера. О них наша печаль и забота.

— Смотри-ка ты...

— Я-то, братец, смотрю, да и ты смотри. Пройдем сегодня благословенный Большой Бельт, да Каттегат со Скагерраком, и предстанет перед нами океан.

— Даешь океан, — сказал Веригин.

Паленов пошевельнулся, не вступая в разговор, но этим немым жестом как бы сказал, что он тоже не лишний в этой беседе, а самый непосредственный собеседник, мысленно повторил за Веригиным: «Даешь».

Из-за надстройки спорыми шажками выкатился дядя Миша Крутов, принарядившийся в белый китель, на котором самоварным золотом блестели пуговицы, и, размахивая руками, словно бы загребая ими воздух, как тюлень ластами воду, молча прошел мимо, не кивнув им и даже не взглянув в их сторону.

— Михаил Михайлович, куда так спешите? — спросил Самогорнов.

— А... — нехотя сказал дядя Миша, не оборачиваясь, поднял руку и выразительно махнул ею. — Лучше гляньте, что делается по правому борту.

Веригин с Самогорновым молча переглянулись: «Что такое, братец?» — «Не знаю, братец», разом поправили фуражки и поспешили на правый борт. Паленов тоже поправил бескозырку, мельком еще раз взглянул на берег, усы-

панный мельницами, которые лениво взмахивали крылами, словно бы раздумывая, лететь ли им, или погодить, и после каждого взмаха опять задавались этим же бесконечным вопросом, и вслед за командирами бегом, мучимый любопытством, но соблюдая при этом некоторую дистанцию, тоже поспешил на правый борт.

8

Румянцев почти всю ночь провел на мостике и только незадолго до рассвета спустился в каюту, часок подремал в кресле, даже толком не поняв, спал ли он, или только сидел с закрытыми глазами. Потом принял душ, переоделся во все чистое и позвонил вестовому Кондратьеву, которого просил в эту ночь не уходить в кубрик. Кондратьев тотчас же появился, одетый во все хорошее и белое, со свежим лицом — видимо, не спал, — и, улыбаясь, замер у двери.

— Ну что ж, Кондратьев, матросы на самом деле говорили правду — теперь это факт, но откуда, по-твоему, они могли знать эту правду, когда я и сам-то не все знал.

— А матрос чутьем своим все знать должен.

— Это как?

— Вы знаете, потому что вам докладывают. Матросу же никто ничего не докладывает. Ему только приказывают, потому он должен чутье иметь.

Румянцев посмеялся, покрутил головой и снова посмеялся.

— Допустим, — сказал он добродушно, — что матрос думает своим чутьем, так вот что тебе подсказывает чутье, скажем, в этот час?

— Чутье подсказывает, что командир хочет кофе.

— Почему же кофе, а не чаю?

— Да потому, что вам перед тем, как подняться на мостик, надо взбодриться.

— А я, может, на мостик пока не пойду.

— Пойдете, — с убеждением сказал Кондратьев. — Скоро Большой Бельт.

— Скоро Большой Бельт, — машинально повторил Румянцев, — а там Каттегат да Скагеррак, Северное море, по сути — океан. Кондратьев, вы понимаете, что это такое?

— Так точно.

— А матросы?

— Понимают, товарищ командир.

— Ну и что это такое — океан?

Кондратьев переступил с ноги на ногу и, конфузясь, улыбнулся.

— Я это явственно сказать не могу, но понимаю так, что нас теперь голыми руками не возьмешь, раз мы осмелились выйти в океан.

— Правильно понимаете, Кондратьев. А засим несите кофе и все, что к нему полагается. Понятно?

— Так точно.

Напившись кофе, одевшись потеплее, Румянцев не торопясь внешним трапом, держась за влажные от тумана поручни, поднялся на крыло мостика, огляделся, хотя было еще темновато, и только после этого зашел в рубку. Старпом Пологов пошел было ему навстречу, но Румянцев нехотя махнул рукой, дескать, оставь ты свои церемонии, и отрывисто спросил:

— Что нового?

Пологов молча протянул бланк радиограммы, Румянцев быстро пробежал глазами — ничего существенного — и протянул его обратно Пологову.

— Что сосед? — спросил он после некоторой паузы, имея в виду крейсер, которым командовал Роминов.

— Следует в пределах заданной дистанции.

— Добро. Что адмирал?

— Только что звонил, справлялся, не поднялись ли вы на мостик.

— Добро. Можешь часок подремать у себя в каюте.

— Есть...

Они говорили скучными голосами, как будто то, о чем они говорили, было столь незначительно и неубедительно, что они делали это только для того, чтобы соблюсти приличия, в общем-то никому не нужные, на самом же деле за кажущейся скукой они скрывали тревогу, которую должны были бы рассматривать примерно так: допустим, сейчас все идет спокойно, а как-то будет дальше?

Идти проливами решено было крейсерским ходом, выдерживая дистанцию не более полутора-двух кабельтовых, чтобы в случае нужды корабли могли быстро прийти на помощь один другому.

Румянцев коротал время на ходовом мостике. Большой Бельт был почти безлюден. Встретилась грязная шаланда, которая, заметив на крейсерах советский военно-морской флаг, шарахнулась в сторону.

Ближе к семи на мостик поднялся адмирал, поежился, попав в утреннюю свежесть после теплой каюты, негромко спросил:

— Как обстановка, командир?

— Пока все спокойно.

— Добро.

Адмирал тоже просмотрел радиограммы, позевал в кулак.

— Видимо, еще не разнюхали... Разнюхают — налетят саранчой.

Залив становился уже, и суда разных мастей, классов и флагов пошли гуще, в Большом Бельте стало людно и оживленно, как на большой дороге. Встретился турок — судно под турецким флагом — обшарпанное, давно не крашенное, оно легонько сваливалось на левый борт, как будто припадая на левую ногу; у борта судна стоял кок в белом фартуке, в красной феске, с помойным ведром в руке, свободную руку он приложил к глазам, пытаясь рассмотреть флаг на гафеле головного крейсера, видимо, разглядел, бросил ведро, шлепнул себя ладонями по ляжкам и закричал кому-то. Тотчас же из рулевой рубки выкатился некто, тоже в феске, но уже без фартука, промчался к грот-мачте, недолго помельтешил там, видимо, крепил к фалам флаг и начал поднимать его, сперва доверху, потом приспустил его, салютуя военным судам, и на всякий случай приложил руку к феске.

Потом показались грек, француз, швед, снова грек, и, хотя суда шли под разными флагами, все повторялось как по единому сценарию: сперва рассматривали и узнавали, потом бежали к мачте поднимать флаг, чтобы было чем приветствовать, потом уж на палубу выкатывались зеваки — военные суда под советским флагом в Большом Бельте видели после войны впервые.

Наконец суда, видимо, оповестили по радио о появлении крейсеров в водах Большого Бельта, и они уже салютовали вовремя, и на палубах появились фотоаппараты. На половине пути от острова отделилась яхта под белыми парусами, пошла наперерез головному крейсеру и вдруг резко спустила паруса, как будто обнажилась, включила моторы и, не меняя курса, начала задирать нос, словно бы приподнимаясь на цыпочки.

— Прибавьте оборотов, — сквозь зубы процедил адмирал, — и прикажите соседу подойти вплотную, — он подумал и уточнил: — Дистанция — кабельтов.

Кабельтов немногим меньше двухсот метров, поэтому крейсерам практически не оставалось места для маневра, если бы потребовалось его совершить. Румянцев перешел на правый борт, поднял к глазам бинокль, но тотчас же опустил — и без бинокля хорошо было видно, что на яхте возле рубки, держась за нее рукой, стояла женщина в красном купальнике и заразительно смеялась, возле нее, по-борцовски расставив ноги, пристроился мужчина в меховой куртке и плавках и, держа на весу кинокамеру, строчил из нее по крейсерам, которые, почти сойдясь вплотную, лишали яхту возможности проплыть между ними. Тогда на яхте решили, видимо, срезать курс головному крейсеру и заставить его либо протаранить ее, либо свернуть с фарватера.

Румянцев, отдавший еще ранее приказание поднять флаги: «Повторяйте мой маневр», решил не сходить с курса и передал в машину, чтобы там прибавили оборотов, по сути, дал полный ход.

Корпус крейсера задрожал, из-под скул вырвались белые сугробы пены и, откатываясь от борта, с силой ударили по яхте, которая тотчас словно бы наткнулась на невидимую стену, рванулась в сторону и, потеряв момент, должна сама была либо сойти с курса, либо протаранить крейсер. Женщина там в купальнике от неожиданности присела, мужчина в меховой куртке выронил из рук аппарат, который, видимо, был на ремне, потому что не упал, а только ударил мужчину по бедру, и мужчина тоже присел и схватился за мачту.

На яхте заглушили двигатель, из ее белой нарядной рубки вышел некто в униформе, но простоволосый, медленно достал из кармана сигарету, закурил и, выпустив клубок дыма, который тотчас же ветер швырнул к воде, начал молча смотреть на крейсера.

— Чего они хотели? — спросил адмирал.

— Думаю, рассчитывали, что таранить мы их не станем и сойдем с фарватера. Шуму потом бы не обобрались.

— Да-да, — сказал адмирал.

— Да-а... — повторил за ним и Румянцев.

Следом за яхтой появился гидросамолет, потом над самой водой на бреющем полете пролетела стайка истребителей, и снова из-за облаков вынырнул гидросамолет, и стало ясно, что мирные датские берега, на которые владельцы земли набросили лоскутное одеяло, были не такие уж мирные.

Ближе к полудню берега Большого Бельта пошли в стороны, как будто кто-то невидимый начал раздвигать их, как ширму. Румянцев приподнял одной рукой фуражку, указательным пальцем другой неприметно вытирая со лба пот. Впереди открывались просторы Каттегата и Скагеррака, и сразу отстала яхта, и потерялись самолеты. Впрочем, дело свое они, видимо, сделали, и то, что могло лечь на пленку, то, вероятно, и легло.

Ближе к вечеру в сиреневой дымке проплыл шведский город Гетеборг, притаившийся в седловине горы, как в горсти брошенной на воду руки, суда стали попадаться реже — большая морская дорога уходила влево, огибая Европу, крейсера же начали уваливаться вправо, обходя Скандинавию.

Ночью послышались усталые вздохи Атлантики, зарядил мелкий скучный дождь, и над морем повис сумрак — не ночь, но еще и не рассвет.

Ветер все время менялся: сперва дул с запада, потом подул с востока, со стороны Баренцева моря, и сделалось совсем холодно. Верхней вахте разрешили надеть сапоги и полушубки.

Утро пришло серое, словно бы невыспавшееся, ветер катил черные гривастые волны, которые были мрачные и тяжелые. Они так ударяли в борт, что он, бедный, даже поскрипывал. Команде приказали переодеться в рабочее платье, а брюки, суконки и форменки сложить в морские чемоданы и составить их в рундуки. Праздничная часть похода закончилась...

На третьи сутки среди ночи, хотя было светло как днем, на горизонте замаячили дымы: один и другой, в небо полетела условная ракета, и следом за нею из-за дымов быстро-быстро заморгал прожектор — это навстречу крейсерам вышли североморские эсминцы. До конца похода оставалось еще больше суток перехода, но идти стало веселее: уже не два крейсера бороздили воды Северной Атлантики, а шел отряд кораблей, раньше бы назвали его эскадрой.

Сойдясь с крейсерами, эсминцы дружно подняли флаги:

«С счастливым прибытием».

«Благодарю».

«Разрешите занять место в ордере?»

«Да, добро, разрешаю».

А через сутки с небольшим вдоль правого борта потя-

нулась гряда сизовато-серых каменных сопок, в ложбинах которых лежал грязный снег. Даже тут, на борту крейсера, казалось, что из этих ложбин тянет мозглым холодом. Проплыли мыс, над которым чернела скала. На самой вершине этой скалы стоял крест, сложенный из валунов.

В ходовой рубке принарядившиеся и оживленные старшие офицеры слушали адмирала, который вспоминал, как во время войны хаживал тут с конвоями. Рассказывал он неинтересно и скучно, но все слушали внимательно, потому что дело было не в рассказчике, который, как было известно, тотчас же отправится восвояси на Балтику, а в них самих, которым уже некуда было возвращаться.

Впереди означился новый мыс, показался и лесок на том мысе — отсюда начинался поворот в Кольский залив.

— Прошу разрешения сыграть боевую тревогу, — обратился к адмиралу Румянцев.

Адмирал непонимающе посмотрел на него, прервал свой рассказ и, пошевелив губами, сказал:

— Да-да, голубчик... играйте боевую тревогу.

И тотчас же ударили колокола громкого боя.

Боевая тревога!

Глава восьмая

1

Стояли белые ночи, и привычное представление о смене дня и ночи потеряло всякое значение, потому что ничто ничего не меняло, а только тихо переходило одно в другое, а этот переход настолько был незаметен, что сутки становятся сплошным днем. Для балтийцев, не привыкших к полярному дню, началась веселая чехарда: вроде бы и спать хотелось, и спать пора, если сверяться по часам, но как уснешь, если на палубе белый день. Матросы на крейсерах приноровились сразу после отбоя задраивать все иллюминаторы, чтобы создать в кубриках подобие ночи, но когда среди этой призрачной ночи одолевала жажда или появлялось желание покурить и матрос или старшина выходил на палубу, назад в кубрик его уже не тянуло, один по одному собирались они возле волнолома у фитиля и, прячась в тени первой башни от недремлющего ока вахтенного офицера, рассказывали бай-

ки, а больше вспоминали Балтику, где «если уж день, то это и будет день, а если ночь, то это и есть ночь, а тут не поймешь, что и творится».

Днем они ходили невыспавшиеся, ленивые, словно бы вареные, а на корабле чувствовалась апатия, которая овладевала сразу всей командой. Матросам раздали новые ленточки, на которых стояли слова: «Северный флот», — к ним еще предстояло привыкнуть.

Первые дни штаб флота не тревожил крейсера, дав время командам привыкнуть к новым условиям, адаптироваться, как говорил Студеницын, и на крейсерах чистились, мылись, драили медь, несли повседневную службу, многие писали письма, и почтальон по два раза на дню съезжал на берег, сгибаясь под тяжестью и возвращаясь налегке — полевые почты имели особенность отставать не только на войне. Отправил письма и Румянцев, одно в Ленинград — дочери, другое скуки ради, говорил он, в Мурманск, давнишней своей подруге, в которую был в курсантскую пору влюблен и потом долго любил, хотя и был уже женат, и теперь все еще, кажется, любил, но не той любовью, которая рождает страсть, а той, которая вызывает только воспоминания. Он так и в письме написал: «Любовь воспоминаний», но когда почтальон снес письма на берег, Румянцев пожалел, что поступил безрассудно — дернул же черт, не мальчишка ведь, мог и позвонить, благо телефон дали, а потом за делами забыл и о письме, и о самой «любви воспоминаний».

Но если Румянцеву, которому приходилось то и дело съезжать на берег представляться новому начальству и ежедневно принимать самому визитеров, в общем-то скучать было некогда, то многие чувствовали себя не в своей тарелке, и все словно бы чего-то ждали. Веригин, скажем, по нескольку раз на дню заходил к Самогорнову, садился в уголок дивана и подолгу молчал.

— Чужие мы какие-то стали, — жаловался он. — Ничего не случилось, а стою перед строем, смотрю на эти новенькие ленточки, на эти погончики с новыми литерами и чувствую — чужие.

— А может, не они чужие, может, ты, братец, стал чужим?

— С чего ты это?

— Ларчик открывается весьма просто: кое-кто из наших на Севере долго не засидится, найдет и причину, и повод, чтобы вернуться на Балтику. Эти, разумеется, хотя

и скрывают, но чужаками тем не менее уже себя чувствуют.

— Хочешь сказать, что я принадлежу к этим? — обиделся Веригин.

— Не хочу сказать, но ведь каким-то образом ты пришел к этому нравственному понятию...

— Но неужели ты не чувствуешь, что на корабле что-то произошло?

— А что могло произойти?

— В том-то и дело, что я не знаю. Поход прошел тихо-мирно, нельзя же ту яхту принимать во внимание. Шли по графику, как курьерский поезд Москва — Владивосток. В Большом Бельте полюбовались заграницей, так если по существу разобраться, то это и не заграница была, а святочная открытка. Помню, в детстве — до войны еще — у нас висели подобные картинки, которые бабушка в свое время вырезала из «Нивы». Так, может, я все придумал, может, на самом деле ничего не случилось?

— Ты, братец, ничего не придумал, — грустно сказал Самогорнов. — Там, на Балтике, нас единила большая цель. Мы должны были выйти в океан, и никто из нас не знал, когда все это получится, поэтому мы поневоле должны были держаться ближе один к другому, где-то подспудно понимая, что иначе может быть плохо. Вспомни весенние стрельбы, учения по взаимной буксировке, докование. Все это, братец, на мой взгляд, великая школа.

— Что же, по-твоему, у нас теперь нет такого дела? — спросил Веригин, будучи уверенным, что дело-то у них есть и не в нем дело, потому что если бы его не было, то и говорить им стало бы не о чем, но ведь чего-то все-таки они лишились, если в каютах и кубриках потянуло сквознячком, который Самогорнов, кажется, не хочет замечать.

— Дело-то есть, только человек устроен таким образом, что, закончив одно дело, он сразу вроде бы и не может взяться за другое. Он вроде бы остыть должен, оглядеться. Когда мы готовились к походу, нам все казалось, что мы играючи все делаем, а ведь мы не играли — мы выкладывались полностью.

— Если выкладывались полностью, — невежливо перебив Самогорнова, возразил Веригин, — мы должны устать, но вот я-то, к примеру, не чувствую себя усталым и готов хоть сегодня в новый поход и к новым стрельбам.

— Усталым не чувствуешь — все так, — согласился

Самогорнов, — но ведь сам же говоришь, что на корабле что-то произошло.

— Это я говорю — не отпираюсь.

— В нашем положении это и есть усталость. Знаешь, есть такое выражение — матросская усталость.

— Устать-то было некогда, — опять сказал Веригин. — Это же не поход был, а курортная прогулка.

— Устали не на походе, а до похода, изнывая от ожидания. Но это скоро пройдет. Осмотримся, подышим новым воздухом, кое-кого проводим, кое-кого встретим, кое-куда сходим, и все придет на круги своя.

Самогорнов как в воду смотрел: вскоре пришел приказ о присвоении Студеницыну очередного воинского звания — капитана второго ранга и о том, что он переводится на преподавательскую работу в Ленинград. Все знали, что Студеницын давно собирался заняться теоретическими исследованиями, но всем, в том числе и ему самому, казалось, что произойдет это не скоро. Студеницын чувствовал себя весьма скверно и дня два не прикреплял к погонам новые звездочки и не перешивал нарукавные знаки.

— Ладно уж тебе, — сказал ему старпом Пологов, — дурочку-то из себя строить. Опять же и приказ нельзя нарушать. Это дурно может повлиять на твоих бывших подчиненных. А вообще-то жалко, что ты уходишь. Кого-то еще дадут — неизвестно.

— Думаешь, что Кожемякина не утвердят?

— Могут и не утвердить.

— Он по всем параметрам подходит.

— Подходить-то подходит, а приказа-то нет. Поди знай, что они там думают. — Пологов сердито ткнул пальцем в потолок, который, по его мнению, и означал это самое «там». — Они ведь нас плохо спрашивают, а если и спрашивают, то плохо слушают.

— Полно тебе пыхтеть-то — утвердят. И Самогорнова утвердят. Командир-то что говорит по этому поводу?

— А командиру некогда говорить. Командиру надо визиты делать. То да се, а тут вертись как белка в колесе. Я ему — брито, а он — стрижено. Я ему говорю: надо бы кубрики покрасить, а он мне — погоди. Я ему говорю: шлюпочные учения стоило бы провести, а он мне — погоди.

— Значит, надо годить, — сказал Студеницын.

— А куда годить-то? Годить-то больше некуда... Годили-годили и угодили на Севера...

Студеницын, казалось, не спешил к новому месту службы, хотя наконец и нашивки сменил, и погоны уравновесил еще одной звездочкой, а там пришел и еще один приказ, поставивший все на свои места. Тем приказом капитан-лейтенанту Кожемякину присваивалось звание капитана третьего ранга и он вводился в должность командира боевой части-два. А вскоре пришел приказ и на Самогорнова, которым ему присваивалось звание капитан-лейтенанта с одновременным назначением его на должность командира дивизиона. Уход с крейсера Студеницына и перемещения по служебной лестнице Кожемякина и Самогорнова были в порядке вещей, а вот присвоение Веригину внеочередного звания — старший лейтенант — коекого несколько озадачило и в первую очередь, кажется, самого Веригина.

Он по привычке зашел к Самогорнову и, забыв, что тот теперь комдив, повалился на диван, задрал ноги и захохотал.

— Тебя что, родимчик, что ли, хватил? — весьма сурово спросил Самогорнов.

— Слушай, это же неправда... Это же опечатка...

— А ну встань, Веригин, и приведи себя в порядок.

Веригин нехотя поднялся, одернул китель и только тогда заметил, что у Самогорнова на погонах уже четыре звездочки, на рукавах две средние и одна малая нашивки и, значит, перед ним уже не прежний Самогорнов, а какой-то новый. Веригин машинально опустил руки и тихо сказал:

— Виноват.

— Так-то, братец, лучше, а то — «неправда», «опечатка»... Все это, к счастью, правда. Я еще тогда, после стрельб, понял, что и адмиралу и командиру ты лег на душу. Так что говори: «есть»... и — «Правь, Британия, морями».

— Есть, товарищ комдив... — Веригин помялся. — Или как теперь прикажешь тебя величать?

— На службе так и величай, как только что соизволил это сделать, потому что служба — это, братец, служба. Она вольностей не любит и не терпит. А в остальном мы прежние — «отечество нам Царское Село». Будет свободная минута — милости прошу. У меня явится желание поговорить с тобой накоротке — не откажи в любезности.

— Спасибо, братец.

— И тебе спасибо... — Самогорнов присел к столу и

кивком головы приказал — именно приказал! — садиться и Веригину и, когда тот сел, пожевал губами, сказал, явно не зная, с чего начать разговор: — Ну те-с... Сегодня, кажется, великое переселение народов. Кожемякин вступает в должность вместо Студеницына, я вместо Кожемякина... А ты, братец, вернее, старший лейтенант Веригин, переберешься в мою башню старшим носовой группы. Но тут есть одно интересное обстоятельство. Мой мичманец, коему вышел договорный срок его сверхсрочной службы, согласился еще послужить Отечеству пяток лет, но только в должности интендантского чина. Высокое начальство думало долго, читай — отмалчивалось и наконец согласилось с его просьбой. Понимаешь, что это такое?

— Медовикова я не хотел бы брать с собою, — быстро сказал Веригин.

— Согласен, Медовиковы хороши для зеленых лейтенантов. Для тех они — университеты, ну а раз мы эти университеты прошли, то нам подавай следующие. Твои предложения?

Веригин подумал для важности, хотя это щекотливое дельце давно уже обдумал.

— Позволь взять с собою старшину первой статьи Паленова.

— Но он же совсем зеленый, — удивился Самогорнов.

— Вот потому и позволь.

— Хлебнешь ты с ним горюшка, — резко сказал Самогорнов и неожиданно виновато улыбнулся. — О тебе же ведь пекусь. Башню получишь новую, народ не знаешь, а старшиной огневой команды берешь себе человека, который и старшиной-то стал без году неделя.

— Я на этого человека положиться могу.

— А он умеет стрелять?

— Да у него хватка почище, чем у Медовикова.

Самогорнов подумал и махнул рукой.

— Ну черт с тобой, только потом жаловаться не бегай.

— Спасибо, товарищ комдив.

— Ешь на здоровье, я добрый, а как насытишься — скажи. Может, и я чего доброго посоветую.

2

А потом был прощальный обед, на который офицеры явились при полном параде, строгие и торжественные, и

было ясно, что капитана второго ранга Студеницына на крейсере не только уважали, но и любили. На ужин в кают-компанию спустился Румянцев, негромко сказал Пологову, чтобы тот, как и положено тому, хозяйствовал в застолье, сам же сел от него слева, потому что место справа принадлежало замполиту. Появление за обедом командира внесло в кают-компанию некоторое смущение, которое, правда, скоро прошло.

— Вот и настала пора проститься, — сказал он негромко. — Уходит с корабля не только наш товарищ, хороший, вдумчивый, мягкий человек, уходит прежде всего прекрасный артиллерист, который делает честь нашему оружию и служить с которым бок о бок приятно и почетно. Капитану второго ранга Студеницыну принадлежит не одна артиллерийская идея, но, кроме идей, он и просто стрелял как бог, и залпы дивизиона, которым он управлял в войну, уцелевшему неприятелю, думается, снятся и поныне. Это все так. Мы с сожалением провожаем, но мы должны и радоваться, потому что Студеницын рожден не столько для бранного дела, сколько для науки. Война надолго задержала в нем ученого, по сути дела, он жертвовал во имя Отчизны своим призванием, теперь же, видимо, наступило его время.

Румянцев со Студеницыным вышли из-за стола, приобнялись, и Студеницын за спиной своего теперь уже бывшего командира смахнул слезу, и все похлопали и словам командира, и этой непрошеной слезе, которую и видели и не видели, потому что на том конце, где сидели, а вернее сказать, стояли сейчас старшие офицеры, не у одного Студеницына повлажнели глаза.

Потом говорил Иконников.

— Мы не уходим, мы просто расходимся и стареем, а вместе с нами начинает потихоньку стареть и война. Она была молода, пока были молоды мы, вернее, мы вместе с нею навсегда останемся молодыми, потому что там мы оставили большую часть своей жизни. И как только мы начинаем уходить от нее, словно бы выбираться из воды на сухой бугорок, тут-то нас и подстерегает старость.

— Какая же старость в сорок с небольшим? — обиженно сказал стармех. — Побойся бога, Александр Иванович.

— Мне бояться его нечего, — живо отозвался Иконников, улыбаясь и собирая на лице морщинки. — Я с ним не один раз был на «ты»...

— Это когда было-то?

— Когда из Таллина уходили. Это раз.

— Раз, — сказал за Иконниковым стармех. — Тогда мы не только с богом, а и со всеми чертями на «ты» были, потому как иного ада кромешного и представить трудно.

— Зимой сорок первого. Это два? — спросил Иконников.

— Сойдет, — согласился стармех.

И пока они так считали, к вящему удовольствию резвившегося лейтенантского конца, Румянцев неприметно улыбался и думал, что сказал он, кажется, хорошо, потому что как бы там дело ни шло, а провожал-то он давнишнего товарища, на которого всегда можно было положиться, и еще потому, что и себя он вместе с тем провожал — на стапелях уже закладывались корабли, и один из них — «Власть Советов» — был обещан ему, и наконец еще и потому, что почтальон принес сегодня письмо из Мурманска, и он решил тем же катером, который отвезет Студеницына к поезду, сходить в Мурманск, якобы проводить Студеницына, что было бы для того и приятно, и почетно, а заодно забежать к сыну, посмотреть, как он там управляется с молодой хозяйкой.

А замполит тем временем все еще выяснял со стармехом, сколько раз за войну им пришлось наедине беседовать с богом в преддверии смертного часа, и, выяснив и исчерпав свой неписаный регламент, они уступили место Пологову, который сказал очень кратко:

— Жаль, что ты уходишь. Тут такие дела начинаются...

— Ну дел-то нам было и на Балтике не занимать, — вмешался Румянцев, отойдя от своих дум и тотчас очень верно нащупав нить разговора.

— Балтика — это Балтика, если смотреть в корень — внутреннее море, а тут океан, простор на все четыре стороны.

— На три, — поправили Пологова с лейтенантского конца, — а точнее — простор-то только в одну сторону, а на две другие — сплошные льды.

— А ну, помолчите, когда старшие говорят, — дружелюбно остановил прыть лейтенантов Пологов.

За столом стало шумно, лейтенанты, несмотря на шутливо-грозное предупреждение, оживились и осмелели, один за другим стали подавать голоса. Пологов хотел

было навести порядок и уже пощипал свой ус, но Румянцев предостерег, потянув его за рукав, и, пользуясь общим оживлением, незаметно вышел в салон позвонить командующему и попросить разрешения отлучиться с крейсера. «Проветрюсь, — пробормотал он про себя, — на людей посмотрю. Э, черт, как это там? «Музыка играй...»

С его уходом лейтенанты совсем осмелели и уже подавали реплики к месту, а чаще не к месту, и стало ясно, что пора кончать эти проводы, которые уже приобрели оттенок беспричинного веселья. Старпом Пологов поглядел на Иконникова, на Студеницына, и Студеницын, не желавший говорить без Румянцева, помедлил, оглянулся и, увидев командира в дверях, поднялся, прежде чем сказать, пожевал губами:

— Командир говорил о жертвенности. Это так. Мы на самом деле приносили себя в жертву, но мы не были жертвами. Мы жертвовали тем, что имели или могли бы иметь, и это было наше право и наш долг. И мы, к счастью, никогда не жертвовали тем, чего не имели, иначе говоря, не приносили в жертву чужие жизни, чужие мысли, чужие идеалы. Мы отстаивали свое, но в своем мы видели прежде всего наше: нашу честь, нашу совесть, нашу гордость, наше достоинство... Все так, а уходить — жаль. — Он обвел взглядом застолье, оглядел переборки и борт с рядом круглых иллюминаторов. — Помню, принимали мы крейсер у достроечной стенки, помню заводские, а потом и государственные испытания. Помню Кожемякина старшим лейтенантом, и Самогорнова лейтенантом, и Веригина совсем еще зеленым и нескладным. А вот уже и Кожемякин капитан третьего ранга, и Самогорнов капитан-лейтенант, и Веригин навинтил третью звездочку. Была пора, когда время вызревало в нас самих, и казалось, что нам его отпущено неограниченно, как небожителям. Теперь же оно пошло мимо нас, и мы начинаем понимать, как его мало выделено. Каждый день для нас должен быть единственным и последним. Тогда мы кое-что еще успеем сделать из того, что должны были сделать, но по глупости нашей и неразумности не сделали. Так спасибо вам всем, милые мои и хорошие, спасибо тем, кто в море и на вахте, и низкий поклон тем, кто ушел в вечное море на вечную вахту.

Один по одному все поднялись и помолчали, а помолчав, опять-таки один по одному стали подходить к Студеницыну прощаться, и, как это заведено в больших семь-

ях, сперва подошли младшие по званию командиры башен и групп, и среди них теперь уже старший лейтенант Веригин. Студеницын мягко похлопал его по плечу, придержал за рукав.

— Рад за тебя, — сказал он, все еще держа Веригина. — И надеюсь, что скоро услышу фамилию Веригина в числе лучших артиллеристов флота.

— Буду стараться.

— Поменьше фантазии, побольше сурового расчета — и все придет в норму.

За Веригиным подошел Самогорнов.

— А в тебя я верю.

— Спасибо.

— Раньше ты был один. Одна же голова не бывает бедна, а если и бедна, то одна. Теперь у тебя в подчинении четыре башни да две группы. Береги их.

— В меру сил и способностей.

— Способностей тебе не занимать, а меру устанавливай сам.

С Кожемякиным он обнялся.

— Что, брат, вырос?

— С вашей помощью, — улыбаясь, сказал Кожемякин.

— С моей, не с моей, не в этом дело. Главное, что ты теперь сам всему делу голова.

Кожемякин отстранился и непритворно вздохнул.

— Хорошо быть головой, слов нет, а только за другой-то головой проще живется.

— Не прибедняйся, у тебя голова светлая.

Кают-компания постепенно пустела, ушли лейтенанты, командиры групп, башен и команд, за ними ушли начальники служб и командиры боевых частей, наконец возле стола остались только Румянцев, Иконников, Пологов, Студеницын и стармех, и Румянцев сказал:

— Я тебя провожу до Мурманска. Заодно и с сыном повидаюсь. Присядем по обычаю. — Они присели и помолчали, и когда Румянцев решил, что обычай соблюден, поднялся первым, сухо спросил: — Вещи где?

— Думаю, что Кожемякин на этот счет уже распорядился.

— Добро, — и Румянцев первым пошел к двери, за ним последовали все прочие, но не в установившемся порядке — замполит, старпом и далее согласно боевому распи-

санию, а сразу же за командиром прошел в коридор Студеницын, еще подчиненный, но уже и гость.

Катер ждал их у трапа, вахтенный офицер чистым, радостным голосом скомандовал: «Смирно!», и Румянцев со Студеницыным в том же порядке сошли на него, приветствуя сперва флаг крейсера, потом флаг катера. Пологов, Иконников, кто-то еще из офицеров на борту взяли под козырек, горнисты сыграли «Захождение», и Студеницын почувствовал, как властная рука сжала в груди комок, и этому комку сразу стало тесно и больно.

— Прощальный круг? — спросил Румянцев.

Студеницын вяло махнул рукой.

— Чего уж там... Вели прямо в Мурманск.

Кольским заливом они шли долго, успели обо всем переговорить, и горечь прощания понемногу развеялась.

...Катер ударился бортом о причал, потерся о него и затих. Румянцев и Студеницын застегнули крючки на кителях, поправили фуражки, не спеша вышли из каюты. Прямо у них над головами маневровый паровоз, пыхтя и покрикивая, толкал перед собою зеленые вагоны, по всей акватории порта двигались и шевелились краны, а над паровозом с вагонами и над кранами уходили к небу горы, и на этих горах вкривь и вкось лепились дома и домишки. Матросы подхватили чемоданы и по лестнице стали подниматься вверх, следом за ними пошли и Румянцев со Студеницыным и скоро оказались в вокзале, довольно-таки просторном и светлом. Состав уже подали, но посадка еще не начиналась, и им волей-неволей пришлось зайти в ресторан, в котором было людно, шумно и неуютно. К ним тотчас же подошел щеголеватый метрдотель и провел за ширмочку, где стоял столик, застланный чистой, туго накрахмаленной скатертью, тотчас же появилась официантка с карандашом и блокнотиком в руках и, приняв подобающую стойку, улыбнулась.

— Нам бы шампанского, и побыстрее.

Метрдотель услужливо повторил, будто официантка могла не расслышать:

— Шампанского, побыстрее, — и оба исчезли и не появлялись добрых полчаса.

— Может, уйти?

— Неудобно. Как-никак заказали уже.

Времени все еще оставалось много, они и шампанского выпили, и покурили, и снова выпили, кажется, уже обо всем переговорили и только тогда вышли на перрон.

Матросы снесли вещи в вагон, Студеницын с Румянцевым обнялись, постояли так.

— Ну не поминай лихом.

— Бывай здоров.

Студеницын прыгнул на ступеньку вагона, состав дернулся раз и другой и медленно поплыл в сторону, все убыстряя свой бег, и скоро замелькал красными огнями хвостового вагона.

3

На вокзальной площади Румянцев нашел свободное такси. Шофер отыскал нужную улицу и нужный дом, длинный, барачного вида, напоминавший казарму. «Не могли снять квартиру получше», — брезгливо подумал Румянцев.

Он быстро прошел в полуосвещенный подъезд, чтобы не привлекать к себе внимания, огляделся и понял, что необходимая ему квартира должна находиться на втором этаже, рывком одолел оба лестничных марша, поискал глазами звонок и, не найдя его, силой потянул на себя дверь, которая открылась легко и неслышно, и он оказался в довольно светлом помещении, служившем, кажется, сразу кухней и прихожей. В этой кухне-прихожей, кроме входной, было еще три двери, и, пока Румянцев раздумывал, в какую из них ему постучаться, дверь напротив входной отворилась, и из нее вышла молодая женщина, почти девочка, в темном вязаном платье, стремительно охватившем ее стройную фигуру. Заметив Румянцева, она стушевалась, но не остановилась, а двинулась навстречу, и Румянцев неожиданно почувствовал, что эта девочка-женщина, должно быть, и есть его невестка, протянул руку и, улыбаясь, сказал:

— Кажется, мы с вами родственники.

Она доверчиво подошла к нему, тронула за рукав, еще не веря, что этот военный моряк в больших чинах ее свекор, которого ей не следует бояться, и все же она чего-то испугалась и засмущалась еще больше.

— Мы ждали вас, только не так скоро. А Сережа на вахте.

Сережа был его сын, и ему стало неприятно, что ему предстоит войти в их комнату без него, впрочем, сегодня все получалось против его правил и представлений, и он

снова махнул рукой, правда, на этот раз мысленно, и следом за женщиной-девочкой, его невесткой, вошел в светлую — с окном во всю стену — комнату и сразу увидел то, что должен был увидеть. Возле окна стояла деревянная кроватка, и в ней, ухватившись пухлыми, словно перевитыми ручонками за верхнюю планку, притопывала девочка в коротенькой рубашке, оголившей ее крепкое пузцо. Румянцев подошел к кроватке, наклонился над девочкой и, не зная, можно ли ее погладить по голове, скорчил ей рожицу, а девочка нахмурилась, отстранилась от него, мягко села и заплакала.

— Здравствуй, племя младое, незнакомое, — стараясь скрыть растерянность, промолвил Румянцев.

Женщина-девочка подхватила ребенка на руки, быстро вытерла ему глазенки и, протянув его Румянцеву, попросила:

— Возьмите ее... она у нас человек общительный.

Боясь сделать девочке больно, Румянцев взял ее на руки, поднял над головой, и девочке это понравилось, она задрыгала ножками и заулыбалась.

— Я же говорю вам, что она у нас общительная.

Румянцев вручил девочку матери, присел на стул и спросил, хотя все слышал, что говорила ему невестка:

— Значит, Сергей на вахте?

— Если посидите с Ташкой, я сбегаю за ним.

— Ни в коем случае. Вахта есть вахта, а я теперь у вас частый гость. — Он мельком глянул на часы: время близилось к девятнадцати. — Да и мне пора ехать.

Пока невестка одевала девочку, приговаривая: «А к нам дедушка приехал, а к нам дедушка приехал», Румянцев исподволь любовался ею, подумав, что губа у Сережи не дура, и вдруг смутился. Растерянно начал искать по карманам папиросы, нашел их, но, вспомнив, что в комнате, где есть ребенок, курить, кажется, не полагается, пробормотав: «Я сейчас, только покурю», вышел в кухню. Эта женщина-девочка напомнила ему Дашу Крутову...

«Ах ты, черт побери, — растерянно подумал он, — ах ты, черт побери... Ну дела... Ну дела...»

Пришла невестка и увела его в комнату, усадила на диван, жесткий и неудобный, но другой тут мебели не было, и посадила к нему на колени девочку, и он потенькал ее, взяв под мышки и поставив ножками себе на колени: «Барыня-барыня, барыня-сударыня», а где-то в подсознании, в самом дальнем и тайном уголке, все шевели-

лось и шевелилось: «Ну дела... ну дела». Он украдкой глянул на часы и обрадовался, сообразив, что пора идти.

— Так скоро? — удивилась женщина-девочка.

Он начал оправдываться:

— Случайно назначил встречу. — Румянцев поморщился: «Ну зачем уж так-то завираться». — Не виделись черт знает сколько. А точность, видите ли, — вежливость королей. Мы не короли, но возраст уже обязывает быть королями. — Он передал девочку невестке, одернул китель и, заметив, что глаза у девочки стали серебриться, потрепал ее по тугой розовой щечке. — Ташка, да ты не плачь. Я теперь у вас частый гость.

— Дедушка сегодня снова придет, — меж тем говорила невестка, обращаясь к девочке, но имея-то в виду прежде всего Румянцева, и ждала, что он скажет.

— Передайте Сергею, что я приду в субботу, поближе к вечеру, — сказал Румянцев и понял, что уйти просто так не может. — Давайте я буду вас звать на «ты».

— Угу... Катей меня зовут.

Румянцев только хотел назваться, но Катя перебила его:

— Я знаю. Я все про вас знаю.

Румянцев остановился в дверях:

— А собственно, что про меня можно знать?

Катя улыбнулась, высветив на щеках чуть приметные ямочки, которые делали ее лицо и смешным, и лукавым, и добрым, и этой своей лукавой и детской улыбкой она как бы хотела сказать, что ничего плохого о нем она не знает и знать не может.

— Все, — повторила она.

— Ну хорошо, — быстро сказал Румянцев и тоже улыбнулся. — Об этом мы еще поговорим, — подмигнул Ташке и вышел.

4

В тот же вечер Паленов засиделся после поверки в каюте у дяди Миши Крутова, они пробавлялись по малости чайком, дядя Миша благодушествовал, утирал полотенцем раскрасневшуюся шею и рассказывал всякие разные байки.

— Ты знаешь, Санька, — между прочим говорил он, — я жизнь видел и спереди и сзади. Спереди она попригляднее будет. Но и сзади, если смотреть, тоже ничего.

— Это как же, скажем, спереди или опять же — сзади?

— А очень просто. Если тебя бьют, то это вроде бы как все по заднице — это и будет сзади, а если уж ты кого маленько учишь — то это и будет спереди.

— Выходит, если ты начальник, то и смотришь все спереди.

— Это так, — согласился дядя Миша.

— Чудно...

— Не чуднее нас с тобой. Ты вот по службе идешь, будто песню поешь, а мне служба тяжело досталась. Пока я к месту-то прибился — много всякого перетерпел.

— А что было-то? — подзадорил его Паленов.

— А что было, то и было, — сказал дядя Миша, цедя себе в стакан чай. — Было, Санька, и быльем поросло, а только дожил и я до своего красного часу, вышел в океан и ничего особенного не почувствовал. Поплоше будет океан нашей Балтики-то?

— Как сказать, дядя Миша, — возразил Паленов. — Для вас Балтика — наша, ну а для меня океан — наш. Я же, можно сказать, тутошний.

— С каких это пор ты стал Иваном, не помнящим родства? — оскорбился за Балтику дядя Миша. — Ты свою службу в Кронштадте начинал, стало быть, оттуда и веди свое начало.

— Я Кронштадт не забываю.

— И не забывай. Там у тебя Михеич остался, а он тебя, Михеич-то, за сына почитает. А мне он друг и все такое прочее. Двое нас осталось. Мы как тот каравай, когда начали его, казалось, ему и конца-краю не будет. Что ни год, то по ломтю отхватывали, а то и поболе, не успели оглянуться, а там уже горбушки остались.

— Пойду я, дядя Миша, — попросился Паленов. — Матросы давно уже спят.

— Ну, матросы. Матрос спит, а служба идет. А ты командир.

— Предлагает мне Веригин перейти во вторую башню старшиной огневой команды, — как бы между прочим сказал Паленов.

— Ну а ты? — спросил дядя Миша.

— Сказал — подумаю.

— Дурак, — раздельно и внятно проговорил дядя Миша.

— Это почему же еще? — обиделся Паленов.

— А потому, что на службу не напрашиваются, но и от службы не отказываются. Тебе честь оказывают, а ты, как

не знамо кто, «подумаю», — передразнил он, — соглашаться должен.

— Я соглашаюсь...

— Так-то оно и лучше. — Дядя Миша снова вытер шею полотенцем, поскреб в затылке. — Писем-то не было?

— Сегодня пришли...

— Сколько? — деловито спросил дядя Миша.

— Три.

— Ладно, — словно бы согласился дядя Миша с тем, что мог сказать Паленов, но чего он все-таки не сказал, и повторил, делая вид, что он все знает, но ему в высшей степени наплевать на то, что он знает. — Ладно... — Он налил себе чаю, подумал недолго и налил Паленову, только потом, как бы между прочим, промолвил: — Конечно, если дело таковское, то теперь тебе жениться можно: старшина огневой команды не шутка. Я к такой должности лет десять пер, а ты, почитай, в три года одолел. Из молодых, да ранний.

— Положим, еще не старшина команды, — смущенно возразил Паленов. — Положим, и жениться еще никто не собирался.

— Положить-то, конечно, по-разному можно, только как потом возьмешь, — загадочно сказал дядя Миша, видимо, решив, что говорит умно. — А насчет жениться, то тут я тебе так скажу: сегодня никто не собирается, а завтра возьмут да и соберутся. Что тогда скажешь?

— То же, что я сегодня, — обиженно отвечал Паленов, истолковав намек дяди Миши только применительно к Даше, и обиделся, хотя дядя Миша имел в виду прежде всего его, а потом уже и Дашу.

— Ишь ты, — сказал дядя Миша, усмехаясь, — какой серьезный. Я ведь тоже по молодости куда как серьезным был, а потом приспичило, так вся и серьезность куда-то подевалась. Бегал за своей половиной словно помешанный. Сейчас вспомнить, так смех и грех.

Паленов решил не продолжать этот щекотливый разговор и чинно промолчал. Помолчал и дядя Миша Крутов, хотел подзадорить Паленова, но передумал, а передумав, сказал:

— Что-то долго нас тут на рейде маринуют? Ни учений, ни мучений — сплошной дом отдыха. К чему бы это?

— Нужды, видимо, нет гонять нас по морям.

— Как нет нужды? — сердито вопросил дядя Миша. — Не было б нужды, не погнали бы нас в такую даль. Всю

Европу взбулгачили, а ты говоришь, нужды нет. Тут, парень, чего-то другое. — Он полез в стол, достал оттуда старенький ученический атлас, полистал его и раскрыл на карте мира, долго водил пальцем, наконец торжествующе сказал: — Во! Видишь? Это мы тут. — Кольский полуостров вместе с частью Баренцева моря надежно спрятался под его желтым от табака пальцем. — Налево — видишь прямой выход в Атлантику. Ни тебе — Бельтов, ни тебе— Каттегатов, иди куда хочешь.

Паленов тоже склонился над столом, долго искал свой Ильмень, оказавшийся малой голубой искоркой среди прочих равнин, гор и морей, и тоже ткнул пальцем.

— Тут Горицы, — сказал он. — Вот и вся стратегия с тактикой.

— Нет, парень, не вся. Если хорошенько разобраться, то она тут только начиналась. Одни говорят, что российский флот пошел с Плещеева озера, ну а я этому не верю, потому как Россия и до Петра морями хаживала.

— Вы, дядя Миша, начинаете говорить, как Михеич.

— А что... Михеич, парень, голова, не нам с тобой чета... А что там Дарья-то пишет? — спросил он с тайным намеком.

— Пишет... — сказал нехотя Паленов.

Что писала Дарья, Паленов не мог сказать, поерзал на стуле, поерзал и неожиданно, как будто что-то вспомнил, сказал:

— Пойду я...

— А и то... — охотно поддержал его дядя Миша, а Паленов посмотрел на часы, и дядя Миша мельком глянул на свои, и Паленов подумал, что времени еще мало, но идти надо, дядя же Миша чертыхнулся про себя: «Время черт знает сколько, а он все торчит и торчит. Да-а», — поглядели друг на друга и захохотали.

— Ладно, дядя Миша, пойду, чего уж там.

— Иди, парень, постереги крейсер. Так-то оно лучше будет. Дипломатия эта не для нас.

До вахты оставалось минут двадцать, и Паленов прошел на бак покурить. Кольский залив в этом месте словно бы расступился, раздвинув серые горы, поросшие ивой и мелкой березой в распадках, и на одном берегу под горой скученно и скучно сгрудился рыбацкий поселок, а на другом, поднявшись над водой двумя просторными ступенями, тоже стояли два поселка — верхний и нижний. Верхний, застроенный желтыми домиками, казался построже, зато

в нижнем здания были повыше и посолиднее. Эти поселки недавно, уже в бытность Паленова здесь, объединились в город. Для жителя коренной России город этот мог показаться странным, потому что не было тут единого организующего центра, улицы скорее напоминали сельский проселок, пыльный и скучный, чем городскую перспективу, обстроенную домами, начинался он черт знает как и черт знает куда исчезал. В одном месте вдоль земли стлались бараки — печальное изобретение первых пятилеток, в другом — высился каменный дом, венцом же всего были Дом офицеров и красное здание, в котором разместились различные флотские управления и службы, и это-то как раз и говорило о том, что город уже есть, он может быть лучше, и он, наверное, станет лучше, приняв наконец свои истинные очертания, но и такой, расхристанный и раскиданный, он, этот новый город, уже жил и управлял огромным хозяйством, какое представлял собой флот.

Ко всему прочему в этом городе уже был свой парк с аллеями, скамеечками, киосками для газет и для продажи мороженого, со своей эстрадой. Но главное заключалось в том, что в этом городе росли деревья в два, а то и в три человеческих роста. Это был первый парк за Полярным кругом, и в свою бытность тут Паленов любил этот парк, сам по воскресным дням рыл канавы, по которым из низины, куда забрался этот, по сути дела, реликтовый лес, сбегала лишняя вода, сам сбивал и красил скамеечки. А слева от парка, если идти в сопки, в ложбинке притаился другой лесок, вернее — кустарничек, в котором ровными рядками улеглись немногочисленные могилки. Там лежал и боцман с эсминца, на котором прежде служил Паленов. Боцман тот не был знаком Паленову, но они ели кашу, сваренную в одном котле, ходили в море выполнять одну и ту же задачу, и этого уже по всем неписаным флотским законам и обычаям хватило для того, чтобы считать человека родным, а там, где родные могилки, там дом и там же родина.

Паленов поправил бескозырку и не спеша пошел в корму к рубке вахтенного офицера, где уже собиралась новая смена.

Веригин заступил на вахту в общем-то в скверном настроении. Он тоже получил кучу писем, и все в основном от Варьки, теперь-то вроде бы уже и Варвары Сергеевны,

так вот эта самая Варвара Сергеевна, будь она неладна, нет, все-таки, конечно же, Варька, развела такую антимонию и такую ревность, подозревая Веригина во всех смертных грехах, что впору было вернуться в Ленинград, чтобы самому там попытаться объяснить, где право и где лево, а куда и вовсе не следует ходить. Паленов, как показалось Веригину, сиял, и это сияние некоторым образом показалось ему оскорбительным, и он довольно сухо приказал:

— Распорядись на вахте, чтобы внимательнее наблюдали за заливом. Заметят катер командира, пусть тотчас же мне сообщат.

— Есть...

Паленов пошел на бак, по пути предупреждая вахтенных, чтобы смотрели в оба, обогнул весь крейсер и, оказавшись на другом борту возле камбуза, заглянул в открытый иллюминатор. К этому времени обычно коки заканчивали варить мясо на следующий день для команды. Стоящим собачью вахту — с часу пополуночи до четырех — с незапамятных времен полагалось по мослу — сахарной кости с куском мяса. Летом так-сяк, а в зимнюю стужу, когда мороз пробирался под полушубок и ломал все тело, горячий этот мосол был как никогда кстати.

Он не стал дожидаться, когда появится кок и сделает подношение — был и без того сыт, перехватил у дяди Миши, — вернулся к рубке и доложил, что вахтенные предупреждены и, как только завидят катер, дадут знать тотчас же.

— А собственно, зачем будить старпома? — подумал вслух Веригин. — Дел будто срочных нет...

— Значит, есть, — тоже подумал вслух Паленов.

Около двух часов ночи с бака — крейсер стоял носом в сторону Мурманска — прибежал вахтенный матрос и еще издали закричал, что идет катер командира. Веригин вскинул к глазам бинокль и сразу узнал катер, зашел в рубку и позвонил старпому. Трубку тотчас же подняли — старпом, видимо, не спал, — и Пологов сердито пробубнил:

— Слушаю.

— Вахтенный офицер Веригин. Идет командир.

— Добро, — быстро ответил Пологов и скоро появился на палубе, поеживаясь от ночной сырости, нехотя козырнул Веригину.

Минут через десять катер командира подвалил к трапу.

Румянцев легко перешел на нижнюю площадку и взбежал — ночью показывать свою солидность было незачем, — пожал руку Пологову и Веригину и пошел вперед, коротко спросив Пологова:

— Что случилось?

— Поход, — тихо ответил старпом Пологов.

5

Слово это — поход — имеет почти магическую силу, потому что, занесенное в приказ, оно приводило в движение не только все корабельные боевые части, службы и команды, но и многие другие подразделения и части, хитроумно сплетенные в ОВРы, СНИСы и прочие тонкие и умные боевые организации, которые как бы разбегаются во все стороны от единого центра — штаба флота и невидимыми нитями снова тянутся к нему. Эти центробежные и центростремительные силы составляют единое целое — флот, в котором крейсер является хотя и не такой уж малой величиной, чтобы затеряться среди прочих величин, именуемых кораблями или проще — вымпелами, но в то же время и не настолько большой, чтобы иметь самодовлеющее значение. Только иногда, в силу тех или иных причин, о которых чаще всего не принято говорить, кораблям предоставляется автономное плавание, именуемое иначе штурманским походом. Тогда корабль словно бы отпочковывается в отдельную, полностью самостоятельную единицу и становится той каплей, в которой можно разглядеть весь океан.

Именно в такой штурманский поход, имея перед собою задачу ознакомиться с плаванием в условиях полярных морей, и должен был незамедлительно отправиться крейсер. Службы тыла, как и там, на Балтике, в старом городе за дюнами, также были приведены в движение и ждали только наступления утра, естественно, не светового в условиях полярного дня, а условного, отмеченного боем склянок на кораблях. Но пока еще была ночь, хотя и похожая на день, и Румянцев распорядился доставить в его каюту генеральную карту района, приказал Кондратьеву заварить покрепче чаю, и они с Пологовым склонились над его роскошным овальным столом, на который скатертью легла карта. Поход предстоял далекий и нелегкий. Выйдя из Кольского залива, они должны были взять мористее и тотчас же лечь на курс к Новой Земле: на тра-

верзе Новой Земли и в виду ее повернуть и спуститься в Карское море и после суточного плавания по Карскому морю, в котором уже появились туманы и редкие льды, лечь на обратный курс и идти до горла Белого моря, пересечь его и на Соловецком рейде стать на якоря. После полуторасуточной стоянки сняться с якорей, пройти в Кандалакшскую губу, из нее Белым морем вернуться в Баренцево.

— Да, — сказал Румянцев. — Штаб потому и помалкивал, что готовил нам этот поход.

— Поморы тут плавали тысячу лет, так неужели мы не пройдем? — улыбаясь, заметил старпом Пологов, который переволновался, когда командира не было на борту, а теперь обрел, как говорится, философское спокойствие духа. Давно известно, что решать любые задачи куда приятнее и спокойнее, когда впереди есть лицо, которое в конечном счете несет всю полноту ответственности за выполнение этих самых задач. Тогда и сам себе представляешься умнее, и все решения того, ответственного лица кажутся намного сомнительнее собственных, словом, хорошо все-таки не отвечать за что-то, а только считать себя ответственным.

Старпом Пологов не боялся никакой ответственности и при случае мог любую вину взять на себя, но тем не менее был убежден в том, что его решения намного интереснее и смелее решений Румянцева, хотя эти самые решения, которыми он гордился, почти никогда не высказывались им вслух. «Субординация не позволяет», — посмеиваясь, говорил он сам себе.

Его сокровенная мечта, как, впрочем, и любого офицера, — получить корабль, и старпом Пологов усиленно проигрывал в уме все задачи, которые решал Румянцев, мысленно поправлял его и мысленно же принимал свои собственные решения. Время от времени Пологов подумывал о том, что он засиделся в старпомовских штанах, и если пересидит, то никогда уже из них не выберется.

Румянцев понимал это и не угнетал Пологова, давая ему как можно больше самостоятельности, чутьем догадываясь, что его в любой день могут отозвать на другую должность, и тогда он сделает все, чтобы Пологов стал командиром крейсера. Крейсер был его детищем. Он при-

нял его на стапелях, и лучшего себе преемника, чем Пологов, Румянцев не желал.

Так или иначе, но часам к пяти они — один в основном молча, другой рассуждая вслух — проиграли до конца всю задачу и вернули крейсер к исходной точке, при этом было выпито стаканов по десять чаю и выкурено по пачке папирос. После этого Румянцев распорядился поднять с постели ни свет ни заря старшего штурмана и велел ему составить предварительную прокладку, а стармеху с корабельным интендантом в двух словах объяснил, что сразу с побудки надлежит готовиться к штурманскому походу.

По существу, это означало, что автономное плавание началось. После похода вокруг Северной Европы все боевые части, службы и команды провели планово-предупредительный ремонт — ППР, и крейсер практически уже был готов к выходу в море, но так как в восточной части Баренцева моря и в Карском оказалась штормовая погода, а, как известно, северная волна намного тяжелее балтийской, то уже теперь Румянцев приказал крепить все по-штормовому, и сразу с побудкой была дана команда все осмотреть, проверить и все, что можно, принайтовить надлежащим образом. К десяти часам продукты, топливо и котловая и питьевая вода были приняты до полной нормы, и баржи с водолеями отвалили от борта. Румянцев приказал играть «Корабль к бою и походу изготовить».

Сразу после подъема флага, оставив за себя на борту распоряжаться делами старпома Пологова, он съехал на берег и там, в штабе, некоторым образом получил неудовольствие за то, что не присутствовал вчера на военном совете, где следовало бы изложить свои соображения относительно предстоящего похода. Румянцев знал, что надо промолчать, потому что возражениями делу не поможешь, хотя и хотелось сказать, что в Мурманск он отлучался с разрешения, и он промолчал, и это было оценено должным образом. А дальше все пошло как по маслу, все, что надо было утвердить, он утвердил, что увязать — увязал, и вернулся на борт в прекрасном настроении.

В походе сопровождать крейсер поручалось двум эсминцам — «Грозному» и «Гремящему», которые вышли в море заранее.

Ближе к полудню старпом Пологов доложил Румянцеву:

— Товарищ командир, корабль к бою и походу готов.

— Есть, — машинально ответил Румянцев, привычно пробежав глазами по лицам офицеров и не найдя среди них Студеницына, хотел уже было возмутиться, что-де все вот на месте, одного старшего артиллериста нет, но ведь, как известно, глухому попу дважды к обедне не звонят, встретился с глазами капитана третьего ранга Кожемякина, мельком подумал, а этот-то, дескать, зачем здесь, и вдруг сообразил, что Кожемякин — это и есть теперь Студеницын, стыдливо отвел глаза в сторону и тихо приказал старпому Пологову: — Велите, голубчик, играть боевую тревогу, выбирать швартовы и поднимать якоря.

— Есть, — теперь уже в свою очередь сказал Пологов и крикнул телефонисту: — Передайте на бак — отдать концы!

«Кожемякин — это и есть Студеницын, — повторил про себя Румянцев. Он мог бы продолжить свою мысль:— А Самогорнов — это Кожемякин, а Веригин — это Самогорнов, — но не стал ничего продолжать, а только подумал: — А Студеницын-то, прохвост, подгребает к Питеру и горюшка не знает. Ладно, Студеницын, ты свое отстрелял, может, ты и прав...»

При выходе в море появился ветер и ударил в борт косматой иссиня-черной волной. Баренцево море, прозванное поморами Студеным, исходило ослепительно белой гремящей пеной, как будто ветер стесывал с гребней волн металлическую стружку. Крейсер крепко качало, волны били уже не только в борта и в скулы, они накатывались даже на палубу, омывая надстройки, и брызги от них достигали ходового мостика. Все люки наверх пришлось задраить, и на палубе никто не показывался.

Вскоре после того, как вышли из залива, на горизонте показались дымы — один и другой, а через полчаса стали различимы темные силуэты «Гремящего» с «Грозным», которые шли встречным курсом. Они быстро замигали сигнальными прожекторами, испрашивая разрешения занять место в ордере, и Румянцев распорядился «Гремящему» выйти вперед, а «Грозному» занять место в кильватере. Когда эсминцы подошли ближе и начали делать эволюции, чтобы занять место согласно полученным с крейсера указаниям, стало видно, что волна их буквально захлестывает, идя почти вровень с надстройками.

Старпом Пологов даже крякнул, видя, как швыряет и кладет на борт эсминцы.

— Это тебе не Балтика, — сказал он, прямо ни к кому не обращаясь.

— На Балтике тоже бывает весело, — тем не менее отозвался Румянцев.

Кожемякин стоял в стороне, расставив пошире ноги и придерживаясь рукой за приборную доску, и чувствовал себя в боевой рубке весьма неудобно. Здесь ему казалось все чужим и словно бы необязательным, хотя он знал тут все до последней мелочи, но отсюда все виделось намного хуже, чем из его голубятни — о, черт, уже не его, — вознесенной на самую верхотуру. Оттуда горизонт его простирался миль на двадцать пять, из боевой же рубки, расположенной несколькими помещениями ниже, этот обзор сужался и становился таким маленьким, что Кожемякину начинало казаться, что отсюда можно только управлять кораблем на походе, но уж вести бой ни в коем случае нельзя, потому что, как все еще думалось ему, обзор настолько невелик и недалек, что все указания пришлось бы отдавать почти вслепую.

— Что приуныл, Кожемякин? — спросил командир, исподволь наблюдая за ним.

— Нет, ничего, товарищ командир.

— Вы не стесняйтесь. Мы все проходили через это, когда впервые попадали в рубку не вахтенным офицером, а управляющим огнем. В какое-то время начинаешь казаться себе незрячим.

— Вот именно.

Румянцев понимающе усмехнулся.

Но если Кожемякин чувствовал себя незрячим в боевой рубке, то Самогорнов, находясь на голубятне, видел сразу столько простора, что даже не мог сообразить, что же в этом просторе лишнее и что главное. Ему неоднократно приходилось отсюда управлять огнем, пусть чисто теоретически, но тогда он приходил сюда гостем, а теперь сел за визир хозяином, но хотя сесть-то он и сел, тем не менее хозяином сразу не стал; для того чтобы стать хозяином, требовалось еще обжить это место, но Самогорнов в отличие от того же Кожемякина почувствовал себя в своей голубятне куда как увереннее, чем Кожемякин в боевой рубке, потому что Самогорнов тут был первым человеком, Кожемякин же там, в рубке, стал четвертым или даже пятым лицом, а это уже создавало и свои удобства и свои неудобства.

Веригин особых неудобств от своего перемещения из

первой башни во вторую на походе не ощутил. Правда, виделось отсюда чуть подальше, но не настолько далеко, чтобы по-настоящему почувствовать эту разницу. «Кажется, чуть подальше, — подумал он, — кажется, и сектор обзора чуть побольше, но ведь это только кажется». Место за визиром во второй башне было такое же, как и в первой, и приборная доска такая же, и переговорные трубы на тех же местах, словом, от перемены слагаемых сумма не должна бы измениться, но она все-таки изменилась: команда-то в башне была другая, поди знай, кто из них что думает и что может, а чего не может. «Хорошо, что уговорил Паленова перейти сюда, — подумал он, — все свой человек рядом будет».

Паленов же, находясь и в новой должности, и в новой башне, совсем не знал, как себя вести и что делать. Он сидел на толкаче левого орудия, позади Веригина и неотвязно думал о том, что, наверное, все-таки поспешил согласиться, хотя в душе и был весьма польщен новым положением. Эта знаменитая формула — плохо, но хорошо — и была тем игольным ушком, через которое волей-неволей всю жизнь должен проходить совестливый человек.

— Может, споем, товарищ старшина? — обратился к нему командир орудия, старше его по возрасту года на три. Паленов все время помнил об этом немаловажном обстоятельстве, невольно покраснел и бодрым, фальшивым голосом сказал:

— А что... песня — это дело. Как, товарищ старший лейтенант?

Веригин уже привык, что Медовиков величал его чаще по имени и отчеству, ждал, что и Паленов так же будет его звать, когда это позволит служба, но эта форма обращения оказалась для Паленова тем порогом, через который он никак не мог переступить, и Веригин мысленно махнул рукой: «А, да ну не все ли равно...»

— Пойте, братцы, пока не объявят готовность номер один...

В башне, хотя и качало, все время приходилось за что-то держаться, но было тепло и сухо, а за броней свирепствовал ветер и гнал вдоль палубы тяжелые волны. Корпус корабля под их ударами скрипел и покрякивал, как будто впрягался в колымагу, груженную непосильной поклажей.

6

К исходу вторых суток пришло метеосообщение, что ледовая обстановка в Карском море резко ухудшилась, и Румянцев распорядился запросить штаб флота: придерживаться ли прежнего курса или только дойти до Новой Земли и повернуть в Белое море, как это и предполагалось? Штаб флота дал указание в Карское море не заходить, но в остальном действовать по ранее намеченному плану.

Румянцева это устраивало во всех отношениях, он облегченно вздохнул, радуясь, что все так хорошо получается, и, оставив за себя на мостике старпома Пологова — пусть-ка привыкает, — спустился к себе напиться чаю. Ему захотелось побыть одному, и он, пользуясь своим положением, позволил себе такую роскошь.

Кондратьев принес ему чаю, и он не стал дожидаться, когда тот поставит стакан на стол, а принял его из рук в руки — качало сильно, хотя чувствовалось по всему, что с подходом к Новой Земле шторм начал ослабевать.

— Ну, братец, какие нынче слухи гуляют по кораблю?

— Никаких, товарищ командир, — лукаво ответил Кондратьев.

— Так уж и никаких? — деланно удивился Румянцев.

Кондратьев переступил, поставив ноги пошире, чтобы придать телу бо̀льшую устойчивость.

— Один-то слушок все-таки ходит.

— Значит, один все-таки ходит.

— Ходит, товарищ командир.

— Ну-ну... — Румянцев отхлебнул из стакана и почувствовал, как горячий сладкий комок скользнул в желудок и тотчас же оттуда начало распространяться тепло по всему телу. — Так о чем слушок-то, если не секрет?

— Как вам сказать... — качнуло сильнее, видимо, рулевой не удержал корабль на курсе, и он рыскнул, и когда он рыскнул, Кондратьев уперся кулаком в переборку. — Вот черт... — сказал он.

— Это ничего... это бывает... на то она и качка, — лукаво подбодрил его Румянцев. — Так о чем слушок-то?

— Говорят, что на стапеле заложили будто бы «Власть Советов».

— Гляди-ка ты...

— А еще говорят, будто вас на эту «Власть» прочат командиром.

— Хе-хе, — как-то неуверенно и неопределенно посмеялся Румянцев. Такой разговор несколько раз заходил в штабах и там, на Балтике, и уже здесь, на Севере, но все это были пока что разговоры с иносказаниями, недомолвками, с недоговорами, а значит, ни к чему они и не обязывали.

С ходового мостика позвонил старпом Пологов и доложил, что на горизонте означилась Новая Земля и что по этому поводу он ждет его, командира, распоряжений: повернуть тотчас же, как это отмечено на карте, и лечь на обратный курс или же подойти поближе...

— Курса не менять, — жестко сказал Румянцев. — Я скоро поднимусь.

Он оделся потеплее — под китель меховую безрукавку, поверх кителя кожаный реглан, намотал вокруг шеи шарф и, став сразу неуклюжим и чувствуя себя неудобно, внутренним трапом начал медленно подниматься на ходовой мостик, обдумывая, что предпринять ему: повернуть ли тотчас же, как это и предполагалось после радиограммы из штаба, но тогда крепко штормило, и это было оправданно, или подойти поближе, потому что шторм, кажется, стихал, к тому же, кто знает, суждено ли когда еще раз в жизни подниматься в эти широты, и, может быть, этот поход будет единственным. Он поднимался так медленно и устало, что ему хватило одного трапа — а их было два, — чтобы принять решение: еще не видя обстановки на море, он уже знал, что подойдет вплотную к этой самой Новой Земле и даже несколько пройдет вдоль нее, чтобы показать морякам, а заодно и самому себе, что такое на самом деле Северà, и следующий трап одолел уже в три прыжка.

Шторм угасал, хотя волнение на море еще было сильное, и гребни волн, иссиня-черных, по всей округе осыпались звонким серебром. День стоял тусклый, облака шли низко, сея в стороне желтый холодный дождь, но видимость, несмотря на эти полосы дождя, была неплохая, и первое, что заметил Румянцев прямо по носу, была серая, безликая и печальная груда гор или, вернее, нагорий, которая постепенно обступала весь горизонт. Даже отсюда, издали, можно было почувствовать, как неуютно и тоскливо должно быть там, на той суровой земле. Румянцев даже содрогнулся при одной мысли, что неуютная каменная громада для многих стала могилой.

— Вот что, голубчик, — обратился он к вахтенному офицеру, — прикажите поднять сигнал: «Поворот все вдруг».

— Есть поднять сигнал «Поворот все вдруг», — повторил вахтенный офицер и закричал: — Сигнальщики!.. Поворот все вдруг!

— Есть «Поворот все вдруг».

В воздух на фале взлетели три комочка, развернулись, и по ветру затрепетали три флага, означавших по-своему сигнал «Поворот все вдруг». Тотчас же на эсминцах подняли ответные флаги: «Понял, приступаю к исполнению».

— Лево руля, — скомандовал Румянцев.

«Ну, наконец-то, — облегченно подумал старпом Пологов, — а то устроили говорильню на мостике, а обед давно уже готов. Перекипит борщ, в рот ведь не возьмешь».

— Одерживай.

— Есть одерживать.

— На румбе? — спросил Румянцев.

— На румбе...

— Так держать.

— Есть так держать.

— Вот что, голубчик, — сказал он, обращаясь теперь к старпому Пологову, но имея в виду и вахтенного офицера. — Поднимите сигнал: «Команде обедать!» А то борщ может перекипеть... Ведь может, а?

— Так точно.

— А знаете, я, пожалуй, сегодня отобедаю в кают-компании, — сказал Румянцев.

— Я уже распорядился поставить вам прибор, — сказал Пологов.

«Ни черта ты, голубчик, не распорядился еще, — подумал Румянцев и был не прав: Пологов на самом деле послал рассыльного в кают-компанию, чтобы там готовили прибор командиру. — Ну да бог с тобою».

— Все-таки отобедаю у себя, — миролюбиво промолвил он.

— Как вам будет угодно, — обиделся старпом Пологов.

— Ладно, голубчик, не сердись. Я на самом деле устал и хочу побыть один.

Он отпустил старпома Пологова и старшего штурмана, сам стал к ветровому стеклу и начал наблюдать за го-

ловным эсминцем, тот шел красиво, словно бы откинувшись назад, как человек, когда он преодолевает сопротивление ветра, из-под его скул вылетали клубы пены и почти достигали ходового мостика, и порой казалось, что эсминец погружается в воду, но он всякий раз выскальзывал на новый гребень, резал его надвое и сам опять проваливался в бездну.

— Штурман, — крикнул он, не оборачиваясь, уверенный, что второй штурман услышит его. — Прикиньте по карте, когда мы пройдем Колгуев?

Второй штурман на самом деле услышал его и быстро ответил:

— Около полуночи.

— Добро. А Канин Нос?

Штурман снова ответил.

«Ох и высплюсь же я в Белом море, — устало и радостно подумал Румянцев. — Ох и высплюсь же я...»

Отобедав, по одному на ходовой мостик стали подниматься офицеры. Румянцев дождался Пологова, сказал с кротким умиротворением в голосе:

— Присматривай тут. Я буду у себя.

7

На рейд Соловецких островов пришли ранним утром, бросили якорь, скатили палубу водой, и так как был воскресный день, то к Румянцеву пришли Иконников с Пологовым просить его уволить команду на берег, как говорится, согласно боевому расписанию. Румянцев, выслушав их, отказал наотрез. Он сказал им просто: «Нет», мог бы этим и ограничиться, но, заметив, как непроизвольно дрогнула бровь на потемневшем лице замполита и как обиженно поджались губы и обвисли усы у старпома, нетерпеливо добавил:

— Не думаете ли вы, что мы шли сюда только для того, чтобы устраивать экскурсии? Ближе к девятнадцати мы снимемся с якорей и уйдем в Кандалакшскую губу. А если кто-нибудь из ваших экскурсантов не вернется на борт к этому времени, что тогда прикажете делать?

Довод был убедительный, и Иконников со старпомом Пологовым смутились и начали говорить в свое оправдание, что, дескать, все-таки место-то историческое, крепость и фортификации, это стоило бы осмотреть в воспитательных целях.

— Для экскурсии время еще не приспело, — жестко сказал Румянцев. — Мы пришли на Север не прохлаждаться. Этого я прошу не забывать. Но команда утомилась — понятно. Поэтому сделайте вот что, — обратился он теперь уже к одному Пологову, — пошлите замерить температуру воды, и, если она достаточная, разрешаю купание команды с борта. — Он помолчал. — Кстати, представится неплохая возможность проверить, кто из матросов плохо плавает.

— Есть, — враз сказали Иконников с Пологовым, все-таки довольные исходом переговоров с командиром по столь щекотливому вопросу.

День стоял теплый и на удивление тихий. Вода не шелохнулась и во все стороны лежала ровная, загибая у горизонта к небу края. Вокруг корабля стаями качались на воде чайки, лениво поглядывая по сторонам, иногда они взлетали, и тогда возле борта начинался веселый грай. Неба же не было. Весь вечный свод устилала сероватая пелена удивительно ровного цвета во всех своих частях, и сквозь эту пелену немигающе смотрел белесый зрак. На него можно было смотреть открытыми глазами: он не слепил и не грел и, казалось, был лишним среди этого летнего приволья.

Прямо по носу кораблей зеленел кущами основной Соловецкий остров, на котором, выставив углом башню с бойницами, как человек плечо, покоился монастырь.

Был тот монастырь приземист и суров, стена его, обегавшая со всех сторон многочисленные постройки, даже с борта крейсера казалась грубой кладки, как будто строили ее люди огромной силы, потому что в основании лежали не кирпичи, а моренные валуны, которые в изобилии раскидал ледник по всему русскому Северу. Но если стены, в углу острова подступавшие едва ли не к самой кромке воды, представлялись незыблемыми, словно вросли в землю или, как дерево, вырастали из нее, то храмы, которые они охраняли и которые выглядывали из-за них своими куполами, являли собою вид плачевный и унылый. Железо на куполах частью проржавело, частью же было совсем сорвано, окна зияли черной пустотой, одни кресты неистовая сила погнула, другие же совсем сбросила наземь. Да и все постройки, которые можно было рассмотреть, когда-то, видимо, опрятные и обихоженные, теперь всем своим видом говорили о том, что человеческие руки редко приступаются к ним, а если

и приступаются, то только для того, чтобы что-нибудь ободрать, отколоть, унести.

После того как крейсер отдал якорь и подвахтенные были отпущены вниз, на полубак по привычке спустился Самогорнов — «к своей башне», — сказал он, — задержался с Веригиным возле обреза. Они молча глядели на монастырь, покуривали, пока Самогорнов не сказал:

— А природа тут благословенная. Монахи знали, где место себе выбирать.

Веригин скосил для приличия глаза налево, направо, потянул носом воздух, который пахнул рассолом и хвоей, и уже без всякого приличия покрутил головой.

— Даже не верится, что это Север. Такого даже и на Балтике не вдруг найдешь.

— Тут, братец, свой микроклимат, и вообще тут все свое.

Прибежал рассыльный вахтенного офицера и сказал, что старпом всех товарищей офицеров просит пройти на ют.

— К чему бы это? — спросил Веригин.

— Не иначе увольнение будет.

Старпом Пологов в двух словах объяснил, что командир разрешил команде купание с борта, дело это для крейсера новое, на Балтике не практикуемое, так что надо держать ухо, а вернее — глаз остро, чтобы когонибудь не потерять. В связи с этим командир и он, старпом Пологов, просят всех товарищей офицеров — желают они этого или не желают — тоже отведать беломорской купели, так как они надеются, что товарищи офицеры не забыли еще свои рекорды по плаванию, а в случае чего могут оказать кое-кому весьма полезную и необходимую услугу.

Офицеры дружно загоготали, обрадовавшись возможности порезвиться. «Дети, — подумал старпом Пологов, в самый последний момент тоже решивший искупаться.— Господи, какие они еще дети».

Потом говорил старший судовой медик — добрейший подполковник Власьев, но его никто не слушал, потому что всем уже хотелось непременно лезть в воду, и всякие разговоры по этому поводу только смешили и раздражали.

Вахтенный офицер распорядился спустить на воду все плавсредства: катера, барказы, шестерки, с правого борта — купаться решили с правого борта — вывалили вы-

стрел, парадный трап, спустили штормтрапы, по всему борту срубили леера, и только после этого вахтенный офицер объявил:

— Команде купаться! Желающим построиться по подразделениям вдоль правого борта в трусах, плавках, бескозырках и ботинках.

Место второй башни пришлось прямо против выстрела. Паленов прошелся вдоль непривычно голого строя и многих узнал, а многих не узнал, потому что и при форме-то плохо еще различал своих новых матросов, а телешом и совсем было не понять, свой ли стоит в строю или чужой. «Ладно, — отрешенно подумал он, подходя к борту и заглядывая вниз — до воды тут было метров девять, — потом разберемся». Появился Веригин, тоже в плавках, но при фуражке, и Паленов на мгновение растерялся, не зная, как докладывать: ежели подать команду «смирно», то вроде бы неудобно — матросы-то почти голыми стали в строй, а если не подавать команды, тогда для чего же на головах бескозырки и фуражки. Ерундовина какая-то получается. На всякий случай он приложил руку к бескозырке, но Веригин не стал дожидаться, когда Паленов выполнит все формальности, — «А... не до церемоний нынче» — озабоченно спросил:

— Все вышли?

Вопрос не был праздным, потому что купаться в море с борта было делом добровольным. И на него решились только те, кто умел хорошо держаться на воде.

— Все, — ответил Паленов. — Те, кто не плавает, подменили вахту и дневальных.

— Много таких?

— Пять человек.

— Фу... Многовато. Возьмем на заметку...

Они поняли друг друга с полуслова, и Паленов сказал:

— Есть.

Он снова как бы невзначай прошелся вдоль борта и ужаснулся — с такой высоты он еще не прыгал, а спускаться за борт по штормтрапу ему, молодому старшине огневой команды, показалось стыдно.

Раздалась команда:

— Снять ботинки и накрыть их бескозырками.

И как только качнулись и облетели ромашки — это матросы поснимали бескозырки — и строй стал русым. вахтенный офицер закричал ликующим голосом:

— Команде за борт!

Паленов видел, как разбежался и ласточкой полетел за борт Веригин, словно под ним была не девятиметровая высота, а маленький обрывчик, с которого он, Паленов, некогда прыгал в Сенежу; как лениво прошел по выстрелу Самогорнов, повернулся спиной и, подпрыгнув, перекрутился в воздухе и ушел солдатиком в воду; как сгрудились возле штормтрапов матросы, толкаясь и отпихивая один другого, словно малые дети. Он вдруг понял, что не может прыгнуть за борт, подобно Веригину или Самогорнову, но в равной мере не может и по-бабьи спуститься по штормтрапу... Он уже было зажмурился, сжал кулаки, отступил от борта и понял, что прыгнуть с борта у него не хватит духу, и в это время кто-то легонько толкнул его в спину. Паленов хотел обернуться, выругать обидчика, но вместо этого он уже летел за борт, и ему не было страшно в этом полете. Он даже почувствовал, что ему привычен этот полет, и только успел сообразить, что надо выровнять тело и головой уйти в воду, вытянув руки, чтобы не отбить себе ноги, живот или ту же голову. Хорошо ли, плохо ли, но он сумел это сделать и, уже почувствовав, что идет в глубину, испугался, что ему не хватит воздуха, и начал быстро, по-собачьи выгребать наверх.

Когда Паленов вынырнул, вокруг кувыркались и брызгались матросы, а на палубе, подбоченясь, стоял дядя Миша и гоготал:

— Ха-ха-ха...

Паленов выпростал руку из воды, поняв, что подтолкнул его дядя Миша, погрозил ему кулаком.

— Ха-ха-ха...

Был отлив, и всех быстро повлекло в открытое море. Паленову захотелось еще раз испытать себя, и он саженками начал выгребать к борту и скоро понял, что ему не выгрести, поманил к себе шестерку, и когда шлюпка подошла, вскарабкался на борт, жалобно попросил:

— Братцы, подгребите к борту.

— Наловим человек десять, тогда и подгребем.

— Братцы, мне же себя надо испытать.

— Черт с ним, — сказали гребцы своему старшине, — правь к борту.

Паленов взбежал по парадному трапу на борт, промчался по палубе, ткнув по пути в бок все еще хохочущего дядю Мишу, балансируя, прошел к концу выстрела, раскачался и, чувствуя, что уже ничего не боится, сло-

жил руки над головой, оттолкнулся ногами и полетел в воду.

Отпущенные на купание полчаса прошли как одна минута, и вахтенный офицер с борта крейсера тщетно взывал:

— Команде на борт.

И когда последняя шлюпка подошла и на борт поднялся последний матрос, раздалась команда:

— Становись! На-кройсь... Разойдись.

Старпом Пологов, корабельный медик Власьев, дежурный и вахтенный офицеры медленно пошли по правому борту, тревожно поглядывая перед собою, не остались ли чьи ботинки, накрытые белой бескозыркой или фуражкой, но, слава богу, борт был чист, и все облегченно вздохнули. На правом крыле ходового мостика стоял командир и тоже поводил взглядом от носа к корме и от кормы к носу. Он не мог видеть, что делалось на юте, и с нетерпением ждал, когда к нему приблизится процессия во главе с Пологовым.

— Ну что? — закричал он сверху.

— Товарищ командир, купающиеся все вернулись на борт, — задрав вверх голову, доложил дежурный офицер.

— Добро! — прокричал командир. — А что, старпом, не искупаться ли и нам?

— С великим удовольствием, товарищ командир.

8

Как ни странно, но именно купание близ Соловецких островов, и первый невольный прыжок с борта, и второй, вполне осознанный и желанный, как бы поставили все на свои места, и Паленов отчетливо понял, что нельзя больше тянуть время: надо или подавать рапорт, чтобы разрешили сдавать экзамены в училище, или не подавать. Правда, тут Паленова подстерегала опасность, о которой не знал никто, но о которой сам-то он не забывал: поступив в юнги, он, по сути дела, обвел вокруг пальца медицинскую комиссию, нашедшую какие-то шумы в сердце, но что это были за шумы и сколько еще раз удастся ему ввести в заблуждение медиков, он не знал, поэтому и не подал нынче весной документы — как это принято на службе — по команде.

Тем же вечером Паленов отправился в лазарет к подполковнику Власьеву. Власьев был один, по обыкновению

своему читал пухлую книгу и при виде Паленова заложил ее указательным пальцем, насмешливо оглянул его, думая, что тот неудачно прыгнул и отбил себе брюхо.

— Что скажете? — спросил он, иронически улыбаясь.

— Поговорить мне надо с вами, — сказал Паленов, делая вид, что не заметил его иронии.

— Ну раз поговорить, то проходи, садись.

Паленов так и поступил: прошел и сел, даже бескозырку снял, подержал ее в руках, потом положил на краешек стола и как бы между прочим сообщил:

— А я ведь впервые сегодня с борта прыгал.

— С борта? И ничего не отшиб?

— С борта... И ничего.

— Ишь ты...

Паленов спрятал руки под стол, как будто они стали мешать ему, заикаясь, попросил:

— Вы бы послушали меня...

— А ты разве не знаешь, когда в санчасти приемные часы? — удивился Власьев.

— У меня особый случай... Я ведь ни на что не жалуюсь, и у меня ничего не болит.

Власьев с любопытством поглядел на Паленова, склонил сперва голову на одно плечо, потом на другое, как птица, когда она пытается рассмотреть предмет получше.

— Скажи-ка ты... зачем же я буду слушать, если у тебя ничего не болит. Знаете ли что, молодой человек,— Власьев называл Паленова то на «ты», то на «вы», словом, не так, как того требовала субординация, а как ему было угодно. — Давайте-ка излагайте все как на духу. Кстати, вы понимаете, что такое — говорить на духу?

— То есть откровенно.

— Вот именно...

Паленов снова почувствовал себя стоящим у борта, и снова ему надо было прыгнуть, и он никак не мог решиться на это, даже подумалось, что Власьев, подобно дяде Мише Крутову, подталкивает его, но Власьев не шевелился, сидел себе и помалкивал. Он мог, кажется, молчать вечность, и тогда Паленов шагнул сам.

— Поступая в юнги, я обманул медиков.

— Любопытно... И что же ты теперь хочешь?

— Я хочу поступить в училище.

— Похвально... Я могу все только приветствовать. И какое же училище вы выбрали?

— Имени Михаила Фрунзе.

— Похвально... Бывший морской кадетский корпус.

— Боюсь, комиссия не пропустит.

— Вот как: думал, медиков обманул, а выходит, сам обманулся. Снимай голландку.

Власьев измерил ему кровяное давление и раз, и другой, потом долго слушал, мял сильными руками живот, смотрел горло, потом сел к столу, подпер голову рукой. Паленов ждал.

— Вот что, молодой человек, так сразу я тебе ничего не скажу. Что-то мне не особенно нравится твое сердчишко, но чем черт не шутит — утомился за поход.

— Утомляться-то не из чего, — возразил Паленов. — Погоняли малость наводчиков, а в остальном — курорт. Поход-то штурманский.

— Это верно, поход штурманский... Вот и полежи у меня до его окончания. Я тебя понаблюдаю в стационаре.

Паленов испугался.

— Как это полежать!

— Очень просто, на чистой коечке.

— Мне никак нельзя лежать. Мне надо в башню.

— Ничего. Поход-то штурманский.

Власьев ушел к себе в каюту и долго не возвращался, позвонил сперва Веригину, а потом и Самогорнову, сказав, что хочет подержать в лазарете старшину первой статьи Паленова, якобы с подозрением на аппендицит, а Паленов сидел тут, решая для себя мучительный вопрос, оставаться ли здесь, полагаясь на волю Власьева, или убежать в башню, и все порывался думать о том, что если Власьев найдет у него порок сердца, то что ему тогда делать и куда податься, и каждый раз уходил от этой мысли: очень уж была она неприветливая и тягостная.

Но вернулся Власьев, помыл привычно руки под краном, накинул на плечи больничный халат и сказал как ни в чем не бывало:

— Вот что, молодой человек, с твоими отцами-командирами я этот щекотливый вопрос уладил, теперь выбирай койку и ложись.

Крейсер держал курс в Кандалакшский залив, как это и предусматривалось планом похода. Белое море в эти часы было спокойно, крейсер почти не качало, он только содрогался от собственной внутренней силы, которая находила выход в этой постоянной дрожи палуб и переборок. Крейсер шел среди белесых вод под покровом

угасающей белой ночи, взрывая за кормой эту воду буграми. Бугры скоро опадали, но след за кормой оставался долго, и вахтенные видели его уходящим за горизонт.

Первый день в лазарете Паленов отдыхал, а потом время пошло нудно и медленно, как будто все часы сразу замедлили свой бег, и все стало тут немило: и койка с пружинами и ватным матрасом, и белые переборки, и мягкий свет, и тишина, едва ли возможная на корабле. Изредка заходил подполковник Власьев, мерил давление, слушал и выстукивал грудь и молчал, наконец однажды словно бы вскользь спросил:

— Родители-то у тебя где?

— Отец командовал артиллерийским полком — погиб. Мать была военврачом, тоже погибла. Оставалась бабушка— умерла.

— Артиллерист — это что: фамильное?

— Вроде бы.

— Да... А в войну где был?

— Беженцы мы с бабушкой. Шли по местам, занятым немцами, христараднichали. На войне не были, а от войны не бегали.

— От войны не убежишь — это верно... — Власьев внимательно поглядел на Паленова, покачал головой. — Вот и ты не убежал. Не пугайся — практически ты здоров, но сердчишко у тебя обидчивое. Его сорвать ничего не стоит. Служба не санаторий. Тут сердца некогда беречь. Ты же небось мечтаешь служить в плавсоставе?

— Только так...

— Что ж, лет до тридцати пяти поплаваешь, а потом спишут на берег. Устраивает тебя такая перспектива?

— Я вижу службу только на море.

— Решай... Теперь тебе много надо решать...

Глава девятая

1

И пришла в Заполярье тихая и кроткая осень. Пожелтели березки, стали багряно-бордовыми осинки, и угрюмые сопки словно бы расцветились флагами, которые корабли поднимают по великим праздникам. Порой даже казалось, что это не осень прокралась между сопками, а

началась поздняя весна, которой еще буйствовать долго и надежно.

В воскресный день дядя Миша сходил в сопки и принес оттуда корзину белых грибов, на удивление крепких и нечервивых. Он в два счета уговорил командира отрядить ему несколько матросов, обещая заготовить грибов на всю зиму. Румянцев поначалу было поартачился, но потом сдался и махнул рукой: «Ах, да делайте вы что хотите. Пусть старпом там распорядится». Пологов сразу смекнул, что это дело стоящее, и скорехонько велел отрядить в распоряжение главного боцмана человек пять-шесть, понимающих толк в третьей охоте. Крейсер надежно обживался на Севере.

Штурманский поход к Новой Земле и в Белое море сделал свое дело, и команда помалу стала забывать Балтику.

Минула неделя после отъезда Веригина в отпуск, и Паленов мало-помалу вошел в роль командира башни, все ему начинало нравиться, и сам он начинал исподволь уважать себя, как лицо солидное и ответственное. В башне и на палубе среди матросов он жил, спускаясь же в каюту и оставаясь наедине с собой, превращал жизнь в игру, и если в жизни могло что-то не получаться или получаться не так, как хотелось бы, то, играючи, он добивался всего, и все получалось именно так, как ему нравилось. Жизнь чаще всего была суровой мачехой, игра же неизменно оборачивалась ласковой матерью, и так хорошо становилось, находясь сразу между мачехой и матерью, что все неприятности сглаживались, а незначительные приятности приобретали особую значимость. Среди тех неприятностей, которые тушевались и словно совсем исчезали, оставался Власьев со своей дурацкой правдой, а среди приятностей появлялась Даша, писавшая своим аккуратным учительским почерком каждую неделю веселые и шутливые письма, от которых заметно светлело на душе.

А там пришло письмо и от Веригина, в котором он между прочим, хотя письмо-то ради этого и писалось — Паленов это понял, — сообщал, что ездил он с женой к матери в Старую Руссу и оттуда завернул в Горицы. Ну, ясное дело, не просто завернул, а ездил за рыбой, которой Горицы славились испокон веку. Так вот Веригин писал: «Красотища у вас неописуемая. Я даже взвыл от досады, что раньше не бывал там. А ты, братец, у нас,

оказывается, фрукт. Такой дом имеешь, да еще под железной крышей, что другому и во сне не приснится. Тебя в Горицах помнят, мне даже хвастались: а у нас-де даже один паренек в морфлоте служит, и называли тебя... Познакомился я и с бабушкой Матреной. Она мне и дом твой показывала — она в нем прибирается, — и молоком парным поила. Так что, брат, побывал я у тебя и все высмотрел и скажу тебе в заключение то же самое, с чего и начал: красотища у вас неописуемая».

2

За последние полтора-два месяца ротор турбины крейсера накрутил столько оборотов, что другому кораблю хватило бы не на один год, поэтому командир крейсера при поддержке флагманских специалистов и с одобрения соответствующего управления при прямом содействии командира соединения объявил планово-предупредительный ремонт. Фраза получалась несколько длинновато-неказистая, но она отразила всю суть тех разрешений и согласований, которые необходимы были командиру, чтобы разрешить стармеху погасить огни в котельных отделениях и снять кожухи в машинном.

Естественно, что, начавшись в боевой части-пять, планово-предупредительный ремонт покатился по всему кораблю, захватил все боевые части, службы и команды, вернее — все заведования, которые входили в эти боевые части, службы и команды. За один день крейсер принял вид ремонтной базы. Пологов хватался за голову и плачущим голосом говорил:

— Глаза бы мои не смотрели на этот бедлам.

Но сколько бы он ни хватался за голову, планово-предупредительный ремонт появился на свет божий вместе с паровыми судами, а паровые суда, как, впрочем, и любое судно, нуждаются, к сожалению, в ремонтах, иначе век их, и без того короткий, может стремительно сократиться. Экипажи кораблей при всей своей кажущейся неизменности отличаются, подобно ртути, текучестью, главные же механизмы, заложенные в чрево корабля еще на стапеле, практически незаменимы. Они должны служить, как говорится, от звонка до звонка и вместе с кораблем пойти на слом, если корабль только доживет до глубокой старости, не захваченный каким-нибудь стихийным бедствием.

Артиллеристы могут заменить или все орудие, или нарезную его часть — лейнер, штурманы то и дело снимают одни приборы и ставят другие, даже боцманам порой удается сменить якоря, только турбинным машинистам, сколько бы их ни поменялось за корабельный век, на все про все даются гребные валы без права замены, поэтому и холят они их, все время смотрят, чтобы они не стронулись с места, остались бы в том положении, в какое их уложили на заводе. Ну а если ремонтируются турбины, то что же прикажете делать другим заведованиям? Тоже планово ремонтироваться: что надо подтянуть, что надо ослабить, где голичком подмести, а где только что не языком вылизать. Порядок зарождается вместе с кораблем, а порядок ведь, как известно, в свою очередь, порядка требует.

Во всем этом бедламе, как назвал планово-предупредительный ремонт старпом Пологов, потому что он внес беспорядок в святая святых любого корабля — верхнюю палубу, не находилось дела только одному человеку — командиру. Отвечая за весь корабль в целом, конкретно-то он ни за одно заведование не нес ответственности: ни за главный компас, скажем, за него отвечал старшина команды рулевых, ни за вторую башню главного калибра. За нее теперь отвечал Веригин, а в отсутствие Веригина — Паленов, тот самый, который имел какое-то отношение к Даше Крутовой.

«Шустрый парень, — подумал Румянцев, — за какие-то полгода перемахнул через ступеньку и очутился в старшинах команды. Говорят, из юнг. Ну юнги — народ тертый. Эти службу знают. А все-таки при чем тут Даша Крутова... Ах да, Паленов... Ну да, ну да...»

Ему и впрямь нелегко было жить на корабле в том обычном понимании этого слова, когда он не знал ни минуты покоя, готовый, как сжатая пружина, к немедленному действию. Образовалась некая пустота, которую надо было чем-то заполнить, он попробовал читать, даже достал с полки томик сочинений Льва Толстого, подержал в руках и поставил обратно.

Он позвонил Пологову, сказав, что сойдет ненадолго на берег, распорядился, чтобы к трапу подали катер, оглядел себя в зеркале, надел фуражку, поправил ее и, помахивая перчатками, вышел из каюты.

Румянцев спустился на катер, но присаживаться не

стал, а закурил, раздвинул занавески и начал смотреть на приближающийся город, который все еще оставался беспорядочным поселком. Сказав старшине, что он вернется скоро, Румянцев легонько перепрыгнул на причал и, помахивая перчатками, пошёл в гору.

Над сопками плыло солнце, заглядывая в ложбинки, в которых золотыми россыпями стлались северные березки и багряно и красно тлел такой же трепетный и низкорослый осинничек.

3

Погода долго не портилась, и лист на березах и осинах не облетал. Они продолжали гореть желтыми и красными свечками, но в их прекрасном свете тепла становилось все меньше и меньше. Казалось, что для горения у них нет больше силы, и они только медленно тлеют, день ото дня все заметнее угасая. И солнце становилось меньше, оно уже почти не грело, а только словно бы едва прикасалось своими теплыми ладонями. Изредка задувал ветер, покрывая залив гневными бурунами, которые вскипали, тотчас же гасли и снова вскипали, но ветер быстро стихал, буруны угасали, и залив покрывался тусклым синим стеклом.

О том, что приближается беда, первым, наверное, на крейсере почувствовал дядя Миша Крутов, который еще с вечера жаловался, что у него ноет поясница. Он хотел было попариться, но кочегары держали под паром только один вспомогательный котел и в баню горячей воды не давали — она шла только на камбуз, в посудомойку, в кают-компании, так что о том, чтобы веником выгнать хворобу, не могло быть и речи. Раздосадованный дядя Миша Крутов обругал «духов» нехорошими словами, заперся у себя в каюте и решил растереть поясницу спиртом, которого самую малость — с наперсток всего — выпросил у Власьева. Власьева за его скупердяйство дядя Миша тоже обругал, но не вслух, как он поступил с кочегарами, а молчком, но очень крепко и забористо, тем самым и отношений с Власьевым не нарушил, и пропесочил его...

Только дядя Миша заперся, снял китель, как постучали в дверь. Дядя Миша тихо выругался: «А, чтоб вас», но голоса не подал, не желая обнаружить себя; в дверь

снова забарабанили, теперь уже настойчиво, и молодой голос прокричал:

— Товарищ мичман, вам семафор!

«От кого бы это?» — подумал дядя Миша, разбираемый уже любопытством, но еще не открывая дверь: спина все еще ныла и просила тепла.

— Как хотите, товарищ мичман, — не слишком уверенно сказал тот же голос. — А только семафор важный.

«Ну если важный», — дал волю своему любопытству дядя Миша.

— Ты там погоди, — сказал он нарочито сердито. — Я сейчас... Только вот застегнусь.

Он открыл дверь. Рассыльный вахтенного офицера молча протянул бланк семафора.

— «Скоропостижно скончался мичман Поляков», — прочел дядя Миша вслух и, ничего не поняв, спросил: — Какой мичман Поляков? — И вдруг все понял. — Михеич умер, — тихо сказал он. — Как же это так? Михеич умер... Умер Михеич.

Он закрыл перед носом рассыльного дверь, устало сутулясь, сел на койку, на день убранную, как диван, бессмысленно уставился в бланк семафора, твердя про себя одни и те же слова: «Михеич умер... Умер Михеич-то. Как же это так?»

Потом до него дошел смысл и других слов, и он понял, что надо торопиться, потому что был вторник, а похороны назначались на четверг. Дядя Миша Крутов переодел китель, собрался уже было идти к командиру, но вернулся и переодел брюки, и только тогда уже побрел коридором в нос.

Командир был занят — говорил по телефону со старпомом, дядя Миша не стал ждать, хозяйски открыл дверь и, видя, но не обращая внимания на предупреждающий взгляд командира, прошел к столу и положил перед ним бланк семафора.

— Это что? — прикрыв ладонью трубку, спросил недовольно командир.

— Михеич умер... — скорбно промолвил дядя Миша Крутов, кажется, только теперь окончательно поняв, что Михеич на самом деле умер. — Вот дело-то какое.

Командир сказал старпому Пологову, что перезвонит потом, положил трубку. Кивнул дяде Мише на кресло, взял со стола бланк, пробежал по нервным, торопливым

строчкам и раз, и другой, хотя чего уж там было читать, когда и так все было ясно.

— Поляков — это тоже из когорты патриархов?

— Я последний остался...

— Неважное дело, Михаил Михалыч. Надо ехать.

— С тем и пришел.

— Добро. Собирайся. Через час документы будут готовы.

Дядя Миша поерзал в кресле, не зная, как приступить к весьма щекотливому делу.

— Надо бы Паленова со мной отпустить. Я так полагаю, что Паленов единственный его наследник.

— Они что — родственники?

— Не совсем родственники... А если говорить честно, то совсем не родственники. Только Михеич-то наставлял Паленова на путь праведный.

— Паленов — это уже сложнее.

— Я и говорю, что сложно это, а отпустить надо... Михеич заслужил, чтобы его хорошо проводили. Четыре календарных десятка отдал флоту — это же понимать надо. — Дядя Миша чувствовал, что он говорит совсем не то, что следовало бы говорить в подобной ситуации, но он не знал, что следует и чего не следует, и поэтому говорил что бог на душу положит. — Помоложе меня Михеич-то будет... Годки мы с ним, только я-то январский, а он — ноябрьской. Поспешил Михеич-то.

— Все там будем.

— Все — это верно, только в разное время.

— Добро, Михаил Михалыч. Скажи и Паленову, пусть собирается. Дадим ему десять суток внеочередного отпуска за примерную службу. Служит-то он примерно?

— Сами же отмечали его.

— Ну да, ну да, — сказал Румянцев, подумав, что патриархи были последними представителями того мощного племени, которое пришло на флот вскоре после Цусимы, являли собою живую историю, и эта история теперь уходит. Рушатся одни временные связи и создаются другие: Поляковы освобождают место Паленовым, но смогут ли Паленовы стать Поляковыми — вот в чем вопрос. — Поклонись Михеичу, сильный был мужик. Много через его руки нашего брата прошло.

— Почти все артиллерийские классы.

— Ну да, ну да...

От командира дядя Миша зашел к старшему корабельному медику Власьеву и с обидой сказал:

— Что же ты мне спирту-то пожалел? Твоей каплей-то только малому дитю в паху протереть.

— Спиртом-то младенцев не протирают — сжечь можно. Это у тебя кожа ядреная, так и тебе хватит на поясницу.

— Мне не на поясницу надо... Поясница обойдется. Мне друга требуется помянуть... Михеич помер.

— Та-ак, — сказал Власьев, отодвигаясь от стола и как будто еще глубже погружаясь в кресло. — Когда идешь-то?

— Через час, сказал командир, все будет готово.

— Через час и приходи. Потрем тебе поясницу в дорогу.

— Мне бы теперь...

— Теперь нельзя. Службу забываешь, Михайло Михайлыч.

— Тут не то что службу, а и себя забудешь.

Предстояло еще уладить дело с командиром боевой части-два Кожемякиным и комдивом-раз Самогорновым, потому что Паленов остался за Веригина, и сразу возникал вопрос: на кого оставить башню? Башня не игрушка, ее абы на кого не бросишь, но и ехать без Паленова дядя Миша никак не мог, потому что и Михеича следовало проводить как следует, и самому пускаться одному в дорогу, когда голова пошла кругом, прямо-таки не хотелось. Но у Кожемякина с Самогорновым дело уладилось в одну минуту. Самогорнов взялся сам на это время последить за башней, тем более что башня-то до недавнего времени была в личном его подчинении, и только после того, как все решилось, дядя Миша пошел искать Паленова и нашел его в башне.

Паленов вместе со старшинами орудий проверял масло в масленках, которых было великое множество, и Паленову нравилось и то, что он знал, где находится каждая масленка, и то, что старшины охотно показывали свои заведования и, значит, были спокойны за них, и то, наконец, что он впервые ощутил себя хозяином, и это чувство грело его, делало увереннее в своих поступках и жестах.

Дядя Миша подошел ко второй башне, но залезать в нее не стал, только в открытую дверь негромко позвал:

— Слышь, парень, выйди-ка на минутку.

— Что там стряслось? — недовольно спросил Паленов.

— Беда у нас, парень.

Паленов понял, что дядя Миша пришел с плохой вестью, похолодел, не зная еще, что подумать, и больше не заставил себя ждать. Скорехонько вылез, вытирая вымазанные в масле руки ветошью.

— Беда, парень... Михеич помер.

— Как помер? — не поверил Паленов. — Я же недавно письмо от него получил.

— Писал, пока жив был, а теперь помер... Стало быть, надо ехать.

— Ехать надо, — согласился Паленов, пытаясь сообразить, что следует предпринять, чтобы отпустили дней на пять с корабля. И ничего путного придумать не мог: Михеич не приводился ему родственником, и, значит, он, Паленов, не имел никаких прав ехать хоронить его. — Конечно, надо ехать, — повторил он, сильно сомневаясь в том, что говорил.

Это сомнение дядя Миша Крутов словно бы чутьем уловил, а уловив, подумал, что Паленов не хочет ехать и, обидясь за Михеича, закричал:

— Да как ты смеешь не ехать?..

— Я-то всей душой... — начал было Паленов, но дядя Миша, решив опять, что Паленов начал отговариваться, даже ногами затопал:

— А если всей душой, то и дуй к Самогорнову. И чтоб через пятнадцать минут был у рубки вахтенного офицера.

Паленов понял, что дело не такое уж безнадежное и, видимо, дядя Миша кое-что предпринял, опрометью бросился к Самогорнову, перед дверью перевел дух и, решив действовать наверняка, уверенно постучал и вошел. У Самогорнова сидел Кожемякин, и потому, что Паленов не ожидал встретить его здесь, он смешался, не зная, как приступить к делу. Он пустился в рассуждения, что, дескать, умер Михеич, который хотя никем ему и не доводится, тем не менее ближе человека у него, Паленова, не было, и вдруг понял, что говорит совсем не так, потому что так-то сказать каждый может, а у него дело не совсем обычное, покраснел и жалобно заморгал.

— Вообще Михеич был человек и патриарх флота, — сказал он, наконец поняв, что большего сказать уже ничего не сможет.

— Добро, — сказал Кожемякин на правах старшего.—

Вопрос о вашей поездке решен. Командир своим приказом разрешил вам поощрительный внеочередной отпуск. Вы понимаете, что это такое?

— Так точно, — обрадовался Паленов.

— За все прежние деяния вы уже отмечены, кажется?

— Так точно, — несколько потускнев, сказал Паленов.

— Придется потом отработать.

— Так точно, — опять повеселев, сказал Паленов.

— Ну я думаю... Благодарите своего комдива, что он поручился за вас.

— Спасибо, товарищ капитан-лейтенант.

— Чего уж там, — нехотя промолвил Самогорнов, которому стало неловко и за Кожемякина, и за Паленова, а вместе с ними и за себя, как будто все трое они затеяли унизительную игру, в которой в общем-то нужды не было. — Получайте документы и будьте здоровы. Кстати, советую лететь на самолете. Немного доплатите, зато быстрее будете на месте.

— Есть.

— Да, вот еще что, — Самогорнов подошел к шкафу, достал из него небольшой сверток, — передайте в Ленинграде Веригину.

— Это что? — заинтересовался Кожемякин.

Самогорнов засмущался.

— Веригин-то скоро отцом станет. Вот я и припас ему тут кое-что. Хотел посылку сообразить, да на почту некогда идти.

— Ишь ты, поди-шь ты...

4

Поздним вечером того же дня Паленов с дядей Мишей Крутовым прилетели самолетом в Ленинград, и дядя Миша хотел было сразу же ехать в Рамбов, чтобы оттуда любой оказией добраться до Кронштадта, но Паленов на этот раз взбунтовался, сказав, что если они к полуночи доберутся до Кронштадта, что весьма сомнительно, то к Михеичу их все равно не пустят, и лучше уж идти в Кронштадт первым рейсом парохода. Дядя Миша поворчал, поворчал для приличия, но все-таки согласился, что ехать теперь же в Рамбов не резон. Впрочем, домой он тоже не спешил и, взяв такси, велел шоферу ехать не на Дворцовую набережную, а к черту на кулички — в Новую Деревню.

В Новой Деревне они долго искали улицу и дом, и когда нашли, то Паленов наконец понял, что дядя Миша ехал к Матвеичу, третьему патриарху, который год назад ушел по чистой, но дома того не оказалось — с утра еще подался в Кронштадт. Дядя Миша опять взбунтовался и сказал, что знать ничего не хочет и они сегодня тоже должны попасть в Кронштадт, но пока возвращались в город, пыл его мало-помалу угас, он загорюнился, забрался в уголок, словно бы ему стало все равно, куда и зачем ехать.

Тогда инициатива впервые за этот долгий беспорядочный день перешла к Паленову, и он распорядился ехать на Дворцовую набережную, наконец-то почувствовав, что бесцельные блуждания благополучно завершились, и сердце тоскливо и жалобно замерло в ожидании скорой встречи. Михеич-то Михеичем, но ведь была еще Даша... Дядя Миша зашевелился в своем углу и заворчал, но Паленов молча положил на его колено свою ладонь, дескать, ладно, чего уж там...

— Эх, парень, — с тоской сказал дядя Миша Крутов. — Человек-то, говорят, не вдруг помирает, а три дня еще чувствует, что вокруг него происходит. А если так, то Михеич ждет меня, небось думает, что я забыл нашу клятву верную, чтоб без всякого зову идти на помощь, если друг в беду попал. А Михеич-то в беде. Михеич-то уходит от нас...

Дядя Миша говорил так, как будто Михеич еще не умер, но должен умереть, и Паленову стало зябко от этой слепой и яростной веры, когда человека ни убедить в чем-то другом, что не соответствовало бы его вере, ни тем более переубедить невозможно.

— Эх, дядя Миша, раз уже умер человек, то он и умер. И ничего не попишешь. Помню, бабушка умерла, так мне сон снился, будто кличет она меня, а я и хотел, да не проснулся. А когда поднялся, она уже окаменела. Я ей: «Бабушка, бабушка», а чего уж там бабушка, если холодная она.

— Нет, парень, — возразил дядя Миша, — врешь. Ждет меня Михеич-то.

Выйдя из машины, дядя Миша долго шарил по карманам папиросы и, закурив, тотчас же принялся искать ключи, а найдя их, пожаловался:

— Не хочу домой идти. Тесно там, а я сейчас боюсь тесноты. Душно мне.

— Не выдумывайте, дядя Миша.

— Чего уж там выдумывать, когда все так и есть.

Они поднялись на этаж, дядя Миша вставил ключ в замочную скважину и, только было хотел повернуть его, как дверь распахнули и на пороге появилась Даша, одетая в черное платье с ослепительно белым воротничком и такими же манжетами, и это платье — черное с белым — как бы подчеркивало скорбную торжественность момента.

— О господи... Я ждала вас.

— А, — только и сказал дядя Миша, подставив для поцелуя ставшую за день колючей щеку, Даша мельком чмокнула, и дядя Миша вошел в прихожую и тотчас скрылся в своей комнате.

— Вот как все печально. — Даша быстро оглядела Паленова и удивилась, что за это короткое лето он успел измениться, последние мальчишеские следы как будто бы стерло с лица, и оно сразу стало крупнее, а вместе с тем и мужественнее. Она прижалась к его плечу, постояла так. — Господи, Саня, как же это так? Михеич-то...

— Мы только сегодня об этом узнали.

— Все только сегодня узнали... — тихо сказала Даша и всхлипнула по-бабьи: — Горе-то какое, Саня... А я все равно рада, что ты приехал.

Она приняла у него бескозырку, повесила на вешалку, подтолкнула к ванной комнате, дескать, умойся с дороги, а сама быстро ушла. Паленов закрыл за собою дверь на щеколду, сел на табуретку и, невольно улыбаясь, закрыл лицо ладонями. Он ждал этой встречи, но даже в самых смелых мыслях не мог представить себе, что она будет такой родной. Он долго плескался под краном, снял с себя голландку и тельняшку, как бы стараясь смыть с себя то радостное ощущение полноты жизни, которое так не вязалась со всей обстановкой и могло оскорбить дядю Мишу. Он посмотрел на себя в зеркало и, увидев хмельные от счастья глаза, опять сунул голову под кран и держал ее под струей, пока не заломило в затылке и висках.

В кухне уже собрались все Крутовы и ждали его, и оттого, что все невольно посмотрели на него, когда он вошел, ему до обидного стало неловко, и он растерянно и стыдливо провел руками по швам, ища карманы, пытаясь спрятать в них руки.

— Ладно тебе, — сказал дядя Миша, — приехали на похороны, а ты невесту из себя строишь. Садись вот, ешь.

— Да я не строю... — совсем смутился Паленов.

— Саня, — позвала Даша, — иди сюда и не обращай внимания на деда. Ты мой гость.

— А мы, между прочим, не в гости ехали, — обиделся дядя Миша.

— Хватит вам мелочиться-то, — подал голос Крутов-младший. — Ты, отец, и ты, Даша, будьте же в конце концов благоразумными.

— Откуда же ей быть благоразумной, если она по каждому пустяку собачится с дедом?

— Дед, да ведь это же квартира, дом мой, а не верхняя палуба твоего крейсера.

— Жаль, — сказал Крутов-старший. — На крейсере бы я тебе быстро укорот нашел.

Дядя Миша сварливо-мелочно придирался к каждому пустяку, словно находил в этом удовольствие, но скоро устал кобениться и спорить — домашние, видимо, знали, что он должен перекипеть, выплеснуть из себя пену и только после этого успокоиться, — решительно спросил:

— Как он хоть умирал-то? Был хоть кто с ним или как жил один, так и умер без призрения?

Крутов-младший отодвинул от себя чашку с недопитым чаем, да он и не пил, сидел за столом для компании — время-то все-таки было позднее, глухо сказал:

— Поляковы в призрении не нуждаются. Они и живут, боясь надоесть людям, и умирают тихо, чтобы никому не быть в тягость. — Крутов-младший горько усмехнулся. — Последнее время он, Михеич, прихварывал и ночевал в городе, а потом ему вроде бы полегчало. Ночи стояли теплые. Он и отправился к себе на броненосец — в опочивальню. И вот опочил. Хватились его только на вторые сутки.

Дядя Миша слушал Крутова-младшего с напряжением, как будто открывал для себя Михеича заново, и час от часу с той самой минуты, когда рассыльный принес ему семафор, у него все росло и крепло чувство, что он просмотрел и не заметил в Михеиче что-то такое, делавшее его человеком не простого десятка.

— Какого мужика потеряли! — сказал он с тоской.

После этих слов стало будто бы и не о чем говорить,

потому что они выразили самое главное, после чего все прочее могло быть только второстепенным и, значит, ненужным и необязательным в этот скорбный вечер, и все один по одному начали расходиться по своим комнатам.

Паленов с Дашей остались одни. И Паленов вместо того, чтобы обрадоваться, испугался этого одиночества, и Даша тоже испугалась, они сидели, томясь друг другом и боясь в то же время, что одному из них наскучит так сидеть и он может уйти, и это томление, и эта боязнь, вызывавшие противоположные чувства, которым, казалось бы, вместе могло быть только тесно, тем не менее создавали некий простор, таивший в себе неизведанную простоту и таинственный обман.

5

Наутро было решено, что дядя Миша с Паленовым тотчас же отправятся в Кронштадт, а все остальные Крутовы приедут туда завтра, прямо к похоронам. Дядя Миша был хмур и озабочен, почти ничего не ел, только стакан за стаканом пил чай, сердясь, что ему наливают некрепкий.

Первым встал из-за стола Крутов-младший, и тотчас же — видимо, так было заведено в доме — за ним в прихожую величественно проследовала Екатерина Федоровна, за ними поднялась Даша, жалобно посмотрела на Паленова, боясь, что он не поймет, но он все понял и тоже отложил салфетку в сторону, поспешив за Дашей. На площадке Даша задержалась и долгим взглядом оглядела его, как будто чему-то не верила или в чем-то сомневалась.

— Ты сейчас на деда не сердись. Он словно бы не в себе. Пока был жив Михеич, он и себя чувствовал увереннее. Теперь Михеича нет, и дед может скоро рухнуть. Он, как зверь, почувствует это прежде всех.

— Я поберегу его.

— И сам поберегись... Я знаю, что у тебя что-то было с руками и ты лежал в лазарете.

— Он написал? — обиженно спросил Паленов, имея в виду дядю Мишу.

— Он — не он, какое это имеет значение... Я-то знаю, как он тебя любит. И Михеич тебя обожал. Скажи мне — за что?

— Какое это теперь имеет значение? — повторил ее слова Паленов. — Михеича-то больше нет.

— Сашка, ты на самом деле береги себя.

Он не понял, почему она так говорит, и тихо сказал:

— Чего беречься-то...

Даша быстро пристыженно засмеялась:

— Ты на самом деле непутевый.

Она прислонила свою сумку к перилам, и Паленов прижал Дашу к себе, неожиданно ощутив на себе тепло ее трепетного тела.

— Теперь иди к деду, — сказала она, отстраняясь первой, и поправила прическу. — Завтра я вас найду, а послезавтра можно и в Горицы. Я чего-нибудь совру в деканате.

...Дядя Миша уже собрался, нетерпеливо ходил из кухни в прихожую, но Паленову ничего не сказал, только посмотрел в сторону, пряча свой укоризненный взгляд. Молча дождался, когда Паленов соберется, и первым вышел, медленно начал спускаться вниз, придерживаясь за перила. Если вчера ему хотелось говорить, то сегодня, кажется, он решил молчать и на все вопросы Паленова, хмурясь, отвечал однозначно: да, нет, не знаю, там узнаем, и Паленов тоже замолчал, почувствовав, что ему и самому-то меньше всего хочется говорить. Он не заметил, как они вышли на улицу, как добрались до остановки трамвая, даже не обратил внимания, как ехали, — ну ехали и ехали, экая важность, — только возле дебаркадера, когда дядя Миша незлобиво ткнул его в бок, он словно бы очнулся и заулыбался счастливо и виновато.

— Ты хоть в Кронштадте-то не лыбься, — скорее попросил, чем урезонил, его дядя Миша, — проникнись моментом.

Они шли тем же путем, каким хаживало не одно поколение русских моряков, в том числе и они сами, чтобы начать отсчет своего флотского времени. В Кронштадте по велению Петра Великого был установлен футшток, нулевая отметка которого считается уровнем моря, подобно этому, многие российские моряки сделали там свои условные зарубки, означив ими свой математический знак, с коего начинается весь счет.

Миновав нагромождение заводских корпусов, которые обступили с обоих берегов Неву, и оставив позади порт, пароход выбрался наконец на мелководье. Сразу за Вольным островом хорошо и многолико открылся Крон-

штадт, освещенный солнцем и сам похожий на солнце, выходящее поутру из воды.

Паленов словно бы оглянулся назад и увидел себя в необмятой матросской робе, бескозырке без ленточек — чумичке, новых ботинках, которые ужасно скрипели, пугая своим скрипом прохожих. Тогда он шел в Кронштадт устанавливать фуршток своей новой загадочной жизни, которая по прошествии времени оказалась совсем не загадочной. И этой же дорогой, только из Кронштадта в Ленинград, он рванулся к Даше, выиграв свое первое сражение — шлюпочные учения школы Оружия: ему казалось все нипочем, он мог со всем миром обращаться запанибрата и жестоко просчитался — Даша его не ждала, более того, Даша в тот день уходила с другим...

С пристани они сразу пошли в школу Оружия мимо Летнего сада, перейдя овраг по висячему мостику, мимо адмирала Макарова, ощутив под ногами хорошо отполированную матросскими ботинками брусчатку Якорной площади.

Вахтенный в проходной даже не взглянул на их документы, узнав, что они прибыли с Севера на похороны мичмана Полякова. Они вошли во двор, и Паленов увидел кирпичное, в четыре этажа здание школы Оружия, застывший вдоль всего огромного плаца, словно строй новобранцев, сам плац, поросший кое-где чахлой травой, вишневые деревья в дальнем конце. Все это он, оказывается, помнил, как Горицы, и ему стало тревожно и радостно. В строевой части их встретили капитан третьего ранга Кожухов, в прошлом их ротный командир, старшина смены Паленова Кацамай, тоже поднявшийся в чинах и ставший уже мичманом, вечный недруг Паленова Катрук. Этот тоже, как и Паленов, носил уже на погончиках три лычки. Паленов узнал их и не почувствовал ни настороженности, ни вражды ни к Кацамаю, ни к Катруку, хотя те и обижали его. Они даже обнялись — перед гробом одного другие становятся терпимее, похлопали друг друга по спинам: дескать, как ты? А ты как? Да ничего, все нормально.

Кожухов поднялся навстречу дяде Мише — ротный командир всегда был почтителен к своему ротному старшине, они тоже обнялись, не в охапку, как это сделали Паленов с Катруком, а по-стариковски, трогательно и бережно.

— Скрипим помаленьку? — спросил Кожухов.

— Скрипим, — ответил дядя Миша машинально, тоже тем самым словно бы говоря, что и рад бы не скрипеть, да оно само скрипится.

— Говорят, на Северá ушел?

Дядя Миша скупо улыбнулся.

— Ушел. Собирались все втроем, а один я ушел. Матвеич, тот на корню подгнил. Михеич, стало быть... Ну об нем чего теперь говорить. А я вот на Северáх.

— Ты всегда был молодцом.

В другое время дядя Миша обязательно бы похвалился: а что, дескать, это все правильно, но сегодня только безнадежно махнул рукой.

Их разместили в старшинском кубрике, благо старшины все разъехались по кораблям, а скоро пришел и Матвеич, знавший, что приехал Крутов-старший. Эти обнялись уже по-настоящему, покачиваясь, долго стояли так, уронив друг другу на плечи по скупой слезе. Паленов не узнал бы Матвеича. Был он худ и желт и тоже, видимо, не собирался задерживаться на этой земле.

— Мы к тебе прямо с аэродрома заезжали.

— Я тоже тебя ждал, а потом не выдержал и махнул в Кронштадт. Сердце изболелось.

— Что он?

— Хорошо лежит.

— Никому не надоел...

— Не-е, Михеич был мужик ненадоедливый. — Матвеич наконец обратил внимание на Паленова. — Что, братец, далеко ли до адмиральского чина осталось?

— Как до неба.

— Ну если как до неба, то это недалеко.

— Прибедняется он, — сказал дядя Миша. — Служба у него пошла. Старшина огневой команды во второй башне.

— Тогда до адмирала уже всего ничего осталось. Мы с тобой в его пору бачковали да старшинам в рот глядели, а он, стало быть, сам людей учит.

— Они теперь все такие... Еще за мамкин подол держится, а сам уже командует: «Лево руля... Лево на борт».

Матвеич с дядей Мишей сдержанно посмеялись, хотя, как показалось Паленову, смеяться-то им сейчас хотелось меньше всего.

Потом начались долгие блуждания по Кронштадту: сначала сходили в госпиталь, где в морге на льду лежал

покойный. «К Михеичу», — говорили патриархи. Оттуда завернули на броненосец, к борту которого уже пристраивалась баржа и рабочие-сварщики заносили на палубу баллоны с газом. Обедали в кают-компании линкора «Октябрьская революция». Патриархов везде узнавали и, как прежде, приветствовали их первыми даже старшие офицеры, но Паленов видел, что по причалам-то они шли не как прежде, выставляя грудь колесом, словно отставные адмиралы, а ссутулясь и опустив плечи, то и дело шаркая ногами.

Хоронили Михеича в четверг. День с утра занялся на удивление чистый и светлый. Деревья только кое-где тронула желтизна, они еще свежо зеленели, стояли не шелохнувшись, словно бы подчеркивая всем своим видом, что мир этот незыблем и прочен. Даже вечные воды примолкли — залив был тих, только в гранитные стенки едва слышно шлепались шалые волны. Старший военно-морской начальник распорядился установить гроб с телом в Доме офицеров — для Кронштадта это был высший вид почести. Ближе к десяти с кораблей стали подходить строем команды, появилось много штатских: Михеича в Кронштадте любили.

Паленов на правах близкого постоянно находился в зале, где установили гроб, и ему казалось, что людскому потоку не будет конца. Он искал глазами кого-нибудь из Крутовых, но их не было, видимо, запаздывали. Только перед самым выносом тела он увидел в людском потоке и Крутова-младшего, и Екатерину Федоровну, и Дашу, она тоже увидела его и, пройдя возле гроба, отделилась от общего потока и стала рядом с ним.

Потом был митинг, говорилось много хороших слов, и дядя Миша с напряжением вслушивался в интонацию говоривших, все время страшась, что они скажут не так или не то, но они говорили то и так, и он понемногу стал успокаиваться, мелко кивая головой.

Тело по городу провезли на орудийном лафете и через западные ворота выехали в чистое поле, которое отделяло крепость от корабельной рощи, где в самом углу находилось морское кладбище.

Даша шла между дедом и Паленовым, подхватив обоих под руки, и Паленов вспоминал:

— Помню, когда еще юнгой был, так же вот хоронили моряков с «Петропавловска»: народу выкопилось, как сегодня. Один безногий все кричал с коляски: «Скажите,

братцы, что комендор Сивый кланяется», а сегодня что-то не видно и комендора Сивого...

— Не надо, Саша, об этом.

— Я совсем не о том говорю. День такой же стоял, хотя и осенний, а теплый и звонкий. Попозже, видимо, дело было, потому что паутинка летела, и в небе плыли журавли.

— Неужели ты все помнишь? — спросил дядя Миша, который, казалось, ничего не слышал.

— Помню.

— А я вот все начисто забыл. Как призывались с Михеичем, помню, гражданскую войну помню, эту тоже помню, а вот что было после войны — все начисто забыл.

— Потом вспомнишь, — сказала Даша.

— Может, и вспомню.

На кладбище опять был митинг. Взвод караульных матросов ружейным залпом трижды разорвал настороженно-ласковую тишину, и среди сосен, с которых градом посыпались сухие шишки, пошло гулять тревожное эхо. Понемногу люди начали расходиться: одни пошли отыскивать знакомые могилки, другие потянулись в город к своим прерванным делам. Возле свежего холмика остались Крутовы, Матвеич, Паленов, кое-кто из школы Оружия, где долгие годы Михеич читал новобранцам и в старшинских ротах основы военно-морского дела, терпеливо перечисляя устройство кораблей, а вместе с тем, словно бы по случаю, повествуя о многочисленных подвигах российских моряков.

— Если помру, — сердито сказал дядя Миша тихим голосом, обращаясь только к Даше с Паленовым, — положите меня рядом. Служили вместе, и лежать хочу вместе.

За столом было тесно, Даша опять сидела между дедом и Паленовым — это тотчас же все отметили, и Паленов, чувствуя ее горячее упругое тело, боялся пошевелиться и скоро ощутил, как от шеи вдоль позвоночника начали скатываться капли пота. Он искоса поглядывал на Дашу, поражаясь ее красоте, и только теперь, замечая на себе взгляды и Кацамая, и Катрука, начал догадываться, что они ему завидуют, — и теперь, когда он сидел рядом с Дашей, и тогда завидовали, когда едва начинал постигать азы артиллерийской премудрости. «Есть люди, —

говорил Михеич, — которым постоянно завидуют. А есть люди, которые сами постоянно завидуют». Катрук с Кацамаем, кажется, относились к последним.

6

Паленов спал у Крутовых на диване в гостиной. Накануне с похорон вернулись поздно, долго чаевничали на кухне, вспоминая Михеича, и чем дальше уходил Михеич, тем сильнее Паленов чувствовал, что без Михеича ему будет трудно. Михеич был тем человеком, который умел слушать и молчать. Дядя Миша умел делать, а Михеич слушать, и порой это было важнее, чем делать. Спал Паленов крепко, и Даша еле добудилась его.

— Как же ты на вахту поднимаешься? — смеясь, спросила Даша.

— То ж на вахту, — потягиваясь, говорил он.

Все было так хорошо: в распахнутое окно снопом врывалось рыжее солнце, пахнущее невской водой и первым прелым листом, тикали ходики, и на кухне играло радио, но следом за этим светом и музыкой неслышно подкрался вчерашний день, и Паленову впервые захотелось закричать от тоски: «Нет Михеича-то... Михеича-то нету». Он потянул к себе Дашу, прижался к ее холодной щеке губами.

— Как ты сегодня строишь свой день? — спросила она.

— Надо найти командира башни. Он живет где-то на Васильевском.

— Веригина?

— А ты откуда знаешь? — удивившись, в свою очередь, спросил Паленов.

— Да уж знаю...

— Ну дела... — Паленов что-то вспомнил, насторожился. — Дела-то, — повторил он.

— Не темней, не надо. Дело случая. Я познакомилась с его женой в публичке. Тогда она, кажется, и женой-то еще не была.

Ветер с Невы шевелил на окнах тюль, и солнце на полу и на стенах двигалось, как будто настороженно прокрадывалось в передний угол, в котором было пусто и черно. Чувствовалось, что утро занялось хорошее, видимо, и день обещал отстоять ясным, и Даша сегодня казалась Паленову особенно родной.

Косолапя и загребая подшитыми валенками, в гостиную вошел дядя Миша, помятый, небритый, невыспавшийся, сердитый, в парадных брюках, небрежно забранных в эти самые валенки, в тельняшке, посмотрел на Дашу с Паленовым, глухо спросил:

— Спишь?

— Не-е, разговариваем.

— Какие ж это разговоры, когда дама, прошу прощения, при параде, а кавалер лежит кверху брюхом.

— Патриарх, я тебя не понимаю. Ты что-то задумал...

— Было б мне сколько тебе, может, я чего-нибудь и придумал, а в моем возрасте... — дядя Миша махнул рукой.

— Скажите-ка, — произнесла Даша с едва прикрытой иронией, которую в прямом смысле и иронией не назовешь, но в то же время и серьезного в таком голосе маловато, так, что-то вроде легкой шпильки, вроде бы и не больно, но вроде бы и ойкнуть хочется.

Дядя Миша сдернул с Паленова одеяло.

— А ну, марш мыться!

Глава десятая

1

Кроткая и короткая осень в Заполярье сменилась скорым безвременьем с дождями, туманами и слякотью, а потом ударили морозы, и повалил снег. Морозы, правда, скоро сдали, и снег почти растаял, но тем не менее зима легла прочно. Дни совсем стали с гулькин нос, да и не дни это были, а легкая серая полумгла, похожая на рассвет или на долгие сумерки.

Крейсер получил вместо причала в постоянное пользование бочку, на которую имел право становиться только он и никакой другой корабль, даже в том случае, если крейсер уходил в море на несколько суток.

Все на крейсере окончательно обтерпелись и привыкли к Заполярью. Человек очень долго отвыкает, но весьма быстро привыкает, не утрачивая одних качеств и приобретая другие. Впрочем, это свойственно прежде всего молодежи, но ведь команды кораблей во все века составляли люди молодые, брали на абордаж неприятельские корабли при Гангуте, штурмовали с моря бастио-

ны Корфу, вели истребительную артиллерийскую дуэль при Наварине, отчаянно гибли в Цусимском проливе, возвестили выстрелом носового орудия «Авроры» начало новой эры, уходили с десантом в Новороссийск и Керчь, ни пяди земли не уступили врагу в Заполярье, белыми ночами ходили конвоями к острову Медвежьему. Словом, лезли в самое пекло, и не было случая, чтобы корабль, попавший в беду, спустил перед неприятелем флаг. Есть в своде сигналов один, стоящий наособицу, который набирают в редчайших случаях: «Погибаю, но не сдаюсь!»

Этот сигнал распорядился поднять капитан первого ранга Руднев, когда стало ясно, что крейсеру «Варяг» не удастся прорваться во Владивосток. Этот же сигнал подняли на свои реи корабли Черноморской эскадры, когда, открыв кингстоны и клинкеты, шли в свое последнее бессмертное плавание, чтобы не пустить вражеские суда в Севастопольскую бухту, и спустя полвека с небольшим та же Черноморская эскадра отсалютовала этим прощальным сигналом морякам, сошедшим на сушу, еще раньше этот сигнал поднимал «Стерегущий», а потом «Сибиряков», «Туман», и, бог мой, сколько их, бесстрашных и одержимых, предпочли смерть сдаче неприятелю.

«Погибаю, но не сдаюсь!»

В прошлую войну враги не брали в плен морскую пехоту, прозванную ими же черной смертью, впрочем, не брали прежде всего потому, что моряки подставляли грудь пулеметным очередям, подрывали себя гранатами, ложились под гусеницы танков, решая лучше погибнуть, чем быть плененными: «Погибаю, но не сдаюсь!»

Этот сигнал командир обязан подать, как только корабль вступит в бой, осенив им моряков на подвиг.

«Вступаю в бой. Погибаю, но не сдаюсь!»

Море не оставляет на себе следов, и на местах, где в былинные и недавние времена разыгрывались трагедии, лилась кровь и умирали люди и корабли, в ясную погоду все так же невозмутимо и ласково голубеет вода; а в непогоду катятся и катятся валы, осыпая гребни свои белой пеной. Только на штурманских картах эти места помечены особо, проходя их, корабли обязаны приспустить флаги, тем самым совершить земной поклон тем, кто до конца не менял курса, оставался верен флагу.

«Погибаю, но не сдаюсь!»

Традиции имеют великую силу, они не дают прерваться ни единому звену огромной земной цепи, сплетенной

из человеческих жизней и судеб, и чем сильнее эти традиции и живучее людская память, тем надежнее эта цепь. В бранном деле нарушение традиций, освященных кровью живших и ушедших в бессмертие, чревато многими бедами и неприятностями, потому что одно дело поднять сигнал на стеньге — для этого достаточно единого командирского слова, — другое и главное дело как раз и состоит в том, чтобы этот сигнал стал клятвой, и чтобы эта клятва вошла в плоть и в душу каждого матроса, старшины и офицера:

«Погибаю, но не сдаюсь!»

В командирском салоне на вечернюю чашку чая — чашек не было, чай подавался в стаканах, как в те добрые времена, когда о Севера́х только рождались смутные слухи, — собрались старшие офицеры: Пологов, Иконников, Кожемякин, стармех, присутствовали при этом чаепитии и главный боцман дядя Миша Крутов и сверх того еще один товарищ в штатском. Собственно, ради этого товарища Румянцев и собрал кое-кого из своих ближайших помощников и заместителей на чашку чая.

Товарищ этот был один из ведущих конструкторов и прибыл недели полторы назад на крейсер с бригадой, чтобы установить артиллеристам главного калибра новый прибор.

Приборы были установлены во всех башнях, теперь их следовало опробовать в море при хорошей — не ниже шестибалльной — волне стрельбой из орудий главного калибра. Учебный боезапас для этой нужды в погребах, как говорится, наличествовал. Румянцев получил сегодня в штабе «добро» на выход в море, шестибалльная волна в эту пору в Баренцевом море не в диковинку, так что дело это считалось решенным, и в салоне больше говорили не конкретно о завтрашних стрельбах, а вообще о новых принципах и задачах артиллерийской стрельбы.

Конструктор был крупным специалистом своего дела, и поэтому ему, как гостю и специалисту, Румянцев и уступил на этот вечер свое право вести застольную беседу. Конструктор, помешивая ложечкой и позвякивая ею о края стакана, между тем, усмехаясь. говорил:

— «Упредитель залпов», по нашим предположениям, безусловно, повысит контролируемость выстрелов и вместе с тем повысит конструктивные поправки в управлении са-

мой стрельбой... Техническая мысль сейчас настолько рванулась вперед, что за то время, пока новинка обживется, пока готовятся ее чертежи, которые на ходу уточняются и переделываются, пока готовится опытный образец, пока этот образец доводится, — за это время рождаются новые идеи. Идеально было бы всем нам предвидеть их...

— Вам надо изобрести еще «упредитель идей», — пошутил Иконников.

— Увы, — сказал конструктор. — Кстати, — он ткнул себе пальцем за спину, где, по его мнению, должен был находиться запад, говоря языком штурманов и судоводителей — west, и добавил, — там уже сходят корабли с ракетными установками, которые берут на себя функции артиллерийских башен главного калибра.

— У них есть, а у нас, что же, нет? — обиженным голосом спросил Иконников, и обида эта так прозвучала неприкрыто, что все дружелюбно заулыбались, поняв Иконникова, что называется, с полуслова: завтра, как, впрочем, и послезавтра, ему предстояло идти в кубрики и самому отвечать на эти или подобные вопросы, которые, наверное, тоже будут заданы обиженным голосом. Иконников был главным нервом корабля, и, как всякий нерв, он был особенно чувствителен ко всякого рода несоответствиям.

— Почему же нет, — возразил конструктор, — у них есть, да ведь и у нас кое-что есть. Минувшая война развязала техническому прогрессу руки, и он перестал быть монополией какой-то одной державы. В этом смысле он приобрел мировое значение.

— Если я вас правильно понял, то мы идем в ногу с техническим прогрессом? — продолжал расспрашивать Иконников.

— Вы правильно меня поняли. Научная мысль не рождает идею сама по себе, так сказать, из ничего. Одна идея вытекает из другой, и это течение имеет свою железную логику, которой в равной мере руководствуемся мы в своих разработках и они в конструировании своих систем. Формы мы будем находить разные, но содержание в принципе может быть весьма тождественно. Я имею в виду именно научно-технические идеи, к которым, кстати говоря, отношу и прибор «Упредитель залпов». Это тоже идея, но она могла быть рождена только в наши

дни, потому что этой идее предшествовало рождение другой идеи, так сказать, предшествующей.

Румянцев позвонил Кондратьеву и, когда тот явился, как всегда, бесшумно, словно тень, попросил заварить нового чаю.

Когда Кондратьев вышел, Румянцев словно бы нехотя, как будто ему все было известно заранее, спросил:

— С зимы мы готовились к походу на Север, считали это первостепеннейшей задачей. Что же прикажете ожидать нам теперь?

— Я не стратег и не тактик, у меня нет своей военно-морской доктрины. Я всего лишь конструктор.

— Ведущий, — подсказал Пологов.

— Это в данном случае особого значения не имеет. Но думаю, что на какое-то время доминирующее положение займет подводный флот. Я видел проекты новых подводных лодок и смею вас уверить, что, когда эти проекты станут лодками, на флоте произойдут качественные изменения. Это случится очень скоро. Видел я и проекты новых надводных кораблей.

— А чем же наш-то корабль плох? — спросил Пологов.

Стармех тоже покачал головой, дескать, да объясните, пожалуйста, чем же наш-то крейсер кого-то там не устраивает.

— Напротив, ваш крейсер хорош, иначе мы не стали бы устанавливать на нем новый прибор, но все дело в том, что новые, которые еще в пеленках, намного лучше.

— Благодарю за разъяснение, — буркнул Пологов.

Время было позднее, а на завтра намечался ранний выход в море, офицеры понемногу начали томиться: что-то там будет в отдаленном будущем — это еще бабушка надвое сказала, а завтрашний день принесет новые заботы и новые хлопоты, о которых надо подумать уже сегодня.

— Распоряжения на завтра все сделаны? — заметив это томление и беря власть в застолье в свои руки, спросил Румянцев Пологова.

— Так точно, — весело отозвался Пологов.

— Вопросы есть?

Вопросов не последовало.

— Тогда не смею вас больше задерживать.

Офицеры начали расходиться. Пологов тоже уже поднялся, но Румянцев задержал его.

— Погоди уходить. Хочу кое о чем перемолвиться.

— Я не нужен? — спросил Иконников.

— Нет, благодарю.

Иконников подхватил конструктора под руку и повел его в адмиральскую каюту — по соседству, — которую отвели конструктору.

— Пусть поговорят о будущих переменах, — сказал Румянцев, когда те вышли, и кивнул Пологову на кресло возле стола. Сегодня Румянцев ходил в штаб не только за тем, чтобы согласовать завтрашний выход в море, там ему официально объявили, что вопрос о назначении его командиром вновь строящегося корабля «Власть Советов» окончательно решен. Первый разговор состоялся за месяц до этого, и тогда же Румянцева словно бы вскользь спросили, кого бы он хотел видеть своим преемником, он, не задумываясь, назвал Пологова.

— Не староват? — спросили его.

— Сегодня в самую пору, завтра может оказаться староватым.

В штабе ему сказали, что о назначении Пологова командиром крейсера тоже вопрос решен, сразу после похода Румянцев должен сдать дела Пологову, который получит назначение здесь, а сам он должен отправиться за назначением в Москву. Все это было изложено лапидарно и просто, как дважды два — четыре, хотя дело касалось не только судеб людей, но и кораблей.

— Ты все знаешь? — спросил Румянцев.

— В общих чертах, — ответил Пологов.

— Тебе что-нибудь надо объяснить?

— Чего уж там объяснять, когда и так все ясно.

— Тогда давай посидим и помолчим. Другого такого случая у нас, может, и не представится. — Румянцев еще говорил как командир — спокойно и властно, но уже что-то надломилось в его голосе, который словно бы немножко обмяк.

2

Залив, впрочем, его тут иногда называли поморским словом — губа или новержским — фиорд, прошли часам к десяти. Ждали, что сразу ударит ветер и накатит волна, но ни ветер не ударил, ни волна не накатила, море хотя и колыхалось, покрывая себя белыми бурунчиками, но бурунчики эти едва светились, и волна была не более

трех баллов. Ветер же порой совсем убивался и дул в сторону, совершенно противоположную той, куда катились волны.

— Ничего, — успокаивал Румянцев конструктора, — к полудню, когда получше развиднеется, тогда мы ее и найдем, — Румянцев имел в виду волну, соответствующую шести баллам. — Тогда и стрелять будет удобнее.

Румянцев решил подняться повыше, подальше от рыбных промыслов и тореных морских дорог. Поближе к полудню, когда стало совсем светло, над горизонтом показался горб солнца и косо распустил свои лучи по маковкам валов, которые уже совсем осыпались и стали округлыми.

— Ничего, — менее уверенно сказал Румянцев. — Мы ее все равно найдем. Не может быть того, чтобы в эту пору на Баренцевом море не было приличной волны.

— А тут, по-моему, начал действовать закон подлости.

— Найдем, — подтвердил Пологов, которому все время хотелось показать, что хотя он еще старпом, но в некотором роде уже и командир и, значит, тоже имеет право на свое особое мнение. Эту ночь он плохо спал и все думал, думал, прикидывал и так и эдак, примерялся, пока наконец не решил, что он все дело поставит не так, как вел его Румянцев, а совсем иначе, хотя не очень еще твердо понимал, чтó он имел в виду, когда предполагал что-то переиначить.

Румянцев понял его, потому что сам в свое время был старпомом и сам тоже мечтал повести все дело по-своему, невольно упустив из виду, что не дела диктуют условия службы, а служба правит делами, и поспешно, совсем не по-командирски согласился с Пологовым.

— Разумеется, найдем, — хотя уже и не верил, что сегодня они сумеют найти штормовую полосу.

День получился суматошный и словно бы рваный, то и дело налетали снежные заряды, сразу же играли тревогу, предполагая, что вместе с зарядом начнет штормить, но заряд проходил, и стихал ветер, приходилось опять объявлять готовность номер два, чтобы команда успела пообедать, а потом бачковые помыли и прибрали посуду.

— Чего мы все дергаемся-то? — спросил Паленов у Веригина.

Между тревогами к ним заглядывал Медовиков, потускневший в последнее время и как будто потерявший в себе уверенность. Он был убежден, что Веригин возьмет

его с собой во вторую башню, но когда тот сделал старшиной огневой команды Паленова, затаился, все ждал, что у Веригина с Паленовым что-то не заладится и они еще прибегут к нему, что называется, поклонятся в ножки, но у тех все ладилось, и они никуда не бегали и никому не кланялись в ножки. Тогда Медовиков стал сам к ним захаживать, сперва словно бы ненароком, потом будто бы по делу, а там привык, даже придумал себе оправдание: «Пойду посмотрю, что там поделывает мой лейтенант».

— Живы? — спрашивал он, отдраивая броняшку и просовывая голову в башню.

— Сам-то живой ли? — отзывался Веригин, стараясь скрыть свою неприязнь к Медовикову. Он не мог простить себе, что поддался тогда уговорам Медовикова и списал матроса Остапенко на берег, но, не прощая себе, он не прощал и Медовикову и, внешне поддерживая с ним товарищеские отношения, мысленно давно уже воздвиг между собою и им невидимый барьер, через который и сам уже не мог перешагнуть.

— Мне-то что, мы пониже сидим, нас не так качает.

— Качать-то нынче нечему. Нету волны.

— Качать нечему — это точно.

Играли тревогу, и Медовиков снова уходил к себе, тогда уже Веригин звонил Самогорнову.

— Комдив, даешь волну, а то вся охота стрелять пропадет.

Самогорнов издергался за день, изнервничался — ему предстояло первый раз управлять огнем дивизиона, но волны, будь она трижды неладна, все не было и не было, и он потихоньку озлился:

— Впервые вижу такие кроткие Северá.

Баренцево море, казалось, решило отдохнуть, и на какой бы курс ни ложился крейсер и сколько бы ни шел он этим курсом, всюду волна не превышала трех баллов.

— Закон подлости, — говорил конструктор, которому хотелось поскорее отстреляться и проверить приборы.

— Ничего, заночуем у Могильного мыса, — сказал Румянцев, — а с утра снова поищем. Попытаемся свалиться к Медведке, — он имел в виду Медвежий остров. — Там, на изломе двух океанов, волна всегда держится устойчиво.

Он распорядился выйти на связь со штабом и попросить разрешения отдать якорь на внешнем рейде, и не

прошло года, как говорится, разрешение было получено. Румянцев не стал больше испытывать судьбу, а приказал взять курс на Могильный мыс и, когда рулевой доложил, что корабль приведен к курсу, привычно сказал: «Есть», кивком головы подозвал к себе Пологова тихо промолвил:

— Становись сам на якорь.

— Рискуете... За корабль-то еще вы отвечаете.

— Ничего. На том свете угольками разберемся.

Он стал в сторону, желая не мешать Пологову. Он знал, что рискует, но знал также, что Пологов станет на якорь не хуже, и скоро понял, что само его присутствие на мостике мешает Пологову, но тут уж он ничем помочь не мог.

— Знаешь что, — полушепотом сказал Пологов, — ну их к аллаху, эти эксперименты. Становитесь сами.

— Мешаю?

— Мешаете, — искренне согласился Пологов. — Что бы я ни стал делать, все буду чувствовать на затылке ваш взгляд, а значит, обязательно что-нибудь напортачу.

— Добро. Вызывай главного боцмана и баковых на бак.

— Есть...

Старожилы говаривали, что некогда у подошвы мыса стояла избушка и жил в ней старичок помор, когда же пришла ему пора умирать, то поднялся он наверх, там и скончался. Наверху его и похоронили, сложив над могилой крест из серых валунов. Эту легенду рассказывали и по-другому, как говорится, с вариациями, но в главном она оставалась неизменной: на сопке был кто-то похоронен, поэтому мыс и рейд напротив мыса называли Могильными. Грунт тут держал плохо, и Румянцев распорядился отдать оба якоря и вытравить при каждом по двенадцати смычек якорь-цепи, чтобы было надежнее. Затем, обращаясь к Пологову, сказал:

— Вот что, голубчик, я сегодня поужинаю в кают-компании. Только без особых там церемоний. Не люблю я этого.

— Так точно.

— Вот и распорядись поставить для меня прибор. Да вели подать красного перцу. В нашем слякотном деле перец — первостепенное дело. Кстати, прикажи усилить вахту на баке. Если заштормит, то как пить дать поползем.

— Откуда ему взяться, шторму, да и якоря-цепи на грунт достаточно вытравили.

— Положить-то положили, а ты все-таки прикажи усилить наблюдения.

Прежде чем спуститься в кают-компанию, он позвал на мостик дядю Мишу Крутова, спросил его:

— Хорошо зацепились?

— Хорошо, пока не штормит, а заштормит, так поползем.

— Добро, я приказал усилить наблюдение.

Подошли эсминец с тральщиком — боевое охранение, и рейд словно бы ожил, хотя корабли стояли затемненные, горели только якорные огни. Дядя Миша Крутов спал чутко, и, когда к нему прибежал рассыльный вахтенного офицера, он уже умылся, оделся и, разглядывая в зеркало лицо, мял пальцами подбородок, решая, побриться ли теперь же или перед утренним чаем. В дверь крепко постучали. Он понял, что прислали за ним, распахнул дверь и спросил:

— Поползли?

— Кажется.

Рейд был хорошо защищен от моря островом и мысом, но даже при такой защите вода ярилась и клокотала, и ветер с воем проносил над палубой клубы сухого колючего снега. Дядя Миша прошел на бак и еще издали почувствовал, что якорь-цепь в клюзе играет, а это значило, что якорь плохо держался на грунте. Скоро подошли Румянцев с Пологовым, и Румянцев спросил:

— А если еще потравим смычки по три?

— Потравить-то можно, только вряд ли поможет. Эвон как нас крутит.

— А ты все-таки потрави.

— Есть. — Широко косолапя — качало уже сильно и нос все время задирался кверху, — дядя Миша прошел к клюзу, заглянул в черную бездну, поднял руку, хрипло крикнув: — Пошел правый! — Это значило, что на правом шпиле должны были отпустить ленточный стопор. — Давай, давай, — кричал он, при каждом слове взмахивая рукой.

Потом он перешел на левый борт, опять поглядел вниз и опять махнул рукой.

— Пошел левый.

— Ну что? — спросил Румянцев, когда дядя Миша вернулся к волнолому и начал закуривать.

Дядя Миша ответил не сразу, а сперва закурил, посмотрел сперва налево, потом направо.

— Сколько времени-то сейчас? — спросил он.

— Начало шестого.

— Час подержимся, а потом придется сниматься. На всякий случай пары надо держать на марке.

Сразу после побудки и завтрака Румянцев распорядился выбрать якоря. Сняв с прожектора чехол, вахтенный сигнальщик вызвал сперва эсминец, потом тральщик и передал им приказание старшего на рейде, коим являлся командир крейсера капитан первого ранга Румянцев: «Тральщику следовать в базу, эсминцу занять место в ордере». Сегодня волна была хорошей, корабли валило прямо на борт, но, как назло, снежные заряды шли почти беспрестанно, и скоро сделалась такая замять, что эсминца, следовавшего в двух кабельтовых, уже невозможно было разглядеть, и пришлось передать ему по радио, чтобы он во избежание неприятности отошел еще кабельтова на четыре. Румянцев решил идти курсом на Медведку, чтобы к полудню, когда рассветет, уйти подальше от морских дорог. Конструктора укачало, он поминутно выходил на крыло мостика глотнуть свежего воздуха.

Начало светать, но снег все шел и шел, и Румянцев высказал опасение, что как бы этот ералаш опять не испортил всю обедню. Конструктор встрепенулся:

— Как можно... Нет, мы должны сегодня же пальнуть.

— В белый свет как в копеечку, — пошутил Кожемякин.

— Но стрельбы необходимо провести!..

Когда ободняло, снег разом прекратился, как будто между снегом и дневным светом существовала прямая связь, впрочем, может быть, так это и было. Румянцев вышел на крыло ходового мостика, невольно вцепился в поручни: все море было изрыто бурыми холмами, которые двигались, словно бы переступая с места на место, неожиданно проваливались и опять восставали. Гребни их свободно гуляли не только по верхней палубе, омыв башни и надстройки, но и захлестывали на крыло ходового мостика. Лицо у Румянцева тотчас же стало мокрым и как будто загорелось, и с реглана потекли на ноги тугие жгуты воды. Румянцев понял, что это именно та волна, которую они вчера искали весь день, и возвратился в ходовую рубку, снял фуражку, рывком стряхнул с нее влагу, коротко бросил:

— Боевая тревога.

Тотчас же ударили колокола громкого боя, заведенный до отказа корабельный механизм сработал безотказно, хотя штормило крепко и кое-кого укачивало, доставалось даже тем, кто на Балтике качку переносил хорошо. В Баренцевом море вода была тяжелее, а волна намного больше и выше. Через минуту с небольшим старпом Пологов, приняв доклады от командиров боевых частей, начальников служб и команд, в свою очередь, доложил сам:

— Товарищ командир, корабль к бою готов.

Готовность эта была не учебная, а самая настоящая, потому что предстояли стрельбы главного калибра, хотя для этой цели в погребах лежали не фугасные, бронебойные или осколочно-фугасные снаряды, а чугунные чушки, начиненные чистым речным песком, каким не так давно хозяйки чистили тульские самовары.

— ...К бою готов. — Пологов голосом подчеркнул эти слова, которые — он знал, — может быть, произносил в последний раз. Потом будут говорить другие, а он только станет слушать их: «К бою готов», и сердце его в общем-то не такое уж и молодое, изрядно потрепанное, сладко и приятно замирало.

— Есть, — небрежно ответил Румянцев, который уже тысячи раз слышал этот доклад и удивился бы только в том случае, если бы после грохота колоколов громкого боя его не последовало, и, обратясь к конструктору, он спросил, наперед зная, что спрашивает зря: — Волнение семь баллов. Вас устраивает это?

— Вполне.

— Добро, прошу всех перейти в боевую рубку. Передайте Самогорнову: ложимся на боевой курс.

3

Эту команду Самогорнов ждал вчера целый день и сегодня все утро, качаясь — моряки говорили: «зыбаясь» — на своей верхотуре, и теперь обрадованно вздохнул.

— Самогорнов, как и условились, стреляем со смещением по целику, будете наводить на эсминец, — напомнил по громкоговорящей связи командир, — целики в башнях смещены?

— Так точно, лично сам проверил.

— Добро, стреляем правым бортом, — командир выдержал паузу. — Открыть огонь.

Самогорнов на мгновение зажмурился, на мгновение же прильнул к окуляру визира, поймал в перекрестки нитей эсминец, условно по которому он будет бить и снаряды от которого лягут по корме примерно кабельтовых в пяти, негромко подал первую команду. Он волновался, но волновался, как говорится, в меру, потому что знал, что он должен делать и как это делать.

— Больше два, больше четыре, — почти машинально говорил он, отрешась от всего и ни на что больше не обращая внимания. — Право два... — Он видел только эсминец, который валился с боку на бок, как Ванька-встанька, и даже отсюда, с голубятни, было видно, как глубоко зарывается он в волну.

— Начать подачу!

Там, на эсминце, уже зарядили фотоаппараты, которые бесстрастно, с точностью до сажени засекут падение каждого снаряда, и, хотя стрельбы в какой-то мере не зачетные, их негласно все равно зачтут, и если он отстреляется плохо, потом обязательно найдется кто-нибудь, кто, между прочим, не преминет сказать, что вот-де хваленый Самогорнов, поспешили, дескать, с ним, поспешили; а если отстреляется хорошо, то это непременно падет, как монетка в заветную копилку, которая в конце концов и соберет некий капиталец, а уж с этим капитальцем жить можно припеваючи, потому что ничто так не ценится и не чтится на флоте, как профессиональное умение, равное подчас таланту.

— Товсь! — Самогорнов передохнул, готовясь произнести последнюю в пристрелочном залпе команду, и не успел этого сделать.

— Самогорнов! Дробь, орудие на ноль! — прокричал в динамике голос командира.

— Есть, — покорно сказал Самогорнов, не понимая, что случилось, и отрепетовал команду: — Дробь, орудие на ноль. — И когда орудия, снизясь, опустили свои жерла долу, а башни поехали в исходное положение, Самогорнов не выдержал и спросил обиженным — не умел скрыть обиду — голосом:

— Товарищ командир, разрешите узнать, в чем дело?

— Спокойно, Самогорнов, спокойно. К вам претензии нет. Разверните КДП на левый борт. Докладывайте, что на горизонте.

Визирщики развернули командно-дальномерный пост — КДП — на левый борт, а Самогорнов не сразу за-

метил на горизонте легкие, будто оторвавшиеся от волны гребни, дымы, а когда различил их, то насчитал тринадцать — чертову дюжину. Корабли там шли, кажется, двумя кильватерами, и было похоже, что это чья-то эскадра в ее классическом виде с линкорами во главе, крейсерами и эсминцами в боевом охранении.

— Товарищ командир, — опять подал голос Самогорнов, — на горизонте эскадра в классическом ордере. — И спросил: — Что делать с боезапасом? Снаряды и заряды в казенниках.

— Пусть там и остаются. Вы распорядились надеть чехлы и пробки?

— Так точно.

— Пробки вынуть, — жестко сказал командир. — Чехлы пусть остаются, чтобы в орудия не попала вода.

— Есть.

Самогорнов видел, как от эскадры отделились три дыма и явно пошли на сближение, и тотчас же эсминец занял место в ордере, немного сзади и слева. Самогорнов понял, что Румянцев решил не менять курса и идти строем уступ.

Позвонил Веригин, шутливо спросил:

— Комдив, что — связь заело? — Он намекал на то, что Самогорнов так и не подал команду «Залп!».

— Веригин, прикуси язык, тут не до шуток.

— А в чем дело?

— Вопросы потом, — и Самогорнов отключил связь.

— Ну что там? — спросил Паленов.

— Черт их знает, — с раздражением сказал Веригин, — шуткуют отцы-командиры, а мы тут загорай на боевых постах.

— А снаряды что — так и будут зимовать в казенниках?

— Задай вопрос полегче. Впрочем, — Веригин призадумался, — что-то такое там неладно.

Щелкнул динамик, и раздался голос:

— Первая, вторая, третья...

— Есть первая, есть вторая...

— Никуда не отлучаться, — предупредил Самогорнов. — Отвечаете головой. Будьте внимательны к командам.

Три дыма стали редеть, и скоро уже можно было разглядеть среди этих дымов фрегат и двух эсминцев, которые держали курс прямо на крейсер.

— Наглецы! — хрипло сказал Румянцев, сжав кулаки так, что побелели суставы, и повторил: — Наглецы!

На фрегате быстро-быстро замаячил сигнальный прожектор.

— Что они там пишут? — недовольно спросил Румянцев.

— Запрашивают, чей корабль и куда держит курс, — сказал Кожемякин. Спустя полминуты об этом же доложили и сигнальщики.

Румянцев весь подобрался, как будто готовясь к прыжку.

— Наберите сигнал: «Следуйте своим курсом». В переговоры не вступать.

— Есть...

В переводе на обиходный язык этот разговор флагов примерно звучал так: «Ты кто, паря?» — «Пошел прочь, наглец!»

Было еще относительно светло, и на фрегате с эсминцами явно разобрали сигнал и легли на параллельный курс, видимо, совещались с флагманом, который уже исчез за горизонтом, потом дружно повернули и стали удаляться в надвигающиеся сумерки.

— Распорядитесь, чтобы эсминец вышел на исходную позицию. Самогорнов, ложимся на боевой курс.

— Есть...

4

Ветер, установившийся с полуночи и нагнавший утром снежные заряды, ближе к полудню размел небо и задул ровно и мощно, как будто вырывался из огромного сопла, и Баренцево море рассвирепело. На крейсер накатывались иссиня-черные волны, погружая весь барбет первой башни в блестящую белую пену. Это был классический шторм, который играючи перекладывал корабль с борта на борт, звенели ванты, кряхтели и поскрипывали переборки. На баке водой срезало вьюшку и легонько, словно перышко, смахнуло ее за борт. Весь могучий организм корабля испытывал такое напряжение, что казалось, с минуты на минуту должен наступить такой момент, когда дольше сдерживать напор воды и ветра уже недостанет сил и все это умное и умелое сооружение в мгновение ока развалится на черепки.

Конструктор обеими руками держался за выступ в переборке и, наверное, клял в душе этот шторм, без которого, с другой стороны, испытания прибора были бы бессмысленными.

— Не бойтесь пропусков, стреляйте, — через силу сказал он Румянцеву.

— А пропусков сегодня не будет, — нехотя промолвил Румянцев, все еще переживавший встречу с фрегатами.

— Почему вы так полагаете?

— Вам приходилось воевать? — в свою очередь, спросил Румянцев. И, не ожидая ответа, добавил: — Если вам очень плохо, спуститесь в каюту. В нужную минуту я позову вас.

Конструктор обвел взглядом мрачновато-синее, даже черное море, по которому серебрились мерлушки, спросил:

— А в каюте-то что — лучше?

В это время Иконников обратился к командиру с просьбой:

— Дозволь спуститься в башни. Погляжу, как люди...

— Смотри, какая волна шпарит.

— А ничего... Пройду, если позволишь.

— Добро, — нехотя сказал Румянцев.

Дверь на ходовой мостик распахнулась с тревожным всхлипом, и в рубку ворвался мокрый тяжелый ветер, пахнущий крепким рассолом, как будто открыли бочку с соленьями. Конструктор видел, как Иконников, горбясь, вышел на мостик и по внешнему трапу начал спускаться вниз. Реглан его тотчас стал блестящим, и по нему потекли мутные струи.

Румянцев повернулся к Пологову, тихо сказал:

— Позвони Веригину, пусть встретят замполита.

— Есть.

И когда Иконников, пережидая волну за волной, переходными мостиками все же добрался до второй башни, там его уже поджидал Паленов.

— Ты что тут делаешь? — напустился на него Иконников. — Хочешь, чтоб за борт смыло?

— Вас поджидаю, — вытирая ладошкой красное лицо и улыбаясь, сказал Паленов.

Иконников первым влез в башню, потоптался возле броневой двери — броняшки, отряхивая с реглана воду, потом снял его, поискал глазами, на что бы повесить, и, не найдя, отдал его вошедшему следом за ним Паленову, сам же, согнувшись, пролез под дальномером к средне-

му орудию. Веригин хотел было представиться, но Иконников предостерегающе поднял ладонь, дескать, ну что еще за церемония, когда дорога каждая минута, спросил неожиданно осевшим на ветру голосом:

— Ну как вы тут?

— Качает сильно, — тускло сказал Веригин. — Если начнем стрелять, боюсь, пропусков наделаем. Кое-кто едва держится.

Качало на самом деле сильно, Иконников вынужден был придерживаться за переборку, но попытался сказать как можно безразличнее:

— Ну так что ж — качает. На то оно и море, чтобы качало. Вода тут, известно, тяжелая, волна бьет наотмашь. На баке вон вьюшку слизнуло, как спичечный коробок. А стрелять-то все равно надо.

— Стрелять — дело не хитрое, только скорей бы уж, — заметил Паленов.

— А скорей, Паленов, нельзя. Не получается скорее-то.

— А почему, если это не секрет, товарищ капитан второго ранга?

— Секретов нет, с тем и пришел к вам. На горизонте маячила эскадра. Тринадцать вымпелов.

Кто-то из матросов присвистнул.

— Прошу не забываться, — цыкнул Веригин на свистуна. — Вы на боевом посту.

— Не строжьте, Веригин, — мягко сказал Иконников. — Тринадцать вымпелов — это не шуточки, поэтому командир и решил повременить со стрельбой. Повременить, но не отменить. Сейчас снова легли на боевой курс.

— А та эскадра?

— Та эскадра ушла за горизонт, но два фрегата и эсминец пытались приблизиться к нам. Даже запрашивали, кто мы и куда следуем.

— А что же командир?

— Командир приказал поднять сигнал: «Следуйте своим курсом».

В боевом отделении второй башни понимали, что означал этот сигнал, поэтому и вопросов не задали: плохо они стреляли весною или хорошо — это могло повлиять только на оценку их мастерства и боевой выучки, теперь же предстояло стрелять в виду неопознанной эскадры. К тому же в башнях уже стоял прибор «Упредитель залпов», как-то он поведет в деле, этот прибор, поди знай...

И тогда кто-то сказал:

— Это вам не Балтика.

— Но разве мы на Балтике не готовились к этому? — спросил Иконников, пытаясь понять настроение команды, и Веригин не стал дожидаться, когда кто-то из матросов опять подаст голос, сказал сам, как это и подобало в ответственную минуту:

— Есть, товарищ капитан второго ранга, пропусков не будет.

— Мы с командиром надеемся на вас...

5

— Самогорнов, открыть огонь!

— Есть открыть огонь...

Колеблющийся и едва различимый в надвигающихся сумерках горизонт был чист, и Самогорнов успел подумать, что на этот раз отбоя, кажется, не дадут, на какое-то мгновение позволил себе расслабиться, ощутил в груди легкий холодок, тотчас же весь подобрался и заученным голосом почти машинально произнес:

— Башни на правый борт. По эскадренному миноносцу... Снаряд бронебойный, заряд... Начать подачу...

И хотя снаряды с зарядами для прицельного залпа уже лежали в казенниках и Самогорнов мог не волноваться, что кто-то там в башнях что-то не поймет или перепутает, но он все-таки волновался, потому что даже на него эта вселенская круговерть действовала нехорошо, и его тоже подташнивало. Он подавал команды, а сам все чего-то ждал, пока неожиданно и неуловимо это «все» в нем переменилось, и он кожей своей ощутил, что, как бы ни качало и как бы эта качка плохо ни отражалась на самочувствии команды, пропусков не будет. Если бы у кого-то нашлось время спросить его, почему он так решил, то он даже не понял бы существа вопроса — так все стало просто и ясно. — Лево три... больше полтора...

Самогорнов долго шел к этому дню и к этой минуте. Все, что он делал в башне: тренировал комендоров и строевых матросов, сам решая задачи всех возможных и невозможных вариантов, наконец, управлял стволиковыми стрельбами — все это было прелюдией к сегодняшнему торжественному дню, который должен был дать ответ на извечный вопрос: так кто же ты есть, капитан-лейтенант Самогорнов, мужчина, на которого можно положиться в трудную минуту, или только подобие мужчи-

ны, для коего трудная минута только лишь красивая фраза? «Так что же ты на самом деле есть, Самогорнов?» — между делом спросил он себя и вдруг поймал себя на мысли, что в эту минуту, подавая команды, он имел в виду целью не свой эсминец из боевого охранения, а тех трех нахалов, пытавшихся перейти условную границу, которая ограждает любой военный корабль, когда он находится в автономном плавании.

— Вторая башня, товсь!..

Он скосил глаза и мельком глянул на прибор наведения башен по горизонту и вертикали, выделил среди прочих вторую — зеленые лампочки наведения орудия на цель горели ровно, как будто корабль и не валило с борта на борт, и тотчас же зажглись и оранжевые огоньки — орудия стали на «товсь».

— Вторая башня, залп!..

Внизу под ним громыхнули орудия, изрыгнув белесо-желтые языки пламени и снаряды, ввинчиваясь в сумеречное небо, ушли на цель. Самогорнову показалось, что он сжался в комок, готовый помчаться вослед тем снарядам, чтобы там, на месте, рассмотреть, хорошо ли он рассчитал исходные данные, и увидел едва различимые серебряные столбики, выросшие за кормой эсминца.

«Молодец, Веригин, — опять расслабясь, Самогорнов дал простор внутреннему голосу. — Мужики мы с тобой, братец, мужики».

— Право один... больше полтора, — Самогорнов передохнул и облизнул ставшие сухими губы. — Третья башня, товсь!..

Он снова взглянул на зеленые огоньки. Ряд, который принадлежал третьей башне, постоянно гас и вспыхивал, как будто где-то нарушился контакт, и Самогорнов подумал, что зря он не дал и этот пристрелочный залп второй башне, Веригин бы вытянул, Веригин — молоток, дождался, когда лампочки вспыхнули и по всему ряду, и почти беззвучно — по крайней мере так ему показалось — выдохнул из себя:

— Третья башня, залп!..

Прошло мучительное мгновение, и третья бышня изрыгнула огонь, с визгом и воем послал свои снаряды вкручиваться в серую тугую вату, в которую надвигающиеся сумерки обратили серебристо-голубой воздух. Самогорнову и во второй раз показалось, что он приготовился, подобно снаряду, ввинтиться в эту вату, и только требо-

валось, чтобы кто-то подтолкнул его, но никто его не подталкивал, и он снова увидел серебристые столбики.

— Накрытие! — ликующим голосом доложил дальномерщик.

— Есть накрытие... Все башни, товсь...

Еще ничто не закончилось: не сказал конструктор своего слова, не заполнили посредники протоколы, не проявили пленки, а Самогорнов уже понял, что все будет именно так, как он задумал, и вся огневая мощь главного калибра, все эти снаряды, заряды, запальные трубки, мирно дремавшие в погребах, а теперь извлеченные на свет божий, безраздельно подчинены ему, и он волен со своей верхотуры повелевать, как молодой громовержец, всем мирозданием.

— Залп!..

Заглушая вопли ветра и грохот волн, крейсер ахнул всеми четырьмя башнями, осветил округу ослепительно багряным пламенем, попятился от отдачи, как бы пересиливая качку. И пока на волнах плясали зловещие огни, Самогорнову показалось, что крейсер наконец-то одолел стихию и подмял ее под себя. И тотчас же наступила темень, тревожная и осязаемая, потом в этой темени загорелись белые смушки, словно по воде помело поземку.

— Товсь!..

— Самогорнов, — предупредил командир, — еще один залп — и дробь.

— Залп!..

Крейсер опять ахнул, но Самогорнов уже не стал дожидаться, когда глаза после огненного всполоха привыкнут к сумеречной мгле, хриплым голосом — осел все-таки от волнения — подал команду:

— Дробь. Орудия и башни на ноль.

Снаряды, просверлив в последний раз небо, упали за кормой эсминца, и, когда посредники сообщили о «поражении» цели, Румянцев прочистил горло — кхм, кхм — в кулак и негромко сказал в микрофон:

— Первый дивизион, благодарю за хорошую стрельбу, — и, подождав, чтобы в башнях улеглась радостная суматоха, он даже неприметно усмехнулся и тем же негромким голосом добавил: — Самогорнов, потрудитесь спуститься в боевую рубку.

Вчерашние бесплодные поиски волны, встреча с неопознанной эскадрой — впрочем, какая уж там неопознанная! — стрельба через прибор «Упредитель залпа», бого-

мерзкая качка, которая на самом деле весьма отличалась от балтийской, основательно и потомили, и помотали весь экипаж без исключения, но когда в боевой рубке появился Самогорнов, офицеры, бывшие здесь, невольно оживились и заулыбались — Самогорнов сегодня, бесспорно, был именинником.

— Благодарю за службу, — суховато сказал Румянцев, оглядывая Самогорнова и находя в нем все, как говорится, в соответствии, дождался, когда тот в ответ легонько склонил голову, уже мягче добавил: — Молодцом, — и, выдержав паузу, спросил: — А что, Самогорнов, Баренцево море — это вам не Балтика?

— Так точно, товарищ командир, далеко не Балтика.

— А ведь и тут можно хорошо стрелять? А, Самогорнов?

Самогорнов понял, что командир заметил, когда после «товсь» третьей башне команду «залп» он подал, несколько помедлив, чтобы те успели замкнуть цепь и не сделали пропуска, и, тушуясь, ответил:

— Так точно, можно...

— Я и говорю, Самогорнов, можно.

— Хорошего комдива мы вырастили, товарищ командир, — почувствовав неловкость в разговоре, вмешался Иконников. — Мастерски стрелял...

— Цыплят по осени считают, — усмехаясь, заметил Румянцев, и никто не понял, о чем усмехнулся командир. — Впрочем, на дворе-то уже глухая осень. Так что твоя правда, Алексей Иванович: из Самогорнова на самом деле может получиться хороший комдив.

— Если уж быть последовательным, — продолжил свою мысль Иконников, — то и весь дивизион стрелял хорошо.

— Веригин, например, — сказал в сторону Румянцев.

— Вторая башня на самом деле хорошо стреляла, — счел нужным уточнить командир боевой части-два Кожемякин.

— Не спорю, Кожемякин, — охотно согласился Румянцев. — Веригин был на уровне. — Последнее замечание командир явно адресовал Иконникову, и тот понял этот маневр и незаметно покивал головой, дескать, все понял и благодарю.

— А кстати, как вам удалось не сделать ни одного пропуска в такой-то коловерти? — спросил конструктор, которого хотя и мутило по-прежнему, но от одного созна-

ния, что главное уже позади и теперь можно спуститься в каюту и поваляться там на диване до самой базы, ему казалось, что он чувствует себя значительно лучше, чем час назад. — Я смотрел на орудия, так они постоянно шевелились, словно живые. Думал, не успеют замкнуть цепь, и все-таки успевали.

— На самом деле, Алексей Иванович, — обратился Румянцев к Иконникову, — как это нам удалось?

Иконников пожал плечами.

— Чувство долга, чувство собственного достоинства, наконец, чувство ответственности. Плюс мастерство, азарт и еще многое другое.

— Впервые слышу, чтобы на военной службе говорилось о чувствах.

Румянцев с Иконниковым переглянулись и промолчали, а помолчав, Румянцев, прямо ни к кому не обращаясь, спросил:

— Так что у нас сегодня с ужином?

Вахтенный офицер поглядел на Пологова и, получив молчаливое согласие старпома, спросил в свою очередь:

— Прикажете подавать на пробу?

— Да уж приказываю, — добродушно проворчал Румянцев. — А за сим объявляйте готовность номер два.

Спустясь к себе, Самогорнов по привычке позвонил Веригину в башню:

— Братец, выходи, покурим.

— Куда там выходить... Волна шпарит выше надстройки.

— А ты ко мне в каюту заглядывай. У меня тут тепло, светло и мухи не кусают.

Веригин появился только после того, как по кораблю объявили: «Команде ужинать», и Самогорнов попенял ему:

— Мог бы и поспешить...

— Крепили башню по-походному, — виновато сказал Веригин. — А там волна, ветер... Кипит все... Ну, ты рад?

— Знаешь, рад. Я как прыгун, который попросил поднять планку на пять сантиметров выше рекордной высоты. Разбежался и... представь себе — взял.

— Волновался?

— Было дело...

— Я тоже за тебя рад.

— Спасибо... А я за тебя. Отстрелялся ты как бог.

А кормовые башни да и твоя прежняя все время шли на грани... Командир заметил, но ничего не сказал.

— Что он, не понимает? Такой штормяга, а тут еще этот прибор... Мы же в таких условиях на Балтике не стреляли.

— Вот я и говорю: заметил и ничего не сказал. Учись, братец, все замечать, но не обо всем говорить.

— Это что — новые университеты?

— Сам же, братец, говорил, что, придя на Севера, мы стали другими.

Ближе к полуночи крейсер с эсминцем вернулись в базу, и Румянцев тотчас же отправился в штаб доложить о результатах стрельбы и о встрече с неопознанной эскадрой, как это было отмечено в вахтенном журнале. Адмирал выслушал его молча, только изредка кивая головой, чтобы Румянцев знал, что его слушают, подул на кончик папиросы, тлевшей желтым угольком.

— А если бы они стали тебя провоцировать, скажем, пальнули бы?

— Попытался бы уклониться.

— А если бы еще раз выстрелили?

Румянцев долго молчал, тоже дуя на свою папиросу, хотел было уклониться от прямого ответа и не уклонился:

— Тогда дал бы сдачи.

— Это бы, Павел Иванович, не сдача была... Тут ведь не Балтика... Тут океан...

А через день Румянцев уезжал в Москву за новым назначением. В то утро Пологов, хотя и спал в своей старпомовской каюте, но проснулся уже командиром. Он выслушал доклады старпома — его обязанность временно исполнял помощник, — дежурного офицера, главного боцмана, хотел отдать приказания, которые бы в корне отличались от тех, которые исходили от Румянцева, и вдруг понял, что нет у него этих своих отличительных приказаний. Он с грустью заметил, что слово в слово говорил то, что ему обычно по утрам наказывал Румянцев, но если бы он сказал об этом Румянцеву, тот бы обязательно вспомнил, что в первое свое самостоятельное утро тоже полностью повторил предыдущего командира. И тут уж, видимо, ничего не попишешь, логика бывает сильнее желаний и даже возможностей.

●

ПОЭЗИЯ

Владимир ФИРСОВ

ПОСТОЯНСТВО

ОТЦЫ И ДЕТИ

В вечный путь
Уходят ветераны,
Оставляя сполохи войны.
Их незарубцованные раны
Принимают на себя
Сыны.

За дела отцов во всем в ответе,
Мы их светлой славой дорожим
И, большой войны большие дети,
Каждой клеткой
Им принадлежим.

В нас отцы вошли,
Как зерна в землю,
Памятью,
Тревогою,
Судьбой.
Правоту их вечную приемля,
Мы с неправотой вступаем в бой.

Если к нам отцы бывали строги,
Значит, быть иными

Не могли.
Нам они оставили дороги,
По которым
Сами не прошли.

С их мечтою
Молодо, упрямо
Под метелью, зноем и грозой
Мы идем
Крутой дорогой БАМа
И нечерноземной полосой.

Мужество отцов в себя вобравши,
С болью помня траурную медь,
С каждым днем
Становимся мы старше,
Жаль, что им не суждено стареть!

Боль отцова сердца
Стала болью
Сердца моего — заметил я.
И его любовь —
Моей любовью
К Родине, к любимой, к сыновьям.

Что быть может сыновей дороже!
И чтоб пламень жизни не погас,
Мы им нынче оставляем
То же,
Что отцы оставили для нас.

Мы им дарим все,
Что с детства с нами:
Край родной,
Где мирная заря,
Серп и Молот,
Что украсил знамя
Нашего с рожденья Октября.

Мы им дарим
Веру в правду нашу,
Что в сраженьях уберечь смогли.
С этой верой
Будет им не страшен
Всякий недруг ленинской земли.

Мы им доверяем
Нашу совесть,
Гулкие заводы и поля.
Дарим недописанную повесть
О тебе, любимая земля.

Нам шагать по жизни
С ними вместе,
Слыша звезд весенних бубенцы.
Вместе песни петь —
Родные песни,
Их певали деды и отцы.

Нам еще прощаться с ними
Рано.
Быть нам рядом в трудовых боях,
Чтоб как можно дольше
Ветераны
Жили в нас
И в наших сыновьях.

* * *

Земля и небо,
Небо и земля —
Понятия бессмертны и нетленны...
Как Млечный Путь во глубину вселенной,
Уходят зерна
В теплые поля.

Земля и небо.
Суша и вода.
Небесный свод в полночном океане,
В котором на рассвете
В бездну канет,
Как чья-то жизнь,
Прощальная звезда.

Земля и небо —
Две величины,
Что дадены с рожденья человеку,
И для него
Они с начала века,

Верней, спокон веков —
Почти равны.

Колосья ввысь
Восходят из земли,
Чтоб зерна стали полновесным хлебом.
Так тянемся и мы
С рожденья к небу,
Чтоб не зачахнуть,
Не взойдя,
В пыли.

Дарует небо
Теплые дожди.
Земля дарует людям урожаи.
И матери,
Когда детей рожают,
Не ведают,
Что ждет их впереди.

В раздумья женщин
Мысль одну вселя,
Вселенная тревоги побеждает,
Ведь всех детей
С рожденья ожидают
Земля и небо,
Небо и земля.

Весной,
Когда мы ждем прилета птиц,
Когда в земле
Зашевелятся корни
Все яростней, светлей и беспокойней, —
О сколько смотрит в небо
Ждущих лиц!

Земля и небо —
Рядом вновь и вновь,
Как трепет в роднике звезды лучистой.
О преданной любви, земной и чистой,
Мы говорим:
— Небесная любовь!

Мы будем все —
Кто пеплом,

Кто золой.
Но даже смерть —
Все то же воскресенье,
Когда ты станешь тем,
Чем был с рожденья, —
Землей и небом,
Небом и землей.

* * *

Я нынче представил,
Что будет все именно так:
С последней грозою
Последний просыплется дождик,
Последнюю рыбу
Поймает последний рыбак,
Последний цветок
Нарисует последний художник;

Последний влюбленный
Вздохнет о последней любви,
Последний поэт
Загрустит над последней березой, —
С последним желаньем
В остывшей, бесцветной крови
Он молча уронит
На землю
Последние слезы...

Да что ж это, право,
Сегодня мерещится мне?!
Я даже такое
Себе и представить не вправе,
Поскольку вчера еще только
Скакал на коне
Среди разноцветий,
Среди вековых разнотравий.

Вчера еще
Грозы
Ласкали природы глаза
И ливни шумели,
Овраги наполнив до края.

И разноголосо
Звенели под солнцем леса,
И дикие звери
Резвились, беспечно играя.

Вчера еще
С жаром
В горячей, как лава, крови,
Которая гулко
До боли под сердцем стучала,
Я жаждал ответной,
Великой, как вечность, любви
И милая мне
На любовь горячо отвечала...

Так что ж, это, право,
Сегодня случилось со мной?
Откуда тревога,
Откуда такие виденья?..
Все так же спокойно
Березы шумят надо мной,
Меня укрывая от зноя
Душистою тенью.

И все-таки зреет
И зреет прозренье в крови,
И знаю я твердо,
Прослыть не желая пророком,
Что без обоюдной —
Людей и природы —
Любви
Так будет,
Как я и представил себе
Ненароком.

СОЛНЕЧНАЯ ГРУСТЬ

Вл. Щербакову

Чем старше становлюсь,
Тем ближе и родней
Рябиновая Русь
И облака над ней.

Прощальный звон шмеля.
Последний лист ольхи.
Усталые поля.
Негромкие стихи.

В них —
Солнечная грусть
Осеннего жнивья,
Рябиновая Русь,
Что с давних лет моя,

И тот святой покой
Погоста,
Что пророс
Над малою рекой
Средь сосен и берез.

Там заросли
Густы.
И, выстроившись в ряд,
Там звезды и кресты
Ушедших сон хранят.

Еще жива печаль
Погибших журавлей
И горькая печать
Сиротства давних дней.

И — слезы на глазах.
И сквозь их пелену
Я вижу всю в слезах
Родную сторону...

Но сквозь печаль и грусть,
Сквозь павших имена
Я гордо вижу Русь,
Что не покорена.

Вот флаг ее побед
С гербом страны на нем
Украсил сельсовет
Рябиновым огнем!

Вот ржавчину плугов
Очистил мирный труд.

И по коврам лугов
Вновь косари идут!

И мы опять вольны
Пахать,
Косить
И петь,
И не в глаза войны,
А в светлый день глядеть...

В сиянье наших дней,
Чем старше становлюсь,
Тем ближе и родней
Рябиновая Русь.

Родней
Печаль полей,
Роднее
Родники
И грусть осенних дней —
Ракиты у реки.

Грусть —
Не моя вина,
Коль жизнь ее дала.
А все-таки
Она
И в горький час
Светла!

* * *

Был зной и зной,
Когда дождя не ждешь.
И как-то раз, уже в конце июля,
По пыльным лопухам
Ударил дождь,
Ударил град величиною с пулю.

Коровы заревели
И в кусты,
Воздев хвосты,
Вприпрыжку побежали.
При звуке грома

Трепетно дрожали
Бараны в куче, поприжав хвосты.

А коршун
Рядом с тучею парил.
Он видел,
Как угрюмо, одиноко
Огромный бык ревел
И землю рыл,
Косясь на пролетевшую сороку.

Вот туча разлилась во все концы!
И гром гремел,
Веленью неба внемля.
И лопались
Под градом
Огурцы,
И вишни
Соком
Обагряли землю!

Дрожали стекла в избах.
И гроза,
Вовсю любуясь собственною силой,
Как некая огромная коса,
Все, что стояло на пути,
Косила!

Но вот все стихло.
Только петухи
Восторженно, до хрипоты орали,
Когда, дымясь,
Как будто догорали
Простреленные градом лопухи.

НАД СОЛОВЬИНЫМ УЩЕЛЬЕМ

С треском
Орлы
Расправляют крылья
И покидают гнездовья свои.
Вот я их вижу.

Вот они скрылись.
Их проводили в полет соловьи.

Тает туман в соловьином ущелье.
Солнце светло показалось вдали.
Светлые слезы —
Следы очищенья —
Я не скрываю
Пред ликом земли.

Так соловьи заливаются,
Словно
Их за орлами
Вослед вознесет.
Что ни рулада,
То музыка слова,
Слова из гимна орлиных высот.

Горы послушно
Гимну внимают,
Горы издревле
Ему верны.
Тихо, неслышно
Вновь проплывают
Над соловьиным ущельем
Орлы.

Горная речка
И та замирает,
Чтоб соловьям не мешать в этот час,
Чтоб над ущельем
И над горами
Музыка света взмывала,
Лучась.

Я забываю годы-невзгоды
В этом орлином, гордом краю
И, продолжая собою природу,
Гимну послушный,
То же пою.

Я поклоняюсь
Высотам нетленным,
Бездне небес,

Что к вершинам зовет,
Будто я сам —
Продолженье вселенной
И продолжаю орлиный полет.

ЗОЛОТЫЕ ВОРОТА

Борису Олейнику

Дорожа от рождения словом,
Мы привыкли то слово беречь.
Рядом с нежной украинской мовой —
Белорусская, русская речь.

Не спросив: кто мы, в общем, такие,
В тишине,
Где слышны соловьи,
Открывает нам ласковый Киев
Золотые Ворота свои.

Величаво и гордо пред нами,
Как истории вечный родник,
Храм Софии,
Горя куполами,
Из тумана на солнце возник.

Златоглавого Киева житель,
С гор днепровских взирая окрест,
Крепко держит
Владимир Креститель
Нашей древней истории крест.

Постигая в любви постоянство,
Он узрел в потаенной тиши
Золотые ворота славянства,
Золотые ворота души.

* * *

Ах, судьба,
Судьба-пророчица
Насулит с рожденья нам

Годы горя-одиночества
Со слезами пополам!

Друг от друга столь далекие,
Как от вешних дней жнивье,
Носят люди
Одинокие
Одиночество свое.

Друг от друга столь далекие, —
А ведь рядом быть могли! —
Ходят люди
Одинокие,
Что друг друга не нашли.

Но страшнее —
Коль нашли,
Да любовь
Не сберегли.
И гнетет их
С каждым днем
Одиночество
Вдвоем.

* * *

Под пасмурным небом России,
В гостях у родной стороны
Никак я не в силах
Осилить
Щемящее чувство вины.

Со всею страною повитый,
Я мысленно осознаю,
Что здесь пуповина зарыта —
В родимом с рожденья краю.

Сквозь годы-невзгоды
Упрямо
Я, как подорожник, пророс.
И слово священное «мама»
Впервые
Я здесь произнес.

Впервые
Увидел окошко —
Предвестье желанных вестей,
Окошко,
Где серая кошка
С утра намывала гостей.

Впервые
Я здесь
Грозовые
Над миром узрел облака.
И здесь услыхал я
Впервые
За русскою печкой сверчка.

Под свежей соломенной крышей,
Где мирно жила тишина,
Впервые
Вот здесь я услышал
И понял, что значит —
Война.

И здесь же,
Конечно, до срока
Сиротскую нянча мечту,
Познав неземную жестокость,
Земную познал доброту.

Обласканный той добротою,
Под скрип деревянных саней
Расстался я,
Словно с мечтою,
С родною деревней моей.

Я помнил, тревогой омытый,
Простясь со своей стороной,
Что здесь —
Пуповина зарыта
И стала родимой землей.

...Меня не узнали деревья,
Которые в детстве сажал.
Меня не узнала деревня,
Чьим воздухом жадно дышал.

Лесные овраги...
Все то же.
Смородина та же кругом.
И ковш деревянный все тот же
Качается
Над родником.

Спугнув ненароком оленя,
Пришедшего на водопой,
Я молча встаю
На колени
Перед родниковой водой.

О сколько в ней лиц отражалось,
Чьи нынче исчезли черты,
Под чьими губами
Дрожала
Хрустальная кромка воды!

Приехать опять обещаясь,
Гляжу в родниковую дрожь.
С тоской к роднику обращаюсь:
— Хоть ты-то меня узнаешь?

И, словно меня не заметив, —
Как будто обиду таил, —
Родник
Ничего не ответил,
Лишь молча водой напоил.

Вот рожь колосится...
Все та же,
Да только давно не моя.
По августу
Скирды на стражу
Взойдут над покоем жнивья.

Вот лен, набирающий силу,
Слегка отдает желтизной.
В нем теплится небо России
С рассветною голубизной.

Все те же просторы.
И люди

Живут, эту землю храня.
И что из того,
Что не будет
Когда-нибудь вовсе меня!

Вздохнут ли по мне эти дали,
Рябины,
Ромашки в лесу,
Которые я, покидая,
С собой навсегда унесу?

С того ли
Под небом России,
В гостях у родной стороны
Никак я не в силах
Осилить
Щемящее чувство вины?..

* * *

Ах, какие были лилии
В светлой заводи реки,
Где серебряными ливнями
Шумели тростники!

Как меха гармони,
Алые
Закаты там цвели.
И светло
Девчата шалые
На встречи с нами шли.

Мы несли им полны коробы
Незлобивого вранья.
Жаль, что ночи
Были коротки,
Как нос у воробья.

Звать ее не надо Ладою,
Если рядом плоть ее,
И тебе
Уже не надобно
Бесталанное вранье.

Вот сидишь, бывало,
С милою,
Которая мила,
А вдали гармонь
Унылую
Песню завела:

— «На муромской дорожке
Стояли три сосны.
Прощался со мной милый
До будущей весны...»

И распались
Руки белые,
Отпрянули глаза.
И качнулась в них несмелая
Росиночка-слеза.

— Ну чего, ну что ты, глупая,
Это ж только в песне так... —
А она, как лань,
Испуганно
Скрывается в кустах.

И гляжу глазами стылыми
В туманные края.
И виню в разлуке с милою
Гармониста я...

В жизни многое забыли мы.
Но припомнишь
В час тоски:
Ах, какие были лилии
В светлой заводи реки!

* * *

Мне не надо сто рублей,
Их на жизнь не хватит.
Мне не надо сто друзей,
Одного мне хватит...

Вот бедою, как на грех,
Поделиться надо.
Сто друзей.
Попробуй всех
Обойти хотя бы.

Выпал вдруг тебе успех,
Им делиться надо.
Сто друзей.
Попробуй всех
Обойди-ка кряду.

Обойди-ка всех,
Поспей.
Тут и скажешь кстати,
Что тебя на сто друзей
Никогда не хватит.

Можно сто рублей найти,
Экая награда!
Можно к ста друзьям пойти —
К одному мне надо.

Значит, хватит одного,
С кем во дни удачи
Не жалеешь ничего,
Ничего не прячешь?

Хватит, хватит одного,
Если друг на деле.
Не скрывая ничего,
С ним беду разделишь.

Он поделится с тобой
Словом,
Хлебом,
Солью,
Жизнью,
Собственной судьбой
С радостью и болью.

Мне не надо сто рублей,
Их на жизнь не хватит.
Мне не надо сто друзей,
Одного мне хватит!

ШУТОЧНОЕ

До чего же
Ночи коротки в июле!
На рассвете по-над морем
Белый дым.
Я с женою на курорте,
Словно в Туле,
Словно в Туле
С самоваром со своим.

На меня глядят сочувственно
Мужчины,
Как на сильно заболевшего
Глядят.
И, очками принакрыв
Свои морщины,
Словно пчелы на малиннике,
Гудят.

Не нуждаюсь я в сочувствии,
Не надо.
Мне сочувствия
Нисколько не нужны.
Сквозь очки они взирают
Жадным взглядом
На красу
Моей красавицы жены.

Мы по пляжу, по базарам
Ходим парой,
Не скрывая и не пряча
Торжество.
При жене и я навроде
Самовара,
Ну да только
Самовара своего.

И, стараясь друг за дружкою
Угнаться,
Торопливо,
Как пожарник на пожар,

Отдыхающие
Бойко суетятся,
Каждый жаждет,
Хоть на время,
Самовар!

Тары-бары,
Тары-бары,
Рас-та-бары!
Изо всех укромных пляжных
Уголков
Жадно смотрят, бронзовея,
Самовары
В ожидании
Горячих угольков.

Мы с женой идем,
Гордясь не без причины:
Примечаю я,
Который день подряд
На меня глядят завистливо
Мужчины,
На жену —
Угрюмо женщины глядят.

За спиной у нас —
Ехидненькое слово
Все про Тулу...
Ну да это ничего.
Чай хорош
Из самовара из любого,
Но надежней и вкусней
Из своего.

ПТИЦА СИРИН

Чтоб путь житейский
Был не страшен,
Среди затейливой резьбы
Ее обличьем
Был украшен
Конек приземистой избы.

В ее существованье веря,
Как в домового,
Как в судьбу,
Входили мы, не хлопнув дверью,
В родную дедову избу...

В хранимой небом
Темной сини
Звезда высокая взойдет.
Накличет счастья
Птица Сирин
И молча бровью поведет.

По-человечьи улыбнется,
На наше счастье поглядит.
Но вот по-птичьи
Встрепенется
И недалеко отлетит.

И будет где-то с нами рядом
Незримо
И тревожно жить,
Чтоб ниву не побило градом,
Чтоб нам не довелось тужить,

Чтоб горе мимо проходило,
Невзгоды были позади...
Чтоб смерть с косою
Погодила,
Она ей скажет:
— Погоди!

Она вozденет крылья-руки,
Как птаха над родным гнездом,
Чтоб в доме были
Дети, внуки
И были правнуки притом.

Она заботы не боится,
Семейный сторожит очаг.
И свет неведомый струится
В ее невидимых очах...

В любом краю большой России,
Как и в былые времена,
Она незрима,
Птица Сирин,
Но доброта ее
Видна.

* * *

Какие б ни нашел слова,
Не то!
Какие б звуки словом ни исторгнул,
Они — ничто
В сравненье с КРАСОТОЙ
И непередаваемым восторгом.

Над августом
Бездонна высота.
Под звон сверчка
Созвездья проплывают...

Молчишь
И тихо шепчешь:
— Кра-со-та! —
Потом с восторгом говоришь:
— Бывает!

Прощальный свист
Кленового листа
Над изморозью тронутой
Листвою.

— О светлая земная красота,
Не уходи,
Побудь еще со мною!

Замшелая,
Далеких дней верста
Застыла
У забытого проселка...

Печальная, а все же красота
Есть в жизни той,
Что навсегда умолкла.

Луга.
Река.
Родимые места.
Среди хлебов,
Как островки, березы...

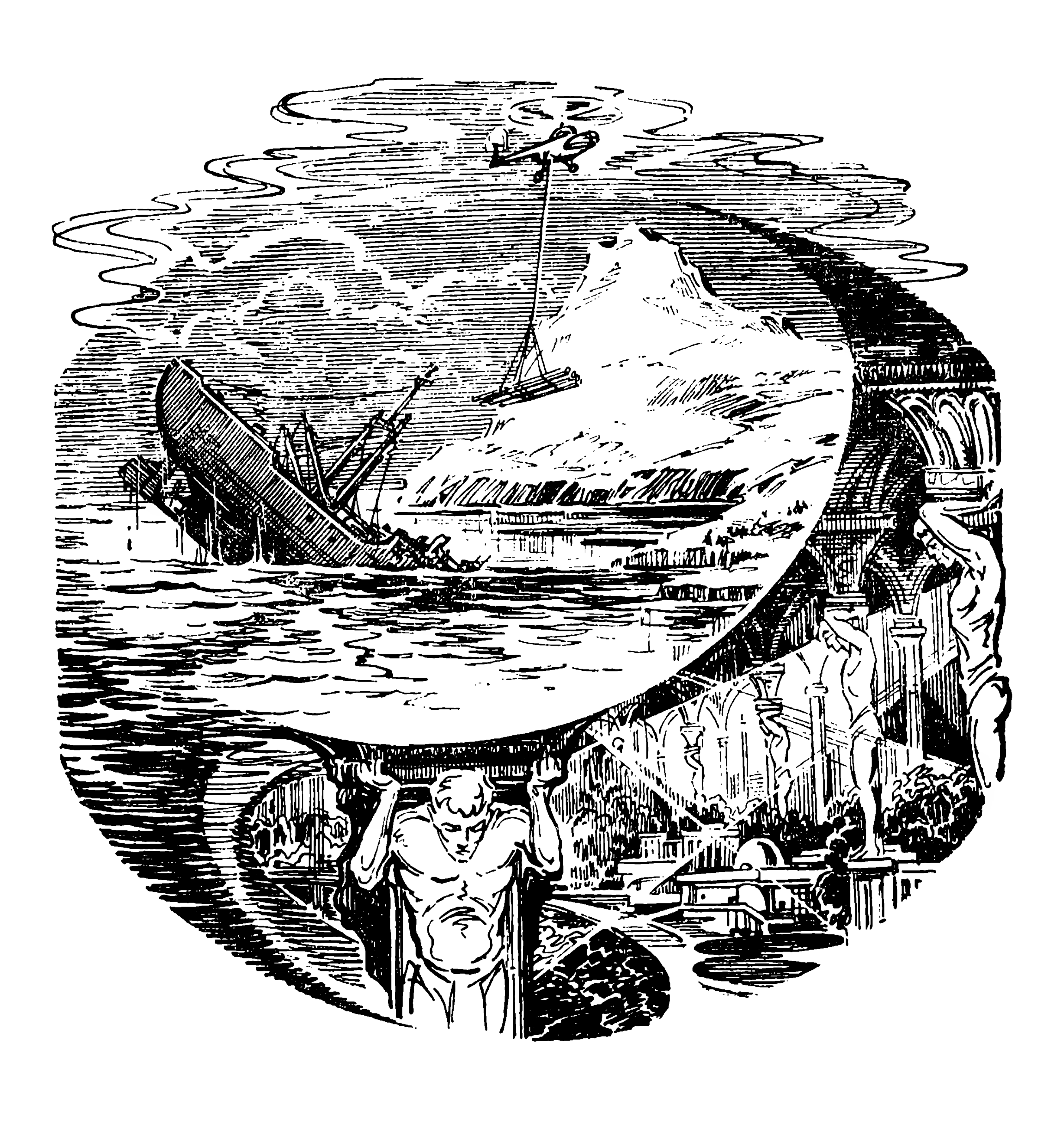
И к сердцу подступает
Красота,
Рождая непредвиденные слезы.

Моей любимой
Жаркие уста!
Как светятся они
Весенним светом,
Когда произношу я:
— Красота! —
И удивляюсь сам себе при этом.

Одно лишь слово.
Неужели так!
И говорю, открытью поражаясь:

— Нет слова,
Кроме слова «красота»,
Что КРАСОТУ
С восторгом выражает!

Александр КАЗАНЦЕВ

КУПОЛ НАДЕЖДЫ

Роман-мечта

II. МОДЕЛЬ ГРЯДУЩЕГО

1. КРУТОЙ ПОВОРОТ

ПРОИЗВОДСТВЕННАЯ НЕОБХОДИМОСТЬ. В передней прозвучал звонок. Клеопатра Петровна открыла входную дверь.

Перед нею стояли два солдата в беретах десантников с чемоданами в руках. Один статный, рослый, с чуть скуластым лицом, а другой широколицый, маленький, почти невидимый за широкой спиной приятеля.

«Никак братец Аллы заявился! Да еще и нахлебника привел!» — подумала Клеопатра Петровна.

Из комнаты появился Юрий Сергеевич.

— Ба! Никак сам Спартак Алексеевич к нам пожаловал! — радушно воскликнул он.

— Здравствуйте, — отозвался Спартак Толстовцев. — А это мой друг Остап Порошенко. Земляк, вместе в армии служили. У него родня под Москвой.

— Проходите. Аэлиты, правда, нет. Но я вам после объясню.

— Да мы тут по всем гостиницам шастали. Ну ни единого номерочка, вы представляете! — вставил Остап.

— Гостиницы, гостиницы! — вздохнул Юрий Сергеевич, покосившись на мать. — Для кого их теперь строят, шикарно обставляют? Все для иностранцев! А где простому человеку поселиться, если он не командированный? Хорошо, у кого родственники есть, как у вас. Так проходите, проходите.

Приехавшие одернули свои парадные мундиры.

— Так вот, значит, как! — почему-то потирая руки, заговорил Юрий Сергеевич. — Надолго к нам в град-столицу нагрянули?

— Да как придется, — неопределенно отозвался Спартак.

— В погоне за жар-птицей высшего образования?

— Да сразу, может, и не получится. Подзабыли малость в армии.

— Насчет работенки сперва посуетиться придется, — вставил Остап.

— А какая у вас специальность?

— У нас по десятку специальностей у каждого, — затараторил Остап. — Мы и кашу сварим, и с электропроводкой как с любимой девушкой, и сварку можем, и о бетонщиках слышали, даже таксистами могли бы, кабы Москву знали.

Продолжение. Начало в № 3.

— Да, — сочувственно вздохнул Юрий Сергеевич. — Надо пораскинуть мозгами насчет вашего трудоустройства. Кое-что, пожалуй, я мог бы сделать для вас на нашем заводе. Ради жены, как говорится. Да и насчет вуза тоже можно сообразить.

— Система-компания в основе всякого образования, — мудро изрек Остап.

Клеопатра Петровна слушала и диву давалась.

Юрочка только что приехал со службы (раньше обычного) и ничего ей рассказать не успел.

А рассказать было что!

Мелхова сегодня вызвали к высокому начальству. Пожилой человек с жестким проницательным лицом приподнялся из-за стола:

— Садитесь, товарищ Мелхов. Я хотел бы побеседовать с вами как с молодым обещающим специалистом. Дело в том, что мы предвидим переориентацию химического завода. Нынешний его главный инженер, как говорится, душой не принял нового направления производства. Вот нам и хотелось бы узнать, что думают по этому поводу другие специалисты, повидавшие Запад.

Юрий Сергеевич качнулся на стуле.

— А в чем суть новой ориентации завода?

— Дело в том, товарищ Мелхов, что страна нуждается в искусственных белках для сельского хозяйства. И ваш завод окажется в числе первых предприятий, дающих новую продукцию.

— О, искусственные белки — это так перспективно! — подхватил Мелхов. Он много знал об искусственной пище от Аэлиты. И сейчас с присущим ему умением блеснул перед начальством своими знаниями.

По дороге домой он, Юрий Сергеевич, упивался раскрывшимися перед ним перспективами. Страна нуждается в молодых ученых, инженерах, способных без оглядки на старое, привычное энергично развивать новое производство. Индустриальное производство искусственных белков сулило огромные выгоды.

Но в сладких мечтах о своем необыкновенном продвижении Мелхов словно оступился вдруг в яму на гладкой дорожке — вспомнил о своем разрыве с Аэлитой, за спиной которой ему виделся Анисимов — душа искусственной пищи. Пожалуй, академик, чего доброго, окажется у него на пути к уже видимой вдали вершине. И он позвонил из автомата своему новому другу и советчику Генри Смиту, аккредитованному теперь в Москве. Тот проявил огромный интерес к создавшейся ситуации, особенно близко приняв к сердцу семейные дела Мелхова.

— Как неудачно и, главное, не ко времени произошло все это у вас с супругой! — сетовал он. — Впрочем, давайте спокойно разберемся. Кто выгнал ее из дому? Кто подал в суд на развод? Ведь не она же! Так за кем следующее слово? Вот то-то! Почему бы вам, Юрий, не принять жену обратно? Ведь у вас сын!

Мелхову слова эти показались убедительными.

И, уже подъезжая к дому, Юрий Сергеевич постепенно, отступая шаг за шагом и оправдывая себя, пришел к подсказанному ему решению — восстановить свои отношения с Аэлитой. Он определил это как «производственную необходимость».

Кстати, через Аэлиту удобнее завязать отношения с академиком Анисимовым.

Всего этого Юрий Сергеевич не успел рассказать матери, как приехал брат Аэлиты Спартак. Очень своевременно! Юрий Сергеевич увидел прекрасный повод для примирения с Аэлитой.

На столе появилась бутылка. Юрий Сергеевич считал, что умеет разбираться в людях. Этот простак Спартак, по всей видимости, рубаха-парень.

— В вас есть что-то легендарное. Я гляжу на вас, а вижу вождя гладиаторов! Ваш папа умел давать имена: Аэлита, Спартак! Очень романтично! И в вас и в Аэлите чувствуются его черты. Романтизм, прямота, честность.

— Да что! Отец одно, а я совсем другое.

— Не скажите, не скажите. Вот я предложил переговорить с кем надо насчет вашего поступления в вуз — чего греха таить, там при поступлении списочки в ходу, — так вы и слушать не захотели.

— Да не надо! После армии мы и так преимуществом пользуемся. А вот окажусь ли подготовленным, в том вся загвоздка.

— Так я помогу вам! Какой разговор! Математика, физика — это же моя стихия!

— Спасибо. Вот не думал!

— Дело клевое!.. — вмешался захмелевший Остап. — Мы хотели сперва на Урал податься, на заводе годик-другой поднатореть. Отец там, ну и другие прочие...

— И как же?

— Так других прочих не оказалось, — расхохотался Остап. — Не дождались, в град-столицу учиться двинулись. Вот и мы за ними.

— Вот как? И много этих остальных прочих?

— Одна-единственная.

— Замечательно! Люблю настоящего мужчину! Еще рюмочку за нее, прекрасную незнакомку. Не осмеливаюсь спросить имени.

— Имя обыкновенное — Тамара, — смущенно выговорил Спартак.

— Зато фамилия необыкновенная. Если «идзе» обыкновенным считать, так она Неидзе, — вставил Остап.

— Художница, — пояснил Спартак. — Об архитектуре мечтает.

— Архитектура — память времен! — изрек Мелхов.

— Так где же все-таки Аэлита? — спросил Спартак.

— У подруги. — Мелхов отвел глаза в сторону. — Добрая душа, не умеет отказываться. А та, видите ли, за длинным рублем на Север поехала. А квартиру кто будет сторожить? Может, милиция? А зачем? Для этого куда удобнее и дешевле иметь безотказных подружек. Аэлита, знаете ли, склонна к жертвам. Предложила всем нам троим с сынишкой переселиться в ту квартиру. Так ведь тесновато в однокомнатной! Ребенок, собака и все такое... Вот и приходится по десять раз в день бегать. Ладно, хоть неподалеку отсюда.

— Может, сразу и сходим?

— Рано еще. С работы она в ясли зайдет за Алешей. Кроме того, у нас с тобой, прости за фамильярность, мужской разговор будет. Ничего, что я на «ты»?

— Нет, пожалуйста, вы же старше.

— Нет. Дружба так дружба! «Ты» взаимное. Выпьем на брудершафт.

И они выпили.

— Я тебе все, все расскажу, не стану лукавить, как сначала хотел. Потому что понял, какой ты есть человек! От тебя многое зависит. И не только для моей семьи, но и для всего человечества.

— Для человечества? — удивился Спартак, у которого уже шумело в голове.

— Да, для человечества. Его можно накормить лишь искусственной пищей... это я тебе потом объясню. Но для этого сперва нужно примирить нас с Аэлитой. А в вуз я тебя подготовлю. Физика, математика — это мне раз плюнуть. И все экзаменаторы свои люди, ты уж поверь.

— Так она ушла в ту квартиру?

— Ушла. Это я, дурак, попросил ее об этом. Приревновал! И знаешь, к кому? К Мафусаилу! Ему сто лет или сто два, точно не помню.

— Как же это вы?

— А она оскорбила меня! Представь только, с академиком сравнивать стала! А что академик? Он только придумать искусственную пищу может. А кто ее делать будет? По секрету тебе скажу. Мне это доверить собираются. И вот теперь восстановление семьи — вопрос номер один. Поможешь?

— Конечно. Ведь у вас ребенок.

— Сын! И какой еще! Твой племянник, ну вылитый ты, жаль, я не догадался его Спартаком назвать. Но вы с Тамарой своего непременно Галилеем назовите.

— Галилеем? Почему Галилеем?

— Потому что никому другому это в голову не придет. Итак, насчет работы я все устрою. И в вуз вам будет рельсовая дорога, смазанная сливочным маслом. Идет?

— Вот с Аэлитой поговорим.

— В этом главное. И ты сумеешь, по твоим правдивым глазам вижу, что сумеешь. Ну кому нужна мать-одиночка с ребенком? Кому, как не законному ее мужу, который во всем раскаивается?

— Аэлита поймет.

— Надо, чтобы поняла. Надо! Усекаешь?

ЖИВОЙ ПРИБОР. Юрий Сергеевич вместе с двумя солдатами в беретах расположился в скверике против подъезда, где жила теперь Аэлита.

На узкой асфальтированной дорожке между сквером и подъездами появилась черная «Волга». Дверца открылась, из нее выскочил великолепный рыжий боксер. Потом вышла Аэлита, держа за руку Алешу.

Шофер попрощался и уехал.

Юрий Сергеевич как завороженный наблюдал за прибытием «своей семьи», как он продолжал считать.

— Каково, Спартак? Ты только почувствуй, пойми, что во мне творится! — прошептал он, вцепившись в локоть Спартака. — Я по вызову министерства толкаюсь в троллейбусах, уминаюсь в двери вагонов метро в часы «пик», а тут самую что ни на есть младшую научную сотрудницу на государственной машине с личным шофером академика возят с работы и на работу! Вот куда идут государственные денежки! И все это я должен забыть и простить! Тяжело, ох тяжело, Спартак!

— Так, может быть, машину-то дают из-за собаки? — предположил Спартак. — Вы говорили, у них там опыты какие-то. В трамваи и троллейбусы псов не пускают.

Машину действительно подавали Аэлите каждое утро и после работы. И конечно, из-за собаки, которую нельзя было доставлять в институт обычным транспортом.

Собака стала нужна в лаборатории после того, как Анисимов по возвращении из ФРГ поставил перед лабораторией «вкуса и запаха» новые задачи.

Нина Ивановна Окунева была занята парткомовскими делами, лабораторию прибирал к рукам Ревич. Он же навязал себя Аэлите в руководители ее диссертационной работы, тему которой дала еще Нина Ивановна, связав ее с реакцией биологических систем на запах, то есть с собакой.

Ревич слыл умным человеком. Став недавно профессором, он скоро понял, какой переворот сулит «живой прибор» в той области науки, которой он занимался. И он начисто забыл свое первоначальное отношение к этому. Он не только допустил наконец Бемса в лабораторию, как это советовал сделать академик Анисимов, но и взял руководство над всем, что касалось этого «живого прибора», по чувствительности на много порядков превосходящего все до сих пор существовавшие методы.

Аэлиту же он не уставал поучать:

— Практическое применение, практическое использование не дело ученого. Наше назначение — решение проблем! Вот меня наградили Государственной премией. За что? Не за съедобное блюдо на столе, а за то, что я предложил м е т о д, понимаете ли, м е т о д, как сделать его а р о м а т и ч н ы м.

— Но я не премии добиваюсь. Николай Алексеевич поставил перед нами важную задачу: обеспечить будущее человечества.

— Анисимов — великий стратег науки. Этого даже я не могу отрицать. Но зачем же стулья ломать? Лучше на них посидеть рядком и поговорить ладком. — И он забрал из рук волновавшейся Аэлиты стул, усадил на него свою подопечную.

— О чем же поговорить? — садясь, робко спросила Аэлита.

— Я недоволен темпами подготовки вашей диссертации. Собака показала чудеса. Их надо перевести на научный язык. А статья о «живом приборе» все еще не закончена. Не будет же профессор за вас писать, хотя его имя и стоит там рядом с вашим.

— Я напишу. Я уже кончаю. Честное слово!

— Надо спешить! Вкусом и запахом занимаются и за рубежом. Вот в Америке в широкую продажу пошли всевозможные искусственные кушанья из белка сои. А что, если они додумаются до нашей идеи — идентифицировать тончайшие запахи с помощью собачьего чутья? Собаки ведь и в Америке водятся.

— Я совсем не думала об Америке. Право.

— А надо думать. Поезжайте домой, машину вам я уже вызвал. Завтра с утра пусть Бемс проделает все по моей программе. Отградуирует своим феноменальным обонянием наш дозиметр и индикаторы запаха.

ТРЯПКА НА ПАЛКЕ. Аэлита подъехала к дому.

Велико же было ее изумление при виде Спартака в военной форме и Остапа, которого она знала еще на Урале мальчуганом. Поодаль с виноватой улыбочкой стоял Юрий Сергеевич.

Брат и сестра обнялись. Юрий Сергеевич бросился к сыну:

— Хочешь, поиграем в «казаки-разбойники»?

— А что такое «казаки»? — спросил Алеша.

С Юрием Сергеевичем Аэлита поздоровалась издали кивком. Потом повела гостей в дом.

— Мы сейчас с Алешкой придем! — крикнул Юрий Сергеевич.

«Надо же дать Спартаку минутку на подготовку почвы!» — подумал он.

— Ты еще не нашел свою Тамару? — спросила Аэлита, усевшись рядом с братом на тахту.

Остап рассматривал портреты поэтов и читал стихотворные строки.

— Да нет! — ответил Спартак. — Прямо к тебе. Словно знал, не все у тебя в ажуре!

— Нет, почему же? Очень даже в ажуре. Право-право!

Аэлита старалась не смотреть на брата. Она думала о Николае Алексеевиче.

Время, проведенное в Западной Германии, в особой палате, где Николай Алексеевич был таким близким, понятным, казалось далеким сном. В Москве он опять отдалился, отгородившись стеной научных интересов. И даже на концерты они больше не ходили. И Аэлита, как никогда раньше, чувствовала себя одинокой.

— Брось, сестренка, — сказал Спартак. — Хоть ты и старшая, а насквозь просвечиваешь. Неладно у тебя. Скажешь, не так?

— Ну так. Только ты не знаешь, почему.

— Отчего же не знаю? Мне Юрий Сергеевич все рассказал. Я понимаю. Нелегкое это дело. И даже близким родственникам нечего тут нос свой совать, а все-таки...

— Что все-таки?

Спартак покосился на Остапа, и тот сразу засобирался:

— Пойду-ка я. Заигрались наши детишки-то в «казаков-разбойников».

Когда он вышел, Аэлита закрыла лицо руками.

— Люблю я его! Честное слово! — прошептала она.

— Что ж тут особенного? Столько лет прожили.

— Да не Юрия, а другого! Пусть пожилого, но замечательного человека. Если бы ты его знал!

— Да я тебе верю.

— Вы еще встретитесь!

Зазвучал звонок.

— Ну вот и ребятки с детплощадки, — сказал Спартак и пошел открывать.

Пришли Алеша и Бемс, потом вошел Остап, широко ухмыляясь, а следом за ним бочком появился Юрий Сергеевич и встал у дверей.

— Ну что? Наигрались? — спросил Спартак. — Так не в ту игру вы играли. Надо в пограничников. Остап, надевай шинель. Мы с тобой будем диверсантами, а Алеша — пограничник с собакой, служебной.

Мальчик захлопал в ладоши, глазенки его разгорелись. Он взял Бемса на поводок и потянул к двери.

Юрий Сергеевич печально проводил взглядом уходивших.

— Чуткие люди, — обратился он к Аэлите. — Поняли, что нам нужно поговорить.

— О чем? — нахмурилась та.

— Я хотел бы показать тебе написанное мной письмо, которое избавит меня от дальнейших объяснений.

— Садись, — пригласила Аэлита, указывая на тахту.

Но Мелхов остался стоять.

— Аэлита! Пойми! — начал Юрий Сергеевич, картинно прижимая руки к груди. — Это был тайфун, торнадо, цунами ревности. Вспомни Отелло. Силой своего таланта Шекспир оправдал его во имя беспредельной страсти. Не простил мавр только сам себя. Так неужели же у меня только такой выход? Я готов. Но будь милосердной, не толкай меня на ужасный шаг. Я был ослеплен, ослеплен любовью к тебе. Это была лавина, снежная лавина несообразностей, промахов, ошибок. Мне стыдно вспоминать сцену в суде. Да никем твое место не занято в нашей семье, как я тогда сказал. Я горделиво, именно горделиво солгал, пошел на святую ложь! Ложь во имя сохранения твоего уважения ко мне, дабы я не выглядел в твоих глазах жалким и униженным. И наша семья ждет тебя! Вернись! Умоляю тебя!

— Надо позвать всех с улицы, а то дождь может пойти, —

спокойно сказала Аэлита, словно они говорили о прогнозе погоды.

— Конечно, конечно, — суетливо обрадовался Юрий Сергеевич, — как бы Алешенька не простудился.

Алеша с Бемсом шумно ворвались в переднюю, потом чинно вошли и Спартак с Остапом.

— Проходите, ребятки, — пригласила их Аэлита.

— Да, да, проходите, друзья мои, нам тут нужно кое-что важное вам сообщить, — суетился Юрий Сергеевич.

Спартак удивленно посмотрел на него, потом перевел взгляд на сестру.

— Есть ситуации, — сказала Аэлита, — когда человек полностью раскрывает себя. Я только что увидела во всей красе Юрия Сергеевича Мелхова, который по чудовищному стечению обстоятельств был когда-то моим мужем. Нет меры, которая измерила бы человеческую мель Мелхова. Я вам, своим друзьям, хочу сказать, что никогда, слышите, никогда не прощу себе своего замужества... Честное слово!

— Из песни слова не выкинешь, — промямлил опешивший Юрий Сергеевич.

— Так нужно выкинуть всю эту песню, мещанскую песнь, с которой шагает по жизни этот обыватель из обывателей.

— Ах так? До тебя не дошли мои слова?

— Напротив. Дошли в полной мере.

— Но сын!.. Он останется моим сыном!

— Надо еще суметь остаться его отцом.

— Ну, сцена уже переходит все допустимые границы! — возмутился побагровевший Мелхов и демонстративно вышел в переднюю.

Там он долго надевал пальто перед зеркалом, ожидая, что его вернут.

Но никто не вышел к нему, даже Бемс.

Взбешенный Юрий Сергеевич выскочил из квартиры, хлопнув дверью.

Только тогда в передней появилась Аэлита с тряпкой на палке и вытерла пол.

ТРИБУНА МИРА. Николай Алексеевич не раз бывал в Америке, но на корабле подплывал к Нью-Йорку впервые.

Николай Алексеевич поднялся ранним утром на палубу, чтобы полюбоваться рассветом в Атлантическом океане. В сверкающем коридоре он никого не встретил.

Прошел по палубе на корму. Отсюда виднелась широкая пенная полоса, остающаяся за лайнером, напоминающая совре-

менную автостраду, вдруг появившуюся среди равнины океана. Облака над горизонтом выглядели еще темными, а высоко в небе уже светились своими кромками, словно раскаленные изнутри.

Корабль, огромный, нарядный, удобный, краса советского морского флота, предназначался для туристских путешествий. Николай Алексеевич с удовольствием играл утром в теннис вместо обязательных трехкилометровых пробежек, которые он не решался совершать здесь по пассажирским палубам.

Облака уже полыхали в высоте, а из-за горизонта веером потянулись лучи, похожие на прожекторы. Это напоминало детский рисунок. Анисимов перешел на носовую палубу.

Западная часть горизонта в отличие от восточной, где всходило солнце, оставалась чистой. И вот как бы прямо из воды стали вырастать башни... Они все теснее примыкали одна к другой, образуя каменный остров среди океана. Нью-Йорк, не похожий ни на один город мира, включая и американские города, был близок. Однако корабль еще не скоро подошел к порту.

Навстречу лайнеру примчался на подводных крыльях полицейский катер. Таможенные и иммиграционные чиновники по-хозяйски взошли на борт корабля.

Потом впереди увидел статую Свободы. Николай Алексеевич привык к ее фотографиям. Сейчас, на фоне каменных громад, она показалась ему невзрачной. Чей-то холодный расчет превратил ее пьедестал в карантинную темницу. Деловитые янки сочли, что нет удобнее островка, на котором можно возвести статую Свободы, а также тюрьму для предварительного заключения иммигрантов, жаждущих познать все свободы прославленной страны бизнеса.

Маленький буксир, дымя высокой прямой трубой, потащил лайнер в порт, к причалу.

Океанские корабли в Нью-Йорке подходят прямо к центру города. Анисимов сошел с корабля и сразу оказался на улице. Где-то над головой по эстакадам с грохотом проносились поезда надземки, ниже двигались автомобили по пересекающему стриту, а внизу забитая машинами улица гудела, шумела, гремела... Анисимова усадили в столь знакомую ему по Москве «Волгу».

— Нам повезло, что удалось остановиться не так уж далеко, — говорил встречавший его молодой человек. — Иногда идешь километра два от припарковавшегося автомобиля.

Машина двигалась еле-еле, упираясь в бампер едущей впереди.

— Пожалуй, я скорее дойду пешком. Дайте-ка мне адрес отеля, — сказал Анисимов и решительно открыл дверцу машины.

Первое, что ощутил Анисимов, выйдя из машины, были духота и смрад от выхлопных газов автомобилей. В ущелье с неимоверно высокими каменными стенами чувствуешь себя как в нацистской душегубке. И совсем неудивительным показалось Анисимову, что среди прохожих с нездоровым, землистым цветом лица встречалось немало людей в противогазных масках, главным образом женщин.

...Потом были дни заседаний Ассамблеи ООН. Первое время Анисимов находился на галерее для публики.

Но наконец наступил день, когда он был приглашен в зал, на трибуну. После выступления журналисты атаковали академика.

От бесчисленных интервью он очень устал и думал лишь о том, чтобы пройтись, развеяться, отдохнуть. Мечтал даже подышать свежим воздухом. Но где? И тогда вспомнил о Централь-парке, этом своеобразном заповеднике прежней природы.

Анисимов знал, что из Даунтауна (нижнего города) до Аптауна и Централь-парка далеко, но Анисимов любил ходить. Он шел не спеша, разглядывая загоравшиеся огни реклам и лица встречных, иногда оборачивался. Он заметил, что двое прохожих следовали за ним, делая вид, что рассматривают витрины магазинов.

Анисимов вспомнил, что Нью-Йорк называют Джунглями Страха из-за разнузданной преступности, с которой не могут справиться полицейские силы. Вспомнил и о тщетной попытке после ряда политических убийств в США запретить там продажу огнестрельного оружия. Неожиданно гангстеры оказались под защитой конституции. Билль о правах, статья вторая, гласит: «Поскольку для безопасности свободного государства необходимо хорошо организованное народное ополчение, право народа хранить и носить оружие не подлежит ограничениям». И вот это «право народа» в полную меру используется прежде всего гангстерами и, конечно, продавцами оружия.

Принятая два столетия назад статья о правах, имевшая в то время, вероятно, смысл, ныне, когда об ополчении и речи нет, выглядит опасным анахронизмом, способствуя развитию преступности.

Анисимов, прадед которого славился как первый волжский бурлак-забияка, был не из трусливого десятка и при взгляде на тщедушных своих преследователей утешил себя тем, что скорее всего это или репортеры, запоздавшие взять у него интер-

вью, а может быть, и частные детективы, нанятые оберегать его особу.

Мысли Анисимова вернулись к прошедшему дню, сделавшему его особу заметной. С трибуны, на которую он поднялся, были видны внимательные, настороженные лица людей, ждавших от него чего-то очень важного. Но вряд ли кто-либо из них представлял, какой ценой можно осуществить предложения, разработанные в СССР.

— Человечеству, — говорил Анисимов, — не будут грозить ни голод из-за нехватки продовольствия, ни перенаселение из-за нехватки суши, если люди используют все, что уже сегодня открыто наукой и даже освоено техникой.

Пока переводчики заполняли паузу, Анисимов подготовил следующую фразу:

— Искусственная пища уже не пугало, которым она еще недавно была для незнакомых с нею людей. Ныне магазины во многих странах торгуют изделиями из синтетической пищи, основой которой является казеин, как у нас в СССР, соя — в Соединенных Штатах Америки или дрожжи ка̀ндиды, широко используемые в животноводстве для кормления скота и пригодные, как установлено, и для самых изысканных блюд человека.

Анисимов рассказывал о способах создания искусственной пищи, которая ныне может смело конкурировать с обычной, выращенной земледельцами или приготовленной из мяса убитых животных.

— Но дело не только в пище. Человеку нужна чистая среда обитания, незагрязненный воздух для дыхания, неотравленная вода для питья. И людям следует обходиться без автомобилей на улицах, без сточных вод промышленных предприятий, спускаемых в животворные реки. Но нет ничего тяжелее преодоления инерции, привычки, безответственности, нежелания думать о будущем, о грядущих поколениях. На деле очень многие исповедуют принцип известного французского короля: «После нас хоть потоп!» Нет! Потоп из грязных вод и ядовитого воздуха не должен прийти на Землю! И потому надо заменить автомобили с двигателями внутреннего сгорания на электромобили. Надо уметь идеально очищать сточные воды, возможно, превращать их с помощью электрического тока в водород и кислород, которые, соединяясь потом и вернув часть энергии, станут идеально чистой водой. И для всего этого потребуется энергия, энергия, энергия!

Пауза требовала внимания и переводчиков и слушателей.

— Энергию грядущему человечеству придется получать не за счет сжигания горючих ископаемых, запасы которых все-

таки конечны, а путем использования такого неиссякаемого источника энергии, как Солнце. Только щедрый энергетический поток, принимаемый нашей планетой в течение миллиардов лет и в большей своей части излучаемый ею в космическое пространство, может обеспечить все нужды будущего человечества, поможет избежать постепенного, но неуклонного перегревания земного шара из-за сжигания топлива, что грозит серьезными климатическими катаклизмами.

ДЖУНГЛИ СТРАХА. Люди слушали Анисимова с удивлением. Они привыкли решать политические вопросы и мало задумывались над тем, как жить в будущем тысячелетии их правнукам и какую энергию надлежит им использовать.

— Чтобы продолжить свою цивилизацию разума и не страшиться будущего, чтобы человечеству выйти из Джунглей Страха, в которые превращается ныне мир, выйти на простор сбывшихся надежд, люди должны жить по-другому.

Эти слова русского ученого заставили делегатов Ассамблеи ООН переглянуться, как и тогда, когда он ознакомил их с бесперспективностью борьбы с голодом старыми средствами. И словно упали вечные перегородки, незримо отделявшие людей из разных делегаций, как будто на какое-то время вся Ассамблея стала форумом единого человечества.

— Но слова, давно сказанные с этой высочайшей в мире трибуны, — продолжал Анисимов, — никого не убедят. Чтобы выйти из Джунглей Страха, нужен факел в руках впереди идущего. Таким факелом может стать *пример* того, как люди могут жить, получая продукты питания не в виде привычных даров природы, которые брали от нее тысячелетиями наши предки, а используя природу на первом ее микробиологическом уровне, разводя одноклеточные организмы на дешевой питательной среде и получая от них все необходимое человеку количество белков. Словом, заменив земледелие и животноводство микробоводством. Нужно на деле показать, что люди могут жить в городе прекрасной архитектуры и не загрязнять окружающей среды. Все это мы умеем делать, и пришло время показать, как это можно делать в реальных условиях.

— Как? Как? — послышались голоса с мест, едва переводчики перевели последние слова Анисимова.

— Я уполномочен правительством Советского Союза, а также моими коллегами из разных стран предложить Организации Объединенных Наций создать город-лабораторию, в котором осуществить на деле все эти условия существования грядущего че-

ловечества. Пусть это будет Город Надежды. На улицах Города Надежды не появится ни один двигатель внутреннего сгорания, место автомобилей займут электромобили, бегущие тротуары, приводимые в действие электрическими моторами. Потребную для города энергию даст Солнце.

— Так что же? В солнечной пустыне строить такой город? — крикнул кто-то с галереи для публики.

Анисимов понял вопрос и сразу ответил:

— Мы, ученые, могли бы предложить создать такой город на одном из островов Тихого океана или в любом месте земного шара, но... Если показать пример человечеству, то надо выбирать такое место, где природа сама по себе ничего не сулит человеку, где даже Солнце скупо.

Переводчики старательно переводили речь ученого.

— И потому, учитывая всевозможные трения международного характера, учеными выбран континент, провозглашенный Организацией Объединенных Наций ничейным, где нет ни городов, ни сел, ни лесов, ни рек и никакого коренного населения, где природа ничего не дает человеку.

— На Марсе? — опять крикнули с галереи. — На Луне?

— Нам известны великолепные проекты космических городов, предложенные нашим русским ученым Циолковским. На земной орбите ныне американскими специалистами проектируется создание парящего в невесомости населенного космического острова, обеспеченного всеми достижениями современной техники. Однако подобные проекты связаны с обеспечением жизни космического города с Земли, что непостижимо дорого. Город на десять тысяч человек — десять миллиардов долларов. Я не говорю уже о возможной колонизации планет солнечной системы. Наше предложение более просто, экономично, доступно сейчас.

Анисимов сделал глоток кока-колы.

— Город Надежды в целях наибольшей эффективности пропаганды и чистоты поставленного опыта нужно создать в Антарктиде.

Гул пронесся по залу.

— Да, в Антарктиде! Но не на ледовом панцире, а под ним. Ведь трехкилометровой толщей льда покрыт когда-то цветущий материк. Если иметь достаточно энергии, которую можно получить за счет разницы температур, скажем, нагретых солнцем слоев воды океана и температуры того же льда, то есть получить превращенную в электрический ток солнечную энергию, то с ее помощью можно протаять в каком-либо месте Антарктического побережья огромный грот, где построить на почве ма-

терика новый город. Он расположится в гигантском гроте под ледяным куполом, назовем его Куполом Надежды. На почве в искусственно утепленном подледном пространстве вырастут деревья и кустарники, даже цветы, потекут реки от тающего льда. Но не будет вспаханных полей. Они не потребуются. На заводах Города Надежды при затрате в год нескольких тысяч тонн нефти — меньше, чем проливают ныне танкеры в океанах при ее перевозке, — будут получаться из дрожжей кандиды белки, а из них все привычные людям виды продуктов питания.

— Сколько же это будет стоить? — спросил американский делегат.

— Я ждал такого вопроса. ООН в состоянии финансировать создание такого международного экспериментального города-лаборатории, моделирующего жизнь грядущего человечества. Будущее человечество сможет жить только так, как люди в этом городе. Но, чтобы создать подобный город в Антарктиде, понадобится отчислить, скажем, пять процентов тех средств, которые ныне тратятся на военные нужды всеми странами. В ваших Джунглях Страха тяжелое бремя лежит на плечах людей, не доверяющих друг другу. Пять процентов средств, бесцельно затрачиваемых ныне каждый год на вооружение, отнюдь не поставят под удар народы, не разоружат и так до зубов вооруженных обитателей Джунглей Страха. И даже не пропадут для промышленных концернов. Придут к ним в виде заказов. Странам мира стоит объединиться, чтобы обеспечить не только мир без войн, но и дальнейшую жизнь человечества без голода, перенаселения и страха, словом, жизнь без войн на Земле между народами и без самой безнравственной войны с детьми, которым предстоит принять эстафету поколений.

Председательствующий объявил перерыв, перенеся прения по затронутому вопросу на следующий день.

Незаметно Анисимов дошел до Централь-парка. С одной стороны он граничил с Пятой авеню, а с другой — с негритянским гетто, с Гарлемом, расположенным в низине под обрывом.

Анисимов свернул под тень деревьев. Огней реклам, освещавших улицу, не было видно. Стало темно, но зато и менее душно. Все-таки деревья делали свое дело, очищали отравленный воздух. Кажется, здесь единственное место Нью-Йорка, где хоть можно дышать.

Переходя с аллеи на аллею, по которым нет-нет да проезжал автомобиль (не могли ньюйоркцы без этого обойтись!),

Анисимов все более углублялся в лесную чащу. Вероятно, когда-то весь остров Манхаттан выглядел так. Скалы с растущими на них деревьями, озера, плескавшиеся у их подножий.

— Сигарету, сэр, только сигарету! — послышался сзади голос.

Анисимов оглянулся и увидел обоих своих преследователей. У них был просящий, совсем не грозный вид.

— К сожалению, джентльмены, я не курю, — сказал Анисимов.

— Ах, вы еще и не курите? Тогда, сэр, придется вам заменить сигарету бумажником.

На Анисимова уставились два дула револьверов. Деревья бросали густую тень. Пробивающийся свет фонаря позволял лишь с трудом различить лица грабителей.

— Поторапливайтесь, сэр, мы на работе. Время — деньги, как здесь принято считать, — проговорил на плохом английском языке чем-то знакомый Анисимову голос.

— Не затрудняйтесь доставать бумажник из пиджака, снимайте вместе с бумажником, — сказал второй грабитель. — И поторопитесь снять ботинки. По Централь-парку приятнее пройтись босиком.

Револьверы угрожающе смотрели Анисимову в лицо. Он покорно снял пиджак со своих широких плеч и нагнулся расшнуровать ботинки.

Ноги одного из гангстеров оказались как раз перед ним. Понадобилась доля секунды, чтобы с силой дернуть за них, гангстер полетел навзничь. Анисимов прыгнул на другого и нанес ему разящий удар ребром ладони по шее. Тот беззвучно свалился на песок аллеи.

Анисимов выпрямился, взял у лежавшего бандита свой пиджак и неторопливо надел его, предварительно подняв выроненный грабителем револьвер.

Второй бандит вскочил на ноги и закричал по-испански:

— Святая Мадонна! Это же вы, сеньор, тот, кому вся моя семья благодарна по гроб жизни за щедрое благодеяние, оказанное на нашей родине. — Говоря это, гангстер прятал свой револьвер в карман. — Клянусь святой девой, у меня никогда не поднялась бы на вас рука. К тому же вы пожилой человек, сеньор, не говоря уже о том, что добрый, хотя и сытый.

Анисимов вгляделся и узнал того самого безработного латиноамериканца, голодающую семью которого он когда-то накормил искусственной пищей.

— Да, сеньор, это я. Вы меня тоже узнали? Как мы вас тогда благодарили! Надеюсь, вы не убили Мигуэля? — продолжал тот.

— Надеюсь. Он придет в себя минуты через три.

— Как мне вымолить у вас прощение? Мы приехали сюда на заработки. Ну, вы понимаете, на какие. Дома на работу не осталось никаких надежд. Сеньор, если бы мы отняли у вас деньги, то поверьте, как бы мы в них ни нуждались, мы отдали бы их вам обратно, как только я узнал бы вас.

— Что? Плохо дело?

— Очень плохо, сеньор. Ты слышишь, Мигуэль? Это же сеньор, способный накормить толпу пятью хлебцами!

Мигуэль с трудом поднялся на четвереньки и снизу вверх посмотрел на гиганта, которого хотел ограбить.

— Ну как? — спросил его Анисимов.

— Вы не выступали на ринге? — спросил тот. — Кетч?

— Только в юности. Тогда не знали кетча.

— Мы проводим вас, сеньор, чтобы никто не напал на вас.

— Нет, спасибо, я подышу тут воздухом, а вы оба проваливайте. Хотя подождите. Вот вам каждому по десять долларов. И узнайте про Город Надежды. Может быть, его станут строить.

— Ах, если бы была хоть какая-нибудь надежда! — вздохнул один, вертя в руках десятидолларовую бумажку и словно не веря глазам.

Анисимов зашагал прочь. Потом остановился и бросил револьвер.

«Не надо нарушать конституцию чужой страны», — с улыбкой подумал он.

ГУМАНОИД. «Я продолжаю свои записки уже в квартире академика Анисимова, где стало действовать под моим руководством конструкторское бюро, разрабатывающее Ветроцентраль для Антарктического города. Это Аэлита выдала академику мои сокровенные замыслы, и он, увидя их перспективность, сумел вызвать меня с Урала. Могу быть только благодарным ему за это.

Однажды к академику пришел какой-то профессор, и они долго беседовали. Мы с инженерами вышли отдохнуть в коридор, а пес Бемс вертелся у нас под ногами, требуя, чтобы его чесали за ухом и гладили по спине.

Открылась дверь кабинета. Академик провожал гостя:

— Прошу вас действовать, Геннадий Александрович. И пусть в институте привыкают, что обязанности директора отныне исполняет профессор Ревич.

Что-то толкнуло меня. Далекие воспоминания. Геннадий Ревич? Полно! Просто совпадение.

С академиком прощался элегантно одетый человек, держащий себя с достоинством, с выправкой как у военного. Лысеющая голова, золотые очки и золотые зубы, обнажавшиеся при улыбке. Нелепая мысль пронзила меня. Генка Ревич, лейтенантик из штаба партизанского отряда! Веселый человек. Не может быть. А профессор Ревич уставился на меня:

— Простите, боюсь, что это неоднозначно, но... вы чрезвычайно напоминаете мне одного из моих соратников.

— Может быть, партизана? — спросил я, пытливо вглядываясь в глаза за золотыми очками.

— Алеха! — крикнул профессор, раскрывая объятия.

— Генка! — радостно ответил я.

Мы обнялись.

— Представьте себе, Николай Алексеевич! Это мой фронтовой друг, вместе партизанили. Алеха Толстовцев! Как он здесь оказался? Седой стал, чертяка! А помнишь, как оружие брали у фашистов? А помнишь?..

И он хлопал меня по спине, обнимал, тискал, беспричинно смеялся и даже говорил по-простецки, не по-научному.

— Проходите, проходите в кабинет, — предложил академик. — Вам ведь есть о чем поговорить.

Мы сидели с Генкой и наперебой рассказывали друг другу о прожитом. Он заставил меня перечислить все, что я изобрел, и не то хмурился, не то улыбался. Иногда качал головой:

— Поразительно! Поразительно! Сколько в тебе зарядов, говоря партизанским языком. Каков твой творческий потенциал, переводя на язык науки! Неповторимая индивидуальность! Ты обязан отдать должное моей проницательности. Я и тогда угадывал в тебе нечто особенное. Сколько ты там напридумывал! А теперь, говоришь, около шестидесяти авторских свидетельств? И в самых разных областях — от ветроэнергетики до кибернетики! Да ты, брат, адекватен самому Леонардо да Винчи! Когда-нибудь станут разбираться, кто ты такой на самом деле, как сейчас толкуют о великом Леонардо.

Мне было неловко. Хорошо, что мы хоть одни в комнате. Я не знал, что он имеет в виду, говоря о Леонардо да Винчи, равнять с которым меня просто смешно. Но он и не думал смеяться, обуреваемый вздорной гипотезой, принесшей мне столько горечи!.. А ему? Несколько минут общего внимания?

Мне привелось ненадолго слетать на Урал по старым делам. Вернулся прямо на квартиру академика, который приютил нас

с женой. Мария встретила меня сама не своя. Мы заперлись, как она пожелала, в отведенной нам комнате, и я услышал невероятное:

— Алеша! Я ничему не поверила. И дед Наум не поверил бы. А он мудрый был, однако.

— О чем ты, Машенька?

— Будто ты не человек вовсе. А какой-то гуманоид. Худо! Я слышал, конечно, россказни про летающие тарелки и о маленьких человечках, выходивших из них, гуманоидах, якобы прилетевших с другой звезды, чтобы исследовать нашу планету.

— Пришел в перерыв. Все собрались вокруг. И я была. А он говорит, будто сам видел над партизанским лесом огненный диск.

— Самолет наш сбитый мог он видеть, больше ничего!

— Не самолет, говорит, а диск с куполом вверху, с окошечками.

— С иллюминаторами?

— Да. Так сказал. И что из этого ненашенского корабля будто спрыгнул чужой житель, гуманоид. Какой такой?

— Это значит «человекоподобный». На человека походит.

— На человека походит, — повторила она упавшим голосом. — Спрыгнул, чтобы жить среди людей, детей завести. — И она заплакала.

Я не знал, что делать, как утешить ее, как доказать, что я человек, а не чужезвездное животное, лишь похожее на человека. За всю нашу жизнь, не всегда легкую, впервые я видел, чтобы она так плакала.

— Но ведь ты же не поверила, — говорил я ей, поглаживая ее вздрагивающие плечи.

Она замотала головой и всхлипнула:

— Помнишь, удивлялась, что ты все знаешь? Зачем учиться надо?

— А гуманоиду, думаешь, не надо? — неосторожно спросил я.

— Какой гуманоид? Почему гуманоид? — возмутилась она и снова заплакала.

— Я с Ревичем сам поговорю, — пообещал я. — Заставлю отказаться от своих слов.

— Слово не олень, арканом не поймаешь.

— Он откажется от своей гипотезы, потому что она ни на чем не основана. Я сейчас же потребую у него по телефону свидания.

Мария утерла слезы:

— А инженеры? Чертить будут?

— Они поймут, что все это неуместная шутка.

Мария сквозь слезы улыбнулась. А я кипел от негодования. По телефону женский голос ответил мне, что профессор Ревич занят, готовится к свиданию с академиком Анисимовым.

— С Анисимовым? Это мне и надо! — воскликнул я, удивив секретаршу.

Ревич действительно приехал к академику, который задержался в Совете Министров.

Я встретил Ревича и решительно провел его в кабинет академика, словно он уполномочил меня на это. Но я был так взбешен, что плохо отдавал себе отчет в своих действиях.

— А, Алеха! — расплылся он в золотозубой улыбке. — Когда фашистам зададим перца?

— Кажется, я задам перца тебе, — пообещал я.

— В чем дело? — недоуменно поднял он брови, уселся на диван и закинул ногу на ногу.

Я поместился на стуле напротив.

— Как ты мог, Геннадий, говорить обо мне черт знает что?

— Алеха, прости, но это мое убеждение. Согласись, что ученый вправе высказывать научные гипотезы. Мы с тобой здесь одни. Давай начистоту.

— О какой чистоте тут можно говорить, если ты грязнишь меня, подрывая мой авторитет.

Ревич замахал руками:

— Ни боже мой! Не подрывал! Никак не подрывал, а умножил твой авторитет, возвысил тебя до уровня неведомого пришельца, призванного поднять нашу культуру и технологию.

— Какой пришелец? Прыжок с парашютом с горящего самолета — это что? Инопланетное вторжение?

— Тише, тише. Сопоставим факты. Самолета никто не видел. Над лесом промелькнуло огненное тело. Согласен? Кое-кто утверждал, что над огнем возвышалась кабина с иллюминаторами.

— Это и была кабина убитого пилота. А турель моя в хвосте была.

— Знаю, знаю твою версию. Но придется тебе примириться с тем, что ты раскрыт. Ничего предосудительного в твоей инопланетной миссии нет. Но люди теперь вправе рассчитывать на твое посредничество, чтобы связаться с сверхцивилизацией. И я горжусь, что дружил с одним из ее представителей.

Я молчал. Гнев лишил меня дара речи. Ревич по-иному ис-

толковывал мое молчание и продолжал, упиваясь собственной логикой:

— А как все тонко было разыграно! Человек как человек! Только уменьшенные пропорции. А после войны оказался не помнящим родства.

— Потерять из-за фашистов всех близких — это не помнить родства? — с горечью воскликнул я.

— Тихо, тихо! Конечно, это неадекватно, но... удобно для прикрытия твоего инкогнито. Люди должны были принять тебя за своего. Широко поставленный научный эксперимент! Преклоняюсь перед вашей цивилизацией. Жениться на землянке и доказать, что ты можешь иметь от нее детей, — это тоже запланированные этапы эксперимента. А твой фейерверк изобретений — это ваш щедрый дар нашей отсталой технологии, которая, быть может, вызывает у вас там — не знаю где — жалость или сочувствие. Да, сочувствие, потому что вы гуманны. Это я уяснил, размышляя над твоей жизнью. Не подумай, что я повредил тебе как руководителю проекта Ветроцентрали. Наоборот! Проектанты будут задыхаться от счастья, что выполняют чужепланетную, проверенную близ Альфы Центавра идею. Слово «гуманоид» они будут произносить с придыханием, преисполненные не только уважения, но и поклонения.

— Довольно, — оборвал я Генку Ревича. — Ты всегда был болтуном и останешься таким в любой научной мантии. Ты глуп, Генка, как подозревали многие в отряде. И не поумнел.

— Нет, почему же? Мои коллеги отдают мне должное. Даже твоя собственная дочь, работой которой я руковожу. Кстати, она мне всегда казалась неземной. Теперь я понимаю почему.

— Так как же она могла появиться на свет, если ее отец другого генетического происхождения? — в бешенстве закричал я.

— Стоп, стоп! Если это научная дискуссия, то позвольте ответить вам, заодно развив свою гипотезу. Почему? Да потому что мы с вами, пришельцами с Альфы Центавра или Тау Кита, родня, одного генетического корня! Очевидно, в незапамятные времена твои предки — которые были и моими! — прилетели на Землю и остались на ней, дав начало человечеству, которое, увы, забыло, откуда оно родом! Они, а не дарвиновские обезьяны с отсутствующим промежуточным звеном дали начало нашему человечеству! А вы на своей Альфе Центавра или 62-й Лебедя, более цивилизованные, чем мы, одичавшие потомки космических колонистов, заинтересовались, что стало теперь с их родичами, потомками былых космических переселенцев. Вот почему у тебя дети от земной женщины! Вот по-

чему ты неотличим от человека, если не считать такого второстепенного фактора, как несколько меньшие пропорции.

— Ты балаболка под научной маской. И если не я, то другие твои коллеги тебе это еще докажут.

— Нет, сперва докажи мне, что ты человек.

— Что требуется для этого? Разбить твои золотые очки, вышибить твои золотые зубы? Это убедит тебя?

— Тебе никогда не сделать этого, ибо гуманоид гуманен и не способен решать спор насилием. Недаром ты фашиста перцем угощал, а не пулей. Теперь-то понятно. Объяснение однозначно.

Мы не заметили, как в оставленных открытыми дверях появились академик Анисимов и моя Аэль. Изумленные, они, может быть, уже давно слушали нашу перепалку.

Ревич увидел их и изменился в лице, расплылся в улыбке и, обращаясь к Николаю Алексеевичу, произнес:

— Надеюсь, академик простит мой чисто научный эксперимент. Это была шутка, Аэлита Алексеевна, научная шутка. Ведь вы сами участвовали в подобных мероприятиях. Помните «пир знатоков»? Мне хотелось показать, как рождаются научные сенсации, которыми потом оболванивают людей. Многого, ах многого можно добиться научной логикой, каковой пользовались почтенные и непочтенные софисты. Я заканчиваю представление. И я приношу искренние извинения как всем своим слушателям, так и тебе, Алексей Николаевич, бесценный мой человек и фронтовой друг.

Аэль то бледнела, то краснела. Я старался взять себя в руки.

Мне было очень тяжко разочароваться в старом друге. И я заставил себя многое понять в нем. Он изменился? Да, конечно, изменился, приобрел новые черты, стремления, но... Клянусь, где-то внутри он все-таки остался знакомым мне Генкой. Мне потом удалось еще раз поговорить с ним по душам.

— Зачем ты затеял этот балаган? — спросил я его.

— Слушай, Алеха! Ты был далек от таких проблем, которыми нам, ученым, заниматься считалось «неприличным». Я имею в виду НЛО, неопознанные летающие объекты, попросту летающие тарелки. Все мы, ученые, отмахивались от них, а они существуют, понимаешь, Алеха, существуют. Я сам исследовал загадочное биофизическое поле, которое остается на месте их посадки. Кварцевый излучатель и морской хронометр с гарантированной ошибкой в 0,01 секунды в сутки на месте зафиксированной свидетелями посадки отстают за сутки на две секунды. Неслыханно для таких точных приборов! Отмечено излучение.

Наконец, зафиксированы контакты, якобы имевшие место, людей с гуманоидами, похожими, черт возьми, на тебя! Дело дошло до того, что в 1978 году вопрос рассматривался на Генеральной Ассамблее ООН о возможной попытке вторжения инопланетян на Землю. Эта версия не была отвергнута на высшем международном форуме. Всем странам, членам ООН, было предложено вести наблюдения своими национальными средствами и ставить ООН в известность о результатах. Понимаешь, Алеха! Я всерьез допустил, что открою в тебе гуманоида и «постараюсь взять тебя на пушку». Я ошибся, ты не раскололся, но... пойми и меня. Разве не должен был я устроить тебе такое испытание? А вдруг ты оказался бы гуманоидом?

— Вот была бы тебе слава, — усмехнулся я.

— Жаль, не вышло, — обезоруживающе пожал плечами Ревич. — А все-таки я верю в инопланетный разум. И всякий истинный ученый должен быть начеку и не сбрасывать со счета возможности инопланетного контакта. Не все инопланетяне могут быть такими славными парнями, как ты, Алеха! Я-то тебя видел в деле в Беловежской пуще. Ну прости. Пришлось укрыться за щит «ортодоксальности», иначе не пробьешь себе путь. Вот так, друг».

2. ЛЕДОВЫЙ ПОХОД

ЛЕДЯНОЙ РИФ. «И вот я снова среди льдов, как когда-то в дни своей юности в Карском море. Здесь, в Южном Ледовитом океане, они такие же заснеженные, плывущие навстречу.

Развеялись тучи, и в лучах низкого солнца засверкало разбитое штормом поле. Развалившееся, все в промоинах, оно уже не напоминало белую степь, а шевелилось, тяжело дышало и даже рычало.

Мы со Спартаком и Остапом наблюдали, как отколовшиеся льдины подкрадывались к нашему лесовозу и ныряли под киль. Потом, словно задохнувшись, ошалело выскакивали на гребень волны в полынье, оставленной шедшим впереди ледоколом «Ильич». По ней, как по проложенной реке, один за другим плыли корабли строительной армады ООН. Несколько десятков. Они растянулись от горизонта до горизонта, находясь на безопасном расстоянии один от другого.

Но вскоре и поле, и полынья, напоминавшая проспект, и шедшие по ней корабли строительной армады исчезли в налетевшем снежном заряде. Как мне все это знакомо! Ребятам же в новинку. Тщетно пытались они разглядеть в снежной сетке на-

громождения льдов не то торосы, не то надводные части коварных айсбергов.

— Как бы мордой о причал не чокнуться, — опасливо заметил Остап.

Корабль наш словно повис в снежной мути. Метель никак не кончалась. И будто раньше времени опустилась полярная ночь.

Жуткий вой сирены пронзил летящую мглу. Казалось, какое-то чудовище взревело диким голосом от боли и в предсмертной ярости тряхнуло корабль. Палуба «Титана» накренилась. Мы со Спартаком ухватились друг за друга. Остап вцепился в реллинги. Мимо нас прокувыркалось ведро, потом, сам собой разматываясь, укатился сорвавшийся со щита круг пожарного рукава.

Пробежал, скользя по обледенелым доскам, худосочный Педро, он истошно орал:

— Святая дева, спаси нас! Разве можно плыть на «Титане»? У него судьба «Титаника».

— Заткнись! — кричал ему вдогонку его приятель Мигуэль. — Твои ребятишки получат страховку и хоть раз в жизни обожрутся.

Ребята мои поняли лишь слово «Титаник» и сделали правильный вывод, что «Титан», как и «Титаник», налетел на айсберг. А ведь этот голландский лесовоз, зафрахтованный для экспедиции ООН, был нагружен моими трубами для ветростанций, бесценными роторами. Они должны дать энергию Антарктиде, без них там ничего нельзя начать строить. Мы грузили их со Спартаком и Остапом в Ленинградском порту.

Так гибла надежда на Город Надежды.

Выла сирена, в летящей сетке метались тени. Косые лучи прожектора выхватывали то выпученные глаза, то разинутые рты.

Как легко люди теряют человеческий облик! Пробежавшие латиноамериканцы затеяли у шлюпки драку с неграми из Кейптауна, и только Мбимба, гордый африканец, исполненный спокойного достоинства, пытался разнять их. Сцепившиеся люди покатились к переборкам, где и застряли, стараясь ударить друг друга.

— А руки все ищут работу, — с горькой иронией произнес Мбимба, как бы извиняясь за происходящее и намекая, почему все они оказались здесь.

Мы с ребятами поспешили к капитану и нашли норвежца с неизменно торчащей в зубах трубкой. Это был сухопарый моряк со шкиперской бородкой, провалившимися щеками и ледяными глазами. Он докладывал в микрофон:

— К сожалению, командор, продержаться на плаву не сможем. Ваши трубы потянут на дно не хуже якорей. Нам бы плоты и шлюпки спустить. Что? Высылаете вертолет? Сесть ему некуда, разве что веревочная лестница...

Я представил себе академика Анисимова на капитанском мостике «Ильича». Снег, наверное, запорошил его отрастающую бородку, которая делала его еще более похожим на былинного Добрыню Никитича. Но сейчас его богатырский подвиг, совершенный в ООН, где он добился решения создать под ледяным куполом Антарктиды город-лабораторию — модель грядущего, мог оказаться напрасным. Природа встала у него на пути, топя наши трубы.

Айсберг вынырнул из мглы пугающе близко. Он загородил собой пробитую ледоколом полынью. И корабль врезался в коварную ледяную гору. И тут снежную сетку раздернуло. Вдали появились остальные корабли флотилии ООН. С ледокола «Ильич» взмыл вертолет.

Паника у нас на лесовозе могла бы утихнуть. Корабль не погружался в воду, не менял положения. Но покатая палуба страшила, напоминая о близком конце. Несколько шлюпок удалось спустить на воду, и к веревочным трапам, крича и ругаясь, рвалась толпа. Невозмутимый капитан Нордстрем, попыхивая трубкой, неторопливо стал спускаться с капитанского мостика.

— Как грузы? — по-английски спросил я его. Пригодились мне мои занятия английским, который я изучал вместе с Аэль, когда она освоила японский.

Капитан раздраженно обернулся:

— Прошу прощения, сэр. По морскому уставу: люди прежде грузов.

— Какова опасность? — постарался уточнить я как можно более спокойно, хотя понимал, что дело плохо.

Норвежец буркнул:

— С вашего позволенья, сэр, мы сели... на ледяной риф.

— Можно осмотреть повреждение?

— Иду туда. И если вас не утомит...

Мы спустились в кормовой трюм. Обдало сыростью, и запахло рыбой, как в тральщике. Электрические лампочки тускло отражались в мутной воде, наполовину скрывшей огромные трубы, уложенные штабелями. В носовом трюме мокрые трубы образовали завал, преградивший нам путь. Впереди в электрическом свете наблескивала зеленоватая ледяная глыба.

Подводный выступ айсберга, протаранив судно, вдвинулся в трюм, разбросал штабеля. К счастью, он закрыл собой пробоину подобно кинжалу, оставленному в ране. Но вода все же

проникала между льдом и рваными краями пробитого отверстия. Идти стало совсем скользко и трудно. Я бы не пробрался дальше, если бы не помощь Спартака. Остановились перед пробоиной. Она ужасала. А наш Остап глубокомысленно изрек:

— Сама льдина проткнула, сама заделала.

Норвежец не понял его, но пришел к тому же выводу. Он обернулся к сопровождавшему нас помощнику, худому и длинному моряку:

— Дать малый вперед. И так держать, чтобы не сползти с ледяного бивня.

— Есть, сэр, — отозвался моряк и исчез.

— Кэптен, — возможно более спокойно и твердо обратился я к капитану, — результат экспедиции зависит от этих труб. Без них остальным судам нечего делать в Антарктиде.

Капитан по-бычьи наклонил голову.

— Трубы надо выгрузить на айсберг. Все до единой, — посоветовал я.

Моряк выпустил в меня клуб дыма и презрительно произнес:

— Нет портальных кранов, сэр. Мы не в доках, с вашего позволения.

— К нам летят вертолеты. Они и станут кранами.

Норвежец словно подавился дымом:

— Если вы согласитесь, сэр, я послал бы за врачом.

Я пропустил мимо ушей его учтивую грубость:

— Лучше за третьим штурманом. Он отвечает за грузы.

— Здесь не только трубы, еще и части зданий, в которых установили бы ваши трубы.

— Выгружать надо трубы, только трубы, все трубы, — настаивал я.

— Куда, сэр? В море?

— Нет. На подвернувшийся нам остров.

— Остров? — поразился капитан.

— Да. Ледяной остров. Чем айсберг не остров? Имеет достаточную для размещения труб поверхность и не тонет.

— Ах, айсберг! — понял наконец капитан, наморщив лоб. Должно быть, привык капитан находить острова на географических картах, а не сталкиваться с ними, плавающими в открытом океане.

— Есть, сэр, — буркнул он и отправился отдавать приказания.

Вместе с ребятами поднялись мы следом за ним на крутую палубу. Лесовоз слегка содрогался. Винты работали, надвигая его на ледяной бивень, как назвал выступ айсберга капитан. Судно словно цеплялось за врага, поразившего его.

И зазвучала разноязычная команда. Матросы оставили шлюпки и бросились к крышам трюмных люков. Загрохотали судовые лебедки. К величайшему изумлению сидящих в шлюпках людей, лесовоз готовился к разгрузке».

НА АЙСБЕРГЕ. «Я перебрался на айсберг вместе с латиноамериканцами и негром Мбимбой.

Склон айсберга напомнил мне покатую палубу лесовоза. Волны набегали на него, слизывая снег. Мокрый лед был скользким.

Мигуэль и Педро стали махать снятыми с себя куртками, сигналя вертолету с первой партией труб. С вертолета заметили, и скоро первый штабель труб повис над нашими головами.

К кромке льда приставали другие шлюпки.

К гибнущему кораблю подлетел еще один вертолет. И пока первый опускал на айсберг свой груз, второй вытаскивал очередной штабель из трюма.

Люди, недавно паниковавшие на тонущем корабле, теперь, чувствуя твердую почву под ногами, забыли о пронизывающем ветре, освобождали трубы от цепей, укладывали на снег и махали пилоту вертолета, крича на разных языках: «Вира!», «Майна!», «Даун!», «Ап!», «Унтер!», «Хох!»

Меня очень беспокоил ветер и крутая сторона айсберга, я настаивал, чтобы трубы клали вдоль ската. Но с этими людьми трудно было сладить. Они не признавали в столь невзрачной фигуре, как я, начальство и отмахивались от меня. Я слышал, как латиноамериканцы обменялись репликами, не подозревая, что я понимаю их.

— Ох уж эти боссы! — проворчал Мигуэль. — Не попался нам этот в Централь-парке. С ним бы мы справились.

Не знаю, что он имел в виду. Педро резко оборвал его, глядя в мою сторону.

— А что мне! — отозвался Мигуэль. — У нас свобода слова. И все равно нас должны кормить, пока не доставят обратно. Никаких домов не будет! Тю-тю! Хлюп-хлюп! Нет крыш над головой.

— А до́ма под крышей нас с тобой никто кормить не станет, — напомнил Педро. — Да услышит меня пресвятая дева!

Грохот рухнувшего от резкого порыва ветра штабеля труб, положенных не так, как я требовал, заглушил голоса. Трубы нехотя покатились по склону. Снег замедлял движение, но ветер гнал их к воде. Люди бросились к трубам. А злобное, грохочущее железо, словно взбесившись, готово было сокрушить все на

своем пути. Но и в нас проснулась злость против них, как у рыбаков, когда пойманная рыба стремится улизнуть в воду.

Не было здесь ни ломов, ни клиньев, ни другого инструмента. Нечего было вбить в лед или поставить на пути ожившего металла. И тут случилось невероятное. Щуплый, с виду трусливый Педро обогнал катящуюся трубу и бросился под нее.

Все-таки хорошее пробуждается в людях в трагические минуты. Труба придавила человека, казалось, расплющила его или вдавила в снег. Педро истошно кричал. Мы с Мигуэлем и Мбимбой бросились к нему. Негры из Кейптауна, недавно дравшиеся с ним на палубе, вытащили его и отнесли подальше. Труба остановилась, другие трубы налетели на нее, громоздясь огромной кучей.

Я склонился над пострадавшим:

— Крепитесь, сеньор! Я сообщу командору о вашем подвиге и отправлю вас на вертолете в лазарет ледокола.

— О пресвятая Мария! Дома жена с ребятишками. Как вы думаете, сеньор, ей передали аванс? А за мое увечье она получит что-нибудь?

— Полно, у вас только ушиб, — утешил я его. — А ребятишки ваши, уже, конечно, теперь сыты.

— Смотрите, смотрите! — послышалось со всех сторон.

Летающий кран нес очередную партию труб. Казалось бы, теперь в этом уже ничего особенного не было, но все же груз был необычен, потому что на обоих концах штабеля, свесив ноги, сидели два человека.

Я обрадовался, узнав Спартака с Остапом. Значит, в трюмах уже не осталось больше труб. Ребята спрыгнули ко мне на снег и обернулись к лесовозу «Титан».

Он словно ожил, воспрянул. Освободившись от части груза, судно слегка всплыло и снялось с ледяного рифа, о котором говорил капитан Нордстрем. Сам он стоял на капитанском мостике, по морской традиции намереваясь покинуть гибнущее судно последним.

Какое-то время «Титан» перестал походить на тонущий корабль. Корма его выровнялась. Но ледяной бивень, проткнувший корпус судна, очевидно, выдвинулся, и в пробоину хлынула вода.

Над судном завис вертолет, и кто-то торопливо сбросил с него веревочную лестницу. С айсберга было видно, как человеческая фигурка стала взбираться по ней с капитанского мостика. Это был капитан Нордстрем. Он не спешил скрыться в кабине вертолета, а раскачивался над своим кораблем, словно прощаясь с ним.

Еще несколько минут, и голландский лесовоз ушел под воду, обнажив на миг винты. Вода забурлила, вскипела пузырями. Потом затихла, и волны равнодушно прокатились над недавней воронкой.

Вертолет понес вцепившегося в веревочную лестницу капитана к ледяной горе. Нордстрем, быстро перебирая планки лестницы, забрался в кабину вертолета. Остап, наблюдавший за ним, произнес:

— А ведь трубку так и не выпустил из зубов! Мастак, видать, по вантам лазить!»

СОВЕТ КОМАНДОРА. «Эти записи не обо мне, Тамаре Неидзе, рядовой участнице Антарктической эпопеи, а о том удивительном, что привелось там повидать.

Я начинаю их с памятного дня, когда командор экспедиции академик Николай Алексеевич Анисимов впервые вызвал меня на борт «Ильича» для участия в Совете командора.

Надо ли говорить, как я волновалась? Но нельзя было выдать себя ни моим немецким спутникам, ни даже Спартаку, не говоря уже о его отце, который пристально изучал меня, пока катер шел к ледоколу.

Все мы, приглашенные на Совет, разместились в «адмиральской каюте» (салоне капитана), сверкавшей белизной и червонным золотом начищенной меди. Сидели на вращающихся кожаных креслах под квадратными иллюминаторами.

Говорили капитаны на разных языках. Академик суммировал мысли:

— Итак, капитаны предлагают идти в Австралию и там в портах дожидаться кораблей, которые доставят утраченное оборудование. Авария с «Титаном» признается не случайной. Прежде злоумышленники клали под компас магнит, теперь испортили радиолокатор. И айсберг остался незамеченным перед самым кораблем.

Академик остановился посредине салона. На миг он показался мне разгневанным Зевсом. Я понимала его. Будь на его месте, я не знаю что сделала бы. Но он сказал:

— Первое: ввести строжайшую охрану навигационных приборов. Второе: спасенные трубы разместить на палубах кораблей, поскольку трюмы заняты. Для перегрузки воспользоваться вертолетами как летающими кранами. Третье: прежде чем думать об Австралии, решить: сорвана ли наша экспедиция?

— Найн, найн, нихт! — Поднялся грузный и бородатый Вальтер Шульц. — Экспедиция не есть сорвана, — начал он на не-

важном русском языке, который старательно изучал. — Я имею указать на запасной вариант, который имел быть разработанным еще на Германия. Без энергии не есть работа. Электростанции есть на дне океана, но на воде остались корабли, мои господа. Немецкие специалисты всегда делают все по правилам. Я имею сказать, что теперь надо действовать без правил.

— Ай да великан-разбойник! — не удержалась я. Уж очень он огромный, бородатый.

Спартак ухмыльнулся и шепнул:

— Поддержим.

Капитаны, услышав про свои корабли, зашумели.

— Общая мощность всех судовых двигателей есть весьма значительная величина...

— Остановитесь, герр Шульц! — прервал его Денцлер. — Вы хотите вытащить наши суда на берег?

Он стоял перед Шульцем и был таким же огромным, только вместо бороды у него было множество подбородков — два великана из разных сказок!

— Зачем на берег? — возразил по-немецки Шульц. — Суда останутся на рейде, но их двигатели будут вращать электрогенераторы, которые находятся в трюмах корабля почтенного капитана Денцлера.

— Не трогайте мое судно! Лучше ответьте, как вы передадите электрический ток с кораблей на сушу?

— И катушки с кабелем есть на вашей палубе, герр Денцлер.

— Вы забыли о плавучести! Кабель утонет.

— Зачем так забывать? — снова перешел на русский язык Шульц. — У меня есть намерение протянуть кабель на поплавках. Их надлежит сделать из деревянных барабанов, которые плавучие есть.

— Каков разбойничий план! — прошептала я Спартаку, подталкивая его локтем, чтобы он выступил. Ведь академик хотел знать мнение и молодых рабочих.

Спартак засмущался, но вскочил.

— Ч-чертовски здорово! — начал он, слегка заикаясь. — Какова на земном шаре мощность всех двигателей автомобилей и тракторов? Оказывается, чуть ли не больше мощности всех электростанций мира. Разве не стоит использовать хотя бы наши судовые двигатели для энергетики? Молодежь поддержит.

И тут со своего кресла сполз, став от этого лишь чуть выше, отец Спартака Алексей Николаевич:

— Нет нужды задерживать корабли. Им плавать надо.

Спартак смущенно посмотрел на меня: ему было неловко за отца, не понявшего дерзостного плана Шульца.

Толстовцев продолжал:

— Капитанов отпустим. Электрооборудование с их кораблей разгрузим. Оно понадобится для ветротруб.

— Имею просить прощения, коллега, — прервал Шульц. — Без стен и крыши не есть дом. Без дома не есть электростанция, а только шутка.

— Нет, не шутка. Ветротрубы установим над зданиями.

— Тогда будем иметь необходимость стены и крыши делать новые. Материал — камень, к сожалению, есть только под километровой толщей льда, мои господа.

— Зачем нам делать подледные каменоломни, когда можно воспользоваться просто льдом? Лед — тот же камень, в особенности если его подвергнуть облучению, над которым мне привелось работать в течение двадцати лет. Уплотненный под влиянием облучения лед теряет свою текучесть, его можно смело использовать как строительный материал. Необходимая аппаратура для обработки льда у нас есть. Изо льда легко вырубать кирпичи и блоки будущих зданий.

Я встрепенулась, словно что-то сверкнуло передо мной, ослепило на миг.

Академик с присущей ему ясностью уточнил мысль Алексея Николаевича:

— Инженер Толстовцев предлагает создать ледяной карьер на куполе ледника и, надо думать, использовать выемки для первых этажей зданий Ветроцентрали, сооружаемых из блоков вынутого льда.

— Благодарю вас, — поклонился Алексей Николаевич и сел.

— Что скажут архитекторы? — спросил академик, глядя на меня.

Наверное, я вспыхнула как еловая ветка в костре:

— Из архитекторов я одна! Вы простите меня, но строить здания для Ветроцентрали не из камня или железобетона, как всюду, а изо льда — это же сказка!..

Не помню, что там я еще наговорила, кажется, размечталась вслух о Прозрачном Дворце, для которого нет лучшего материала, чем лед, подобный хрусталю, назвала лед самоцветным камнем полярных широт, прозрачным мрамором и... я не знаю, что еще... Может быть, дядя Миша, приобщивший меня к зодчеству, был бы доволен...

Академик смотрел на меня, улыбался и внимательно слушал. Он понимал, что изо льда надо проектировать особые здания. А архитектор — самый захудаленький, всего один —

это я! И дяди Миши нет рядом. Но когда Анисимов закрывал заседание Совета, я чуть не умерла после его слов:

— Быть посему. От плавучей энергетической базы, предложенной инженером Шульцем, не отказываемся.

Но ведь если будет «плавучая энергетика», то никакие ледяные здания не нужны, пропал весь мой запал! Даже у Спартака и у того лицо вытянулось. Академик невозмутимо продолжал:

— В такую базу мы превратим один наш ледокол «Ильич», благо его атомная установка весьма надежна. Мы передадим энергию по кабелю, как предложил Вальтер Шульц, на сушу для работ в ледяной каменоломне Толстовцева. Ведь выплавлять лед легче, чем вырубать. Не так ли? А фактуру Хрустального Дворца Ветров, который нам спроектирует наш антарктический зодчий Тамара Неидзе, это не испортит. Энергетикам ознакомиться с методом облучения строительного льда.

Когда мы выходили на палубу, я подошла к Алексею Николаевичу:

— Спасибо вам. Можно я вас поцелую?

— Можно, Вахтанговна, можно. Мы с твоим отцом лед двадцать лет строительным материалом делали.

Но я крепко пожала ему руку. На правах соратника...

Спартак смеялся. А я радовалась. И дядя Миша радовался бы, будь он здесь. Его ученица выходила на «оперативный простор». Он любил приводить мне монгольскую пословицу: «Чтобы научиться плавать, надо войти в воду».

ДУХ ОКИНАВЫ. В Японии лучше родиться без рук и без ног, чем без родственников. Только родственники во главе с почтенным Матсибуси помогли Иесуке Танага получить медицинское образование. Он рано остался без родителей, ставших поствременными жертвами бомбардировки Нагасаки и умерших спустя двадцать лет после атомного взрыва, оставив юного Иесуке на попечение родственников.

Но когда почтенный Матсибуси-сан после возвращения Иесуке Танаги в Японию сообщил племяннику, что хочет видеть его, Танага заволновался. Ничего хорошего от этого свидания он не ждал.

Дядя пригласил его в свой офис на улице, примыкающей к Гинзе. Обычный деловой небоскреб. Лифты, услужливые лифтеры с почтительными улыбками, низко кланяющиеся входящим и провожающие пожеланиями удач выходящих. Ослепительный паркет коридора. Отделанные пластиком стены, отражающие огни плафонов. Секретарша в больших очках, одетая, как

и все в офисе, по-европейски — в белой кофточке и узкой макси-юбке, тотчас узнала Иесуке и закивала в знак того, что шеф ждет его.

У дяди тучная фигура, заплывшее лицо с тремя подбородками, брови — две толстые запятые, поднятые к вискам, усы, опущенные скобками по обе стороны толстогубого рта, очки с толстыми стеклами. Он снимал и клал их на тяжелый стол, щурясь близорукими глазами на несгораемый сейф.

Матсибуси встретил племянника без особой радости, хотя вежливо справился о здоровье и указал на тяжелый стул напротив.

— Иесуке, — начал дядя, — твои почтенные любящие родственники очень недовольны. Ты не оправдал возложенных на тебя надежд, извини. Ты должен был перенять у европейцев их приемы, а ты вместо этого стал демонстрировать им свои, которые более уместно применить здесь, на родине. Это не бизнес, извини.

— Я не мог поступить иначе. Я старался спасти великого русского ученого.

— При помощи столь же великой русской женщины?

— Скорее молодой, самоотверженной.

— Я слышал, что ты занялся изучением русского языка?

— Да, дядя, извините. Это «метод погружения». Мы, изучающие, на долгий срок совершенно отключаемся от всего нам знакомого. Мы говорим только по-русски, пишем по-русски, читаем их книги, слушаем русскую музыку, поем русские песни, более того, мы думаем по-русски и даже видим русские сны. Я несколько раз видел Москву. Извините.

Дядя откинулся в кресле, взял в руки очки и, покусывая дужку, задумался:

— А ты хотел бы увидеть ее не во сне?

— Разумеется, почтенный дядя.

Матсибуси опять погрузился в размышление. Потом вяло заговорил:

— Мои друзья по бизнесу, — Иесуке Танага знал, что дядя связан с военной базой американцев на Окинаве, — могли бы оценить твое знание русского языка. Я ведь угадываю твое тайное желание. Оно тоже может оказаться полезным. Поэтому ты примешь участие в конкурсе изучающих русский язык и получишь премию — поездку в Москву.

— Но если мне ее не присудят? — усомнился Танага.

Дядя выразительно хмыкнул и тяжело поднялся со своего места. Аудиенция закончилась, и оба низко кланялись друг другу. Дядя, тяжело ступая, проводил племянника до двери.

Иесуке понял, что на него делается ставка. Лифтер, откры-

вая перед ним дверцу, с почтительной улыбкой пожелал ему успеха.

«Языковое погружение» закончилось, и Танага принял участие в конкурсе, получил там словно заготовленную для него премию, хотя был не самым лучшим знатоком русского языка, и... приехал в Москву.

Он видел ее лишь во сне и совершенно не знал города. Тем более не представлял, как найти Анисимова и Аэлиту.

И, как всегда принято считать, ему помог случай, который отнюдь не был случайностью. К столику японца в отеле «Метрополь» подсел американский журналист Генри Смит.

Они вместе любовались мраморным фонтаном в ресторанном зале, плавающими в нем «красными рыбами», которые услужливые официанты по заказу вылавливали сачками, наблюдали за пестрой разноязычной толпой туристов и разговаривали по-английски.

Генри Смит восхитился знанием Танагой русского языка. Он, побывавший на Окинаве и общавшийся там с японскими бизнесменами, так и не выучил по-японски ни слова. А тут свободное общение с русскими! Когда же Смит узнал об интересе Танаги к искусственной пище и ее создателям, восторгу его не было границ. Он готов был оказать Танаге любую помощь — он знал Москву и русских людей. Иесуке Танага, растерявшийся в чужой стране, рад был предложенной помощи расторопного американца.

Генри Смит поговорил по телефону со своим русским другом, с которым познакомился в Риме, и узнал от него адрес института академика Анисимова. К сожалению, самого академика в СССР не оказалось, он уехал на Ассамблею ООН в Нью-Йорк, но его заменяет профессор Ревич, «русский друг» попросит его принять Иесуке Танагу. Но... американец почему-то попросил Иесуке Танагу не выдавать в институте своего знания русского языка.

— Значительно удобнее слушать, что при вас будут говорить русские на своем родном языке, не подозревая, что вы их понимаете. Это может пригодиться и вам... и нам, — многозначительно добавил Генри Смит.

Японец, благодарный Генри Смиту за помощь, пообещал говорить в институте по-английски. Русским языком он воспользуется, когда дойдет дело до осуществления сокровенной мечты.

Так Иесуке Танага попал в кабинет профессора Ревича, временно замещавшего академика Анисимова. Ревич вышел из-за стола, низко (совсем по-японски) кланяясь посетителю. Иесуке

тоже кланялся, удивляясь, какими сходными оказываются обычаи в его стране и здесь.

Говорили по-английски. Японец интересовался миссией академика Анисимова в Нью-Йорке, и, поскольку она освещалась всей мировой печатью, профессор Ревич не делал из нее никакого секрета.

Геннадий Александрович Ревич любил внешние эффекты. Разговаривая с японцем по-английски, он вспомнил «пир знатоков» и Аэлиту, так поразившую всех своим знанием японского языка, и решил блеснуть перед японцем русским гостеприимством. Дама-референт по его просьбе тотчас пригласила младшую научную сотрудницу Толстовцеву. Танага не знал фамилии Аэлиты и не догадывался, кто появится в кабинете.

Когда вошла Аэлита, он онемел, не мог произнести ни слова ни на своем родном, ни на одном из знакомых ему языков. Аэлита узнала Танагу и несказанно обрадовалась ему.

— Это же доктор Танага! Как я рада вам, Иесуке-сан! — сказала она на японском языке, по-европейски протягивая гостю обе руки, и, обернувшись к Ревичу, добавила по-русски: — Представьте, это тот самый доктор Танага, который спас от смерти нашего Николая Алексеевича в Германии!

— Ну что вы! Это сделали больше вы, нежели я, — на приличном русском языке произнес Танага и спохватился.

Но было уже поздно. Профессор Ревич пронзительно смотрел на него, скрывшего почему-то при посещении академического института свое знание русского языка.

Вызов Аэлиты, как решил Ревич, оказался несомненной его ошибкой. Он сразу утратил ведущее начало в разговоре с иностранным гостем. Танага и Аэлита оживленно болтали по-японски, и это представлялось Ревичу вопиюще нетактичным. Он не понимал ни слова и решительно не знал, как вновь овладеть положением.

— Господин Танага так хочет увидеть Николая Алексеевича, — объяснила Аэлита. — Надеется, что ООН примет решение о строительстве Города Надежды.

— Но у меня на это мало надежды, — буркнул Ревич. — Слишком рискованная трата огромных денег. И зачем это делать в таком труднодоступном месте? — Ревич сказал это и прикусил язык. Ведь японец, скрывавший свое знание русского языка, понял его.

Академика ждали на следующей неделе. Иесуке Танага успел съездить в очаровавший его Ленинград и снова появился в институте. Академик Анисимов принял его в том же кабинете, что и Ревич, переводчиков ему, прилично говорившему по-япон-

ски, не требовалось, хотя гость и не скрывал от него своего умения говорить по-русски. Получилось, что в знак взаимного уважения каждый из собеседников говорил на языке другого. И все-таки Николай Алексеевич попросил даму-референта пригласить Толстовцеву.

Японец оживился. Он уже понял, кто придет.

Они вспоминали втроем особую палату, покойного академика Мишеля Саломака, неугомонного бородача Вальтера Шульца и даже напыщенного профессора Шварценберга. Не забыли и медицинских сестер, даже санитаров.

Когда на следующий день Ревич узнал о решении Анисимова взять доктора Танагу на флагманский ледокол в качестве врача, он пришел в ужас. Он присутствовал в кабинете, когда академик убеждал по телефону морского министра включить японца в советский экипаж.

— Что вы делаете, Николай Алексеевич? — шипел Ревич. — У меня есть данные, что японец подослан к нам.

Анисимов высоко поднял брови, но продолжал разговор с морским министром, который очень неохотно уступал маститому ученому. Лишь положив трубку красного телефона, Анисимов вопросительно взглянул на Ревича.

— Надо быть бдительным, Николай Алексеевич. Вы согреете змею у себя на груди.

— Не забудьте, Геннадий Александрович, что эмблема медицины: змея над чашей. Она символ фармакологии. А доктор Танага будет лишь лечить больных в нашей экспедиции.

— Но он скрыл свое знание русского языка, посетив меня.

Академик расхохотался:

— Только и всего?

Ревич уничтожающе посмотрел на своего шефа, но смолчал. Академик продолжал смеяться, но ведь он не знал, что Танага действительно выполнял совет своего американского знакомого и просто не сумел выдержать навязанной роли, едва увидел Аэлиту.

Аэлита искренне радовалась тому, что Иесуке Танага поедет с академиком.

— Вы должны будете, Иесуке-сан, лично следить за здоровьем академика, всегда знать, как чувствует себя Анисимов-сан. Он ведь такой пожилой человек. И он так нужен нам... всем. Честное слово, — почему-то смутившись, добавила она по-русски.

По приезде в Японию Танага узнал о скоропостижной кончине своего почтенного дядюшки, и ему не понадобилось ехать на Окинаву.

ЛЕДОСТРОЙКА. Нет на земном шаре морозов страшнее, чем в Антарктиде.

Едва гасли последние перед полярной ночью зори, небо казалось одновременно и черным и ярким. Так сияли на нем южные созвездия. Луна еще не всходила, но в одном и том же месте занималась заря, хотя солнце уже ушло за горизонт. Зарево рождено было прожекторами стройки. Люди в легких комбинезонах, в специальных шлемах со спущенным прозрачным забралом работали посменно круглые сутки, споро и весело.

— Бери, бери, разноязычные! Оп, взяли! Сама пойдет, сама пойдет! Цепляй крюком за петлю штопора! Это тебе не бутылки раскупоривать! Вира! Вира! Эй, на вертолете! — слышался озорной голос Остапа, державшего перед собой микрофон.

— Черт бы побрал эту загородку перед глазами, — ворчал Мигуэль, — плюнуть некуда, не то что закурить.

И, приподняв на миг пластиковый щит, он сердито сплюнул себе под ноги. Кусочек смерзшегося льда ударился в выемку, откуда вертолет с помощью Остапа и его помощников поднял отделенную от монолита ледяную плиту.

— Моряки в море не плюют. И ты работу не оплевывай, — заворчал Педро, придерживая повисшую на крюке плиту за угол.

— Плевать мне на эту работу! — продолжал Мигуэль. — Нашли место, где делать эти проклятые электростанции!

— Лучше не делать? Лучше на панели сидеть? — рассердился всегда добродушный толстый Билл с чикагских боен, где он потерял работу из-за автоматизации убоя скота.

— Но почему не где-нибудь на Гавайских островах? А то выбрали для города-лаборатории самое богом проклятое место. Тьфу! — И Мигуэль снова приподнял прозрачное забрало, откуда вырвалось облачко пара.

— Уж не замерз ли мсье Мигуэль? Или комбинезон плохо греет из-за обрыва проводов? Что касается меня, то мне здесь нисколько не хуже, чем под парижским мостом через Сену, — заметил француз де Грот.

— Таким, как ты, маркизам все равно, где мерзнуть, — огрызнулся Мигуэль.

— Чтобы не мерзнуть, лучше крепко работать, — заметил негр Мбимба. — А костюм теплый, легкий.

— А ну навались, ребятенки! — закричал Остап. — Бригадир наш Спартак идет. Мигом разберет, отчего тепло, отчего холодно!

Рабочие поняли только два его слова «бригадир Спартак». И сразу подтянулись, прекратив болтовню.

Они трудились в уже обозначившемся котловане, из которого вынимали ледяные плиты, ставя их по краям в виде будущих стен. Там за них принимался Алексей Николаевич Толстовцев, который, казалось, никогда не спал. Он поливал их водой и облучал специальным аппаратом, чтобы получить сверхтяжелый нетекучий «лед Протодьяконова».

Подошел Спартак, крепкий, широкоплечий, одетый, как и все, в легкий комбинезон, прошитый металлическими нитями. Длинный провод от его костюма тянулся к щитовой палатке, где рядом с трансформаторами красовался мраморный распределительный щит. Оттуда-то и шел вниз, к бухте, высоковольтный кабель. Атомные установки вмерзшего в лед судна работали на полную мощность, посылая электрическую энергию на ледостройку. Потому горели здесь прожекторы, тепло было людям в рабочих нагреваемых комбинезонах, хотя температура воздуха опустилась ниже семидесяти градусов по Цельсию, потому и кипела в котловане работа, и «волшебное» излучение Толстовцева превращало лед в камень.

Нож-ледорез тоже нагревался электрическим током. Спартак включил электропитание, и вдвоем с Остапом они понесли от щитовой палатки нож-ледорез к очередной плите. Провод тянулся по не запорошенному еще льду.

С виртуозной ловкостью друзья обрезали плиту по шаблону с четырех сторон. Другие рабочие тем временем ввернули в нее штопор с кольцом для подъемного крюка. Но прежде требовалось отделить плиту снизу от монолита.

Нагретый ледорез входил в лед с шипением, как раскаленный нож в масло. Нельзя было терять и секунды, чтобы не дать подрезанной снизу плите снова примерзнуть.

— А ну! Не спи, не храпи, не зевай. Вира! Эй, ангелы на вертолете! — орал в микрофон Остап.

Плита легко отделилась от дна котлована и поплыла по воздуху. Начавшийся ветер, гнавший тучи снега, раскачивал ее.

Но со следующей плитой приключилась беда. Почему-то погасли разом все прожекторы. С вертолета осветили котлован, и рабочим удалось зацепить крюком уже отделенную ото дна плиту, но она не поднималась. Вертолет оказался на мертвом якоре.

Напрасно Остап сыпал проклятиями на всех языках:

— Доннер веттер! Сакраменто! Чертова перечница!

Плита примерзла. И тут все запрыгали где кто стоял. Холод перехватывал дыхание. Тело, еще минуту назад согревавшееся комбинезоном, леденело.

— Я погибаю! — заорал Мигуэль. — Глоток виски! Спасите!

— Авария, — тихо сказал Спартак Остапу. И закричал: — Всем к складу-палатке, разобрать шубы, варежки, валенки!

Люди, не знавшие русского языка, все же поняли его и, толкая друг друга, побежали в кромешной тьме, прорезываемой лишь лучом прожектора с вертолета, к складу-палатке, где хранилась теплая одежда.

Зажглись карманные электрические фонарики. Началась пурга. Летящие сугробы обрушивались на лед, насыпая снежные барханы, грозя занести только что сооруженные стены котлована.

И тут на нескольких языках послышалась команда маленького инженера Толстовцева:

— Всем работающим не выходить из склада-палатки. Прижмитесь друг к другу. Не бойтесь, что занесет снегом.

ХРУСТАЛЬНЫЕ ДВОРЦЫ. Снег угнетал беспредельной белизной. Бледное солнце лишь чуть прореживало на севере плотный облачный покров. И земля и небо были одинаково белы и безмолвны. Лыжня тянулась исчезающей жалкой ниточкой. Снежный простор до самого горизонта выглядел удручающе ровным: ни холмика, ни впадины, ни тени. Земля как бы отражала уныло белесое небо.

Тамара, подняв голову, оглянулась на Шульца. Этот добрый великан вызвался проводить ее до Хрустальных Дворцов, он никогда не упускал возможности побыть с нею.

Она уже много знала о нем. Во время войны его отец работал главным механиком химического завода под Франкфуртом-на-Майне. Мальчику помнились зарева пожаров над городом после американских бомбежек. Но их пригород был тихим оазисом в адской пустыне руин и пожарищ. Ни одна бомба не упала сюда. Ведь часть акций химического концерна принадлежала американцам! В пригороде размещался госпиталь. По тенистым улицам бродили на костылях несчастные калеки. Мальчик жалел их, в особенности одного — без обеих ног. Инвалид ездил в коляске с велосипедными колесами, соединенными с обрезиненным обручем, который надо было крутить руками. Тогда-то Вальтер и сделал свое первое изобретение: стащил из отцовского гаража запасной стартер и аккумулятор, приладил их к креслу так, что ведущая шестеренка стартера прижималась к резиновому ободу и могла вертеть его. И кресло так помчалось по аллее, что мальчик даже бегом не смог его догнать. Инвалид растерялся, не справился с управлением и «попал в аварию». Кресло сломалось. Проказа мальчика возмутила медицинское начальство. Отец Вальтера имел неприятно-

сти. Он строго наказал сына, но его склонность к изобретательству взял на заметку. И это определило судьбу Вальтера. Он поступил в Высшую техническую школу. Заканчивая ее, он рассчитывал помогать отцу в деле очистки водных отходов химического производства. Но на старости лет старший Шульц угодил в тюрьму, не сумев заплатить крупного штрафа за загрязнение рек рейнского бассейна. Вальтер так возненавидел эти сточные воды, что решил уничтожить их в прямом смысле этого слова. Он предложил превращать их в газы, из которых потом снова получать уже химически чистую воду в водородных элементах с одновременным возвратом затраченной энергии. Прошло время, и академик вспомнил о его схеме как о прекрасном способе аккумулирования энергии для Антарктической ветроцентрали. И Вальтер Шульц попал в экспедицию ООН, где встретился с Тамарой Неидзе.

Оттаивая сейчас льдинки в черной бороде, он улыбался:

— Где же вы есть, фрейлейн?

— На глади озера, герр Шульц, неоглядного, как материк. Оно по прихоти злого волшебника замерзло вдруг.

— О нет, то не есть волшебник, фрейлейн! — полушутливо отозвался Шульц. — Перемещение земной оси. Похолодание.

— А на дне этого озера загадочная страна, когда-то существовавшая без льдов. Добраться бы до нее!

— Я имею сказать, фрейлейн, что ваша фантазия необыкновенна есть! И вам весьма легко иметь покорение меня.

— Ну что вы! Я против покорности.

И она оттолкнулась лыжными палками, пускаясь снова в путь.

Они делали огромный крюк, чтобы добраться до Энергоцентрали по пологой трассе. Прямой путь на купол ледника из бухты, где зимовал на рейде ледокол «Ильич», был недоступно крут.

Наконец они остановились перед выросшими среди снежной пустыни зданиями Энергоцентрали.

Продолжение на стр. 225

ЗАВЕТАМ ЛЕНИНА ВЕРНЫ

ЖУРНАЛ
В
ЖУРНАЛЕ

С именем Ленина,
вдохновителя
и организатора
Великой Октябрьской
социалистической
революции,
связан коренной поворот
в истории человечества —
поворот от капитализма
к социализму.
Настолько громаден был
масштаб мысли
и деяний Ленина,
настолько глубоко
сумел он понять и выразить
назревшие потребности
своей эпохи,
что и ныне ленинские идеи
представляют собою
могучее оружие
в руках борцов
за счастье народов.
Нет такого уголка
на земном шаре,
где имя Ленина
не звучало бы
как пламенный призыв
к борьбе
с гнетом, бесправием,
эксплуатацией,
как символ
боевого единства,
как залог победы
в исторической битве
за торжество
коммунистических идеалов.

Л. И. БРЕЖНЕВ

С глубоким волнением встречает Ленинский комсомол, вся советская молодежь большой всенародный праздник — 110-ю годовщину со дня рождения Владимира Ильича Ленина, создателя Коммунистической партии и первого в мире социалистического государства, великого народного вождя, посвятившего всю свою жизнь борьбе за освобождение рабочего класса, всех угнетенных масс от ига капитала, за торжество социальной справедливости, за счастье людей труда.

В торжественный день славного юбилея Ленинский комсомол от имени всей молодежи Страны Советов докладывает родной Коммунистической партии, советскому народу о твердой решимости молодого поколения по-ленински жить, работать и бороться, неуклонно осуществлять заветы великого Ленина.

«Заветам Ленина верны!» — эти слова стали боевым девизом для всех поколений комсомольцев.

Верность ленинским заветам давала могучую силу героям гражданской войны, отстаивавшим завоевания Октября, утверждавшим новую, социалистическую жизнь, защищавшим Советскую власть. Верность ленинским заветам вдохновляла комсомольцев далеких двадцатых годов, объединивших свои усилия в борьбе с разрухой, экономической отсталостью, за переустройство жизни на новых, социалистических началах. Она окрыляла молодых героев первых пятилеток, строителей Турксиба и Кузбасса, Комсомольска-на-Амуре и Московского метрополитена, Магнитки и Днепрогэса, организаторов социалистического уклада жизни в деревне, участников культур-

ной революции — величайшего похода за знания, против темноты и невежества... Верность ленинским заветам питала героизм молодого поколения в суровые годы Великой Отечественной войны, укрепляла мужество молодых бойцов, повышала стойкость их духа, побуждала к свершению ратных и трудовых подвигов во имя победы над фашизмом. Она звала комсомольское племя на самоотверженный труд в послевоенные годы восстановления разрушенного войной народного хозяйства, а потом, в пятидесятые, вела на стройки Сибири, Дальнего Востока, Крайнего Севера, в необжитые края Урала и Сибири, Казахстана и Поволжья... Верность ленинским заветам помогает комсомольцам семидесятых участвовать в грандиозной созидательной работе на фронтах десятой пятилетки...

В организации молодежи Владимир Ильич Ленин видел школу подготовки будущих членов Коммунистической партии. Всем своим богатством, обретенным на историческом пути, комсомол обязан повседневному, чуткому руководству друга и наставника — партии, которая неустанно заботится о воспитании подрастающих поколений в духе коммунистических идеалов, помогает комсомолу, молодежи освоить бесценный опыт борьбы за социальную справедливость, учит молодежь наследовать и развивать революционные, боевые и трудовые традиции старших поколений.

Молодому поколению Страны Советов предстоит строить светлое здание коммунистического общества. Эта историческая миссия требует от каждого молодого человека глубокой подготовки. Каждый должен выполнить ленинский завет: «Учиться коммунизму».

«Учиться коммунизму, — указывал товарищ Л. И. Брежнев, — это значит всегда стремиться быть активным участником коммунистического строительства, чтобы твой труд — источник удовлетворения и радости жизни для самого тебя — сливался с трудом твоих товарищей на общее благо. Это значит всегда ставить перед собой цель — стать еще более квалифицированным работником, овладевать все новыми научными и техническими знаниями. Это значит всегда искать новые, еще более эффективные пути в производстве.

Учиться коммунизму — это значит неустанно изучать теорию марксизма-ленинизма, вырабатывая в себе ясное понимание великого исторического дела, за которое борются наша партия и наш народ, твердую идейную убежденность в правоте этой борьбы. Это значит постоянно развивать в себе классовое самосознание, воспитывать себя на революционных традициях Коммунистической партии и рабочего класса в духе непримиримости к классовым врагам и их идеологии. Это значит учиться распознавать классового врага, какой бы личиной он ни прикрывался.

Учиться коммунизму — это

значит активно участвовать в общественной жизни, привыкать к управлению общественными делами, всегда и во всем отстаивать интересы нашего общества, нашего народа, нашего государства.

Учиться коммунизму — это значит словом и делом, своим личным примером утверждать нормы коммунистической морали и нравственности. Это значит постоянно повышать свой культурный уровень, расширять свой кругозор, обогащать ум все новыми и новыми знаниями из сокровищницы человеческой культуры.

Учиться коммунизму — это значит воспитывать себя в духе беззаветного советского патриотизма. Это значит стремиться всеми силами содействовать укреплению могущества и процветанию нашей великой Родины. Это значит как зеницу ока беречь морально-политическое единство нашего общества, крепить дружбу народов нашей страны, быть непримиримым к любым проявлениям национализма. Это значит всегда быть готовым отдать все свои силы, а если потребуется, и жизнь, за дело защиты своей социалистической Родины, за счастье своего народа, за дело коммунизма.

Учиться коммунизму — это значит воспитывать себя в духе пролетарского, социалистического интернационализма, в духе братской дружбы с народами социалистических стран, боевого союза со всеми борцами за дело мира и свободы народов, в духе классовой солидарности с трудящимися всего мира».

Нынешнее поколение советской молодежи, молодые борцы за коммунизм, заверяют родную партию, что они с честью выполнят этот важнейший ленинский завет!

Для Ленинского комсомола нет чести выше, нет долга священнее, чем всегда и во всем следовать за Коммунистической партией.

«Партия, — отмечал Л. И. Брежнев, — всегда была для комсомола старшим другом, добрым советчиком и наставником, всегда принимала близко к сердцу думы, нужды, стремления молодого поколения».

Ленинский комсомол — боевой резерв и надежный помощник партии. Большинство нового пополнения партии — это комсомольцы. Всевозрастающий приток в партию молодежи, прошедшей в комсомоле школу идейно-политического, трудового и нравственного воспитания, наглядно показывает, что жизненные силы партии неиссякаемы, что наше молодое поколение глубоко привержено идеалам коммунизма.

Свыше миллиона молодых коммунистов составляют в комсомоле партийное ядро. Сотни тысяч коммунистов вместе с комсомольцами работают наставниками молодежи, лекторами и пропагандистами.

КОММУНИСТИЧЕСКАЯ
ПАРТИЯ
СОВЕТСКОГО СОЮЗА
ЦК КПСС

...ТОЛЬКО СОЦИАЛИЗМ... ВПЕРВЫЕ ОТКРЫВАЕТ ДОРОГУ ДЛЯ СОРЕВНОВАНИЯ ДЕЙСТВИТЕЛЬНО В МАССОВОМ МАСШТАБЕ.

В. И. ЛЕНИН

ОТРЯД ОБРЕТАЕТ КРЫЛЬЯ

В ПАМЯТИ моего поколения навсегда сохранится дата — 27 апреля 1974 года. Не может не сохраниться, ибо не каждый день становится началом биографии грандиозной стройки.

Нашему поколению будут завидовать. Это естественно, так же, как закономерно то, что мы завидуем поколениям, воплотившим планы первых пятилеток в города и заводы, в электростанции и металлургические комбинаты.

27 апреля 1974 года прямо из Кремлевского Дворца съездов, где проходил форум комсомолии, 600 юношей и девушек, представляющих молодежь РСФСР, Украины, Белоруссии, Прибалтики, Закавказья, в составе первого Всесоюзного ударного строительного отряда имени XVII съезда ВЛКСМ отправились на БАМ.

Нас было только 600. Сегодня десятки тысяч. Мы начинали с палаток. Сегодня на магистрали выросли десятки новых поселков. Мы начинали с первых метров на рубке просек и на укладке пути. Сегодня на БАМе звонкие струны стальной колеи протянулись почти на полторы тысячи километров. БАМ сегодня — это около 35 тысяч детей, родившихся здесь: растет юное бамовское поколение.

У бойцов отряда имени XVII съезда ВЛКСМ, прибывших на БАМ в мае 1974 года, на всю жизнь сохранятся в памяти первые шаги на этой неприветливой, неуютной земле. В тайгу, где предстояло прокладывать первые километры великой трассы, нас забросили на вертолетах. По зимнику завезли палатки, потом соорудили кухню и временное здание клуба «Таежник», столовую, магазин, пекарню. Свой хлеб нам казался особенно вкусным.

Мы прекрасно понимали, что БАМ — великолепная школа формирования личности, коммунистического мировоззрения, высокой нравственности и идейной убежденности. Не абстрактно, не теоретически, а в живом, конкретном и трудном деле БАМ стал для нас своеобразным полигоном, где предстояло претворить в жизнь бессмертный ленинский завет: «Учиться коммунизму».

Активная жизненная позиция советских людей, их высокая политическая сознательность особенно ярко проявляются в отношении к труду, к своему общественному долгу.

Наши комсомольские бригады действовали на двух главных направлениях: одни рубили просеку под трассу будущей магистра-

ли, другие строили город, которому дали символическое название Звездный.

От нового поселка начинался наш «звездный путь». И мы уже видели, как стальная колея соединит город юности тридцатых годов с городом комсомольцев семидесятых...

Звездный рос и благоустраивался. Комсомольцы нашего отряда возводили земляное полотно и искусственные сооружения, укладывали первые километры железной дороги, преодолевали последние препятствия на пути к неприступному Даванскому перевалу.

Работа коллектива получила высокую оценку на XVIII съезде ВЛКСМ. На этом же форуме был организован новый отряд, который предложили возглавить мне.

В мае 1978 года новый коллектив — 300 юношей и девушек — прибыл на станцию Кичера. «Комсомольск-на-Байкале», — сказал кто-то из прибывших. Так и решили назвать бывшую Кичеру. Мы добрались сюда на автомашинах и были удивлены, увидев пахнущие свежей краской общежития, столовую. Сразу же почувствовали заботу, которой окружили нас ветераны. Иные романтически настроенные ребята вначале были даже несколько разочарованы этой обстановкой. Но старожилы их успокаивали: «На рубке просек придется жить в палатках. Будет вам и романтика!»

Отряд стал ядром строительно-монтажного поезда № 608 и без раскачки приступил к делу. Начали с жилого поселка со всеми необходимыми службами. Нам предстояло возвести дома и магазины, столовую, клуб, котельную, склады, овощехранилища. Словом, работы было невпроворот.

В отряде нашлись и столяры, и каменщики, и маляры — ребята, владеющие всеми строительными профессиями. Но БАМ есть БАМ. Здесь своя специфика, свои требования. Строить в нехоженой тайге, на вечной мерзлоте, на болотах не то же, что строить, скажем, в Подмосковье.

И тут сказали свое слово ветераны. Трудно переоценить роль в воспитании и обучении молодых строителей известного бригадира, комиссара нашего отряда, лауреата премии Ленинского комсомола Александра Рябкова. Его уверенность, профессиональное мастерство, дружелюбие во многом способствовали становлению молодого коллектива.

То же можно сказать и о лауреате премии Ленинского комсомола бригадире Александре Бондаре и заместителе начальника СМП-608 А. Каплине.

Известно, огромным воспитательным воздействием обладает социалистическое соревнование. Активно участвуя в нем, комсомольцы отряда борются за внедрение прогрессивных форм и методов в производство, за неуклонный рост эффективности и качества работы. Без преувеличения можно сказать, что в нравственном воспитании бойцов отряда, как, впрочем, и всех строителей магистрали, исключительно важное место занимает участие в патриотическом движении «Я — хозяин стройки». Это движение направлено на повышение моральной ответственности каждого за своевременное и качественное строительство объектов, на рачительное, бережное отношение к технике, к природным ресурсам, к материальным ценностям.

Прошло лишь два года, как на берегах Кичеры сформировался

НАДО, ЧТОБЫ КОММУНИСТИЧЕСКИЙ СОЮЗ МОЛОДЕЖИ ВОСПИТЫВАЛ ВСЕХ С МОЛОДЫХ ЛЕТ В СОЗНАТЕЛЬНОМ И ДИСЦИПЛИНИРОВАННОМ ТРУДЕ.

В. И. ЛЕНИН

МЕСТО В РАБОЧЕМ СТРОЮ

НА ОДНОЙ и той же шахте, на родном мне «Красном профинтерне», я работаю с 1954 года. Срок, в общем, порядочный, и за это время мне приходилось видеть много различных судеб, видеть не со стороны, поскольку каждый год приходили в нашу бригаду молодые люди. Одни — после школьной скамьи, другие — из стен профессионально-технического училища, третьи — после службы в Советской Армии, четвертые — уже испробовав не одну профессию. И разные цели преследовали они, эти парни, в большинстве своем комсомольцы. Одних интересовал трудовой стаж как ступенька для поступления в вуз, другие осознанно выбирали профессию на всю жизнь или жаждали испытать свои силы в самом трудном деле, каким им представлялась шахта, а кое-кого в первую очередь интересовал заработок. Не скажу, что многим из них пришлась по душе наша профессия. Добывать уголь, да еще на крутопадающих пластах, — нелегкое дело, и не всем оно по силам; я, правда, имею в виду не только физическую силу и даже не столько ее, сколько силу духа, характера, а для меня лично это прежде всего ответственное понимание своего места в боевых рядах советского рабочего класса.

Почему же у части молодых людей не состоялась шахтерская судьба, почему прервалась в самом начале, почему не получила должного продол-

---

наш строительно-монтажный поезд, а уже можно увидеть здесь красивый современный поселок. Построено жилье, шесть общежитий, овощные и продуктовые склады, столовая, продовольственные и промтоварные магазины, банно-прачечный комбинат, средняя школа и, наконец, наша гордость — клуб, который по своей архитектуре, комфорту, технической оснащенности не уступит иным Дворцам культуры в центре страны. Скоро появятся в поселке амбулатория, спортивный комплекс.

В исторической, программной речи на III съезде комсомола Ленин говорил о том, что молодому поколению предстоит самим строить коммунистическое общество. И надо, указывал Ильич, любой труд, как бы ни был он труден, соразмерять с задачами коммунистического строительства. Надо на любом участке ре-

жения, достойного завершения? Если говорить откровенно и честно, есть в этом и вина комсомольской организации шахты, и наша вина, вина старших товарищей, наставников молодежи, коммунистов. На памяти моей несколько наших секретарей комсомольской организации. Вот Валера Ревский, веселый, неунывающий парень, местный, «профинтерновский», вырос, как он сам иногда говорит, под шахтным терриконом, здесь прошло его детство, здесь, на шахте, начиналась его слава передового забойщика и комсомольского заводилы. Просто диву давались мы, его товарищи по работе, когда он успевал все делать — и работать ударно, и руководить лучшим комсомольским оперативным отрядом народной дружины, и учиться в горном институте. И во всем нацеленность, желание сделать как можно лучше, неподдельный интерес к жизни друзей, шахты, страны, кровная заинтересованность в том, чтобы родной коллектив давал как можно больше так необходимого государству коксующегося угля.

Прошло много лет, а Валерий по-прежнему сохранил комсомольский задор, живость характера, заинтересованность в людях, в любимом деле. Мне приходилось видеть его в разных ситуациях, вплоть до самых критических (вместе попали в шахте в аварию), и везде он сохранял эти лучшие качества своего характера, воспитанные нашим строем, комсомолом, партией. Видел я Ревского в различных качествах — и помощником начальника нашего участка, и начальником участка. Должности не меняли его отношения к делу, к людям. Сейчас Валерий коммунист, работает на соседней шахте, его выдвинули на руководящую работу — главным инженером. А все равно он болеет за дела родного коллектива, переживает, что прошлый год мы закончили неудачно, с минусом, как говорят шахтеры.

До Валерия Ревского секретарем комсомольской организации нашей шахты был Николай Зайцев, он приезжий, родом с Брянщины, пришел на «Красный профинтерн» когда-то на практику из Енакиевского горного техникума и прижился на шахте. Ушел в армию, служил на границе в суровых среднеазиатских песках, тосковал по родному коллективу, а когда вернулся, снова стал работать и учиться, окончил заочно горный институт.

шать практически ту или иную задачу общего труда, пускай самую маленькую, пускай самую простую.

Мы не забываем этих ленинских слов, ставших для нас одним из заветов вождя. И стремимся, не жалея сил, практически решать задачи, поставленные перед молодым поколением партией, народом, вносить свой вклад в наше общее дело созидания коммунистического общества.

Вячеслав АКСЕНОВ,
командир Всесоюзного ударного
строительного отряда
имени XVIII съезда ВЛКСМ,
лауреат премии Ленинского комсомола

ЛЕНИН
ЛЕНИН
ЛЕНИН
ЛЕНИН
ЛЕНИН
ЛЕНИН
ЛЕНИН
ЛЕНИН
ЛЕНИН
42
36

В комсомоле по примеру партии, при ее активной помощи сложилась и развивается стройная система марксистско-ленинского образования, охватывающая все группы молодежи. На всех этапах гражданского становления юноши и девушки получают систематизированные политические знания, последовательно овладевают историей революционной борьбы, революционной теорией, изучают политику Коммунистической партии.

Свыше 16,5 миллиона молодых тружеников занимаются в кружках и семинарах системы марксистско-ленинского образования, 2 миллиона юношей и девушек являются слушателями системы партийной учебы, более 6 миллионов человек обучаются в школах коммунистического труда. Всеми формами марксистско-ленинской учебы в комсомоле охвачено более 25 миллионов человек.

Прочно утвердилась традиция ежегодно проводить Ленинский урок, который учит юношей и девушек рассматривать стоящие перед трудовыми коллективами задачи через призму ленинских заветов.

Молодежь избрала его секретарем за ответственное отношение к общественным делам, за открытую душу, за человеческое участие к заботам молодежи. Днем и ночью пропадал Николай на шахте, горячо болел за неудачи своих подопечных, искал причину этих неудач. Когда окончил институт, с комсомольской работы попросился в шахту. Был настоящим горным инженером, начальником нашего участка, секретарем парткома шахты. Не так давно его избрали секретарем Енакиевского теркома профсоюза рабочих угольной промышленности. И на этом ответственном посту Николай Тимофеевич Зайцев трудится с такой же неуемной отдачей, принципиальностью и ответственностью, с таким же задором, как и в годы комсомольской молодости.

Правда, на памяти моей есть и другие судьбы. Не так давно у нас же секретаря комсомольской организации исключили из комсомола. Прискорбный случай. Проглядели мы, когда из хорошего парня получился деляга, беспринципный, корыстный человек. Упустили, одним словом.

Из этого случая все мы — и комсомольцы шахты, и коммунисты — сделали важный принципиальный вывод: нельзя ни на минуту упускать из виду идейно-политическое воспитание молодежи, нашей смены, нашей надежды.

Вся наша сознательная жизнь, все наши победы и достижения кровно связаны с именем Ленина, с торжеством его идей, с воплощением в жизнь его заветов. И кому, как не комсомольцам наших дней, помнить о ленинских словах, что «уголь — это хлеб

промышленности», и кому, как не шахтерской молодежи, заботиться о том, чтобы этого «хлеба» было у родного государства вдоволь!

Недавно на нашей шахте прошло открытое партийное собрание с повесткой дня «Жить, работать и бороться по-ленински, по-коммунистически». Выступал на этом собрании и я. Не мастер говорить речи, я упрекнул некоторую часть нашей молодежи за какое-то благодушное отношение к жизни и работе. Складывается ощущение, что они, эти молодые люди, думают: отцы, деды-прадеды завоевали нам хорошую жизнь, отстояли ее в боях, отстроили разрушенное, а мы теперь будем хорошей этой жизнью пользоваться. Да пользуйтесь на здоровье, только не забывайте, что и вам нужно приложить крепенько к общему делу руку, что, кроме прав, есть еще и обязанности — жить, учиться, работать по-ленински, как призывает нас Коммунистическая партия.

Ежечасно, ежедневно нам необходимо учиться ленинской скромности и ленинскому трудолюбию, его принципиальности, его неуемной жажде знаний и свершений, его деловитости.

А это значит, что в наши дни, в наше время нельзя молодым ленинцам гореть вполнакала, работать вполсилы, вполовину любить Родину — все должно быть настоящим, цельным, полным!

И. ВИТЛИЦКИЙ,
бригадир комплексной бригады шахты «Красный профинтерн» объединения Орджоникидзеуголь Донецкой области, Герой Социалистического Труда

КамАЗ и Ямал, Казахстан и Дивногорск, Мангышлак и Тюмень, десятки, сотни городов, поселков и сел — вот точки приложения сил студенческих строительных отрядов. За 20 лет ударной работы студенческие отряды выросли от отдельных немногочисленных групп энтузиастов до массового патриотического движения молодежи. Школу идейно-политической, трудовой и нравственной закалки в отрядах прошли около 5 миллионов человек. В строительстве и других отраслях народного хозяйства ими освоено свыше 5 миллиардов рублей капитальных вложений. Отряды стали важным государственным делом, получившим всенародное признание, пользующимся огромным вниманием и заботой партии и правительства. Высокая оценка деятельности студенческих отрядов как школы трудового воспитания дана на XXV съезде КПСС.

Отряды ВССО самоотверженно трудятся на всесоюзных ударных комсомольских стройках, объектах жилищного и социально-бытового назначения в сельской местности, на уборке урожая, заготовке кормов. С каждым годом растет численность отрядов в Нечерноземной зоне РСФСР. Широкое развитие получила операция «Дороги Родины» — выполнение комплекса работ по строительству, ремонту и благоустройству автомобильных дорог страны.

Одно из благородных дел студентов всех союзных республик — сооружение объектов в городе, носящем имя первого космонавта Земли — Юрия Гагарина.

БАМ
КАМАЗ

...НАША РЕВОЛЮЦИЯ ОТЛИЧАЛАСЬ ОТ ВСЕХ ПРЕДЫДУЩИХ РЕВОЛЮЦИЙ ИМЕННО ТЕМ, ЧТО ОНА ПОДНЯЛА ЖАЖДУ СТРОИТЕЛЬСТВА И ТВОРЧЕСТВА В МАССАХ...

В. И. ЛЕНИН

ЖИВЕТ ЦЕЛИННЫЙ ХАРАКТЕР!..

Кокшетау — Синегорье стало для меня родиной, хотя родился я за несколько тысяч километров отсюда, в селе Бузовка, близ Умани. Не так давно побывал там в гостях у сестры, любовался щедрой украинской природой. Но не прошло и недели, как потянуло назад, в кокчетавские степи, где, конечно, нет такого многообразия красок, но где бескрайняя степь твоими руками поднята, взлелеяна, поставлена на службу Родине.

Для меня целинная эпопея началась в неполных семнадцать. Весной 1954 года я закончил сельскую школу механизаторов в Умани. Призыв партии — превратить необозримые казахстанские степи в житницу Родины — стал для меня, как и для многих других, путевкой в зрелую жизнь. С комсомольской путевкой приехал в Кокчетавскую область. От нас не скрывали, что будет очень трудно, да и никто к легкому не готовился. Сами забивали первые колышки для палаток. Под свист метели в сорокаградусные морозы перегоняли машины, емкости с горючим на будущие полевые станы бригад, прицепив плуги к маломощным по теперешним временам ДТ-54, прокладывали первые борозды... Когда было нужно, работали без смены в иссушающую жару, мерзли зимой в палатках, случалось, и голодали — словом, были обычными комсомольцами-первоцелинниками, о которых Леонид Ильич Брежнев сказал в своей книге «Целина»: «Целинник — фигура историческая, определяющая собой героическое время. Этим словом обозначен характер, обусловленный потребностью времени».

За 26 лет мы, первоцелинники, подготовили не одно поколение молодых хлеборобов. Изменился ли «целинный характер»? В смысле твердости, мужества — нет, но он обогатился новыми замечательными чертами.

Молодежь наша верна ленинским заветам, и мне хочется рассказать о нескольких совсем еще юных хлеборобах, которые стали гордостью нашей области.

В нерабочее время я, как член областного Совета наставников, часто езжу по поселкам, хозяйствам, встречаюсь с молодежью.

И вот примерно года три назад приехал я в совхоз «Жанааульский». Провел там несколько дней: делился опытом с молодыми

механизаторами, встречался с местными школьниками. Перед самым отъездом пришла ко мне девушка. На вид школьница из 8—9-го класса. Пришла за советом, как ей и ее подругам устроиться в совхозе механизаторами и обязательно на трактор или комбайн. Фигурка у нее хрупкая, вся она какая-то воздушная. Такой бы на сцену, а не за штурвал. Конечно, мыслей своих я не высказал, а осторожно, наводящими вопросами выяснил, что Райхан Тулеулова (так звали девушку) уже выпускница 10-го класса, три года вместе с подругами работала в школьной ученической производственной бригаде. И вот всей комсомольской группой решили они пойти в сельское хозяйство.

— Хорошее желание, — говорю, — только почему бы вам, девчата, не определиться в животноводство? Там очень нужны молодые работницы.

Райхан согласилась, что действительно очень нужны. Но с машинами управляться трудней и сложней, а они хотят обязательно доказать, что могут работать механизаторами.

Познакомился я с «наследницами Паши Ангелиной» — так потом комсомольцы области назвали девушек-механизаторов. Первоначально их было одиннадцать. Энергичная, словно ртуть, подвижная Катя Юломанова — групкомсорг. Канипа Журунтаева и Валя Шельман неплохо знали трактор, а Шалпан Шапиева разбиралась и в агротехнике. Таня Коваленко и Майраш Махатова к весенней страде своими руками отремонтировали сеялку, да и остальные девушки за три года работы в ученической производственной бригаде вошли в курс труда хлеборобского, механизаторского, узнали его трудности, и решение их отнюдь не строилось на романтических иллюзиях. Кроме того, после окончания десятилетки коллектив их спаяла районная ударная комсомольская стройка: вся группа сооружала новую школу, и в первом трудовом испытании девушки привыкли действовать по принципу «Один за всех, все за одного». Словом, уже сложилось крепкое звено комсомолок.

Поговорил я с руководством совхоза, с местными мастерами-хлеборобами, взяли мы совместно шефство над девушками. В следующую посевную вышло на поля первое в области девичье звено механизаторов, показало себя в работе с лучшей стороны. Потом в областной газете «Степной край» было опубликовано их обращение к подругам, еще не избравшим для себя профессию: осваивать сельскохозяйственную технику, овладеть трактором или комбайном. Обком комсомола одобрил это начинание. Сейчас в области трудится уже свыше двухсот «наследниц Паши Ангелиной», движение девушек-механизаторов становится массовым.

В конце декабря прошлого года я встретился с Райхан Тулеуловой на областной комсомольской конференции: подруги избрали ее делегатом. Райхан стала звеньевой, и ее комсомольско-молодежный коллектив в преддверии 110-й годовщины со дня рождения Владимира Ильича Ленина выполнил пятилетнее задание. За трудовые успехи девушек наградили переходящим призом — хрустальной вазой «Заря» и дипломами райкома комсомола. Другая зачинательница движения ангелинцев, Канипа Жунусова, первой среди девушек области стала капитаном степного корабля «Нива». Прошлой осенью она намолотила свыше девятисот центнеров зерна, и в торжественной обстановке обком комсомола передал ей именной трактор-богатырь К-701. По приглашению друзей Канипа побывала в Венгрии, рассказала там о движении «наследниц

...МЫ ВПРАВЕ ГОРДИТЬСЯ И МЫ ГОРДИМСЯ ТЕМ, ЧТО НА НАШУ ДОЛЮ ВЫПАЛО СЧАСТЬЕ НАЧАТЬ ПОСТРОЙКУ СОВЕТСКОГО ГОСУДАРСТВА, НАЧАТЬ ЭТИМ НОВУЮ ЭПОХУ ВСЕМИРНОЙ ИСТОРИИ...

В. И. ЛЕНИН

ИДУ К ЛЕНИНУ

У КАЖДОГО из нас есть в Ленинграде места, которые любим мы трепетно и нежно. И нередко в силу настоятельной душевной потребности мы откладываем в сторону все дела и идем по дорогим, давно знакомым адресам, чтобы поклониться Смольному — штабу Великого Октября, подышать воздухом Разлива или просто на минутку остановиться в маленьком и тихом переулке Ильича...

Наши желания неотделимы от имени великого Ленина, ставшего самым близким и дорогим, «самым человечным человеком» для миллионов людей труда на всей земной планете. Уже вошло в традицию, что на крейсере «Авроры» лучших из лучших принимают в комсомол, на Марсовом поле вручают звездочки октябрятам - первоклассникам, в историческом Актовом зале Смольного проводят Ленинские чтения, мальчишкам и девчонкам повязывают красные пионерские галстуки у памятника вождю на площади у Финляндского вокзала.

Мне посчастливилось с товарищами по работе и друзьями, с делегациями разных стран бывать в кабинете и комнате Ильича в Смольном, и всякий раз вновь и вновь в этом историческом здании каждый в отдельности и все вместе мы чувствовали атмосферу революционных дней и часов 1917 года, гигантский,

---

Паши Ангелиной», поделилась опытом с молодыми механизаторами. А Катя Юломанова ныне комсорг звена. Помня первые шаги своего коллектива, она наладила связь со школой, зажгла наставническим пылом подруг, и сейчас каждая из них — вожатая, руководитель в ученических производственных бригадах. Не случайно большинство выпускников и выпускниц местной школы остаются работать в совхозе «Жанааульский»: перед ними живой пример тех, кто старше их всего лишь на три-четыре года, но кто уже стал настоящим хозяином поднятой целины.

Девушки из звена Райхан Тулеуловой — типичные представители нашей кокчетавской молодежи. И нам, комсомольцам первоцелинных лет, радостно видеть, как нынешняя комсомолия в

напряженный труд гения революции, руководившего вооруженным восстанием рабочих, солдат и матросов.

Анатолий Васильевич Луначарский, вспоминая Смольный в ту великую октябрьскую ночь, писал: «...Владимир Ильич чувствует себя, словно рыба в воде: веселый, не покладая рук работающий и уже успевший написать где-то в углу те декреты о новой власти, которые когда-то сделаются — это мы уже теперь знаем — знаменательнейшими страницами истории нашего века».

Эти строчки многое объясняют. Ведь когда задумываешься над тем, почему наши деды и отцы в тяжелейших условиях сумели сломать хребет царству буржуазии и помещиков, победить голод, разруху, саботаж, контрреволюцию, бесповоротно и окончательно установить Советскую власть, то приходишь к выводу, что ведомые партией большевиков-ленинцев люди не жалели себя ради борьбы «за свое дело, за свою власть». Потому и побеждали, потому и выстояли.

В ГОДЫ Великой Отечественной войны наша семья оказалась на Волге. Река работала для фронта, ради победы. Десятки тысяч эвакуированных из разных городов страны, в силу обстоятельств военного времени оказавшиеся на ее берегах, никогда не забудут эту великую труженицу. Многие из нас волжанам и Волге обязаны жизнью. В голодные годы люди и река поили, кормили и обогревали нас как могли, скрашивали наше трудное, опаленное войной детство. Единственным мужчиной в нашей семье тогда был Александр Федорович Моряков, мой дедушка. Позднее, возвращаясь в воспоминаниях к трудным военным годам, я спрашивал деда, что помогало ему в ту пору работать не разгибая спины (был он сапожником) и как удавалось в голодное, полное тягот время, когда жизнь человека порой зависела от пайки черного хлеба, оставаться самим собой, сохранять душевный настрой, огромное уважение, любовь и доброжелательность к людям, чувствовать их заботы и горе как свои собственные? И этот старый, почти неграмотный, но много повидавший на своем веку человек говорил: «Люди всегда должны оставаться людьми. Можно жить с заплатами на обуви, но с заплатами на совести жить нельзя!» Старик был человеком ленинской закалки, и эти

своей жизни, в труде продолжает и развивает лучшие традиции целинной эпопеи — той великой эпопеи, о которой в книге «Целина» Леонид Ильич Брежнев сказал, что она «показала всему миру благороднейшие нравственные качества советских людей, она стала символом беззаветного служения Родине, великим свершением социалистической эпохи».

А. СТЕЦЮК,
механизатор-наставник совхоза «Озерный» Кокчетавской области, Герой Социалистического Труда, лауреат Государственной премии

Все больший размах обретает научно-техническое творчество молодежи. Ныне в творческий поиск вовлечены миллионы и миллионы юношей и девушек. На предприятиях и стройках широко распространились такие формы участия молодежи в научно-техническом творчестве, как отряды НТТМ, комплексные бригады рационализаторов, штабы и посты по внедрению новой техники и прогрессивной технологии, общественные объединения, школы передового опыта. Необычайно широк диапазон тем, которыми увлечены молодые искатели: повышение производительности труда, надежность и долговечность изделий, эффективность и качество работы. Свыше миллиона студентов занимаются научными исследованиями и техническими разработками, внося реальный вклад в развитие науки и экономики страны. Создаются студенческие научно-исследовательские институты и центры, студенческие конструкторские отряды.

слова для него не являлись пустой фразой...

Это ли не лучшая награда для нас? Огромный опыт многих поколений замечательных рабочих-умельцев, принципы отношения к работе наших дедов и отцов, утвержденные жизнью, как эстафета передаются их детям и внукам, становятся неотъемлемыми чертами их характера, проявляются в масштабности дел и грандиозности планов... Не в школе, не по книжкам, а на практике получали народные массы прочную ленинскую закалку. Мозолистыми рабочими руками сами строили новую, счастливую жизнь, строили трудно, порой ошибались, но через ошибки приобретали настоящую большевистскую прочность и огромный революционный опыт.

В первые дни Советской власти Ленин работал не смыкая глаз... Не было выходных, не было времени для отдыха. Его рабочий день продолжался до двадцати часов в сутки. Ленинская одержимость вселяла в революционные массы «силу и решимость». Александра Михайловна Коллонтай вспоминает: «Ленин был среди нас. Это давало нам бодрость и уверенность в победе. Ленин спокоен. Ленин тверд. И такая ясность и сила была в его действиях, какая бывает у очень опытного капитана в шторм. А шторм был невиданный — шторм величайшей социалистической революции».

Вот почему сегодня нас так влечет в Смольный. Нас зовут туда неиссякаемый интерес к Ленину, жажда учиться по-ленински жить и работать. Это и сейчас в вожде революции нам дорого так же, как современникам Ильича в те «звездные часы» девятьсот семнадцатого... В хорошей песне поет-

ся: «Есть у революции начало, нет у революции конца». Да, тысячи людей стремятся побывать там, у Владимира Ильича, терпеливо ждут этой минуты, чтобы сверить с вождем свои мысли и планы, посоветоваться, получить новый заряд духовной энергии.

ВО МНОГИХ ленинских местах посчастливилось мне побывать, и везде — проходя ли по комнатам, которые его помнят, вглядываясь ли в документы, которые он составлял, вчитываясь ли в письма, им написанные, — с новой силой ощущал я грандиозный масштаб Личности этого человека. Не случайно упомянул сейчас о письмах — любое его обращение в них к матери начинается словами «дорогая мамочка»... В каждой строчке — бесконечная нежность и забота. Эта неизмеримая душевная щедрость и внимание к матери человека, бесконечно занятого борьбой, — разве не пример всем нам?

Так будем же учиться у Владимира Ильича не только высокой идейности, не только великой преданности делу революции, но и сердечности, скромности, простоте, умению общения с людьми — ведь без этих качеств хороший моральный климат ни в трудовом коллективе, ни в семье просто невозможен.

Вот на какие мысли и чувства наводит меня сегодня общение с Лениным. И снова иду я туда, где он жил и работал, снова открываю его книги, чтобы получить новый жизненный импульс, чтобы обрести новую жизненную ясность. Да, ради этого.

Иду к Ленину...

Е. МОРЯКОВ, Герой Социалистического Труда

Десятки миллионов юношей и девушек участвуют во Всесоюзном походе по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа, постигают истоки наших великих завоеваний, изучают и сердечно воспринимают героическую историю Коммунистической партии и Советского государства. «Благородные дела участников похода, — отмечал Л. И. Брежнев, — достойны великой оценки и глубокого уважения».

Молодые патриоты установили 65 тысяч памятников, обелисков, мемориальных знаков. Реликвии славы советского народа хранятся более чем в 140 тысячах музеев, мемориальных комнат и уголков.

Ударная работа за себя и за павших на революционных баррикадах, в боях Великой Отечественной войны, соревнование комсомольско-молодежных коллективов за знамена героев пятилеток и ветеранов труда, повседневное общение с наставниками — во всем этом зримо проявляется сила традиций, преемственность поколений.

НАМ НАДО... ЧТОБЫ НАУКА У НАС НЕ ОСТАВАЛАСЬ МЕРТВОЙ БУКВОЙ ИЛИ МОДНОЙ ФРАЗОЙ... ЧТОБЫ НАУКА ДЕЙСТВИТЕЛЬНО ВХОДИЛА В ПЛОТЬ И КРОВЬ, ПРЕВРАЩАЛАСЬ В СОСТАВНОЙ ЭЛЕМЕНТ БЫТА ВПОЛНЕ И НАСТОЯЩИМ ОБРАЗОМ.

В. И. ЛЕНИН

СЛУЖИТЬ НАРОДУ

История Армении уходит своими корнями в седую древность. Человек обжил этот край за Кавказским хребтом за много тысячелетий до нашей эры, а столица Армянской ССР Ереван — ровесник Рима. Истинную молодость нашей земле принес 1920 год — год победы в Армении Советской власти. В. И. Ленин в своем письме большевикам Закавказья 14 апреля 1921 года указал: «Сразу постараться улучшить положение крестьян и начать крупные работы электрификации, орошения. Орошение больше всего нужно и больше всего пересоздаст край, возродит его, похоронит прошлое, укрепит переход к социализму».

Это предстояло сделать. А пока, в 1921 году, первые 70 тысяч рублей, присланные Армении правительством РСФСР, пошли на покупку рабочего скота. Год спустя Москва отправила в Ереван 25 вагонов мануфактуры, 70 вагонов пшеницы, более полумиллиона рублей золотом и оборудование для текстильной фабрики. Ленинские идеи начали воплощаться в жизнь. Первые побеги на армянской земле дал ленинский план ГОЭЛРО. Вслед за небольшими гидроэлектростанциями в 1936 году вошла в строй крупнейшая в республике Канакерская ГЭС. С той поры экономическое становление нашей республики шло с нарастающей быстротой. В 1940 году объем промышленного производства Армении превысил уровень 1928 года почти в 9 раз, а площадь орошаемых земель увеличилась до 180 тысяч гектаров.

Без преувеличения можно сказать, что Армения совершила скачок из эпохи отсталости в социализм. Большая заслуга в социалистическом переустройстве республики принадлежит молодежи, ее Ленинскому комсомолу. На территории бывшей окраинной провинции Российской империи появился край с развитыми промышленностью и наукой. Так, недалеко от Еревана, в Бюракане, выросла одна из «астрономических столиц» мира — Бюраканская астрофизическая обсерватория, которую возглавляет Герой Социалистического Труда, президент АН Армянской ССР академик В. А. Амбарцумян, избранный также почетным председателем нашего Совета молодых ученых. Не довольствуясь наблюдениями с земли, астрономы выносят свои телескопы за пределы атмосферы. «Орион-1» и «Орион-2» — первые советские космические обсерватории, созданные армянскими учеными. Они работали в космосе на пилотируемых орбитальных научных станциях «Салют-1» и «Союз-13».

За разработку и эксплуатацию обсерватории «Орион-2» летчики-космонавты СССР Герои Советского Союза В. Лебедев, П. Климук и группа молодых армянских ученых удостоены премии комсомола республики.

В нашей стране и за ее рубежами хорошо известно семейство ЭВМ «Наири». Наша республика участвует в социалистическом разделении труда. Принимая недавно новую ЭВМ единой системы стран СЭВ, Государственная комиссия с удовлетворением отметила, что ее производительность чуть ли не вдвое больше той, что оговорено в техническом задании. В этом большая доля успеха принадлежит молодежному коллективу. Непосредственно вслед за этой машиной была сдана еще одна модификация ЭВМ «Наири». И здесь комсомольско-молодежный коллектив под руководством лауреата премии Ленинского комсомола Вагана Гончояна внес свой весомый вклад.

Молодые ученые Армении участвуют в сооружении Байкало-Амурской магистрали. Не так давно творческая бригада молодых специалистов ереванского института «Армгоспроект» передала строителям БАМа генеральный план города на 42 тысячи человек. По этому проекту молодые строители АрмБАМстроя воздвигли на западном участке трассы близ станции Таюра поселок железнодорожников, которому суждено стать одним из районов строящегося здесь города.

Молодой человек, где бы он ни работал, должен видеть результаты своего труда. Как создать условия для наиболее полной творческой отдачи научных работников? Для этого комсомол нашел новую форму — создание комплексных творческих молодежных коллективов — ТКМК, объединяющих ученых, инженеров, рабочих. Такие бригады уже работают в Ереванском НИИ математических машин, в НИИ микроэлектроники и в других институтах. Новая форма внедряется не только в организациях, решающих лишь технические проблемы. Так, недавно КТМК создан в Институте органической химии АН Армянской ССР. По-новому строит свою работу молодежь Института биохимии, где исследуются проблемы мозга.

Этот ежедневный труд не всегда на виду. Однако и здесь мы следуем завету Ильича, указывавшего, что строительство коммунистического общества, опирающегося на завоевания науки, «требует самого длительного, самого упорного, самого трудного героизма масс и будничной работы».

Издавна нелегким считается крестьянский труд. К тому же если говорить об Армении, то природа не наделила наш край обилием плодородных земель. А в последние десятилетия большие территории были отведены у нас под карьеры, открытые разработки. Как возродить эти земли к новой жизни? Этот вопрос партия поставила перед наукой Армении. Молодые ученые Ереванского НИИ почвоведения под руководством старших товарищей составили методику возрождения «мертвых земель». Следуя ей, тресты мелиорации уже вернули к жизни более двух тысяч гектаров земли.

О земле говорят: мать-кормилица. В армянскую землю уходят корни нашего народа. Здесь каждый камень напоминает о пути армян к новой, светлой жизни. Прошлое воспитывает, рождает веру в будущее. Вот почему нужно изучать и беречь исторические памятники, воплощая тем самым в жизнь еще один завет Ильича. В нашей республике этим занимаются не только археологи, историки, но и молодежь других профессий.

ПРОИЗВОДИТЕЛЬНОСТЬ ТРУДА, ЭТО, В ПОСЛЕДНЕМ СЧЕТЕ, САМОЕ ВАЖНОЕ, САМОЕ ГЛАВНОЕ ДЛЯ ПОБЕДЫ НОВОГО ОБЩЕСТВЕННОГО СТРОЯ.

В. И. ЛЕНИН

ВЕРНЫ СЛАВНЫМ ТРАДИЦИЯМ

«РАБОТАТЬ по-ленински!», «Юбилею Ильича — достойную встречу!» — вот девизы трудовой ударной вахты в честь 110-й годовщины со дня рождения В. И. Ленина, которую несут сегодня миллионы советских людей. Юбилейная вахта стала смотром верности заветам Ильича, яркой демонстрацией нашей идейной убежденности, сознательного отношения к труду, готовности жить и работать по-ленински.

Более полутора тысяч тружеников таллинского комбината «Балтийская мануфактура» встали на трудовую вахту. Ленинский юбилей «балтийцы» встречают новыми успехами в труде, в социалистическом соревновании. Несколько кварталов подряд комбинату вручалось переходящее Красное знамя Министерства легкой промышленности СССР и ЦК отраслевого профсоюза. И вот почетное знамя получило у нас постоянную прописку.

Это большая победа, которая завоевана усилиями всего коллектива и прежде всего тех, кто опережает время, показывает образцы высоко-

---

Молодежь Армении стремится украсить родную землю, приумножить ее богатство. Решая эту проблему, комсомол республики опирается на ленинский декрет об охране природы. Жемчужиной Армении является высокогорное озеро Севан. В годы первых пятилеток на вытекающем из него Раздане был построен каскад ГЭС. Уровень воды в озере упал. Это была вынужденная мера, иного источника энергии в нашем крае, по сути, не было. Севан помог республике создать мощную индустрию. Теперь же, когда введена в строй Армянская атомная станция, правительство республики решило, что пришло время снять часть энергетических забот с плеч Севана, помочь озеру стабилизировать уровень.

В Армении сооружается гигантский 48-километровый туннель Арпа — Севан, по которому воды горной Арпы придут в озеро, оросят поля, помогут восстановить природное равновесие. На этой комсомольской стройке работают представители 20 национально-

производительного труда, кого с полным правом мы называем нашими маяками. В конце 1979 года восемь работниц комбината выполнили план семи лет, в январе нынешнего года на рубеж восьми годовых норм вышла знатная ткачиха Валентина Муравьева, а чуть позже, в феврале, накануне выборов в Верховный Совет и местные Советы республики, завершила восьмилетнее задание Герой Социалистического Труда Зинаида Агафонова. Вслед за ней таких же результатов достигли прядильщицы Зинаида Скрипченко и Валентина Феклистова. Десятки работниц уже выполнили план шести лет, еще больше тех, кто завершил пятилетку.

Что касается меня лично, то я выполнила свое обязательство — завершила план семи лет к 110-й годовщине со дня рождения В. И. Ленина. В чем основа трудового успеха, в частности моего, благодаря чему получен высокий результат? Когда я пришла на «Балтийскую мануфактуру», опыта у меня не было никакого. Освоить профессию ткачихи помогала мне Зинаида Лактионова, наставница строгая и требовательная. Спуску, как говорят, она ни в чем не давала. Но и не забывала поддержать то советом, то добрым, ласковым словом... Кто из нас, молодых, не мечтает работать так, как лучшие рабочие! Поэтому и училась я вместе с подругой Таней Беляевой у Зинаиды Агафоновой да Валентины Муравьевой, наших новаторов, имена которых известны всей республике. Они первыми перешли с 19 (отраслевая норма) на 28 станков, затем на 35, потом на 42. Перенимая их опыт и мастерство, мы тоже стали многостаночницами, взяв себе по 35 машин. Говоря об этом, я хочу подчеркнуть: нам, идущим следом за правофланговыми, легче, мы можем использовать уже имеющиеся лучшие приемы и навыки. Но в этом и состоит один из ленинских заветов — повторять, использовать опыт новаторов!

Наш комбинат славен трудовыми традициями, крепкой дружбой молодежи с ветеранами труда. Встречи с ними, их рассказы о своей работе, о жизненном пути, на котором были и радость побед, и горечь неудач, дают нам хорошую закалку, помогают относиться к каждому своему

стей из всех союзных республик — все народы СССР помогают Армении сохранить Севан. Это ли не торжество ленинской национальной политики!

На заре Советской власти, через полгода после победы Великого Октября, Ленин составил широко известный ныне план научно-технических работ. В этом небольшом документе в сжатой, но емкой форме были намечены вехи грядущих фундаментальных работ в области науки и техники. Мы гордимся тем, что в наши дни воплощаем в жизнь ленинские предначертания, стремясь каждое завоевание науки ставить на службу нашему народу.

Рубен БОШЯН,
председатель Совета молодых ученых
и специалистов при ЦК ЛКСМ Армении
и Президиуме АН Армянской ССР

шагу, поступку, действию с большой строгостью, ответственнее, серьезней. Не так давно у нас проводился вечер рабочих династий. На «Балтийской мануфактуре» трудятся 243 семьи потомственных текстильщиков. Уже самые младшие в этих семьях носят почетное звание «Молодой передовик производства», надежно несут трудовую эстафету старшего поколения. На комбинате хорошо известны Клейнсеппы, Болотниковы, Кучеренки. Выросла и окрепла целая агафоновская когорта, смело перекрывающая нормы обслуживания станков...

ТАК много надо бы сказать сегодня, в самый канун всенародного праздника... Что самое главное? Пусть каждый из нас, молодых, задумается над вопросом, что значит быть наследником революционных, боевых и трудовых традиций нашего народа, в чем она должна проявляться — верность этим традициям? Прежде всего и главным образом — в коммунистическом отношении к труду, свободному, творческому, который несет радость и тебе и людям. В постоянном стремлении работать сегодня лучше, чем вчера, и завтра — лучше, чем сегодня. В умении смотреть на каждый свой шаг с точки зрения общего успеха, спрашивая себя, все ли сделано для выполнения большой и главной нашей задачи — строительства коммунистического общества...

Людмила СИЛКИНА,
ткачиха ордена Октябрьской Революции комбината «Балтийская мануфактура», депутат Верховного Совета СССР

«Пролетарский, социалистический интернационализм — это наша великая сила, — указывает Л. И. Брежнев. — Это — плод наших убеждений и горение наших сердец. Это — наше знамя».

Ленинский комсомол всегда считал задачу интернационального воспитания одной из важнейших в своей работе. С первых дней своего существования Ленинский комсомол оказывает горячую поддержку революционным, демократическим, прогрессивным силам во всех странах мира. Ныне комсомол — надежный авангард международного движения демократической молодежи планеты. ВЛКСМ с неизменной последовательностью борется за единство и сплоченность молодого поколения стран социалистического содружества, за единство действий всей прогрессивной молодежи в ее благородной борьбе за мир, социальную справедливость и лучшее будущее.

Огромное значение для развития дружбы, укрепления сплоченности юношей и девушек социалистических государств имела встреча Л. И. Брежнева с руководителями союзов молодежи стран социализма. На этой встрече Леонид Ильич подчеркнул актуальность работы по воспитанию «нового человека, человека, который воспринимал бы нашу социалистическую идеологию, был бы примером в политическом и нравственном отношениях, был бы предан идеалам социализма и коммунизма».

ВСЕМИРНЫЙ ФЕСТИВАЛЬ
XI

НИ НА МИНУТУ НЕ ЗАБУДУТ РАБОЧИЕ, ЧТО ИМ НУЖНА СИЛА ЗНАНИЯ.

В. И. ЛЕНИН

ИЗ ШКОЛЬНОГО — В РАБОЧИЙ КЛАСС

ЛЮБЛЮ я наше училище. Летом оно утопает в зелени, зимой манит к себе теплыми огоньками аудиторий. Внутри просторно, светло, уютно. Проходишь по выложенным паркетной плиткой коридорам, и перед тобой открываются двери кабинетов, оснащенных новейшими приборами. Есть в училище бюро рационализации и изобретательства: ищи, выдумывай, пробуй. У нас налажена прочная связь с БРИЗом Ташкентского тракторного завода, и тем, кто приобщается к техническому творчеству, всегда помогут специалисты-инженеры, новаторы производства.

В свободное от учебы время каждому найдется занятие по душе. Увлекаешься спортом — к твоим услугам зимний спортивный зал, летний стадион, инструкторы — мастера спорта. Не случайно все наши учащиеся со второго курса — значкисты ГТО. Среди них много разрядников, победителей областных и республиканских спартакиад и соревнований. Есть у нас студия живописи, литературный кружок. Наши актеры, танцоры, музыканты не раз завоевывали призовые места на смотрах художественной самодеятельности.

Но главное, конечно, учеба. Тут стоит сказать, что у нас не сыщешь так называемых «неудачников» — таких, кто тяготился бы избранной профессией, пришел в училище не по желанию, а под давлением обстоятельств. Дело в том, что специальность выбирается еще до поступления в училище.

Друг и соратник Ленина Надежда Константиновна Крупская писала, что выбор профессии имеет громадное значение. «Надо, чтобы человек черпал в труде радость, а не чувствовал к нему отвращение. Только тогда профессия ему по душе, когда у человека есть интерес к тому делу, которое он делает, когда он влюблен, что называется, в свою работу, — тогда только может он черпать радость в своем труде, только тогда он может максимально повысить напряженность своего труда без переутомления, только тогда может дать он ценное в своей области труда».

Скажу о себе. Когда я учился в шестом классе, к нам в школу пришли старшекурсники из ГПТУ тракторного завода, очень интересно рассказали о профессиях, которые осваивали, и пригласили в училище

на день открытых дверей. Всем классом мы побывали в ГПТУ. Мне там очень понравилось, захотелось стать строителем тракторов. Наверное, еще и потому, что в нашей семье есть «техническая жилка»: отец у меня — шофер, дедушка в годы Великой Отечественной войны был танкистом.

В ГПТУ нам сказали, что желающие могут приходить, более подробно знакомиться с жизнью и занятиями в училище, назвали дни, когда это можно делать. Я стал, можно сказать, постоянным посетителем, сдружился со многими ребятами. Потом училище взяло шефство над нашей школой, старшекурсники руководили производственной практикой. В общем, я понял, что меня влечет и почему влечет, узнал не только привлекательные, но и трудные стороны профессии тракторостроителя и уже без всяких колебаний, с твердой убежденностью в правильности своего выбора после окончания восьмилетки поступил на первый курс.

В то время комсомольская организация нашего училища уже имела новые ориентиры, намеченные XVII съездом ВЛКСМ, в частности, по вопросам содружества ученических и производственных коллективов. С первых же дней формирования наша учебная группа получила шефа — замечательного производственника, ветерана тракторного завода Владимира Михайловича Борисова. Он помог нам узнать и еще больше полюбить свою профессию, привил нам чувство гордости за звание советского рабочего, пробудил жажду знаний, без которых в наши дни невозможно работать успешно. Мы хорошо усвоили его слова о том, что учащиеся профтехучилища не просто продолжатели трудовой славы рабочих коллективов, а политические наследники ведущего класса нашей страны.

Дружба со старшими товарищами очень много дала и дает нам. Мы проходим практику в составе лучших комсомольско-молодежных бригад тракторного завода. Передовики производства привили ребятам привычку работать на самоконтроле. Ведь рабочая совесть — главный контролер. К Ленинскому зачету «Решения XVIII съезда ВЛКСМ — в жизнь!» комсомольцы училища разработали личные планы, учебные и производственные. Каждый из планов твердо обоснован, конкретен. Составить их помогли ребятам шефы из бригад. Вместе со старшими товарищами выезжали мы в хозяйства, ремонтировали сельхозтехнику к страдной поре. Добрая дружба завязалась у нас с сельскими механизаторами, мы наглядно увидели, для кого и для чего будем трудиться на заводе, почувствовали большую гордость, когда поблагодарить нас за помощь приехали знатные механизаторы области Сервер Усеинов и Исмаил Муртазаев.

Еще теснее стала связь со школой. Чаще проводим дни открытых дверей, старшекурсники совместно со специалистами завода руководят производственной практикой школьников. Способными наставниками показали себя комсомольцы Магомет Халилов, Люба Вороненко. Все, что получают они от своего заводского учителя Владимира Михайловича Борисова — и трудовые и житейские навыки, — стремятся передать своим подопечным. Так утверждается у нас принцип «рабочего сопровожде-

БОРЬБЕ

Ленинский комсомол — коллективный вожатый советской пионерии. Он ответствен за то, чтобы работа Всесоюзной пионерской организации имени В. И. Ленина становилась все более содержательной и разнообразной, чтобы жизнь каждой пионерской дружины, каждого отряда была насыщена интересными и полезными делами, благотворно влияла на воспитание и становление характера пионеров и школьников.

В пионерских дружинах работают свыше 85 тысяч пионерских вожатых. Целая армия комсомольских активистов руководит техническими кружками в дружинах и отрядах, занимается с пионерами физкультурой и спортом, помогает развивать самодеятельность.

Для пионера стать комсомольцем — большая честь. Высокое право быть в рядах ВЛКСМ завоевывается успехами в учебе и труде.

ния»: класс школы — учебная группа ПТУ — производственная бригада предприятия-шефа.

Словом, получается, что с первых шагов на пути в профессию ребята начинают проходить «рабочие университеты». А в них вырабатывается не только трудовое умение, в них воспитывается дисциплинированность, высокая требовательность к себе и к товарищам, лучшие черты характера.

Учащиеся профтехучилища — резерв рабочей молодежи страны, которую Л. И. Брежнев назвал «душой и сердцем Ленинского комсомола». Пройти школу комсомола, школу общественной деятельности — значит получить верные уроки классовой зрелости и гражданственности.

Вступая в комсомол, молодой человек берет на себя задачу «помочь партии строить коммунизм и помочь всему молодому поколению создать коммунистическое общество. Он должен понять, что только на основе современного образования он может это создать, и, если он не будет обладать этим образованием, коммунизм останется только пожеланием». Это один из заветов Ильича, высказанный им на III съезде комсомола. Мы, учащиеся профтехучилищ, стремимся к тому, чтобы, овладев знаниями, стать мастерами своего дела, показывать пример высокой сознательности, культуры, отдавать все свои силы служению народу, приумножать его героические традиции.

Магруф МИРЗАБАЕВ,
учащийся ГПТУ Ташкентского тракторного завода, групкомсорг

Город Казань. Вечер на Волге. Фото АПН.

Первая страница обложки «Товарища»: Выступление В. И. Ленина на III съезде комсомола.

Картина художников Б. Иогансона, В. Соколова, Д. Тегина, И. Файдыш-Крандиевской, Н. Чебакова. Фрагмент.

Александр КАЗАНЦЕВ

КУПОЛ НАДЕЖДЫ

Роман-мечта

Продолжение. Начало на стр. 151

Тамара не уставала любоваться своей воплощенной в лед мечтой. Она помнила, как принялась за проект в мучительную качку и сразу перестала ее замечать. Радость самостоятельного творчества без указок и ограничений, всеобщее внимание, наконец, вера в нее командора призвали вдохновение. И оно понесло Тамару ввысь, это было сравнимо лишь с полетом во сне. Во сне она увидела впервые эти колоннады из вращающихся труб, стоящие на уступах драгоценного пьедестала, каким представился ей лед. И она стала воплощать сновидение в проект. На чертеже впервые появлялась невиданная конструкция.

И когда раздался на корабле крик «Земля!» и Тамара выбежала на палубу, едва ли не впервые с памятного Совета командора, то проект к этому времени уже был готов.

Перед нею простирался таинственный Антарктический материк, поднимаясь вдали ледяным куполом. На берегу меж обнажившихся утесов сползали в море ледники. У подножия скал кипел белой пеной прибой. И вдруг, словно отмечая радостный для Тамары день, у нее на глазах произошло невероятное. К берегу будто подкралась невидимая подводная лодка и салютовала Тамариной победе залпом торпед. Но что это были за торпеды! Десятки, если не сотни, они вылетали одна за другой через равные промежутки времени, как бы выпущенные скорострельной пушкой с непостижимо емким зарядным устройством. Снаряды на лету сверкали в лучах солнца вороненой сталью. На скале же, пролетев десяток метров, они, вместо того чтобы взорваться, оживали и превращались в местных аборигенов, одетых в черные фрачные пары с белой манишкой. Смешные и важ-

ные пингвины вперевалку шагали в глубь суши, не обращая никакого внимания на корабли.

Но люди не собирались тревожить этих мирных жителей шестого континента. Они ушли в глубь материка и вверху, на ледяной его шапке, воздвигли сооружения, которыми не уставала любоваться молодая зодчая.

Колоннад на хрустальных ступенчатых пьедесталах виднелось несколько. Все они вырабатывали электрический ток, направляемый в центральное здание ледяного ансамбля. Здесь происходило таинство превращения в воду жидкого водорода, накопленного при работе Ветростанции, с подачей в сеть электрического тока.

Загадочность этого процесса подсказала Тамаре стиль, в котором сочетались прелесть полупрозрачного материала неожиданно наклоненных стен с целесообразностью и красотой. Крутая ледяная крыша, напоминавшая срез айсберга, завершала замысел, где необычное, рациональное и прекрасное сочетались с чертами неумирающих шедевров прошлого. Это великолепное сооружение составляло вместе с группой колоннад единый архитектурный ансамбль.

Шульц, понимая чувства своей спутницы, долго в молчании любовался хрустальным оазисом в мертвой снежной пустыне. Потом он снял меховую шапку и низко поклонился Тамаре.

— Как жаль, что только немногие счастливцы есть, которые, подобно мне, видят эти несравненные творения неповторимого зодчества, — торжественно сказал он. — Я имею сказать, что сюда будут стекаться толпы туристов, чтобы отдать дань восхищения таланту.

— Восхищения достойны люди, создавшие это в пургу, на морозе, не щадя себя.

— О да! Энтузиазм работников. И в их числе есть бригадир Спартак. Я знаю, — с некоторой обидой сказал Шульц.

Спартак встретил лыжников в километре от Энергоцентрали.

— Я уже волновался, моя Тамань, — сказал Спартак. — Спасибо товарищу Шульцу.

— Не стоит благодарственных чувств, — буркнул Шульц и заторопился к Храму Энергии, будто вспомнил, что там назначено сегодня испытание аккумулирующих устройств.

Наиболее смышленым из выбранных им помощников оказался некий Мигуэль Мурильо, когда-то имевший собственную техническую контору. Его и привлек к испытаниям Вальтер Шульц.

Предстояло подать к водородным элементам струи жидкого водорода и кислорода, накопленных и сжиженных турбодетонато-

рами за время работы Ветроцентрали. Хранились газы в баллонах высокого давления, похожих на гигантские самовары синего и красного цвета. Если бы газы сжигались, то образовали бы взрывоопасную смесь, но здесь горения в обычном понимании не происходило.

— Почему ты не прилетела с командором на вертолете? — с плохо скрываемым недовольством спросил Спартак.

— Люблю лыжные прогулки, — отрезала Тамара.

Шульц в сопровождении вышедшего ему навстречу Мигуэля скрылся в причудливом портале Храма Энергии.

— Ну вот и командор на вертолете, — примирительно сказал Спартак, беря Тамару за руку. — Ненамного же ты обогнала его!

Вертолет завис над Храмом Энергии, словно любуясь им сверху. И вдруг огненный смерч вырвался из разверзшейся крыши, сверкающий кинжал метнулся кверху и вонзился в вертолет. Машина круто пошла вниз, как подбитая птица.

Оглушительный взрыв потряс все вокруг. Шквальный ветер опалил Тамаре и Спартаку лица и бросил их наземь. Ледяное здание развалилось на глазах, как бы распираемое изнутри черным дымом.

СПУСК. Конечно, поворот судьбы Мигуэля Мурильо трудно было назвать спуском. В былое время он знал удачу. Имел и собственное дело, и неограниченный кредит, и поющую под гавайскую гитару красавицу жену с бриллиантовым колье на лебединой шее, и рычащий как ягуар спорткар цвета вечерней зари на Гавайских островах, где на берегу лазоревого моря красовалась его чудо-вилла в мавританском стиле, и, наконец, состоял членом в клубе избранных. Все было. И не стало ничего. Дело лопнуло, красавица жена переехала в его же автомобиле к другому, более удачливому члену «клуба дела», который вернее было назвать волчьим клубком, где волк волку — волк, а виллу «снесло за долги банковским ураганом».

Ведь в тяжелые времена инфляции ежегодно разоряются десятки, сотни тысяч фирм.

Если человек балансирует в нетрезвом виде на краю обрыва, то может и сорваться. А когда беднягу по-волчьи еще и толкнут в бок, то нетрудно представить, каков его спуск по обрыву на дно оврага, а то и каньона. Так и случилось с Мигуэлем Мурильо. Он был цепок, хватался за все камни и выступы и, несмотря на ушибы, все-таки встал на ноги, отряхнул свой еще элегантный костюм и хотел снова карабкаться наверх. Но... крутыми оказались склоны у «оврага дела». Элегантный костюм

скоро превратился в отрепья, модные ботинки разлезлись, предназначенные лишь для паркетных полов и автомобильных ковриков, ослепительно белые рубашки стали землистыми, а кричащие пестрые галстуки были проданы суетливым туристам за бесценок, потому что никому не требовались ни сила мускулов, ни сметка былого бизнесмена. Тогда-то Мигуэль Мурильо, голодный как шакал, проходил по улочке хибарок. И остановился, ошеломленный. Вместо обычной вони на него пахнуло умопомрачительным ароматом кушаний, которые подносил ему когда-то в клубе вышколенный лакей. У Мигуэля Мурильо закружилась голова, и он рухнул на фанерные ступеньки, потеряв сознание.

Очнулся он у хлипкого ящика, заменяющего стол, окруженный чавкающими чумазыми ребятишками, на которых покрикивали Мария и Педро. Они-то и накормили Мигуэля поразительными яствами, о которых он и понятия не имел, пока был богат. Какой-то дуралей-волшебник задарма снабдил их небывалой едой, сразу по достоинству оцененной бывшим бизнесменом Мигуэлем Мурильо!

Так началась дружба Мигуэля и Педро, дружба двух бедолаг, один из которых всегда обретался на дне «оврага жизни», а другой лишь недавно свалился в него. Но обоим одинаково редко перепадала случайная работенка или иной способ добыть денег. Тогда-то Мигуэль и подбил Педро отправиться в Нью-Йорк на «заработки». Два пистолета были единственным наследием былой благопристойной жизни Мигуэля Мурильо, с которыми он ни за что не хотел расставаться.

А потом две бумажки по десять долларов, бесплатный совет избежавшего ограбления джентльмена, сказавшего о Городе Надежды, и, наконец, вербовочный пункт «Антарктической строительной экспедиции ООН».

Пока этот дурак Педро, подставивший собственную спину взбесившимся на айсберге трубам, отлеживался в судовом лазарете, Мигуэль Мурильо не дремал. После спуска надо было вновь подняться. Он представился толстому немцу-инженеру как бывший владелец технической конторы, и это освободило его от черной работы. Немцу требовались понимающие в технике люди.

И когда перед испытанием водородных элементов Мигуэлю Мурильо удалось одному побыть в Храме Энергии, он хорошо знал, что ему надлежит делать.

Когда, подготовив все к приходу шефа, он вышел навстречу Шульцу, то заметил девушку в куртке и брюках, не скрывавших ее женственности. Она вполне могла бы сойти за латино-

американку, черноглазая, черноволосая, с гордо посаженной головой и заносчивым взглядом. С такой можно бы съездить хоть на Гавайские острова, если, разумеется, все закончится как задумано и Мигуэль снова пойдет в гору.

Но потом произошло нечто ужасное. Он вошел следом за Шульцем и вдруг...

— Командор! Шульц! — отчаянно закричала Тамара.

— Вы ранены? Помочь? О пресвятая дева! — Кто-то склонился над Тамарой. С его помощью она поднялась.

Из ледяного портала разрушенного здания показался Спартак, неся на руках что-то огромное. Тамара побежала.

На снегу лежал Шульц с запрокинутой головой. Черная борода торчала вверх. Остап вытащил второго пострадавшего.

— Жив! Жив мой Мигуэль! Да поможет ему пресвятая дева! — запричитал Педро.

— Почему не несут командора? — прошептала Тамара и взглянула в сторону вертолета.

Она думала, что увидит его обломки, но машина стояла на снегу, лишь чуть покосившись, так, что одна лопасть горизонтального винта зарылась в снег. От вертолета крупными шагами двигалась громоздкая фигура командора.

— Кислороду! — еще издали скомандовал Анисимов. — Резервуары не сгорели. В синем водород! Нацедите из красного в строительный шлем. И немедленно сюда!

— Есть, командор! — отозвался Остап. — Без холостого хода, мигом!

Анисимов был жив и невредим! Тамара заплакала от радости.

Она склонилась над Шульцем. Кровь хлестала из горнолыжного ботинка. Она сделала жгут и перетянула ногу.

В ледяном разрушенном здании нечему было гореть. Остап проник туда и вернулся с каской, наполненной жидким кислородом. Тамара приподняла Шульцу голову, а Остап поднес каску, чтобы пострадавший мог дышать.

— Рука моя, рука. Спасите мою руку!

— Теперь все зависит от того, как скоро мы доставим их в лазарет, — сказал командор.

— Вертолет? — спросил Спартак.

— Поврежден, не взлетит. Другой в ремонте.

— Как же тогда? — в отчаянии спросила Тамара.

— Есть способ, — отрубил Анисимов. — А ну-ка подать мне горные лыжи Шульца. И второй ботинок с него снимите. Первый я уже примерил.

— Что вы задумали? — ужаснулась Тамара.

— Горнолыжный спорт — моя стихия, — усмехнулся академик.

— А пострадавшие?

— Возьму Шульца себе на плечи. Было время — бычков таскал.

— Ну нет! — запротестовал Спартак. — Я помоложе. И горные лыжи у меня есть.

— Тогда бери второго.

Анисимов действовал быстро и решительно. Поменялся с Шульцем обувью и стал надевать его горные лыжи. Остап притащил лыжи и ботинки Спартаку.

Анисимову привязали на спину «рюкзак» со стонущим Мигуэлем Мурильо. На могучие плечи Спартака взгромоздили повергнутого чернобородого великана. Тамара затая дыхание смотрела на готовящихся к спуску лыжников. Ей было даже страшно подумать, что с огромной высоты, откуда стоящий в бухте ледокол казался игрушечным корабликом, можно спуститься. Остап обратился к ней как ни в чем не бывало:

— И ты готовься. Вспомни Бакуриани. Покатимся следом. Понадобится — подхватим. Усекаешь?

Тамара молча кивнула, сама не понимая, как решилась.

— Делай как я! — скомандовал Анисимов и оттолкнулся лыжными палками, выходя на крутогор.

В отличие от пологой трассы, по которой поднимались сюда Шульц с Тамарой, спуск непостижимой крутизны начинался сразу же за крайней колоннадой Ветроцентрали.

Лыжни не было. Но Анисимов не задумывался об этом. Многолетний опыт горнолыжника и понимание, что иного выхода нет, руководили им.

Снежные струи, сливаясь в полосы, летели мимо, ветер бил в лицо, порошил отросшую бороду. Груз давит, прижимает к земле. Трудно управлять лыжами, из-под которых взмывают буруны снега, как у катера на предельной скорости. Что ж, скорость горнолыжника на спуске больше, чем у катера, превышает сто километров в час. Как там Спартак? Идет ли по лыжне? Груз у него вдвое больше!..

Ветер выл в ушах, заглушая стоны Мигуэля Мурильо. Анисимов изнемогал. Оставалось еще больше половины спуска, а силы, казалось, оставляли его. И он застонал, как бы вторя Мигуэлю. Тот даже смолк, услышав сторонний звук. Анисимов сжал зубы. Если он упадет, на него налетит Спартак с умирающим Шульцем. Не для того Шульц выжил в особой палате немецкого госпиталя, чтобы погибнуть теперь! Как воет ветер в ушах, как быстро несутся снежные полосы и как медленно

приближается бухта! И кораблик все такой же, словно смотришь на него в перевернутый бинокль. Как-то там Шульц? Такой здоровяк! Но выдержит ли его вес Спартак? Сколько минут понадобится, чтобы доставить их в лазарет?

Но кто это стоит там, внизу, на берегу? Успели сообщить о Ветроцентрали по радио о случившемся? Тогда в Терсколе в конце спуска его встретила «японочка» с именем марсианки.

Стоны Мигуэля не вызывали теперь ответного стона. Анисимов приободрился и мчался, выбирая самые крутые склоны, местами пролетая птицей по воздуху, как на лыжном трамплине. Когда-то он проделывал все это с полной военной выкладкой. Теперь пригодилось.

Анисимов, тяжело дыша, остановился. Перед ним стоял доктор Иесуке Танага.

— Принимайте пациентов, — прохрипел Анисимов, чувствуя, что не устоит на ногах. Но все-таки устоял, пока подоспевшие матросы снимали с его спины стонущего Мигуэля Мурильо.

Вздымая фонтаны снега по проложенной лыжне, подкатил Спартак. Но лыжня не выдерживала двойного груза, лыжи его провалились, едва он остановился.

— Шульц! Как вы там? — через силу крикнул Анисимов.

— Без сознания, извините, — пояснил японец.

От берега к ледоколу по льду бухты вела торная дорожка. По ней ездил маленький электромобильчик с аккумуляторами.

Доктор с пациентами уехал, пообещав тотчас же прислать электромобиль обратно.

Анисимов дождался Остапа с Тамарой.

— Я думала, что умру со страху.

— Женьшень-человек! В тайге искать — не найдешь такую, — заявил Остап.

— Где Шульц? — спросила Тамара.

— На ледоколе. Сейчас за нами вернется электромобиль.

— Я побегу на лыжах. Так будет скорее! Могу понадобиться.

— Вместе, — решил Спартак.

Анисимов ничего не сказал. У него не хватило бы сил добежать до ледокола.

3. ГРОТ

КАТАКОМБЫ МОРЛОКОВ. «И снова я берусь писать о Совете командора после всего, что случилось.

Я уже забыла, когда солнце всходило здесь над горизонтом, забыла нежно-оранжевые зори, которые — я так старалась за-

печатлеть в красках! — едва гасят на севере звезды. Уже давно все придавила тяжелая антарктическая ночь.

Утром, выйдя на палубу, я задохнулась от ветра. Южный, холодный, он нес снежные потоки, темные и колючие. Они напомнили мне пургу в начале ледостройки, оборвавшую кабель. Сколько героизма нужно было проявить, чтобы все-таки соорудить Хрустальные Дворцы, которые мне посчастливилось проектировать, чтобы потом я рыдала над руинами центрального здания.

Пора в «адмиральскую каюту».

В светлом теплом салоне не хотелось думать о вьюжной ночи, бушевавшей за темными квадратами иллюминаторов.

В креслах вдоль стен сидели руководители стройки, среди них и я, незадачливый зодчий разбитых дворцов...

Анисимов расхаживал по салону, заложив руки за спину:

— Итак, все выступавшие советуют отложить работы на год. Грот не протаивать, поскольку Энергоцентраль вышла из строя, а мощность судовой атомной установки недостаточна.

Я уже смирилась с этой мыслью, когда еще шла сюда. Но Алексей Николаевич Толстовцев возразил:

— Зачем же откладывать на год? Ветроцентрали в обычную пургу, такую, как сегодня, дадут достаточную мощность. Кто нам помешает работать в ветреные дни, а в безветрие отдыхать? Можно обойтись и без аккумуляторных устройств. Временно.

И так просто у него это прозвучало! Я насторожилась. Неужели в заброшенных ледяных дворцах завертятся турбины? Неужели стройка продолжится и запроектированные в нашей архитектурной мастерской здания, детали которых нам доставят в следующую навигацию, будут воздвигнуты под ледяным куполом грота?

Академик оживился:

— Подсказана верная мысль. Работать под надутыми парусами, как плавали встарь моряки. И дрейфовать в штиль, — и он улыбнулся своему сравнению.

— Начинать надо немедленно, — убеждал Алексей Николаевич, но затем ошеломил меня, сказав: — И нет никакой нужды протаивать грот с огромным пролетом. Не проще ли отказаться от идеи «подледного царства», имитирующего поверхность Земли? — И он посмотрел на меня.

А я не поверила ушам. Что он предлагает? Отказаться от мечты о ледяном куполе, от города под ним?

А он невозмутимо, обидно буднично продолжал:

— Город подо льдом надо сооружать не как земной, а как

подледный, на других принципах. И протаивать проще не исполинский грот, а туннели, которые станут улицами города. В стенках туннелей можно разместить жилые «комфортабельные пещеры» и промышленные предприятия. Пусть ледяные туннели наподобие земных метрополитенов пронзят ледяной монолит.

И это говорил отец Спартака! Я похолодела, хотя кровь бросилась мне в лицо. Папа считал его своим другом, изобретателем, мечтателем, а он... он сулит нам...

— Ледяной муравейник! — это я уже выкрикнула, не сдержалась.

Он зло посмотрел на меня — я никогда не думала, что его лицо может стать таким неприятным, — и замолчал, словно не желая мне отвечать. Это окончательно взорвало меня, и я вскочила с места:

— Что предлагают нам под видом новаторства? Самую бескрылую, консервативную в своей сущности идею. — Я чувствовала на себе тяжелый взгляд Толстовцева, но уже не могла остановиться. — Неужели это закон природы, по которому вчерашний новатор становится консерватором, тормозящим свежие, но чужие идеи? Во имя вульгарной простоты отбрасывается основной замысел Города Надежды, где люди должны жить так, как на всем земном шаре в грядущем. А им предлагают сейчас в опытном порядке прозябать в пещерах, в подземельях, напоминающих метрополитен! Или, что еще хуже, в колодцах и норах фантастических морлоков, загнанных туда элоями, выродившейся расой господ, как рассказывал в «Машине времени» Уэллс.

— О, это есть очень мрачно, — услышала я голос Вальтера Шульца.

Я не помню, конечно, в точности, что я говорила, и скорее воспроизвожу свой гнев и возмущение, чем смысл сказанного. Я вспомнила о своей беседе с Шульцем и заговорила о материке Антарктиды:

— Людям, которые решаются моделировать жизнь грядущих поколений, нужно дать все условия радостного и красивого существования. Однако для Города Надежды выбран не остров Тихого океана, а Антарктида, которая когда-то была цветущим материком.

— О да! Имело так быть! — поддержал меня Шульц.

— Он покрылся льдом, этот материк. Так выплавим же такой грот, который обнажит былую почву, откроет прелесть неведомых пейзажей, где меж причудливых скал пролегают русла прежних рек!

— Во дает! — услышала я голос Остапа, который толкал в бок сидевшего со мной рядом Спартака.

— Наполним эти русла водой тающих льдов, а по берегам посадим деревья. Они вырастут на земле Антарктиды, и мы разобьем на ней сады и бульвары. И среди них поднимутся, слышите, — обернулась я к Толстовцеву, который напоминал сейчас «злобного карла», — поднимутся, а не пройдут в глубине ходами дождевых червей, поднимутся к невидимому в высоте своду радующие глаз дома, от которых не отвернутся и наши потомки. Город в исполинском гроте должен быть Городом Надежды, а не Катакомбами Безнадежности! — закончила я и, торжествующая, села, оглядывая присутствующих.

Академик смотрел на меня с ободряющей улыбкой (это главное!). Толстовцев, конечно, был вне себя от ярости. Еще папа говорил мне, каким колючим он может быть, когда затрагивают его самолюбие. Спартак смотрел себе под ноги. Остап поднял большой палец вверх.

Академик предложил Алексею Николаевичу ответить.

— Стоит ли решать вопрос, что красивее: ледник, напоминающий голландский сыр, в дырочках которого живут люди-морлоки, или подледный град Китеж, рожденный воображением, пренебрегающим такой мелочью, как тяжелый ледяной свод? Что понимать под красотой? Может быть, она выражение рациональности? Какие животные восхищают нас? Чьи формы лучше приспособлены для жизненных функций? Даже эталоны женской красоты древних греков, увековечивших их в статуях богинь, характерны широкими бедрами и высокой грудью — символами материнства, которыми наградила женщину Природа. Потому же прекрасны и такие творения Природы, как лошади — воплощение быстроты и выносливости, леопарды — синтез ловкости и силы, и даже змеи, хотя все они совсем непохожи друг на друга. И я не боюсь сказать, что в целесообразности красота!

— Ах, как прекрасны жабы! — воскликнула я, возмущенная его сопоставлением.

Но, смерив меня презрительным взглядом, он даже не ответил и с холодной, убивающей сухостью продолжал:

— Так рационален ли гигантский свод? Стоит проверить его расчет. В опасном сечении возникают наиболее разрушающие усилия. От сил сжатия понижается точка плавления льда! Вспомните, почему скользят коньки и лыжи в мороз? Снег и лед тают под давлением полоза, смазывая поверхность скольжения. Если это учесть, то твердое небо над подледным градом Китежем начнет плавиться и рухнет.

— Какой ужас! — с иронией воскликнула я. — Запугивать людей и тащить их в катакомбы морлоков! Запрещенный прием.

— В технике запрещено лишь злоупотребление риском, а не сомнения в прочности конструкции, — обдал меня холодом жестких слов Алексей Николаевич.

Мне стало не по себе. Я не рассчитывала ледяной свод. Мы, архитекторы, принимали его существующим и намеревались строить под ним дома. Я хотела, но не могла спорить с Толстовцевым и не знала, куда деть глаза. Посмотрела на Шульца. Он поднялся.

— Уважаемые коллеги, — начал он. — Расчет есть фундамент инженерной мысли. И всегда полезно его проверять, особенно если имеем идею о возможном плавлении льда под нагрузкой.

Не передать, как горько стало мне. Я так надеялась на него, ведь мы с ним говорили о подледных пейзажах!

— Я имею намерение спасать опасное сечение от расплавления.

Я едва не захлопала в ладоши, с надеждой глядя на своего великана-разбойника. А он с немецкой педантичностью продолжал:

— Надо сверлить сверху, с ледникового купола, буровые скважины там, где опасное сечение есть. А потом по ним, имея артерии, пропускать холодильный раствор. Я имею намерение так предохранить лед от плавления при большой нагрузке.

Я была счастлива. Какой выдумщик!

И тут встал Спартак. Он больше не смотрел в пол. Что он скажет?

— По мне тот путь правилен, который в гору ведет. А на перестраховочные дорожки, как бы они ни петляли, меня не тянет. Мы с ребятами за подледный простор, — и, стараясь не смотреть в сторону отца, сел.

Наступила тишина. Через иллюминаторы доносился свист ветра. Анисимов мерно расхаживал по салону в глубокой задумчивости. Неужели я была не права?»

На этом записки Тамары Неидзе обрываются.

ЗАКОН ПРИРОДЫ. «Я ознакомился с тем, как Тамара описала наш спор о Городе Надежды. Не скрою, мне было горько читать некоторые ее замечания, в особенности о «злобном карле».

Я знал за собой этот недостаток — злиться, когда мне перечат, но со времен полярной станции в Усть-Каре так и не справился, должно быть, с собой.

Тамара не дописала свой отчет о Совете командора. Попробую сделать это за нее.

Задумавшийся академик стоял боком ко мне, склонив большую голову.

Ему предстояло сделать вывод, хотя он не был техником. Как химику, ему далеки понятия опасного сечения, но близки проблемы таяния льда под давлением. Как оценить непересекающиеся пути? Кто-то из великих ученых говорил, что та идея верна, которая открывает новые горизонты. Открывает ли эти горизонты моя идея?

И академик твердо и ясно сказал:

— Проект менять не будем. Но поручим на Большой земле сделать проверочный расчет на компьютерах. И в США, и в СССР. Кроме того, здесь, в Антарктиде, смоделируем в леднике ледяной грот меньшего размера, но с тем же соотношением толщины свода и его пролета.

Совет закончился. Все расходились.

Что чувствовал я, «бывший новатор», оказавшийся противником дерзкого, нового? Как она сказала? ЗАКОН ПРИРОДЫ? А то, что воспитанный мною Спартак выступил против меня, это тоже закон природы?

Я вышел на палубу.

Нет, она не убедила меня! С инженерной точки зрения туннели строить выгоднее и надежнее, чем большой грот. Но... только ли одна инженерная точка зрения должна здесь учитываться? Ведь инженерам выгоднее строить Город Надежды под земным небом, а не под ледяным куполом. Почему не выбрали какой-нибудь островок? Или не создали искусственный?

Да потому, что для чистоты задуманного эксперимента намеренно отказались от всех природных благ, даже от голубого неба над головой. Человек может искусственно создать все ему необходимое даже в лишенном всех даров природы месте. И, может быть, я не прав со своими расчетами, толкая жителей будущего города в туннели? Ведь сюда будут приезжать миллионы людей, чтобы убедиться, как может жить человек, чтобы потом переделать жизнь на своих материках по этому образцу.

Я размышлял, стоя у реллингов, и, не оборачиваясь, невольно слушал болтовню толпившихся здесь рабочих.

— Обрадуйте, сеньорита! — обратился один из них, очевидно, к вышедшей на палубу Тамаре. — Получим ли мы здесь заслуженный годовой отдых с полным питанием и оплатой за простой?

Я представил себе этого латиноамериканца с сальными глазами и тонкой полоской усиков.

— Наш неисправимый Мигуэль, мадмуазель, считает, что коль скоро его завезли на юг, то здесь ему должны создать курортные условия, как у нас на Лазурном берегу или у них на Гавайях.

Я знал этого чернявого остряка-француза, которого все звали маркизом де Гротом.

— Я думаю, что отдых вы заслужите, соорудив Малый Грот, — услышал я низкий голос Тамары, и она стала объяснять столпившимся около нее людям, что это за Малый Грот и зачем его строить.

Обидно, что ко мне никто не обратился с таким вопросом!

Рабочие зашумели. Мигуэль визгливо кричал:

— Это лишняя работа! Мало им одного грота, придумали еще и дополнительный. Если они хотят выжать из нас дополнительный пот, то мы знаем, чем ответить.

— Если ты имеешь в виду язык забастовок, то лучше прикуси язык. — Это, конечно, говорил добродушный Билл с Чикагских боен.

А француз обратился к хорошо известному мне еще по айсбергу негру из Кейптауна:

— Слушай, Мбимба! Разве ты поддержишь забастовку, чтобы не делать того, ради чего мы сюда приплыли?

— Очень холодно, — ответил африканец. — Работа согревает.

— Вот вам ответ мудреца! — восхитился француз.

Шумя и болтая с Тамарой, рабочие отошли от меня. Я не позволил себе обернуться.

Но и не оборачиваясь, я знал, кто стоит у меня за спиной. Конечно, мой сын, Спартак, в которого я вложил всю свою любовь к исканиям, которого старался воспитать и, видимо, не сумел. Какими глазами он посмотрит на меня сейчас, после своего выступления против отца и его «перестраховочных дорожек»?

Да, это сказал Спартак. Я все-таки обернулся. Он стоял смущенный и даже робкий. Я помнил милого, потешного мальчонку-«карапузяку». Он округлял черные удивленные глазенки и без всякого повода смешно и тоже удивленно поднимал плечики. А сейчас в плечах он косая сажень.

Метель улеглась. Заря погасла и не скоро зажжется вновь. Небо сверкало мириадами звезд, собранных в южные созвездия. Мы со Спартаком как-то признались друг другу, что знаем только Южный Крест.

— Никак не привыкну к этим созвездиям, — сказал он.

— Что созвездия! — усмехнулся я. — Привыкать к другому приходится.

— Разве ты еще не привык? — сказал Спартак и замолчал, не решился напомнить, как часто отвергались мои идеи.

А он прав, хоть и не напомнил об этом! Часто, ох часто уходил я если не осмеянный, то непонятый.

— К этому нельзя привыкнуть, — сказал я, но имел в виду совсем другое, имел в виду, что нельзя привыкнуть к тому, что твой собственный сын идет против тебя.

— Так это ж закон природы! — воскликнул он.

Неужели он понял скрытый смысл моих слов и ответил на то, что не сказано? Если бы Ревич присутствовал при нашем разговоре, он с еще большей убежденностью стал бы доказывать, что я гуманоид, а Спартак — сын гуманоида.

— Модель — это хорошо, — сказал я. — А романтика прекрасна! Но, как и все прекрасное, способна ослеплять.

— Разве я ослеп? — почти обиделся Спартак. — Я все в ней вижу. Молода она еще.

Конечно, молода! Но это не случайно, что он совмещает понятие романтики с ней, со своей Тамарой, которая еще молода. Да и он сам еще молод.

— Я не хотел задеть тебя, отец. Насчет работы в дни ветров — это у тебя здорово получилось! Так нам и жить. И вообще... ты же знаешь, как я верю в тебя.

— Я увидел это сегодня, — горько усмехнулся я.

— Ты сердишься на меня? Я попросил бы тебя простить меня, если бы...

— Если бы?

— Если бы ты в самом деле признал мою вину.

Я молча пожал Спартаку руку выше локтя».

ЗЛОРЕВИЧ. Как говорили институтские остряки, и. о. директора профессор Ревич правил в институте не железной рукой, а золотой улыбкой, обнажавшей его искусственные зубы.

При Анисимове не было у академика более рьяного последователя, чем Ревич. Этим наряду с несомненными организаторскими способностями и военными заслугами Геннадия Александровича и объяснялась передача ему власти.

Со времени перехода из лаборатории «Вкуса и запаха» наверх, в директорский кабинет, Ревич заметно охладел к диссертации Аэлиты «Использование биологических систем для определения состава ароматических веществ».

Статья под двумя именами — Толстовцевой и Ревича, вернее, Ревича и Толстовцевой, была опубликована, кандидатский

минимум Аэлитой блестяще сдан, но Геннадий Александрович оттягивал защиту. Возможно, что руководство диссертантом для нового директора выглядело мелковато рядом с задуманной им перестройкой института, переводом его на рельсы чистой науки, что, как он говорил, определялось академическими целями.

Ревич осуществлял свой замысел так решительно, словно не временно занимал директорский пост, а пришел в институт выводить его из прорыва. Многие научные сотрудники, считавшиеся при Анисимове перспективными учеными, ушли по «собственному желанию», вняв недвусмысленному совету Ревича, сопровождавшемуся золотой улыбкой. За эту улыбку его прозвали сперва Зол-Ревичем, а потом, как бы оценивая результаты его деятельности, переиначили прозвище в ЗЛОРЕВИЧ.

Аэлита потеряла надежду на его поддержку, но усердно работала в библиотеке над списком авторитетов, на которые следовало ссылаться. Ревич был крайне щепетильным.

Библиотекарша, рыхлая пожилая дама, симпатизировавшая Аэлите, с трудом протискивалась между стульями научных сотрудников, сидевших за длинными столами. Аэлита подумала, что она несет что-нибудь найденное специально для нее, но седая женщина, наклонившись к Аэлите, чтобы не нарушить оберегаемой здесь тишины, шепнула:

— Вас вызывает секретарь парткома товарищ Окунева.

— Нина Ивановна? — обрадовалась Аэлита. — Честное слово?

Нина Ивановна уже по требованию нового директора не занималась лабораторией, как и полагалось освобожденному секретарю парткома. Поэтому если она вызывает Аэлиту, то, наверное, есть что-нибудь от Николая Алексеевича.

В партком Аэлита вбежала, взлетев перед тем по лестнице через две ступеньки. У Окуневой было строгое выражение обычно добродушного лица.

— Запыхалась, словно знаешь о случившемся, — недовольно сказала Нина Ивановна.

Аэлита побледнела.

— Николай Алексеевич? — только и могла спросить она.

— Да, о нем речь. Садись и слушай, — властно начала Окунева. — Помнишь, как я тебя в Западную Германию посылала спасать Анисимова? Так вот... и теперь спасать надо...

— Как? — ужаснулась Аэлита. — Он болен, катастрофа?

— Да, можно сказать, катастрофа. Беда, словом.

— Не мучьте, Нина Ивановна. Что я должна делать?

— Готовься лететь к нему. Попутным рейсом, через космос.

— Спасать его?

— Спасать его дело. В прошлый раз все из-за слез Лорелеи приключилось. На этот раз не из-за слез, а из-за улыбки Злоревича. Чем не Лорелея? — И Нина Ивановна горько усмехнулась.

Геннадий Александрович Ревич в кабинете Анисимова ждал гостя. Вошел элегантно одетый щеголь, статный, широкоплечий, улыбающийся, как голливудский киногерой, — главный инженер вновь созданного химического завода.

— Садитесь, прошу вас, Юрий Сергеевич, — радушно встретил его Ревич, одарив золотой улыбкой. — Я пригласил вас как руководителя нового производства, чтобы обсудить один важный вопрос.

— Я весь внимание, профессор, — расшаркался Мелхов.

— Вам поручено изготовление искусственной пищи.

— Совершенно верно, профессор. Это первый завод такого профиля.

— Ваше дело заботиться о том, чтобы искусственная пища не отличалась от обычной. Ну по вкусу и запаху, скажем.

Мелхов насторожился. К чему клонит Ревич?

— Допустим, — осторожно сказал он.

— Не допустим, а сделаем допущение. Завод инициативен, если, разумеется, таковы его руководители. Что это означает? Что он борется за вкус и запах своей продукции, за ее качество, как принято говорить в просторечье.

— Я понимаю, — угодливо согласился Мелхов, хотя еще ничего не понимал.

— Дело в том, Юрий Сергеевич, — доверительно продолжал Ревич, — что мне приходится бороться за чистоту науки. Какова задача науки в отношении синтетической пищи? Синтезировать ее из первоэлементов! Понимаете? Так говорил Тимирязев. А мы его последователи и ученики. К сожалению, до сих пор искания в области искусственной пищи были направлены на использование биомассы, а не на чистый синтез белков из элементов. Белок, когда он будет синтезирован из воздуха, окажется бесцветным и безвкусным, но питательным. Вот в этом надо видеть главное достижение науки, определяющее нашу научную стратегию. Что же касается имитации пищевых продуктов, чем занималась одна из наших горе-лабораторий, то это дело не академического института. Это ваше дело, товарищи инженеры! Завод сам должен искать формы своей продукции.

— Но без вашей помощи... — встревожился Мелхов, продолжая нащупывать почву.

— Будьте уверены. Помощь окажем. Я готов передать вам всю лабораторию «Вкуса и запаха» в полном составе. Сделайте ее заводской, чтобы она служила вашим конкретным интересам, а не псевдоакадемическим целям, связанным с защитами всяких там диссертаций. Назовите ее кулинарной, гастрономической, как хотите.

— Я понимаю. Думаю, что это прогрессивно. На Западе, например в Америке, фирмы, выпускающие искусственную пищу на основе сои, имеют собственные лаборатории, а не зависят от достижений университетов или специальных исследовательских институтов...

— Словом, академических учреждений, переводя на научный язык. Я рад, что наши взгляды сходятся. Следовательно, я заручился вашей поддержкой в той кампании, которую я намерен развернуть. Чистый белок — достижение чистой науки!

— Совершенно с вами согласен, профессор.

Аэлита едва не столкнулась с Юрием Сергеевичем, когда сбегала по лестнице, не видя ничего кругом. Он посторонился, не обратив внимания на торопящуюся женщину в лабораторном халате. Столько их тут бегает без толку! Бездельники от чистой науки! Нет, у него на заводе в «лаборатории гурманологии» — да, да, именно так он ее назовет! — им придется трудиться, а не писать диссертации, которые нужны только им самим. «Лаборатория гурманологии»! Адекватно научности. И недурно звучит. И вообще неплохо иметь в руках важный рычаг для влияния на развитие производства, как вещает несравненный мудрец Генри Смит. Надо позвонить ему.

Нина Ивановна проинструктировала Аэлиту и вручила ей письмо академику от имени партийного комитета института.

Однако воспользоваться радиосвязью с Антарктидой Нина Ивановна не решалась, ей казалось невозможным обратиться с такой просьбой к самому президенту Академии наук СССР, вторгнуться к нему в кабинет, откуда была налажена связь с Антарктидой, и в его присутствии обвинять профессора Ревича в том, что тот под видом чистой науки разрушает созданный Анисимовым институт.

— Кому нужна эта псевдочистая наука? — горячилась раскрасневшаяся от возмущения Нина Ивановна. — Эта чистота — синоним никчемности. Надменный отказ от практических результатов во имя чисто теоретических — маскировка интеллектуальной импотенции! Ты все это должна передать Николаю Алексеевичу, — продолжала свои напутствия Окунева. — А полет в Антарктиду я тебе уже обеспечила. Лети, как летела

в немецкий госпиталь, хоть наш академик, к счастью, жив и здоров.

На сборы Аэлите потребовалось немного времени. Мать помогла ей. На нее Аэлита спокойно оставляла Алешу с Бемсом. Однако свои лучшие платья она не забыла...

Улетать предстояло с нового подмосковного космодрома, оборудованного для готовящихся трансконтинентальных космических рейсов. Нина Ивановна сама доставила туда Аэлиту на черной «Волге» академика. Одетая как оленеводка, Аэлита изнывала от жары.

Трансконтинентальная ракета, достигнув первой космической скорости, выйдет на орбиту спутника Земли, на которой останется, а перед прохождением над Антарктидой отделит от себя грузовой посадочный аппарат. Его поведет всемирно известный летчик-космонавт, знакомый Аэлите по фотографиям. Он встретил Аэлиту с Окуневой в генеральской форме, бодрый, собранный, чрезвычайно простой.

— Времена меняются, — шутил он. — Раньше я за каждый полет в космос по Золотой Звезде Героя получал, а сейчас, когда спущусь со сверхсрочным грузом в Антарктиде, попутно и вас доставив, рассчитываю прежде всего на ваше спасибо, моя единственная пассажирка.

— Вас там и без меня сердечно поблагодарят. Честное слово!

— Спасибо-то скажут, но назад не отпустят. Антарктическое гостеприимство мне обеспечено.

— Почему не отпустят?

— Трансконтинентальный космический экспресс многократного использования требует для посадки, как и самолет, такой вот космодром. В Антарктиде ничего этого нет. А грузы, сами знаете, ждут. Вот мы и скомбинировали уже существующее для разовой доставки.

— Значит, и я там останусь? — обрадованно повернулась Аэлита к Нине Ивановне.

— А это уж как Николай Алексеевич распорядится. Корабли к нему придут.

— Ну это еще не скоро! — с едва сдержанной радостью воскликнула Аэлита.

— В том-то и дело, что не скоро, — вздохнул космонавт.

— А что за посадочный аппарат вы поведете? — обратилась к нему Аэлита.

— Надежнейший! Гибрид планера с вертолетом. Отделяемся от ракеты в космосе, салютуем ей собственным ракетным залпом

для снижения скорости. Входим в атмосферу как планер. Тормозим по старинке — парашютами. И наконец превращаемся в вертолет. А на нем, будьте уверены, опущу вас на любой пятачок, хоть на капитанский мостик ледокола «Ильич».

— Вас послушаешь, вы предлагаете мне небольшую велосипедную прогулку. Право-право!

— Ну что вы! Велосипед под автомашину попасть может. А у нас трасса свободная! И никаких регулировщиков. Я даже водительские права с собой не беру. Но вот комбинезон надеть придется, а то вы уже «облачились». Да и лампасы там тоже ни к чему, — и он с улыбкой похлопал себя по ноге.

СИГНАЛ БЕДСТВИЯ. Аэлита не раз смотрела по телевидению запуск космических кораблей, но, когда она увидела перед собой решетчатую башню чуть не до неба, куда ей предстояло подняться вместе с космонавтом в лифте, ей стало страшно.

Нине Ивановне тоже было не по себе. Она мысленно упрекала себя, что отправляет Аэлиту в опасное путешествие, признавая этим собственное бессилие. Разве не стремится она вместо обращения в высшие партийные инстанции попросту спрятаться за спину Анисимова?

— Может быть, зря я тебя посылаю? — нерешительно сказала она. — Уж рискнуть бы самой выйти на связь у президента?

— Ну уж нет! — замотала головой Аэлита.

Нина Ивановна пристально посмотрела на нее, потом укоризненно покачала головой:

— Ой, баба! Смотри не обожгись!

— Там же холодно, Нина Ивановна! Честное слово! — засмеялась Аэлита.

Потом Аэлита с космонавтом вошли в лифт, который поднял их на неимоверную высоту, откуда оставшаяся внизу Нина Ивановна казалась крохотной фигуркой. Все же Аэлита рассмотрела, что она утирала платочком глаза.

На космодроме все казалось деловитым и будничным. Определенные лица находились в определенных местах и в нужное время четко делали определенные операции.

Космическая ракета казалась огромной. В ней помещался грузовой вертолет размером с железнодорожный вагон. Космонавт повел Аэлиту не через дверь в грузовой отсек вертолета, а помог ей проникнуть в кабину пилота через опущенное лобовое стекло. Дело в том, что вертолет, спешно приспособленный к новым целям, был поставлен на попá, то есть вертикально, и Аэлита,

если бы вошла в оказавшуюся теперь внизу дверь вертолета, не смогла бы пробраться к пилоту между заполнившими машину ящиками с водородными элементами. Их доставка и была целью рейса.

Аэлита храбрилась, хотя страх все больше овладевал ею. По существу говоря, она не отдавала себе отчета, на что идет, когда согласилась лететь в Антарктиду.

Федор Иванович, как отрекомендовался космонавт, вел себя радушным хозяином.

— Я, наверное, оставила вас без необходимого вам помощника, — говорила Аэлита, устраиваясь полулежа в кресле. — Заняла его место.

— А вы и будете моей помощницей, когда мы полетим к вам на Марс.

— Да что я могу! — усмехнулась Аэлита.

— Пока что, как принято у нас на Руси, посидеть молча перед дорогой, — опять пошутил Федор Иванович.

Потом был взлет. Федор Иванович держал связь с командным пунктом. Аэлита боялась перегрузок при взлете, но перенесла их сравнительно легко. Ее мягко вдавило в подушки кресла. Потом пришла необычайная легкость, ощущение воздушности.

— Невесомость, — объявил космонавт. — Отпустить вас полетать по кабине?

— Я боюсь, — призналась Аэлита.

— Давно вижу, что боитесь. Но вы молодец! К кому летите? Родственники у вас там?

— Да. Отец, брат.

— Целое семейство! А я думал... — и он оборвал себя. — Впрочем, меня предупредили. Задание у вас серьезное.

— Да. Серьезное.

— Вы на дачу под Москвой сколько времени едете?

— Около часу.

— Ну у нас времени меньше. Освободите-ка ремень, чуть приподнимитесь над креслом, полетайте. А то всю жизнь себя упрекать станете — побывали в космосе, а невесомостью не воспользовались. Во сне летали?

— Представьте, раньше летала.

— Ну вот и сейчас будет как во сне.

Аэлита отстегнула ремень и почувствовала, как приподнялась над креслом. Ее больше ничто не удерживало. Ощущение было именно таким, как в детских снах. Летишь, не делая никаких движений, как облачко над землей, а кто-то там бежит внизу и показывает на тебя рукой. И чтобы подняться еще

выше, не требуется никаких усилий. Ненужными оказались они и сейчас.

Аэлита парила в воздухе, чуть-чуть приподнявшись над креслом. И она забыла про страх, всецело отдаваясь радости свободного полета, хоть и не передвигалась по тесной кабине, но всем телом ощущала сброшенные оковы тяготения. Нет наслаждения, сравнимого с этим!

— Отделяемся, — предупредил космонавт. — Пристегнитесь крепче ремнями. Автомат сам нас сбросит. Смотрите в окно. Полюбуйтесь.

До сих пор переднее стекло кабины загораживалось стенкой ракеты. Все произошло удивительно просто. Перегородка, заслонявшая мир, куда-то ушла, и перед Аэлитой открылся черный, усеянный звездами небосвод.

«Разве уже ночь?» — подумала она и тотчас увидела Солнце. Оно светило рядом со звездами и не гасило их. На него можно было смотреть потому, что лобовое стекло кабины затянуло светофильтром. Над Солнцем щупальцами спрута поднимались языки пламени и свивались причудливой короной.

Потом впереди появилось темное тело, на мгновение погасившее Солнце.

— Солнечное микрозатмение, — усмехнулся Федор Иванович. — Это наша ракета вперед пошла и закрыла нам на миг Солнце. Мы уже притормаживаем.

Аэлита и сама чувствовала это. Ее снова вдавило в спинку кресла. Голова вдруг налилась ртутью, веки сами собой закрылись. Виски сжало. Сознание помутилось.

Потом все прошло. Аэлита открыла глаза и увидела перед собой не черное, а темно-фиолетовое небо с Солнцем, но уже без звезд.

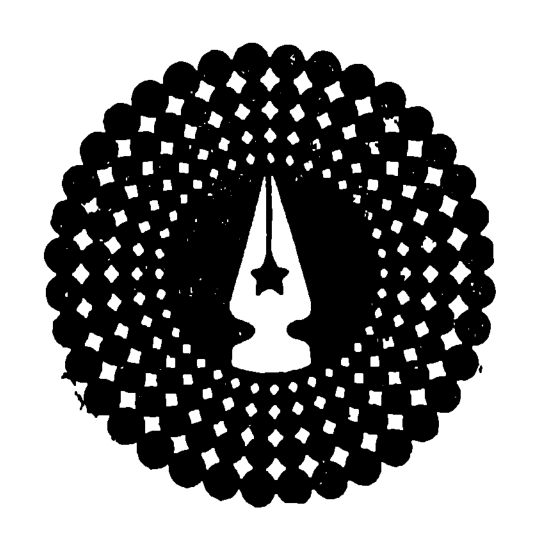
— Идем в планирующем спуске, — пояснил Федор Иванович. — Пока полная автоматика. Я на положении безработного. Вы вполне могли бы и без меня полететь.

— А сесть на палубу ледокола? — напомнила Аэлита. — Вы обещали.

— Разве что! — рассмеялся космонавт. — А водительские права я все-таки захватил. Вертолетные. А то, говорят, академик там серьезный.

И они рассмеялись.

Продолжение следует

ОЧЕРК И ПУБЛИЦИСТИКА

Николай **МИХАЙЛОВ**

РАДОСТЬ ЖИЗНИ — БОРЬБА

Работая в 1938—1952 гг. первым секретарем ЦК ВЛКСМ, Н. А. Михайлов встречался с партийными, комсомольскими и военными работниками, знатными людьми нашей страны. О них его новая книга, главы из которой мы публикуем.

Устремленный в будущее

I

Когда в 1933 году шел знаменитый судебный процесс в Лейпциге, мы, молодые рабочие московского завода «Серп и молот», с восхищением и глубоким уважением рассматривали фотопортреты Георгия Димитрова: у него были правильные черты лица, высокий лоб, смелый взгляд, высокий зачес густых волос.

Прошли годы. Во время Великой Отечественной войны Георгий Михайлович жил в нашей стране, мне довелось встречаться, работать с ним. Время делало свое дело. Георгий Михайлович похудел; его донимали заботы, болезни. Волосы стали редкими и седыми. На лице проре-

зались глубокие морщины. Но больше всего мне запомнились глаза. Они излучали свет мудрости, бесконечной доброты.

Не забыть фразы, которую он любил повторять во время наших дискуссий по международным молодежным вопросам: «Не надо спорить по мелочам».

3 июля 1949 года наши центральные газеты опубликовали сообщение о том, что 2 июля в 9 часов 35 минут в санатории «Барвиха» скончался Георгий Михайлович Димитров.

Село Барвиха расположено в 25 километрах от Москвы. В эти места, по воспоминаниям Марии Ильиничны Ульяновой, любил приезжать Ленин. «...чтобы подышать свежим воздухом в свободные дни, — писала она, — мы... взяли себе за правило выезжать хотя бы на несколько часов за город... Ездили в разных направлениях, но скоро излюбленным местом Владимира Ильича стал лесок на берегу Москвы-реки — около Барвихи».

В тридцатые годы здесь построили санаторий. Местность в этих краях холмистая. Подушкинское шоссе, идущее от Барвихи к станции Одинцово, петляя на подъемах и спусках, бежит мимо липовых аллей, белоствольных берез и дубовых рощиц.

Холмы, перелески, крутые повороты шоссе напоминали Димитрову красоты Витоши, у подножия которой расположилась София.

Я был в составе делегации, направлявшейся в Болгарию для участия в похоронах Георгия Димитрова. Возглавлял делегацию К. Е. Ворошилов.

Мы ехали на Белорусский вокзал, непривычно тихий, безлюдный, одетый в траур. К перрону подошел специальный поезд. Тягостные минуты прощания, наконец поезд тронулся. В пути мы лишь изредка делали короткие остановки. Но на станции проститься с Димитровым приходило много людей. В Виннице поезд ожидали десятки тысяч человек. На пограничную станцию Унгены прибыли в три часа ночи. Но и здесь состоялся многолюдный прощальный митинг.

Дни стояли жаркие, в вагонах было душно даже ночью. Не спалось. Вспоминалась траурная Москва. Скорбные мелодии, бесконечная вереница печальных людей, у всех влажные глаза. Огромное количество венков, газеты, заполненные соболезнованиями.

На центральном вокзале Бухареста траурный поезд встречали руководители Коммунистической партии и правительства Румынии. Высокий, с могучими плечами, первый президент республики Петру Гроза произнес речь.

Особенно запомнился митинг в Русе, первом болгарском городе на пути в Софию. Мы переправлялись через Дунай на мощном пароме. Над рекой не умолкали сирены пароходов. Справа и слева паром сопровождали катера, на их бортах шеренгами стояли матросы. С парома виднелись толпы людей на противоположном берегу. Люди были всюду: на высоком берегу, на крышах зданий, на деревьях, наверное, все население города собралось здесь в этот час.

Стояла мертвая тишина. И среди этой тишины, в спокойном вечернем воздухе раздалась песня «Вы жертвою пали». Собрав-

шиеся припали на одно колено. Все было величественно: и толпа, замершая в порыве глубокого уважения к покойному, и Дунай, мерно кативший свои воды, и луна, заливающая город своим светом, и звуки песни, плывшие над городом.

Со всех концов страны в Софию приехали, пришли пешком сотни тысяч людей. И каждый спешил в зал Народного собрания. Мы видели горняков Перника. Они несли в руках зажженные шахтерские лампочки. Шли рабочие Пловдива, портовики Варны, работницы фабрики «Болгария», железнодорожники, крестьяне и крестьянки, колонны учащихся школ фабрично-заводского обучения. Матери несли на руках детей — родина присягала на верность своему вождю. В зал вносили венки от Клемента Готвальда, Долорес Ибаррури, от братских коммунистических партий Франции, Швеции, Бельгии, многих других стран. Сын своей родины, Георгий Димитров всю жизнь был верен пролетарскому интернационализму. Так говорил о нем на траурном митинге Климент Ефремович Ворошилов. Голос Ворошилова дрожал от волнения.

10 июля в Софии состоялось траурное заседание Центрального Комитета Союза народной молодежи Болгарии. Его открыл председатель союза Живко Живков. Заседание постановило именовать союз Димитровским и украсить знамя союза изображением Георгия Димитрова. Намечено было подготовить лучших для вступления кандидатами в члены Коммунистической партии Болгарии и объявить димитровский набор в Союз народной молодежи.

Детскую организацию «Септемврийче» решено также назвать Димитровской.

II

Как, под влиянием каких обстоятельств формировался характер Георгия Димитрова? Где находил силы для борьбы этот человек, дважды приговоренный судом царской Болгарии к смертной казни?

Основа характера закладывается в детские и юношеские годы. Какой была молодость Георгия Димитрова, в какой обстановке она протекала?

В немногие часы, отнятые у сна, с жадностью слушал я, будучи на родине Димитрова, рассказы болгарских товарищей о его семье, искал Ополченскую улицу, где жили Димитровы. Позднее, в Москве, по крупицам собирал факты, чтобы попытаться представить картину становления характера Георгия Михайловича, формирования его жизненной позиции.

Отец его, Димитр Михайлов, — мелкий ремесленник, затем рабочий — остался в памяти тех, кто его знал, как человек доброжелательный, с независимым и стойким характером, полный уважительного отношения к людям.

Мать, Парашкева, — женщина удивительного мужества и оптимизма. Семья большая: сыновья Георгий, Константин, Никола, Любен, Борис, Тодор, дочери Магдалина и Елена. Отец умер в 1913 году. Много тяжелых испытаний легло на плечи матери.

Сын Константин погиб в дни Балканской войны 1913 года.

Он постоянно был на передовой позиции, на самых опасных участках. Мать так и не узнала, где могила сына.

Перед призывом в армию Константин попал в список неблагонадежных. Полиция взяла его под надзор как секретаря профсоюза печатников. «Что это за вольнодумец? — возмущались стражи порядка. — О каких это классах он распространяется, кому грозит? Почему рабочие-печатники Софии так полагаются на него?»

Он в числе первых попал на фронт.

Дети покидали родное гнездо, в маленьком домике становилось все свободней.

Ушел из дома и второй сын, Никола.

В 1905 году прогремела первая русская революция. В Петрограде на баррикадах Васильевского острова реяли красные стяги, на которых были слова: «Да здравствует политическая свобода!», «Да здравствует социализм!» В Москве вспыхнули бои на Пресне. В Иванове появился Совет рабочих депутатов, возглавивший грандиозную стачку ивановских текстильщиков, длившуюся 72 дня.

Эхо первой русской революции разнеслось по всему миру, докатилось оно и до Балкан.

— Не могу оставаться дома, — сказал Никола и отправился в Россию.

Оказавшись в среде революционных рабочих, он вступил в социал-демократическую партию, активно вел политическую работу. События привели Николу в Одессу. Во время работы в нелегальной типографии он попал в руки полицейских. Дни тюремного заключения, суд, приговор и вслед за тем ссылка на вечное поселение в Сибирь.

В 1924 году болгарская полиция усилила преследование коммунистов. Партия вынуждена была уйти в подполье.

За третьим братом Георгия, Тодором, как и за многими другими партийными активистами, велась усиленная слежка. Полиции удалось арестовать Тодора. И опять для матери наступило черное, тревожное время, когда со страхом ждешь наступления ночи, а потом не можешь уснуть, не можешь освободиться от бесконечных дум...

Полиция хотела собрать против Димитровых как можно больше улик. Парашкеву Димитрову часто вызывали в полицейский участок, без конца допрашивали, угрожали.

— Твой сын давно в наших руках. Но ты, старая, знаешь, где скрывается твоя дочь Лена. Ты мать, ты не можешь не знать этого!..

Мать молчала. Ее вызывали снова, вновь кричали и вновь угрожали:

— Если ты будешь молчать, мы сровняем твой дом с землей.

Но она молчала.

А где же была в это время ее дочь?

В 1925 году Лена с помощью друзей нелегально пешком перешла границу и оказалась в Советском Союзе. Страна Советов стала для нее второй родиной.

В дни Лейпцигского процесса старую Парашкеву — ей было в ту пору 72 года — видели в Париже. Она присутствовала на митинге в защиту ее сына. Мать встречали овациями, восхищаясь ее мужеством, стойкостью, величием духа.

Для старой матери путешествие было нелегким. Но ничто не могло ее остановить, потому что поездка нужна была для защиты Георгия. Он был четвертым сыном, над которым нависла угроза смерти.

И старшая дочь Магдалина отправилась в поездку с матерью, оставив в болгарской тюрьме сына-комсомольца. Внуку Парашкевы исполнилось 18 лет. Он отбывал наказание за распространение коммунистических листовок.

Надо было помогать матери кормить и одевать многочисленную семью. В 1894 году двенадцатилетний Георгий покинул школу. Он освоил профессию наборщика и быстро стал мастером своего дела.

С этим связан любопытный исторический факт.

Много лет спустя матерый реакционер Радославов будет исступленно кричать на представителя болгарских рабочих Георгия Димитрова:

— Я давно тебя знаю! Ты был таким же нахалом в шестнадцать лет, когда позволил себе править мои статьи!

Дело обстояло так. Молодой Димитров оказался единственным наборщиком, умеющим разбирать трудный почерк Радославова. Поэтому Димитрову и поручили набирать очередную статью министра. В ней он выступал против рабочих, которые организовали празднование 1 Мая в 1899 году. Молодой наборщик энергично взялся было за работу, но когда дошел до строк, в которых Радославов называл рабочих «бездомными пьяницами и ворами», то отказался продолжать набор.

Министр хорошо запомнил эту дерзкую выходку и даже много лет спустя не мог сдержать своего гнева.

В шестнадцать лет Димитров стал активистом старейшего в Болгарии профсоюза печатников, а через два года — секретарем профсоюзной организации печатников Софии. С 1902 года Георгий Димитров состоял в рядах социал-демократов. С 1909 года он неизменный член ЦК тесняков *, а затем — Центрального Комитета Коммунистической партии Болгарии всех составов.

III

Приход Гитлера к власти в Германии сопровождался террором, развязанным против всех демократических сил, и прежде всего против коммунистов. Поджог рейхстага послужил поводом для того, чтобы оправдать фашистский террор. Это была провокация, такая же, как и процесс в Лейпциге, направленный против коммунистов. Затея не удалась. Антикоммунистический заговор сорвал Георгий Димитров. Процесс в Лейпциге превратился в суд над фашизмом.

Германская полиция начала охоту за Димитровым задолго до поджога рейхстага. В то время в Берлине находилось Западно-

---

* В социал-демократическом движении Болгарии были два течения: ревизионистское — так называемых широких, и революционно-марксистское — тесняков, которое возглавлял старейший вождь болгарских рабочих Благоев.

европейское бюро Коминтерна, во главе которого стоял Георгий Димитров. Не стоит удивляться тому, что досье на него попало в руки Геринга.

Известный революционный деятель представлялся подходящей фигурой для того, чтобы приписать ему причастность к поджогу рейхстага, который якобы должен был служить сигналом к началу коммунистической революции в Германии.

В ночь с 27 на 28 февраля 1933 года, когда горел рейхстаг, Димитров, ничего не подозревая, ехал в скором поезде Мюнхен — Берлин.

Арестован он был вместе с болгарскими коммунистами Благоем Поповым и Василем Таневым 9 марта в ресторане «Байернхоф» по доносу члена нацистской партии официанта Гельмара.

Димитрова бросили в берлинскую тюрьму Моабит. В первые недели заключения его держали в кандалах. Почти вся корреспонденция на имя Димитрова конфисковывалась. У него отобрали ручку, не давали писчей бумаги, газет. Таким путем его рассчитывали сломить. Но фашисты не смогли понять психологии коммуниста, не учли, что вместе с партией закалялся в классовой борьбе, рос и мужал этот человек.

Когда теперь, по прошествии многих лет, вновь перечитываешь материалы, связанные с процессом в Лейпциге, вспоминаешь слова Георгия Михайловича, воочию видишь, насколько последовательно, целеустремленно и продуманно готовился он к бою со своими врагами.

Димитров прекрасно знал литературу. В Москве в его квартире на улице Серафимовича была большая библиотека. Среди книг имелось немало зарубежных изданий — Георгий Михайлович владел двенадцатью языками, свободно говорил по-русски.

— Нет лучшего учителя, чем книга, — говорил он впоследствии мне, с любовью оглядывая полки книг. — Я учился всегда: и в типографии, и в тюрьме, и на свободе. Ленин говорил молодежи: надо учиться, учиться и учиться, и это надо глубоко осознать и найти в себе волю, чтобы учиться постоянно.

Легко увидеть в поведении Димитрова в дни процесса в Лейпциге те черты характера, которые он хотел выработать в себе, взяв за образец лучшие проявления человеческого духа. В его тюремных тетрадях записаны слова Гёте: «Богатство потерять — немного потерять, честь потерять — много потерять, мужество потерять — все потерять».

Готовясь к процессу, он обращается к высшим творениям человеческого ума. Тюремные стены, решетки, кандалы — все должно отступить перед мужеством. Каждый день — для подготовки дела защиты рабочего класса. В тюремном застенке Димитров читает произведения Гомера, Софокла, Данте, Сервантеса, Мольера, Вольтера, Руссо, Шекспира, Байрона, Гёте, изучает историю. Особое внимание он обращает на историю Германии. В одном из писем Димитров писал: «Я стараюсь, насколько это возможно, использовать время пребывания в тюрьме и уже несколько месяцев занят главным образом тем, что более подробно изучаю историю Германии. Эти занятия очень интересные и поучительные и при этом легко показывают связь между прошлым немецкого народа и современными событиями в Германии, касающимися всего мира».

Сколько сил отдал Димитров этому труду, находясь в застенке? Об этом можно судить по тому, что он прочел немало книг по истории Германии, заполнил конспектами 22 тетради.

Позднее, восхищаясь широтой познаний Димитрова, Юлиус Фучик отметит, что на процессе Димитрову помогло и знание истории Германии, в которой он разбирался лучше своих противников.

Предстоящий судебный процесс, естественно, мог вестись только на немецком языке. Димитров знал этот язык, но поставил себе целью усовершенствовать свои знания. Он попросил немецкую грамматику, но получил учебник лишь пять месяцев спустя.

Он обратился с просьбой дать ему возможность встречаться с пастором. Зачем понадобились безбожнику эти встречи? Ответ прост — беседы с пастором помогали усовершенствовать устную речь.

— То, что я должен твердо отстаивать принципиальную линию марксизма-ленинизма, — вспоминал Георгий Михайлович, — было совершенно очевидно. Но чтобы достичь этого в условиях фашистского суда, мне надо было овладеть материалом, выработать логику доказательств и даже в самых сложных условиях владеть собой, не давать врагу ни малейших преимуществ.

Димитрову, Попову, Таневу назначили общего официального защитника. Естественно, им стал представитель фашистских кругов.

Димитров категорически отверг такую «заботу». В качестве возможных защитников он назвал восемь адвокатов; всех их суд отвел. Тогда Димитров заявил, что он будет защищаться сам. Таким образом он получил чрезвычайно выгодную позицию и в первый же день суда заявил:

— Перед вами не должник, а кредитор.

Когда его после первого удаления вернули в зал, он сказал:

— Я не ищу ни милости, ни симпатий в этом деле. Я требую лишь возможности защищать себя как коммуниста.

На суде Димитрову удалось доказать, что коммунисты не имеют никакого отношения к поджогу рейхстага, что такое обвинение основано на фальши и подлогах. Геринг был уличен во лжи. Он не выдержал и начал кричать:

— Поджигателей надо искать лишь среди последователей вашего преступного мировоззрения! Я в этом уверен!

— Знает ли господин министр-президент, что партия, которая является сторонницей «преступного мировоззрения», победоносно управляет шестой частью земного шара, Советским Союзом?

— К сожалению, — прорычал Геринг.

— Знает ли господин президент, что Германия находится в дипломатических отношениях с этим государством, что СССР своими заказами дает работу и хлеб сотням тысяч немецких рабочих?

На помощь Герингу спешит председатель суда: он требует прекратить «коммунистическую пропаганду».

— Я только утверждаю известную истину, — с поразительным спокойствием говорит Димитров, — что коммунистическое мировоззрение не является преступным. А националистическую пропаганду ведет здесь Геринг.

Министр вскочил, сжав кулаки.

— Я пришел сюда не для того, чтобы подсудимый упрекал меня и вел себя так, будто он является судьей. На самом деле он мошенник, которого надо давно повесить.

На Димитрова ополчился и председатель суда:

— Вашей коммунистической пропагандой вы вывели свидетеля из терпения.

— Я очень доволен ответами господина министра, — язвительно заметил Димитров.

Геринг был взбешен. Забыв о том, что на суде он лишь свидетель, Геринг приказал полицейским вывести Димитрова из зала.

Но, когда суд продолжил свою работу, Димитров снова вернулся к тезисам Геринга.

— Геринг утверждает, что коммунизм означает убийство. В Германии после войны были политические убийства. Убиты вожди рабочего класса Карл Либкнехт, Роза Люксембург. Убивали и буржуазных политических деятелей. Пусть свидетель скажет суду, кто были убийцы. Известно ли ему, что они теперь среди правых, нынешних союзников национал-социалистов?

Как заткнуть рот такому подсудимому? Как спастись от его аргументированных неотразимых реплик?

— Будете отвечать лишь «да» или «нет», — потребовал судья Бюнгер.

Между тем вскоре после этого он же позволил произнести пространную речь одному из высших полицейских чинов. Тогда Димитров, задав этому «свидетелю» вопрос, добавил:

— Прошу отвечать только «да» или «нет».

В зале раздался смех.

В ходе суда председательствующий пытался лживо истолковать призыв коммунистов к борьбе с фашизмом как подстрекательство к физическому уничтожению гитлеровцев.

Димитров ответил:

— Я борюсь против обвинения, но это еще не значит, что я хочу убить прокурора.

Один из «свидетелей» заявил, что видел Димитрова в рейхстаге незадолго до пожара в том самом костюме, в котором он выступает на суде. Костюм, добавил он для большей убедительности, «сидит на нем как влитый». Фальшь была налицо. Врач подтвердил, что за время пребывания в тюрьме подсудимый похудел на десять килограммов.

Председатель сделал неуклюжую попытку замять инцидент.

— Это очень полезно, — сказал он.

— Если господин судья хочет похудеть, — немедленно ответил Димитров, — то пусть отправляется в Моабит!

Взбешенный Бюнгер не выдержал и с негодованием закричал:

— Кто, наконец, здесь председатель? Замолчите немедленно!

...Настало 23 декабря 1933 года.

В этот день подсудимым вынесли оправдательный приговор.

1 января 1934 года Советское правительство выдало им въездные визы, предоставило советское гражданство.

Позднее Ромен Роллан напишет Димитрову: «Ваше блестящее мужественное поведение сделало для Вашего спасения больше, чем все наши усилия».

Такой человек, как Димитров, с его пламенным и нежным сердцем, необыкновенно чуткий и отзывчивый к людям, не мог не любить молодежь. Он по-ленински понимал роль трудящейся молодежи в революционном преобразовании мира и верил в ее творческие силы. И молодое поколение отвечало ему горячей любовью и глубоким уважением.

В апреле 1936 года в Москве в Большом Кремлевском дворце проходил X съезд ВЛКСМ. На нем присутствовало 1103 делегата, представлявших почти 4 миллиона комсомольцев. В работе съезда вместе с членами Политбюро ЦК ВКП(б) принял участие Г. М. Димитров — он занимал тогда пост секретаря Исполкома Коминтерна.

Съезд обратился с приветствием к товарищу Димитрову.

«Дорогой товарищ Димитров, — говорилось в письме, — X съезд Ленинского комсомола шлет Вам, мужественному и непреклонному пролетарскому бойцу, свой боевой комсомольский привет.

В дни гнусного лейпцигского суда Вы олицетворяли перед всем миром образ подлинного большевика.

Ваш призыв на VII Всемирном конгрессе Коминтерна о сплочении сил международного пролетариата и народных масс для борьбы против фашизма и войны, за мир и социализм находит широчайший отклик среди трудящихся в капиталистических странах.

Коммунистические союзы молодежи, осуществляя Ваши указания, данные на VI Всемирном конгрессе КИМа, развертывают борьбу за объединение всех сил молодежи, за создание на революционной основе подлинно массовых юношеских организаций.

Будьте уверены в том, что Ленинский комсомол как передовой отряд КИМа с честью выполнит свои обязанности по коммунистическому воспитанию молодежи СССР...»

В стенографическом отчете съезда стоит примечание: «Чтение приветствия неоднократно прерывается аплодисментами. По окончании чтения бурные, долго не смолкающие аплодисменты».

В годы войны Советского Союза против гитлеровской Германии Г. М. Димитров возглавлял международный отдел Центрального Комитета партии. Его кабинет находился в здании на Старой площади — просторная комната с большими окнами, выходящими на сквер. Слева от входа по всей стене — книжные шкафы. Книги, газеты, журналы занимали много места и на рабочем столе, и на столе для заседаний.

В ту трудную пору мне и довелось встретиться с Георгием Димитровым. По поручению Центрального Комитета партии он занимался ключевыми вопросами молодежного движения. Работники Центрального Комитета ВЛКСМ видели в нем внимательного, необыкновенно эрудированного наставника, в совершенстве владеющего методом революционной диалектики.

Под знаком антифашистской борьбы демократическая молодежь мира сплачивала свои ряды. Мы знали о том, что в ряде стран шли кампании солидарности с Советским Союзом, создавались комитеты помощи СССР. Юноши и девушки собирали подарки для бойцов и командиров Красной Армии. Перед лицом грозной опасности росло единство действий различных юношеских организаций. Многое из того, что раньше разделяло молодежь, отошло на второй план: главное состояло в том, чтобы

сплотить все силы на борьбу с фашизмом. Естественно, что в изменившихся условиях надо было искать новые способы для усиления контактов, консолидации сил молодого поколения.

Родилась идея созыва антифашистского митинга советской молодежи. Такой митинг состоялся в Колонном зале 28 сентября 1941 года. Москва погрузилась в полную темноту — действовал строжайший закон светомаскировки, — а зал был залит светом, царил необычайный подъем, полное единодушие. Прекрасно помню, как пламенно говорили ораторы, как реагировал зал на каждое выступление.

Когда ЦК ВЛКСМ готовил митинг, Георгий Михайлович дал совет:

— Это хорошо, что будет принято обращение к молодежи мира. Главное — призвать к сплочению всех сил. Думаю, что документ должен быть очень кратким. Надо учитывать, что в условиях фашистской оккупации, дикого террора трудно будет и распространять и читать длинный текст.

Димитров знал, какой дать совет: ведь он много сил отдавал публицистической деятельности, написал множество брошюр, статей, редактировал газеты. Оказалось, что призыв составить нелегко. Мы трудились над ним не одну ночь. Но, судя по откликам, которые стали поступать после митинга из различных стран, цель была достигнута.

Сразу же начал действовать Антифашистский комитет советской молодежи, созданный Центральным Комитетом комсомола.

— Такой комитет может дать много, — размышлял Димитров. — Главное направление его деятельности — содействие сплочению всех сил прогрессивной молодежи на борьбу против общего врага. Для этого потребуется и установление связей с зарубежными организациями, и обильная информация о том, как борется советская молодежь.

События показали, насколько точным был такой прогноз. Известно, что гитлеровская пропаганда, направляемая Геббельсом, ежесуточно распространяла беспардонную ложь о нашей стране. В такой атмосфере слово правды об усилиях советской молодежи в борьбе против гитлеризма являлось светлым лучом надежды, призывом к действию. Ни у работников ЦК ВЛКСМ, ни у работников Антифашистского комитета советской молодежи не было должного опыта пропагандистской деятельности в подобных условиях, а в сложившейся обстановке особенно важно было взвешивать каждое слово, добиваться, чтобы аргументация была неотразимой. И здесь особенно сказалась помощь работников аппарата Центрального Комитета партии. Они вместе с нами занимались составлением бюллетеней комитета, помогали налаживать радиопередачи для зарубежной молодежи.

Вот результаты, которых достиг комитет. К январю 1942 года еженедельно велись 162 передачи на 13 языках. За годы войны комитет направил в молодежные издательства 29 стран около 6 тысяч статей, 69 информационных бюллетеней, почти 4 тысячи фотоснимков, 9 фотовыставок, 124 фотоочерка, 6 альбомов, тысячи индивидуальных писем. Радиопередачи приобрели регулярный характер, их слушала молодежь в десятках стран мира. К середине 1945 года комитет обменивался материалами более чем со 130 национальными и международными юношескими организациями. Несказанно радовали нас сообщения о том, что

на улицах Праги, Белграда, городов Венгрии, Болгарии, Румынии появились листовки с обращениями советской молодежи, а в странах Латинской Америки и в Индии проходят митинги и собрания в поддержку советской молодежи.

Вполне понятно, как был загружен в то время Димитров. Но столько было в нем человечности, простоты, любви к людям, что он даже в тех условиях выкраивал время для встреч с нами, работниками ЦК ВЛКСМ. В такие счастливые часы удавалось узнать много чрезвычайно важного, ценного для нашей работы.

Известно, что Димитров высоко ценил роман Н. Г. Чернышевского «Что делать?». Однажды я спросил:

— Георгий Михайлович, что особенно увлекло вас в этом произведении?

— Об этом я писал даже статью, — ответил он. — Роман я прочел впервые, будучи молодым рабочим, а потом многократно возвращался к его страницам. Книга оказала на меня сильное влияние. Моим любимцем стал Рахметов. Я поставил себе целью быть твердым, выдержанным, неустрашимым, закалять себя в борьбе с трудностями, подчинять свою жизнь интересам рабочего класса. Словом, мне хотелось быть таким, каким представлялся мне герой Чернышевского. — Димитров улыбнулся. — Подражая Рахметову, я даже спал на досках.

Часто Георгий Михайлович вспоминал и свое детство.

— Когда отец заболел, пришлось идти в типографию. Рабочий день длился 10—12 часов. И все-таки, возвращаясь домой, я до глубокой ночи не гасил маленькую керосиновую лампу, часами читал. Эта выработанная в детские годы привычка принесла огромную пользу. Знания я приобрел самообразованием и диплом получил от самой жизни.

Заговорили о детях, о том, что в предвоенные годы многое давалось очень легко — не было безработицы, были открыты двери школ и вузов, словом, как пелось в песне: «Молодым везде у нас дорога».

— Слепой не может видеть, какое это огромное завоевание, — подчеркнул Димитров, — но умом и слепой поймет величие перемен в Советском Союзе. Важно, чтобы подрастающее поколение с детских лет училось ценить завоевания трудового народа, ценить не вообще, а конкретно, — хорошо учиться для того, чтобы быть хорошими строителями новой жизни, читать, заниматься спортом, закалять волю, не поддаваться дурным влияниям, а впитывать все здоровое, истинно передовое. Способности заложены в каждом человеке — важно помочь, чтобы они раскрылись в полную силу. Мы даже не представляем себе, какие гигантские творческие силы таятся в обществе. Здесь самый главный резерв будущего. И чем дальше общество будет продвигаться по пути к коммунизму, тем ярче и полней будут раскрываться таланты, тем богаче станет духовная жизнь, а это будет влиять на все сферы деятельности. Но для этого надо до конца разрушить силы зла, насилия, человеконенавистничества. Таков долг будущих поколений, который — в этом можно не сомневаться — они выполнят достойно.

В сентябре 1942 года в Вашингтоне состоялась международная конференция студентов. На нее съехались представители 53 стран. Предстояло обсудить острейший вопрос современности — участие молодого поколения в борьбе против гитлеризма.

Нашими посланцами в США стали секретарь Московского горкома комсомола Николай Красавченко и прославленные снайперы, Герои Советского Союза Людмила Павличенко и Владимир Пчелинцев. Это была первая в военные годы поездка за рубеж представителей советской молодежи. Димитров вместе с нами внимательно следил за тем, как готовится делегация к предстоящей работе.

После окончания конференции в Вашингтоне наши делегаты совершили поездку по США и Канаде. Они побывали в 43 городах, выступали перед рабочими, фермерами, солдатами, учащимися; их выступления широко освещались в печати, транслировались крупнейшими радиостанциями. В Нью-Йорке на 75-тысячном митинге Людмиле Павличенко преподнесли памятную серебряную пластинку с выгравированными на ней словами приветствия доблестной Красной Армии.

С не меньшим радушием встретили делегацию и в Англии. Посланцы советской молодежи посетили 12 предприятий, 7 воинских частей, 2 военно-морские базы, 19 университетов и убедились в том, какое внимание и интерес проявляют в США, Канаде, Англии к Советской стране, к битве Красной Армии с гитлеровскими полчищами. Но также они поняли, насколько слаба информация о положении на советско-германском фронте, об усилиях советского народа, превратившего страну в единый боевой лагерь.

Международные конференции в США и Англии убедительно показали, как складывается мощный единый общедемократический фронт молодежи мира. Ядро такого фронта составляло коммунистическое движение молодежи, которое с каждым днем все теснее сливалось с освободительным движением молодых антифашистов.

Когда наши делегаты возвратились в Москву, было созвано совещание, которое вел Г. М. Димитров. С докладом выступил Н. Красавченко. В совещании приняли участие старейший деятель международного коммунистического и рабочего движения В. Пик, один из руководителей Компартии Чехословакии Шверин, представитель коммунистов Австрии Фюрнберг, английский коммунист Росс, помощник Г. М. Димитрова Б. Н. Пономарев, ныне кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС.

Я горжусь тем, что мне довелось знать Г. М. Димитрова, встречаться с ним, вместе работать. Я всегда видел в нем художника, мастера, под руками которого картина, вначале не вполне рельефная, ясная, становится стройной, отчетливой. Он умел слушать, умел задавать вопросы, уточнять то или другое обстоятельство, добиваясь ясности, выяснял наиболее существенное. При подходе к любому делу, к любой проблеме он предпочитал широкую дискуссию, не оставлял возможностей для субъективных оценок, давал простор объективному рассмотрению любого вопроса.

А как любил этот прекрасный мужественный человек Ленинский комсомол, всю нашу молодежь!

Помню, 29 октября 1943 года рано утром Георгий Михайлович позвонил мне по телефону.

— Со всей сердечностью, — сказал он, — поздравляю наш славный комсомол с днем рождения. Письмо я послал, но хочу еще раз повторить слова глубокой любви к славной советской молодежи.

В приветствии Г. М. Димитров писал:

«Вместе с вами, со всей советской молодежью, я горд тем, что наш комсомол своими героическими делами на фронтах и в тылу вполне заслужил беспредельное восхищение и благородное подражание со стороны передовой молодежи всех свободолюбивых наций мира!»

Пройдут долгие годы испытаний. Болгария станет свободной, и, определяя историческую роль Советской страны, Георгий Михайлович скажет слова, которые станут знаменем болгарского народа. Как всякое живое существо, скажет Димитров, не может жить без воздуха и солнца, так и болгарский народ не может жить без дружбы с Советским Союзом.

Вечное сияние подвига

Весь облик Чкалова полон необычайного обаяния — могучая фигура, энергичные черты лица, смелый, волевой взгляд.

В шестнадцать лет Валерий Чкалов стал добровольцем Красной Армии, в девятнадцать успешно окончил Борисоглебскую авиационную школу. В июле 1936 года он со своими товарищами совершил перелет по маршруту Москва — Петропавловск-на-Камчатке — остров Удд, а через год — трансполярный рейс по маршруту Москва — Северный полюс — Соединенные Штаты Америки.

Мир был изумлен. Была вписана новая строка в историю мировых открытий.

Американцы принимали Чкалова в огромном зале манежа на 34-й улице Нью-Йорка. На митинг пришло более десяти тысяч человек. Когда в зале появились герои летчики, вспыхнула овация. Наконец слово получил Чкалов. Манеж снова задрожал от рукоплесканий. Кто-то затянул авиационный марш «Все выше...», множество голосов подхватили песню.

— Наш полет, — подчеркнул тогда Валерий Павлович, — принадлежит рабочему классу всего мира. Мы, три летчика, вышедшие из рабочего класса, можем творить и работать только для трудящихся.

Чкалов говорил горячо, азартно, каждая его фраза вызывала восторг аудитории.

— Во имя чего советский человек идет на подвиг? — спросили его.

— Нас побуждает к этому не стремление к наживе, не честолюбие, не тщеславие, — не задумываясь, отвечал он. — Мы живем во власти более высоких, более благородных чувств. Любовь к Родине, преданность идеям коммунизма, стремление к общечеловеческому счастью — вот что делает наш народ непобедимым.

В июле 1937 года на пароходе «Нормандия» герои летчики воз-

вращались на родину. В салоне парохода у Чкалова состоялся разговор с репортером газеты «Дейли геральд».

— Где вы учились? — спросил корреспондент.

— Там же, где учились наши ребята в давно прошедшие дни. Гражданская война, революция, партия большевиков были настоящей школой. И, смею вас уверить, прекрасной школой.

— Вы очень богаты, мистер Чкалов?

Валерий Павлович на какое-то мгновение задумался.

— Да, очень богат!

— Сколько же миллионов вы имеете?

— Сто семьдесят миллионов, — весело, с задором ответил Чкалов.

— Долларов?

— Сто семьдесят миллионов человек, — пояснил Чкалов. — Они работают на меня, а я — на них.

«Правда», «Известия», «Комсомольская правда» и другие газеты подробно описывали каждый шаг героического экипажа во главе с легендарным Чкаловым. На заводе «Динамо» имени Кирова в Москве мне однажды довелось присутствовать на коллективной читке газеты в обеденный перерыв. В те дни агитаторы начинали с материалов о полете Чкалова. Надо было видеть, с каким восторгом воспринималась каждая строка.

— Ну, герой, настоящий герой!

— За весь народ ответил. Все правильно!

— Молодец — и летать умеет, и говорить!

А мне в эти минуты вспоминается, как мы провожали Чкалова в этот необыкновенный перелет. Раннее летнее утро, сумрачный рассвет, мокрое и темное после ночной росы поле. Сосредоточенный, собранный, идет к самолету Валерий Чкалов. Что он чувствовал, о чем думал? Это теперь полет в США — самое обычное дело. Тогда же такой полет совершался впервые и был без преувеличения настоящим подвигом, проявлением воли, мужества, мастерства. Ведь машина находилась в воздухе более шестидесяти трех часов.

Отчетливо помню и триумфальное возвращение экипажа Чкалова на Родину. Улица Горького в Москве стала неузнаваемой. С балконов, из окон, даже с крыш домов люди восторженно приветствовали героев исторического перелета.

Для молодежи подвиг Чкалова был уроком патриотизма и мужества, образцом служения Родине.

Проезд, где расположено здание Центрального Комитета ВЛКСМ, носит имя Серова. Для нынешних молодых людей это имя лишь малая частица истории, для нас же оно было повседневным, близким.

Мое знакомство с Анатолием Серовым состоялось в Центральном Комитете ВЛКСМ. Красивый, обаятельный, он долго рассказывал о себе. Родился Анатолий в семье рабочего, до службы в армии работал подручным сталевара. Став летчиком-истребителем, добровольно воевал против фашизма в Испании. Участвовал в 40 воздушных схватках, сбил 8 самолетов противника. На его гимнастерке сияли Звезда Героя Советского Союза, орден Ленина, два ордена Красного Знамени.

Вернувшись из Испании, Серов получил назначение на пост

начальника Главной летной инспекции ВВС. Его воинское звание — комбриг.

Жена Серова, Валентина, красавица с тяжелой копной русых волос, работала тогда в труппе Театра имени Ленинского комсомола. Позднее она стала лауреатом Государственной премии. Анатолий любил искусство, театр. Это было заметно по его образной речи.

— Наблюдая полеты Чкалова, — рассказывал он, — я впервые понял, что такое летное искусство. Тут что-то от искусства великого артиста, великого музыканта. И, конечно, как во всяком искусстве, у нас тоже есть свои мастера и подмастерья.

Вспоминая бои в Испании, Серов обмолвился, что во всех боях в кабинах советских истребителей как бы незримо присутствовал и великий летчик нашего времени.

В довоенное время в августе ежегодно в Москве на аэродроме в Тушине устраивался авиационный праздник. Москвичи очень любили этот день. С раннего утра на различных видах транспорта и пешком в сторону Тушина двигалась едва ли не вся Москва. С балкона аэроклуба можно было видеть десятки тысяч зрителей, расположившихся вокруг летного поля. Они занимали холмы и высотки. Куда ни взглянешь, всюду цветные и белые праздничные костюмы.

Громадный интерес зрителей вызывал групповой полет пилотов-женщин, возглавляемых Мариной Чечневой. Восхищало изумительное мастерство летчиц, словно связанных в воздухе незримой нитью. Они исполняли сложные фигуры высшего пилотажа без единой ошибки и погрешности.

Интересна судьба Марины Чечневой. Она ушла на фронт из аэроклуба имени Чкалова и попала в полк, который формировала Марина Раскова. Этот женский полк прославился в боях на самых ожесточенных участках огромного советско-германского фронта. Марина, как и многие ее подруги, стала Героем Советского Союза. После войны она вернулась в родной аэроклуб.

Во время встречи с молодыми воинами в Центральном Комитете комсомола мы разговорились с Мариной. Она рассказала мне, как потрясла ее гибель Чкалова. Замечательная жизнь великого летчика и привела ее в авиацию.

Из других счастливых встреч с нашими прекрасными соколами мне вспоминается Александр Иванович Покрышкин. Это ярко выраженный летчик чкаловской школы. Девиз Покрышкина — всегда атаковать. В этом выражался великий завет Чкалова.

Однажды в подмосковном санатории я был очевидцем такого случая. К подъезду подкатила санитарная машина, из нее вышел молодой человек и, с помощью санитаров еле переставляя ноги, направился в здание. На следующее утро новичок с огромным трудом добрался до расположенного вблизи парка. Он явно избегал людей. Устроившись в укромном месте, он принялся за гимнастические упражнения. Каждое движение давалось ему с огромным трудом. Лицо новичка искажалось болью, лоб покрылся каплями пота.

Прошло много дней. Однажды отдыхающие увидели этого молодого человека идущим легко, свободно, без санитаров. Сказались гимнастика, сила воли, упорство и мужество. Потом мы с ним познакомились.

Георгий Константинович Мосолов, летчик-испытатель, Герой Советского Союза, попал в тяжелейшую аварию, потерял много крови и на наших глазах с честью вышел из схватки с недугом.

Позднее нам вместе пришлось работать в Высшей комсомольской школе. Мосолов занимался там военно-патриотическим воспитанием.

Примечательно, что путевку в небо Мосолов также получил в аэроклубе имени Чкалова. Курсанты считали, что имя Чкалова, которое носит клуб, ко многому их обязывало. А на войне, в самые тяжелые минуты, образ Чкалова был рядом с ними и помогал им побеждать жестокого врага.

Легендарные перелеты принесли ему мировую славу. Немногие бы вынесли такое бремя. Чкалов счастливо миновал эту опасность, остался самим собой.

Когда Советское правительство чествовало героев исторического перелета, с ответным словом выступал Чкалов.

— Нельзя хвалить учеников и забывать учителей, — сказал Валерий Павлович и показал на присутствовавшего в Грановитой палате Александра Ивановича Жукова, инструктора московской летной школы.

Зал приветствовал старого летчика Жукова горячими аплодисментами.

А сколько сил отдавал Чкалов развитию спорта в нашей стране!

В феврале 1938 года впервые проводился мотокросс профсоюзов, посвященный Дню Красной Армии. Чкалова пригласили быть главным судьей. Мой товарищ по заводу «Серп и молот» Валентин Громов был чемпионом страны в беге на короткие дистанции, одновременно он занимался и мотоспортом.

— Валерий Павлович, — рассказывал Громов, — был не просто почетным судьей. Он вникал в дело по существу, сам проверял трассы. А сколько он сделал, чтобы у нас появилась своя, отечественная техника!

Комсомол всегда уделял большое внимание военно-физической подготовке молодежи. Перед войной у нас регулярно проводились легкоатлетические кроссы, массовые соревнования лыжников, гимнастов, стрелков. Так вот, на традиционном весеннем кроссе Валерий Павлович неизменно бывал главным судьей.

Как-то утром воскресного дня мы с Чкаловым приехали в Сокольники. Соревнования уже начались. На дорожках сквозь яркую зеленую листву мелькали цветные майки бегунов. Кросс превратился в настоящий праздник. Чкалова это радовало, он с восхищением отзывался о молодежи.

— Ребята-то, а? — говорил он. — С такими не пропадешь!

Погода в тот день выдалась жаркая. На высокой незащищенной трибуне зной чувствовался особенно сильно. Несколько раз Валерий Павлович отходил в тень деревьев.

— Может быть, осторожненько покурим? — предложил кто-то.

— Неудобно, на виду, — деликатно заметил Чкалов, главный судья кросса.

Во всем, даже в самом малом, Чкалов оставался Чкаловым.

С тех пор прошло уже много лет. Недавно мы встретились в Доме актера с Раисой Порфирьевной Островской. Она вспомнила, как Чкалов приезжал к Николаю Островскому в Сочи. Летчик и писатель были одногодками, у них нашлось о чем поговорить.

Расставшись с Островским, Валерий Павлович долго не мог успокоиться. Его взволновал подвиг писателя, восхитили огромные духовные силы прикованного к постели человека.

С Героем Социалистического Труда Татьяной Федоровой мы увиделись в Музее Владимира Ильича Ленина на собрании студентов историко-архивного института. Почетная метростроевка, она вспоминала день встречи Чкалова со строителями Московского метрополитена. С каким уважением говорил тогда великий летчик о нелегком труде строителей!

Борис Михайлович Филиппов в свое время работал в Центральном Доме работников искусств. В его памяти сохранилась трепетная любовь Чкалова к деятелям искусства, восхищение игрой Ивана Михайловича Москвина и пением Ивана Семеновича Козловского, Надежды Андреевны Обуховой. Чкалов до самозабвения любил симфоническую музыку Чайковского.

Крупнейший художник сцены, народный артист СССР Борис Николаевич Ливанов как-то, вспоминая Валерия Павловича, сказал:

— Я часто думаю, чего у Чкалова было больше — мужества или нежности?

К счастью, сохранились письма Чкалова к жене Ольге Эразмовне. В них читатель увидит натуру нежную, легкоранимую, любящую. Вот строки, написанные после рождения сына Игоря:

«Был мысленно с тобой и Игорем, думал только о тебе, чувствовал твои боли и муки, вспоминал твое лицо в тот день, когда был у тебя в палате. Твое лицо говорило о перенесенном, и в то же время на нем было написано необъяснимое, хорошее чувство, чувство материнства, чувство того, что ты дала миру новое живое существо. А как я был в этот день рад, счастлив, мне хотелось кричать, петь, носить тебя на руках! Ты дала мне то, чем я живу сейчас, моя жизнь стала какой-то хорошей, дорогой. Ты и сын — вот моя жизнь, мой воздух и свет».

Из других писем, написанных во время полетов:

«Я скучаю, хандрю и теряю здоровье. Поверь, только из-за того, что нет тебя рядом со мной. Я стал летать хуже, я это чувствую. Нет тебя, нет той энергии, которую я приобретал, глядя на тебя. Ты мне нужна в жизни, как хлеб и воздух».

Во время полета из Гомеля в Брянск Чкалов потерпел аварию. Он тренировал летчика на малой высоте. Летчик не заметил проводов телеграфной линии. Чкалов получил тяжелые увечья. О своей беде он написал жене. Ольга Эразмовна уловила его душевное состояние, горе мужа было ее горем.

Она писала:

«Хочу тебя немножко побранить. До меня дошли слухи, что ты сам себе много портишь своей недисциплинированностью (так говорят). Мне не важна твоя карьера, но считаю, что, не теряя своего достоинства, можно иногда промолчать, не высказываться слишком прямо. Ты прости, если я не права. Словом, нужно быть сдержаннее».

Чкалов ответил:

«Итак, ты меня обвиняешь, что я сам виноват, что не получаю повышения по службе. Ты права, но ведь это зависит не от того, что я не могу работать. Мои полеты выделяются, но их называют «воздушным хулиганством». Я, как истребитель, был прав и буду впоследствии еще больше прав. Я должен быть

всегда готов к будущим боям и к тому, чтобы только самому сбивать неприятеля, а не быть сбитым. Для этого нужно себя натренировать, закалить в себе уверенность, что я буду победителем. Победителем будет только тот, кто с уверенностью идет в бой.

...Я знаю, что ты очень и очень устала от всех неприятностей, но ничего, скоро все пройдет и заживем мы с тобой как следует».

Но до новых времен было еще очень далеко, обстановка оставалась трудной.

Чкалов писал:

«Душа болит сильно-сильно, чтобы ее вылечить, нужно время и доктор в лице моей маленькой Лелюськи, да и всей нашей семьи. Какой я был сильный душой и телом, и если бы ты знала, какой я сейчас слабый».

«О нас не беспокойся, — ободряла Ольга Эразмовна мужа в ответном письме, — береги себя. Скорее бы у тебя все выяснилось! Не унывай».

В дни после аварии письма Ольги Эразмовны были для него целительным бальзамом.

Из письма Чкалова:

«...Я выдержу любое испытание с твоей поддержкой. Не падай духом, следи за собой и займись лечением своего малокровия. Рассей свою грусть. Как после бури бывает тишина, так и после сильных неприятных переживаний наступит спокойная, радостная, хорошая жизнь. Будь здорова, спокойна, не падай духом и не жалуйся на судьбу, все равно она не принимает ни жалоб, ни благодарностей, а требует только спокойствия и силы духа».

В этих письмах искренняя любовь, глубокое взаимное уважение, поддержка друг друга и неугасимая вера в будущее, готовность к борьбе за счастье и радость жизни.

Девушка из Пено

В архиве ЦК ВЛКСМ среди прочих документов хранится протокол об избрании Лизы Чайкиной секретарем Пеновского райкома комсомола Калининской области. Она была избрана на этот пост за 22 месяца до начала войны.

Читаю протокол заседания пленума райкома, и перед глазами встает ее короткая, но героическая жизнь.

В пятнадцать лет Лиза вступила в комсомол и получила первое назначение на работу — в Залесскую избу-читальню. В двадцать один год она стала членом Коммунистической партии. К этому времени ее послужной список был уже довольно обширен. Она успела поработать счетоводом в колхозе родной деревни Руно, потом снова избачом, затем районным распространителем печати, сотрудником районной газеты «Ленинский ударник». Став сотрудником газеты, Чайкина писала про молодежь, вступающую в комсомол, о стахановской вахте в честь 20-летия ВЛКСМ, о политическом воспитании, о нерадивом районном пропагандисте, который во время семинара сидел дома. Она первой заметила лучшее звено молодых льноводов во главе

с Марусей Козловой. Из ее корреспонденции читатели узнали о том, что в колхозе «Третий год пятилетки» появилась комсомольская организация.

В первый день войны весь поселок Пено с утра был на ногах. В полдень на площади состоялся митинг.

Лиза отыскала среди собравшихся членов бюро, активистов райкома и предложила после митинга собраться в райкоме партии.

Первый секретарь райкома Андрей Кузьмич Филимонов призвал коммунистов и комсомольцев оставаться на своих местах. Райком комсомола решил срочно оповестить о мобилизации всех военнообязанных.

Много забот в те дни выпало на долю Лизы Чайкиной.

— Неутомимая! Каких только заданий мы ей не давали! — вспоминал многие годы спустя Филимонов. — Лизу можно было видеть и в колхозах, и на предприятиях, и среди комсомольцев, уезжающих на строительство оборонительных сооружений. Везде звучал ее голос, звонкий, боевой. Когда фронт приближался, хлеба стояли неубранные. Как спасти урожай, чтобы он не достался врагу? Чайкина организовала комсомольско-молодежный отряд. В Заевском, Мижновском сельсоветах отряд убрал и обмолотил все зерновые. Молодежь работала геройски. Когда Лиза спала, не знаю. Она, бывало, в Мижнове с утра дело наладит, а потом скачет или в Ворошиловский, или в Грылевский сельсоветы, или еще куда-либо.

Когда создали партизанский отряд, в него вошла группа комсомольцев. Возглавила ее Лиза Чайкина.

...Утро 7 ноября 1941 года выдалось сухое, морозное. Небо светлело. В партизанском лагере началось движение. Кто-то звякнул кружкой по ведру, кто-то ударил топором по полену, и оно с сухим треском разлетелось, где-то щелкнули затвором винтовки. В тишине леса звуки слышались особенно отчетливо.

Вскоре партизаны собрались около маленького стола, накрытого красной скатертью. Женщины сшили ее из старого стираного материала. Красная скатерть подчеркивала, что, несмотря ни на что, все должно быть так, как было до прихода немцев. Радист, молодой парень, в шапке с нашитой на ней полоской красной ленты, «ловил» Москву. Тянулись томительные минуты. Но вот раздался щелчок, другой, затем послышался характерный треск. Наступила тишина, и вдруг все, кто собрался в это утро в лесу около стола, накрытого красной скатертью, услышали глуховатый голос Председателя Комитета Обороны И. В. Сталина. С трибуны Мавзолея Ленина он приветствовал всех и поздравлял с двадцать четвертой годовщиной Великой Октябрьской социалистической революции.

Партизаны с болью слушали, в каких тяжелых условиях приходится праздновать годовщину Великого Октября. Враг стоит у ворот Ленинграда и Москвы.

Сталин обратился к красноармейцам и краснофлотцам, командирам, политработникам, партизанам и партизанкам с призывом быть достойными великой освободительной миссии.

Когда Лиза услышала обращение «партизаны и партизанки», сердце ее часто забилось.

Радиоприемник щелкнул и замолк. Теперь тишина показалась Лизе торжественно-величавой. Партизаны один за другим подходили к столу, зачитывали партизанскую клятву, ставили под ней свою подпись.

Одной из первых клятву прочитала и подписала Лиза.

Через день отряд стали разбивать на группы — так было легче действовать. Лиза попросила отправить ее с мизиновской группой. Перед уходом ее позвал Андрей Кузьмич Филимонов.

— Везде, где будешь, рассказывай людям про доклад Сталина и про парад в Москве. Это будет посильней любой бомбы. Люди будут рады, надежд будет больше. А где надежда, там и борьба. Зря не рискуй. Почувствуешь опасность — уходи.

В тот же день Чайкина двинулась в путь. В селах и деревнях, куда она отправилась, многие ее знали. И она знала многих. И, думая об этом в дороге, Лиза решила не попадаться на глаза полиции.

День за днем шагала она по мокрым от осенних дождей проселкам. В колхозах точно все вымерло. Куда ни зайдешь, молчаливые женщины, истощенные, закутанные в старье дети. Вокруг следы войны — воронки от снарядов, обезображенные бомбежками деревья, разбитые в щепы дома в деревнях. Лизе удавалось, соблюдая осторожность, собирать людей. В других случаях она оставляла газеты у знакомых, а листовки около колодцев. Однажды, словно богомолка, низко закрыв платком лоб, со смиренным видом пришла она в церковь и во время богослужения раздала людям листовки. Полицаи не сразу сообразили, что за листки в руках прихожан, а когда разобрались, было поздно. Лизы в церкви уже не было.

В каждой деревне Лиза убеждалась, как растет у людей ненависть к захватчикам. Люди хотели знать правду, как бы горька она ни была, и жадно ловили каждое слово девушки, так уверенно чувствовавшей себя в тылу врага. Она рассказывала о том, что видела в районе, о бесчинствах немецко-фашистских захватчиков.

— Верьте, не сегодня-завтра придет к нам Красная Армия, освободит наши колхозы от фашистского гнета. Бейте захватчиков, не давайте им никаких продуктов, помогайте партизанам!

Люди верили ее словам, видя в ней посланца партии и Советской власти.

Через несколько дней Лиза добралась до Великолужского сельсовета. Она пришла сюда на рассвете. Дом, в котором до прихода захватчиков располагался сельсовет, стоял на замке. На двери висел немецкий приказ. Всякий, говорилось в нем, кто укажет место нахождения командира партизанского отряда, получит пять тысяч марок, дом с усадьбой и корову.

Чайкина знала, что по плану в этом сельсовете создание партизанского отряда не предполагалось. Откуда же он взялся? Об этом она и спросила молодежь, после того как рассказала о положении на фронте, о жизни Москвы.

— По всему видать, отряд где-то есть, — говорили собравшиеся.

— Откуда вы знаете? — спросила Лиза.

И ей ответили, что кто-то действует очень смело, устраивает

на дорогах завалы, нападает не только на автомашины, но даже и на танки. Поэтому вот уже несколько дней немцы в деревне не появляются.

Когда все разошлись, к Лизе подошел парень и сказал, что он может помочь установить связь с партизанами. Лиза вспомнила этого парня, она несколько раз встречала его в райкоме комсомола. Они условились встретиться ночью у колодца.

Входя в деревню, Лиза приметила, что по соседству с колодцем расположен сад. И прежде чем выходить к колодцу, решила из сада посмотреть на того, кто придет.

В условленное время из-за придорожного кустарника появился человек с ведрами на коромысле. Лиза не поверила своим глазам — к колодцу двигался Фокин, тот самый Фокин, который больше месяца назад ушел с товарищами в разведку и попал в руки гитлеровцев. Отряд тяжело переживал его потерю, Фокина знали как храброго, преданного товарища.

Радость неожиданная, но было не до эмоций. Фокин рассказал, как гитлеровцы нещадно били, пытали его, как ему удалось бежать и создать партизанский отряд, о котором шла речь в приказе немецкого коменданта.

20 ноября 1941 года молодые партизаны Вася Комяков, Ваня Кузнецов и Клава Ильина отправились по заданию командования на базу за взрывчаткой. Часам к восьми вечера дошли до хутора Красное Покатище. Здесь, в доме Купоровых, нередко останавливались партизаны. Маруся Купорова была давней подругой Лизы, и сейчас партизаны застали их вместе. Решили отдохнуть, а ночью идти дальше.

Когда стемнело, Лиза пошла проводить партизан. Возвращаясь к Купоровым, не заметила, как какой-то человек, прислонившись к соседнему строению спиной, следил за ней. Девушка осторожно посмотрела по сторонам, поднялась на крыльцо и вновь осмотрелась. Потом спустилась обратно, зашла за угол дома. Человек продолжал наблюдать, словно зверь, выслеживающий добычу. Вот девушка снова поднялась на крыльцо, осторожно приоткрыла дверь: на землю легла узкая, бледная полоска света.

Полицай Тимофей Колосов, еле выждав, когда закрылась дверь, бегом бросился в немецкий штаб.

Не прошло и тридцати минут, как показались солдаты. Длинной цепью, выставив вперед автоматы, шли они через реку по льду. Выйдя на берег, по команде офицера рассыпались по хутору. Пришло их человек пятьдесят, не меньше, и было ясно, что они хотят ворваться во все дома сразу, чтобы не упустить добычу.

В дом Купоровых гитлеровцы ворвались вместе с предателем Тимофеем Колосовым, бывшим кулаком.

Сначала схватили старушку Купорову. Потом взяли Марусю.

— Где партизаны?! — кричали немцы, направляя на женщин автоматы.

Соседку Купоровых, Евдокию Бочарову, ударили автоматом по спине. Закрыв лицо руками, она села на табуретку. Низкорослый офицер, выхватив пистолет, начал стрелять над головами женщин в стену.

Была поздняя холодная ночь, когда всех Купоровых вытолкнули на улицу. Прошло какое-то время, и вдруг к небу взвился

огненный факел, пламя заплясало в стеклах дома. Раздались выстрелы. В зареве пожара женщины увидели Лизу. Она стояла в стороне со связанными руками. Огонь занимался и в других домах хутора. Солдаты вытаскивали из горящих строений имущество колхозников и грузили его в сани. Потом обоз тронулся к реке. Впереди, окруженная конвоем фашистов, со связанными руками шла Лиза. На ней была рваная куртка, юбка, на ногах сапоги.

Последним в санях, доверху нагруженных награбленным, ехал Кузьма Забытов, староста деревни Исполье.

Гестаповцы расположились в двухэтажном деревянном доме в Пено. Сюда и привели Лизу Чайкину. Начался допрос.

— Ты партизанка?

Молчание.

— Комсомолка?

Снова молчание.

Солдаты, исполняя приказ низкорослого толстого офицера, били Лизу прутьями по ногам, рукам, спине...

Стиснув зубы, Лиза молчала.

— Кто ты? Где твои товарищи? Кто тебя послал?

— Смерть вам, проклятые!

Лиза знала, на что шла, что могло ее ожидать. И ей было жаль не себя, а Марусю Купорову, ее семью, зверски расстрелянную карателями.

Утром следующего дня немцы согнали к Волге жителей села. Было ветрено, солдаты подняли воротники шинелей, втягивали головы в плечи.

Лиза, полуодетая, стояла лицом к реке, словно прощалась с родным краем.

— Кто знает эту девчонку? Не она ли командир партизан?

Жители подавленно молчали.

— Может быть, ты не партизанка?

— Скажи, где находится партизанский отряд, и останешься жить, — обратился к Лизе офицер.

Тогда из толпы вышла Иришка Круглова, как всегда пьяная, растрепанная.

— Это и есть партизанка, первая комсомолка.

Женщины шепотом предупреждали друг друга: «Не плачьте. Не показывайте фашистам, что ее знаете».

Офицер подал команду. Прогремели выстрелы. Женщины закрыли лица руками. Солдаты стреляли над головой девушки.

— Ну как? Теперь скажешь? — прокричал офицер.

— Стреляйте, палачи!

Лиза повернулась к стоящим.

— Женщины! Скоро будет наша победа! Скоро поднимется над Волгой наше солнышко! Скоро придет сюда Красная Армия и партизаны! Смерть немецким оккупантам! Я умираю за Родину!

Офицер подошел к Лизе, поднял пистолет и выстрелил. Лиза упала.

Расправа была учинена 22 ноября 1941 года.

До 13 декабря труп Лизы лежал около водокачки. Партизаны безуспешно пытались унести ее тело. Немцы, напуганные расстрелом партизанами Колосова и Кругловой, ночными поджогами, увеличили карательные отряды, усилили охрану. Даже в

дневное время немецкие солдаты боялись показываться в одиночку, ходили, как правило, втроем, вчетвером.

На двадцатый день партизаны сумели все-таки унести тело отважной девушки в лес и похоронили с воинскими почестями.

В январе 1942 года, когда наши войска освободили Калинин, мы встретились в ЦК ВЛКСМ с матерью Лизы — Ксенией Прокофьевной Чайкиной. На ней была старенькая фуфайка, выгоревшая шаль, под которой белый платок был по-крестьянски повязан под подбородком. Ноги обуты в грубые армейские ботинки.

— В том и осталась, — как бы оправдываясь, смущенно сказала Ксения Прокофьевна, — бандиты все забрали.

Мать стала рассказывать о Лизе. Чтобы не расплакаться, она теребила края белого платка, вытирала щеки, проводя морщинистой рукой по лицу.

— Лиза с раннего детства во всем стала мне помогать. И в доме работала, и в поле, и за скотом ходила. С детства же очень любила книги. Изба-читальня была в соседней деревне, от нас путь неблизкий, а дочка туда постоянно бегала. Лизе только пятнадцать лет миновало, а ее послали заведовать избой-читальней. К войне-то и в район взяли. Когда война началась, мы Лизу и совсем не видели. Одно только и слышали — в Пено ее нет, дни и ночи по колхозам ездит. А враг к нашему району совсем подошел. Мы покоя не знаем, голову потеряли: что теперь делать? Вдруг гляжу: Лиза пришла, такая серьезная, беспокойная. В деревне, говорит, не оставайтесь — уходите в землянки. Потом задумалась, в сторону посмотрела: «Мама, — говорит, — проводи меня, ухожу я».

Собрались мы, пошли. Идем молчим. За деревню вышли, обернулась она, посмотрела на свое гнездо, откуда вылетела, и говорит мне: «Мамонька, тебе правду скажу, я в партизаны пойду». Я не знала тогда, кто партизаны, теперь поняла, а тогда не знала и спросила об этом у дочки. «Мама, — ответила она, — не все тебе можно знать. Скажу одно: жить будет нелегко». — «Нельзя ли тебе от такого дела отойти, дома пожить», — говорю я ей. Она бледная сделалась, головой покачала. «Как это, — говорит, — мама, ты такое надумала? Хорошо было — Лиза Чайкина в Пено, плохо стало — на печке сидит. Нет, я пойду фашистов бить». Прошли по дороге немного, она помягче стала, поспокойнее. Говорит мне: «Прощай, мамушка! Ежели что случится, не плачь. Помни, мамушка, мой наказ. Буду лежать убитая, не подходи, виду не подавай, иначе худо тебе будет. Убьют меня или поймают, не говори ничего, ни в чем не признавайся, а то весь колхоз спалят». Обняла я Лизоньку, расстались мы. Больше ее и не видела. Где жила, там и воевала, где служила, туда и умирать ушла.

Наступило долгое молчание. Ксения Прокофьевна наконец справилась с охватившим ее волнением.

— У меня, — твердым голосом сказала она, — только одно желание: чтобы скорее побили фашиста, скорее выгнали его. А уж там все наладится. Народ у нас в колхозе крепкий, знает, как надо работать.

— Ксения Прокофьевна, комсомольцы области хотят помочь вам. Они предлагают дом поставить, чтобы вы из землянки ушли.

Она решительно отмахивается рукой.

— Не надо! Вот гитлеровца прогоним, тогда и за свои дела возьмемся. А сейчас потерпим — лишь бы войну поскорей кончить.

Указом Президиума Верховного Совета СССР от 6 марта 1942 года по представлению ЦК ВЛКСМ Елизавете Ивановне Чайкиной посмертно было присвоено звание Героя Советского Союза.

В Калинине, на площади имени Салтыкова-Щедрина создан Музей комсомольской славы имени Лизы Чайкиной. Когда его начали строить, со всех концов области: с предприятий, из колхозов, институтов, школ — в фонд строительства шли средства, заработанные молодежью на воскресниках и субботниках, полученные за металлолом, макулатуру. Каждый старался внести в строительство музея свою лепту. Это была дань уважения памяти героической девушки из Пено.

К биографии бывшего батрака

Наступили тяжелые для нашей армии дни. Под ударами превосходящих сил врага войска 22-й армии оставили Великие Луки, закончилось героическое сопротивление защитников Брестской крепости, немецко-фашистская авиация предприняла первые налеты на Ленинград и Москву. Однажды мне позвонил заведующий военно-физкультурным отделом Центрального Комитета ВЛКСМ Дмитрий Васильевич Постников.

— Ко мне пришел товарищ Спрогис, — сообщил он, — представился как руководитель оперативной группы. Просит помочь в отборе людей для спецгруппы.

— Давайте подумаем вместе. Что вы предлагаете?

— Сразу ответить трудно. Может быть, стоит выслушать самого Спрогиса? Он производит серьезное впечатление.

Через несколько минут я увидел невысокого, крепко сложенного военного. Четким строевым шагом он прошел к столу и протянул документ.

Такие формулировки, как «особоуполномоченный» или «разрешение на переход фронта в любое время», по-особому освещали личность майора и характер поручения, которое предстояло ему выполнить.

Спрогис попросил разрешения не излагать обстановку. Он лишь подчеркнул, что сложившееся на фронте положение требует усилить сопротивление врагу. Часть намеченных операций состоит в том, чтобы нанести мощные удары в тылу у немцев.

— А почему вы решили прийти к нам?

— За помощью, — ответил майор. — Я вырос в комсомоле и знаю, что комсомол — большая сила.

Сказав это, Спрогис улыбнулся.

В тот день мне довелось узнать многие страницы его жизни. Вот первые документы его комсомольской юности: билет члена Российского Коммунистического Союза Молодежи № 1830 и мандат, написанный на четвертушке бумаги от руки, подтверждающий, что Спрогису поручено организовать рабочую молодежь Бауманского района... На старом снимке три паренька в

армейских ботинках с обмотками и в армейских фуражках образца девятнадцатого года. Широкогрудый, плечистый Артур в центре. Ему 15 лет.

Спрогис взял в руки оружие в начале 1919 года. С тех пор он в течение всей своей жизни защищал власть Советов.

Вспоминая далекое время, Артур Карлович рассказывал:

— Начало было смешное. Послали меня выяснить, нет ли на ближних хуторах белых. Иду я совершенно свободно, никто на меня внимания не обращает. Пацан и пацан. Белых не обнаружил, решил идти обратно. В этот момент во двор, куда я заглянул, вошел белогвардеец. «Давай, — говорит, — парень, запрягай лошадь». Я взялся, но никак не могу затянуть хомут. Тому надоело ждать, он плюнул и взялся за хомут сам. А винтовку снял и поставил к стенке. Схватил я винтовку. «Руки вверх!» — «Ты, — говорит, — брось шутить, а то получишь».

Привел я его, красноармейцы даже не поверили, как я такого здоровяка схватил.

Вскоре нескольких юнармейцев направили с фронта на учебу в Москву. Но разве до учебы в такое время? Спрогис поступает в оперативный отдел Всероссийской чрезвычайной комиссии.

Первое задание Дзержинского: группе поручается ликвидация подпольного контрреволюционного военного центра.

— Ты войдешь в оперативную группу, — приказали Артуру.

К особняку неподалеку от Арбата надо подойти так, чтобы ни у кого не вызвать подозрений. Комиссар особого отдела Рекстынь стучит в дверь. «Срочный пакет для Миллера». Дверь открывается, «гостей» встречает сам Миллер, матерый контрреволюционер...

Чекисты выполнили задание без единого выстрела.

После этой операции Спрогис зачислен курсантом пулеметных курсов командного состава Красной Армии. Курсантам оказано особое доверие — они охраняют Советское правительство. За первый месяц учебы Спрогис побывал на многих постах в Кремле. Его товарищи уже дежурили у квартиры Ленина.

Через некоторое время и Спрогис занял пост № 27. Однажды, проходя мимо него, Владимир Ильич остановился, протянул руку.

— Новенький?

Спросил, откуда родом, кто отец, мать. Разговор занял одну или две минуты, но Артуру показалось, что его встреча с вождем длилась бесконечно долго. Естественно, молодому курсанту она запомнилась на всю жизнь.

Когда из курсантов стали формировать команду добровольцев на Южный фронт, Спрогис записался одним из первых. Накануне отъезда его приняли в ряды большевистской партии. Артуру исполнилось шестнадцать лет.

Прошли годы, позади осталась гражданская война, учеба в Высшей пограничной школе и в военной академии. Артур Спрогис встретился со своим первым наставником Яном Карловичем Берзиным. Но встреча произошла не на советской земле, а в республиканской Испании. Артур Спрогис отправился туда добровольцем интернациональной бригады.

— В чем же должна быть помощь Центрального Комитета комсомола? — спросил я Спрогиса.

— Людей отобрать надежных. Таких, чтобы ни при каких обстоятельствах не дрогнули.

— О каком количестве идет речь?

— Хорошо бы взять человек тысячу. Но только добровольцев и обязательно по персональному отбору.

Мы условились, что отбором добровольцев займутся Московские обком и горком комсомола. Для работы в тылу противника требовались люди морально устойчивые, хорошо подготовленные физически, умеющие владеть оружием, ориентироваться по карте, работать с рацией.

Майор Спрогис сам участвовал в отборе. Иногда он говорил:

— Идите и подумайте день-два. Вас ждет трудная участь. Вы можете попасть в руки врага, а он жесток, безжалостен. Вам может угрожать смерть, а вы не имеете права сказать ни о себе, ни о товарищах. Готовы к этому — оставайтесь. Если нет, идите обратно. Никто вас не упрекнет.

Отобранным предлагалось «забыть» фамилии командира и комиссара части. Эти фамилии становились паролем при возвращении отрядов из вражеского тыла.

Сколько замечательных юношей и девушек прошли суровую жизненную школу в подразделении майора Спрогиса!

Елена Колесова — учительница младших классов, старшая пионервожатая 47-й школы Москвы. Спрогису ее рекомендовал Фрунзенский райком комсомола. Двадцатилетнюю учительницу, известную у партизан под именем Лели, сразу утвердили командиром группы особого назначения. Осенью 1941 года во время кровопролитных боев под Москвой группа Лены Колесовой (девять девушек) дважды переходит линию фронта. Траншеи, огневые точки, ряды проволочных заграждений, минные поля, свет прожекторов. Девушки рвут телефонно-телеграфную связь, парализуя штабы и части противника, минируют дороги, собирают сведения.

В январе 1942 года фронт отодвинулся от Москвы. К этому времени Колесову назначили командиром отделения сводного отряда разведотдела штаба Западного фронта. За выполнение спецзадания под Сухиничами Михаил Иванович Калинин вручил отважной комсомолке орден Красного Знамени.

Московский комсомол посылал в часть Спрогиса лучших своих представителей. У майора, который сам не раз смотрел смерти в глаза, выработался свой подход к бойцам отряда. Зою Космодемьянскую он приметил по упорству, с каким молоденькая школьница выстаивала около сборного пункта у театра «Колизей» на Чистых прудах. В конце концов Зоя добилась и согласия горкома, и командира части Спрогиса. Майор поверил в Зою, разглядев в ней настоящий характер.

Под стать Зое подобрались и другие члены группы. Клава Милорадова — «артельный человек», верная своим друзьям во всех трудных и сложных ситуациях. Проникнув в немецкую землянку, она уложила выстрелом из пистолета офицера и доставила в часть сумку с ценными документами. Одной из первых Клава получила награду — орден Красной Звезды. Комсомолка-сибирячка Вера Волошина попала в руки фашистов в Головкове, примерно в 80 километрах от Москвы. Фашисты казнили Веру, не услышав от нее ни слова... Павел Проворов, скрывая тяжелое заболевание, до последнего часа делил с товарищами

все трудности походной жизни. Прикрывая отход боевых друзей, Павел пожертвовал своей жизнью и спас их от гибели. Борис Крайнов — мужественный, сильный человек, прекрасный спортсмен, отличный стрелок. Спрогис оценил способности Бориса, назначив его командиром группы. Зоя Космодемьянская была в подчинении Крайнова. После операции в тылу противника под Москвой Крайнов попал в воздушно-десантные войска. После войны пионеры-следопыты 118-й школы Ленинграда установили, что 5 марта 1943 года недалеко от деревни Кошельки Ленинградской области приземлился советский воздушный десант. В бою погиб командир десанта. Им был Борис Крайнов. Пионеры установили на его могиле памятник с надписью: «Здесь похоронен Борис Крайнов — командир отряда, под руководством которого сражалась Герой Советского Союза Зоя Космодемьянская». Страна узнала о подвиге Зои из очерка «Таня». ЦК ВЛКСМ представил в правительство ходатайство о присвоении ей звания Героя Советского Союза. Ночью мне позвонил Александр Сергеевич Щербаков.

— Вы дали документы о присвоении звания Героя Космодемьянской. Откуда вам известно, что Таня есть Зоя Космодемьянская?

— У меня лежит ее комсомольский билет с фотографией. В Московском горкоме комсомола хранятся другие документы. Есть и комсомольцы из части майора Спрогиса, которые признали в Тане Зою.

— Дело в том, — объяснил Щербаков, — что к нам обращается с письмами множество людей. Многие родители, потерявшие в войне дочерей, считают, что Таня их дочь.

Ранним утром следующего дня мы с Артуром Спрогисом выехали в Петрищево. На всем пути видны следы недавних ожесточенных сражений: разбитая военная техника, сожженные дома, искалеченные бомбежками дороги. Свернув с основной магистрали, поехали лесом.

Мне пришлось видеть много тяжелых картин, но то, что я увидел в том лесу, потрясло. На деревьях висели жертвы гитлеровцев, мужчины и женщины. Они касались босыми ногами ослепительно белых морозных сугробов. На груди каждого повешенного — фанерный щит с надписью «Партизан».

В течение дня мы с Артуром Карловичем обходили дома, расспрашивая о Зое. Много рассказала нам Прасковья Кулик, в избу которой фашисты привели девушку после допроса.

В деревне пришлось переночевать. Утром в Петрищево приехала мать Зои, Любовь Тимофеевна. Мы отправились к могиле. Неподалеку от околицы возвышался холмик, занесенный снегом. Когда вскрыли могилу, Любовь Тимофеевна лишилась чувств. Левая грудь девушки была исколота штыками, голова запрокинута, темные волосы разметались по снегу. Это была отважная комсомолка, назвавшая себя Таней.

...В конце августа 1942 года Артура Карловича утвердили начальником оперативной группы, действующей в тылу врага по заданию Военного совета Западного фронта.

— Разрешите доложить, — обратился ко мне Артур Карло-

вич, — убываю на территорию Белоруссии для выполнения боевых заданий. — Артур Карлович улыбнулся: — До полной победы!

Прошло немного времени, и мы узнали, что Спрогис получил под Борисовом тяжелое ранение и контузию. Самолетом его доставили в военный госпиталь в Москву.

...Летом 1978 года я жил в Доме творчества писателей неподалеку от Риги. В Центральном Комитете комсомола республики проходил семинар комсомольских работников, меня пригласили выступить с лекцией. Говоря о годах войны, я вспомнил замечательных героев-комсомольцев, сказал и о Спрогисе.

В аудитории поднялся шум:

— Слышали о нем. Боевой считался командир. И товарищ прекрасный. В нем всегда жил дух комсомольца!

Так сложилась биография Артура Карловича Спрогиса, бывшего батрака, теперь кавалера двадцати пяти правительствнных наград, среди которых два ордена Ленина и четыре ордена Красного Знамени.

Сын Белоруссии

Как начать мне это повествование? Может быть, рассказать о том, каким было детство мальчугана из деревни Герасимовичи с Гродненщины? Или начать с того, как Сергей Притыцкий получил свою первую награду — орден Красного Знамени? Или вспомнить о том, как в феврале 1942 года ЦК ВЛКСМ утверждал Сергея Притыцкого вторым секретарем ЦК ЛКСМ Белоруссии?

Он любил книги и пользовался любой возможностью, чтобы почитать. Он нежно любил природу, радовался и первому листку, и сверкающей утренней росе, и первому снегу. Любил рыбачить и мечтал о том, чтобы завести хорошую охотничью собаку. У него был добрый взгляд, доброе лицо. В больнице приступ боли искажал эти добрые черты, но лишь на мгновение.

В 1944 году он был в звании полковника. Кожаное пальто и серая папаха очень шли ему.

Много воды утекло с тех пор, когда я познакомился с Сергеем Притыцким, но по-настоящему узнал о его жизни не так давно, когда мы вместе оказались на отдыхе в Крыму. Здесь Сергей впервые поведал мне свою жизнь.

В 1930 году, когда его родные места входили в состав Польши, 17-летний Сергей вступил в комсомол. Через три месяца на подпольной конференции его избрали секретарем Крынковского райкома комсомола.

— В местечке Озеры, есть такое в Гродненском уезде, проживал старый подпольщик Александр Кишкель, — рассказывал Сергей. — Восемь лет его держали в тюрьме, потом выпустили. По заданию ЦК партии мне надо было установить с ним связь. На квартире Кишкеля я и попался. Это было в 1933 году, 3 мая.

В полицейском участке Сергея стали пытать. Вечером его передали гродненской охранке. Несмотря на пытки, Сергей ни в чем не признавался. При обыске никаких улик не было найдено, и осенью его выпустили под надзор полиции.

Продолжая рассказ, Сергей вспоминает о товарищах по подполью.

Юра Ковалевский был схвачен полицейскими и передан белостокской дефензиве, о которой шла горькая слава. Там же сидел Шнайдер, член Крынковского райкома комсомола. Его схватили с двумя чемоданами подпольной литературы, которую он вез из Варшавы.

Досадные провалы насторожили подпольщиков. Откуда полиции стало известно о Юре Ковалевском? Как она узнала, чем наполнены чемоданы Шнайдера? Как могли проведать шпики о том, что 28 апреля 1934 года Сергей Притыцкий перебрался в деревню Чемеры возле Слонима?

Следы привели к Якову Стрельчуку. Появилось решение подпольного ЦК — уничтожить провокатора.

Однако Стрельчук появлялся на людях только в окружении полицейских.

В январе 1936 года Притыцкий делал очередной отчет секретарю подпольного ЦК Николаю Дворникову.

— Если решение принято, его надо выполнять! — возбужденно говорил Сергей.

— Мы и сами знаем, что решение надо выполнять, — ответил Дворников. — Но где найти людей?

— Поручите это дело мне.

В Виленском окружном суде начался судебный процесс над семью коммунистами. Главную роль в показаниях против подсудимых отводилась Стрельчуку. По плану Сергей должен пробраться в зал суда и там прикончить предателя.

В первый день Сергея постигла неудача: Стрельчук дал показания и сразу же исчез.

С тяжелым чувством вышел Сергей из здания суда. Вечером он встретился с Дворниковым.

— Дай мне для надежности второй пистолет, — попросил он. Через день начнется процесс над студентами. Стрельчук будет на суде.

Когда стемнело, Сергей отправился за город и в лесу проверил оружие. Оба пистолета оказались в полном порядке.

У себя дома он застал Дворникова. Текла приятельская беседа, ни тот, ни другой не касались планов завтрашнего дня. Расстались они, не предполагая, что прощаются навсегда.

Утром Сергей вошел в зал суда. Первые ряды оказались занятыми. Притыцкому досталось место в седьмом ряду.

Стрельчук не появлялся. Некоторые из подсудимых знали Притыцкого и теперь смотрели на него с недоумением и неподдельным интересом.

Сергею становилось не по себе. Наконец после короткого перерыва председательствующий пригласил свидетеля Якова Стрельчука. Стрелки часов показывали три часа дня. В январе в пасмурный день это уже сумерки.

— Насколько это возможно, — рассказывал Сергей, — я продвинулся вперед и открыл огонь в упор из двух пистолетов. Стрельчук рухнул. В зале поднялась паника, все бросились к выходу. Судья и прокурор забрались под стол. Но охрана успела закрыть входные двери.

Притыцкий в молодости был силачом. С разбегу ударом пле-

ча он высадил дверь и бросился вниз по лестнице. Его настигли полицейские, открыли огонь. Окровавленный Сергей упал.

— Изрешетили меня, — горько улыбнулся Сергей, — девятнадцать дыр. Привезли в госпиталь святого Якуба, хирург надо мной стал колдовать. Чтобы повесить, когда поправлюсь.

Оторванный от семьи и друзей, Притыцкий был отправлен в тюремный госпиталь. Через два месяца его заключили в камеру смертников.

Сергею было 23 года, но всего, что ему уже довелось испытать и пережить, хватило бы на несколько жизней.

В июне 1936 года дело Притыцкого рассмотрел Виленский окружной суд. Приговор гласил: за революционную деятельность и убийство провокатора — смертная казнь через повешение.

Но товарищи не оставили Сергея. Каждый день на столы полицейских управлений ложились тревожные сводки. Во всех польских тюрьмах политзаключенные объявили голодовку. Распространялись листовки, фотографии Притыцкого с текстом, призывающим к защите героя. В польское правительство непрерывно шли письма, телеграммы, протесты. Во многих странах начали действовать комитеты защиты Притыцкого. Около зданий польских посольств и консульств состоялись демонстрации.

Под давлением общественности кассационный суд в Варшаве отменил смертный приговор и вынес решение о пожизненном тюремном заключении.

В камере для смертников он просидел пятьсот сорок пять дней.

1 сентября 1939 года, когда фашистская Германия напала на Польшу, воспользовавшись начавшимся в стране хаосом, Притыцкий вырвался из тюрьмы.

— Не могу передать, — с волнением вспоминает Сергей, — с каким чувством мы вышли на волю. Наша колонна двинулась на восток. Шли в арестантской одежде. Немецкие летчики бомбили дорогу, и люди, спасшиеся от тюрьмы, теперь гибли от немецких бомб. С огромным трудом, оборванные и голодные, они добрались до столицы и вместе с ее жителями пережили трагедию разрушения Варшавы.

Через два дня после появления в Варшаве, 17 сентября, Притыцкий вместе со своими товарищами узнал, что по дорогам Западной Белоруссии, через ее города и села идут части Красной Армии. Буржуазная Польша доживала последние дни.

Население встречало советских воинов цветами.

5 октября Притыцкий приехал в Белосток, а через две недели его избрали депутатом Народного собрания Западной Белоруссии.

Воссоединение Западной Украины и Западной Белоруссии переживали как акт великого исторического значения.

28 ноября в Белостоке открылось Народное собрание. С докладом «О государственной власти» выступил Притыцкий. Речь его шла под сплошные овации. Докладчик заявил, что народу нужна Советская власть и мы будем все, как один, голосовать за такую власть.

Собравшиеся поднялись со своих мест, по залу прокатилось мощное «ура!».

В ноябре Притыцкого избрали заместителем председателя Белостокского облисполкома.

В первые дни войны Сергей Притыцкий добровольно вступает в ряды Красной Армии, работает старшим инструктором политуправления Центрального фронта. В начале 1942 года его назначают в Центральный штаб партизанского движения.

На оккупированной гитлеровскими захватчиками Белоруссии приобрело огромный размах партизанское движение. Здесь работали группы руководящих работников ЦК ЛКСМБ, 10 подпольных обкомов, 214 горкомов, межрайкомов и райкомов комсомола, 2500 первичных комсомольских организаций в партизанских формированиях, почти 3 тысячи подпольных комсомольских и 335 молодежных антифашистских организаций, объединявших около 80 тысяч комсомольцев-партизан и более 20 тысяч подпольщиков. Продолжали издаваться молодежные газеты.

В январе 1942 года Сергей Притыцкий был утвержден вторым секретарем ЦК ЛКСМ Белоруссии.

В начале декабря немцы потерпели поражение под Москвой. Фронт приближался к границам Белоруссии. Началась усиленная переброска в тыл врага комсомольских работников. За линией фронта борьбу с врагом возглавляли М. Зимянин, К. Мазуров, Ф. Сурганов.

Посланцев комсомола встречали с необычайной радостью, засыпали вопросами. Шли бесконечные беседы о положении на фронтах, о жизни в Москве, о работе комсомола.

Опыт работы Сергея Притыцкого в подполье панской Польши очень пригодился в новых условиях. Летом 1943 года он стал членом редколлегии антифашистской молодежной газеты Белостокской области «Молодой партизан».

Должен сказать, что для населения такие газеты нередко были единственным источником правды. Какую изобретательность проявляли выпускающие! Я, например, помню газету, напечатанную на бересте.

Весной 1944 года Сергея Притыцкого направили в распоряжение Польского штаба партизанского движения.

Вспоминая о тех днях, Притыцкий рассказывал о легендарном Сашке, отдавшем жизнь за освобождение польской земли, о подвигах Василия Петровича Войченко, бесстрашного командира партизанских отрядов. В Польше действовали 84 советских партизанских отряда, в которых насчитывалось почти 12 тысяч человек.

Последний раз мы встретились с Сергеем в больнице. Болезнь принесла ему тяжелые страдания. Он шел по больничному коридору в пижаме, бледный, с мелкими капельками пота на лбу. Взгляд усталый, под глазами круги.

— Удрал, — сообщил он. — Сестры хотели в кресле-каталке везти, а я сам топаю!

Он обернулся, помахал рукой.

Кандидат в члены Политбюро ЦК КПСС, первый секретарь Центрального Комитета Коммунистической партии Белоруссии Петр Миронович Машеров написал о своем боевом друге, с ко-

торым ему пришлось немало лет работать в комсомоле и в партии:

«Меня, как и всех, кто имел счастье работать с ним рядом, восхищали в Сергее Осиповиче его идейная окрыленность, поистине железная воля коммуниста, бескомпромиссного и принципиального в проведении линии партии, в отстаивании общегосударственных, общенародных интересов. Он был самородком, человеком самой высокой коммунистической пробы, закаленным в горниле революционной борьбы, воспитанным партией, Советской властью.

В нем, как солнце в капле воды, отражались лучшие свойства и черты нашего народа: природная мудрость и сметка, выносливость и стойкость в борьбе и жизненных испытаниях, великая самоотверженность и глубочайший советский патриотизм, душевная щедрость, богатое обаяние и скромность, безграничное трудолюбие и неиссякаемый оптимизм. Все это делало его работником и человеком незаурядным, пользовавшимся огромным авторитетом и уважением коммунистов, трудящихся республики, всех, кто его знал».

●

НА ЗЕМЛЕ ЦЕЛИННОЙ

Леонид САНИН

ЦВЕТУТ ВИШНИ НЕСТЕРЕНКО

«За свою жизнь я не раз убеждался, что подлинные герои в обычной обстановке бывают, как правило, скромными, не очень заметными. Они просто и безотказно делают свое дело. Таким был и Даниил Нестеренко, тракторист совхоза «Дальний» Целиноградской области. Само название совхоза говорит за себя: он расположен в самом дальнем уголке области. Именно туда и вызвался поехать Нестеренко. Снежная зима шла к концу, и бригада трактористов, в которой он работал, могла быть отрезанной от центральной усадьбы совхоза, остаться без запаса горючего. Немудрящая речка Жаныспайка грозилась, по словам старожилов, разлиться бурно и широко. Пока на ней еще стоял лед, надо было срочно переправить тракторы. Нестеренко помог товарищам провести эту рискованную операцию, а свой трактор повел последним. Но тающий лед, уже покрытый водой, не выдержал...

Когда друзья вынули из воды погибшего, то обнаружили в его кармане удостоверение Героя Советского Союза. До этого никто в совхозе не знал, что рядом с ними работает такой человек. Выяснилось, что звание Героя Даниил Потапович Нестеренко получил за форсирование Днепра. И стало вдвойне обидно за его гибель. Я помню Днепр, помню героев этой переправы под смертельным огнем. Казалось бы, что за преграда бывалому человеку степная речушка! Но вот бывают в жизни такие нелепые случайности.

Одна подробность особенно тронула меня: в палатке Нестеренко друзья нашли саженцы украинских вишен. Значит, надолго ехал он в Казахстан, если вез их с собою, чтобы посадить в степи. Но уже без него выросли эти вишни».

Л. И. БРЕЖНЕВ,
«Целина»

Сейчас ему было бы шестьдесят два. Из них чуть больше половины прожито им. Но прожито так, как дано не каждому.

Характером, привычками он был весь в отца, Потапа Варлаамовича, бывшего батрака, затем красноармейца, комбедовца, активного колхозника, затем снова воина и, наконец, хлебороба, Героя Социалистического Труда. Та же незапятнанная честность, то же стремление приносить пользу людям, та же простота и скромность. Не любил он шума вокруг своего имени.

Зовут, бывало, в школу — придите, мол, Даниил Потапович, расскажите ребятам о своем подвиге. Он стесняется: ну какой, мол, там подвиг. Нет, это не рисовка, не желание набить себе цену, покрасоваться. Претило ему чрезмерное внимание к своей особе.

Даниил рано стал помогать отцу — вместе с Потапом Варлаамовичем работал в совхозе. Семья-то немаленькая, прокормить ее было трудно. А он все-таки старший сын... В 39-м его призвали в армию. Служил на Востоке в одной из сибирских дивизий.

Боевое крещение боец Даниил Нестеренко, рядовой 34-го гвардейского стрелкового полка 12-й гвардейской стрелковой дивизии, получил летом 1943-го в сражении на Курской дуге. Был ранен, храбрость, проявленная в бою, отмечена первой наградой — медалью «За отвагу».

Часто вспоминал дни, проведенные в госпитале. Рядом с ним лежал раненый молодой лейтенант, тоже из Донбасса. Перед войной тот успел закончить два курса педагогического института, очень жалел, что так и не пришлось пока поработать учителем. Когда услышал, что соседа зовут Даниил, а попросту Данька, он пошутил:

—... Послушай, брат, надо не Данька, а Данко.

Нестеренко поинтересовался:

— А кто такой этот Данко?

Внимательно, чуть удивленно посмотрел на него лейтенант, а потом понял: видимо, парню и среднюю школу не удалось закончить; мягко положив здоровую левую руку на плечо Даниила, объяснил:

— Данко — это великий человек. Парень твоих лет. Его народ долго блуждал по лесу и никак не мог выбраться. И тогда смельчак Данко вырвал из своей груди сердце. И оно вспыхнуло, будто факел. И факел этот осветил людям дорогу к свободе. Данко пожертвовал собой ради людей... Это легенда такая. Ее сочинил писатель Максим Горький.

Долго думал Даниил над рассказанным, потом проговорил:

— Да, великий человек. Не каждый сможет так, как он...

После госпиталя Нестеренко попадает в маршевый полк, спешащий на помощь войскам, которые полным ходом шли к Днепру. Там предстояли жаркие бои.

Фашисты надеялись остановить на этом рубеже наше наступление, а потому и дрались отчаянно, не жалея ни снарядов, ни мин, ни людей, ни техники.

В сентябре решено было форсировать Днепр. Перед отбоем командир взвода, вернувшись из штаба батальона, зачитал приказ о наступлении: переправиться на правый берег, закрепиться и расширить плацдарм.

Взводный, прочитав приказ, обратился к солдатам, застывшим в строю:

— Нынешней ночью намечена высадка батальона. Но сначала наш взвод должен послать на тот берег отряд для занятия плацдарма. Кто пойдет добровольно, прошу выйти из строя.

Нависла тишина: кто шагнет первым?

И когда разомкнулась шеренга, пропуская первого добровольца, все увидели его, пулеметчика Даниила Нестеренко.

К нему присоединилось еще несколько бойцов.

Группа десантников подобралась надежная — пулеметчик, его второй номер, автоматчики, люди, неоднократно проверенные в боях.

Задолго до рассвета они направились к берегу, сели в старую рыбацкую лодку, погрузили все, что следовало взять с собой на ту сторону, и отчалили.

Взводный помахал рукой:

— Благополучного вам, братцы, пути! Желаю удачи!

Группа незамеченной подрулила к берегу, высадилась, ползком приблизилась к вражеским окопам и, заняв удобную позицию, неожиданно открыла огонь. Это послужило сигналом для всех, кто оставался на левом берегу. Пора выступать, пора форсировать Днепр!

Сильный внезапный огонь десантников сделал свое дело — в лагере фашистов начался переполох. Но вскоре немцы опомнились, стали яростно отстреливаться, стремясь сбросить горстку смельчаков, засевших у них под боком, обратно в реку.

Особенно досаждал пулемет, бивший по ребятам почти в упор. Он мог сорвать всю операцию. Вот-вот немецкий пулеметчик поймет, в чем дело, и перенесет огонь на реку, по которой уже плыли наши взводы и роты...

И тогда Даниил Нестеренко передал пулемет своему второму номеру, а сам подполз к ближнему соседу:

— Дай несколько гранат. Я ему, гаду, сейчас заткну глотку.

Очевидно, фашист сильно увлекся стрельбой: он не заметил подползающего сбоку русского десантника. И пока соображал, что делать, пока поворачивал ствол пулемета, Даниил швырнул связку гранат. Взрыв последовал мгновенно. Пулемет умолк. Советские солдаты, воспользовавшись открывшейся в обороне гитлеровцев брешью, выбили их из окопов.

А Даниил уже снова был за бронированным щитком своего пулемета, нещадно поливал огнем врага...

Позже об этом будет написано так:

«Форсирование Днепра с ходу, после тяжелых наступательных боев на подручных средствах, не ожидая накапливания сил и прибытия тяжелых переправочных средств, являло собой беспримерный в истории войн подвиг, совершенный не отдельными героями, а всей массой наступавших войск» («История Великой Отечественной войны»).

За мужество, храбрость и отвагу, за находчивость и решительность, которые проявил Даниил Нестеренко в этом незабываемом бою в сентябре 1943-го, командование представило его к присвоению высокого звания Героя Советского Союза.

Из наградного листа гвардии ефрейтора Д. П. Нестеренко: «В бою 26 сентября 1943 года под деревней Сидоровка, невзирая на огонь противника, огнем ручного пулемета в упор расстреливал немецких автоматчиков, следовавших за танками. В этом бою тов. Нестеренко уничтожил 25 солдат противника.

28.9.43 г. первым форсировал Днепр и огнем из пулемета обеспечил овладение траншеей противника, а также прикрытие переправляющихся войск. На правом берегу Днепра станковый пулемет противника мешал нашим войскам форсировать реку, тов. Нестеренко сдал свой пулемет второму номеру, подобрался к станковому пулемету противника и связкой гранат вывел пулемет из строя, уничтожил его расчет.

Вывод: достоин присвоения звания Героя Советского Союза.

Командир 37-го гвардейского стрелкового полка гвардии подполковник Колесников».

В январе следующего года в газетах был опубликован Указ Президиума Верховного Совета СССР. Вот по этому Указу Потап Варлаамович и узнал о судьбе своего старшего сына, о котором ему ничего не было известно больше двух лет. И этот документ убедил отца лучше всяких слов: сын его пошел верной дорогой, таким сыном можно только гордиться.

В июне 1944-го Д. П. Нестеренко был откомандирован для прохождения курсов младших лейтенантов.

Через полгода учебы он возвращается на фронт уже командиром пулеметного взвода.

Путь домой, в родную семью для Нестеренко и его боевых друзей лежал через Берлин.

Они шли туда дни и ночи. Через огонь и канонаду шли, добивая врага.

Вернувшись в родную Курдюмовку, Даниил женился. А вскоре появилась дочурка Рая, через пару лет еще одна — Галина. Стал Даниил отцом семейства. К тому времени они перебрались на центральную усадьбу совхоза «Никитовский», раскинувшуюся невдалеке от станции Магдалиновка.

Мать Даниила, Улита Захаровна, вспоминает: «После войны жили бедно, скромно; в каморке, в развалюхе какой-то жи-

ли. Сейчас там склад химикатов. Данька никогда никакой выгоды-корысти не искал, не требовал чего-то за свои фронтовые заслуги. Помню, директор совхоза сам пришел и предложил помощь совхоза в строительстве дома. Данька отказался. Говорит: у соседа, мол, семья больше, лучше им сначала помогите».

Даниил закончил в Славянске курсы механиков, потом комбайнеров. Работал в совхозе, не отказываясь ни от какого дела, — был бригадиром в животноводстве, был объездчиком. Куда ни посылали его, везде оставался честным работником, безупречно исполняющим порученное дело.

Брат Даниила, Андрей Потапович, рассказывает:

«В делах общих он был порывистым, упрямым и настойчивым. По натуре он молчун и не любил рассуждать, долго колебаться. Просто возьмет и сделает. Помню, однажды ночью во время уборки сломался комбайн. Он взвалил на плечи сломанный узел комбайна (в нем железа килограммов на 40) и потащил за 14 километров на центральную усадьбу. К утру принес новый узел и продолжал уборку».

Однажды по радио услыхал Даниил Нестеренко передачу о целине. Зачаровала она его. Неоглядные просторы, и земля плодородная, сулит много хлеба. И опять вспомнился ему лейтенант, встреченный в госпитале. Вспомнилась рассказанная им легенда.

Он хорошо понимал: покорение целины — дело нелегкое, сродни подвигу. Но человека, на счету которого уже был большой фронтовой подвиг, это не могло остановить. Его неудержимо потянуло в те необжитые места, где он может принести максимальную пользу людям.

Из воспоминаний жены, Прасковьи Никифоровны: «Однажды он пришел домой возбужденный и прямо с порога заявил: «Еду поднимать целину». Все родственники смотрят на меня: что я скажу? А он продолжает: «Собрали нас в конторе и спрашивают, кто, мол, желает ехать в Казахстан. Я сказал сразу: «Поеду! Я коммунист и первым должен был сказать свое мнение». Я согласно кивнула головой: «Поезжай. Осмотрись там и нас вызовешь». С собой он взял чемодан и сумку с саженцами вишни, которые выкопал за два часа до отхода поезда в саду у нашего недостроенного дома. Сказал: «Посажу там украинские вишни. Это «шпанка», она быстро вырастает. Дети приедут, и садик зацветет». Еще когда мы были на фронте, он бредил вишнями, к ним у него особая любовь была...»

В Курдюмовской средней школе хранится комсомольская путевка, с которой уехал Даниил Нестеренко на целину. Внимательно присмотревшись, в ней можно разобрать подпись секретаря Донецкого обкома комсомола Л. Семичастного.

Леонид Ефимович Семичастный, ныне работник Министерства угольной промышленности УССР, вспоминает:

— Шумное, незабываемое было время. Помню день первой отправки. Мы проводили митинг в индустриальном техникуме. Хорошо прошел он. Много ребят выступило. Говорили, что не посрамят оказанной им чести, оправдают доверие. Видел ли я Даниила Нестеренко? Нет, не могу вспомнить. Тогда много приходило к нам людей. А вот один случай в связи с их отправкой мне запомнился. Может, он и касается Нестеренко.

На вокзале, помню, подбегает ко мне запыхавшийся инструктор обкома и испуганным голосом говорит: «Там в седьмом вагоне

какой-то ненормальный едет! Куда только врачи смотрели!» — «В чем дело?» — спрашиваю. Отвечает, что парень один просит проводника найти ему прохладное купе. «Зачем?» — его спрашивают. А он без тени улыбки говорит: «Чтобы вишни не посохли». Чудак, везет в мешке прутья какие-то. Это за тысячи километров. Может, снимем, пока не поздно?»

Я к седьмому вагону. А мне навстречу проводник. Вижу, улыбка на лице, и мне говорит: «Не волнуйтесь, товарищ секретарь обкома, прохладное купе мы отыскали. Так что доедут те вишенки до целины».

— Вишни? — И мне все стало ясно. Я пожал руку проводнику, поблагодарил его за проявленную чуткость.

А когда отошли от вагона, сделал инструктору строгое внушение: не разобрался в ситуации парень. Ведь человек едет на целину, едет насовсем, посадит там вишни. Понимаешь ли ты, как он глубоко смотрит на вещи. А ты — снять с поезда...

Гляжу, стоит мой инструктор с раскрытым ртом и слова сказать не может. Видно по всему, дошло до него: опростоволосился.

А я вот когда слушал по радио «Целину», а потом в газете прочитал то место, где о вишнях говорится, сразу этот самый эпизод вспомнил. Так вот кто тогда просил прохладное купе. Да, совершенно точно, с мешком и чемоданчиком в руке я видел лишь одного парня. Он это был. Даниил Нестеренко.

* * *

Сначала Даниил был помощником бригадира тракторной бригады, а затем возглавил ее. Не знал ни минуты покоя. Все время на ногах — нужно спешить, пока не вскрылась речка Жаныспайка, пока не оказалась центральная усадьба отрезанной от ближайшей станции, завезти все необходимое для полевых работ. В это время, выбрав свободную минуту, написал Даниил письмо домой:

«Милая Пашуня, дорогие дочки! Здесь хорошо. Поле широкое, просторное, аж дух захватывает. Вот-вот начнем пахать. Меня назначили бригадиром механизаторов. Как только закончим полевые работы, приеду за вами, и будем здесь жить... А работы хватит всем: нам, детям, внукам. Обнимаю вас, до скорой встречи».

А пока надо было торопиться с грузами. Трактористы работали от зари до зари. И в один из рейсов случилось непредвиденное. Случилось так, что Даниил Нестеренко никогда уже не смог обнять своих родных и близких. Подробности этой трагедии засвидетельствованы ее очевидцем, первоцелинником В. К. Древалем:

«...Тяжелый бензовоз с горючим Нестеренко тащил своим трактором. Через злополучную речку Жаныспайку решили переправляться у железнодорожного моста. Лед под ним находился в тени и казался более крепким. Даниил руководил переправой, помогая молодым трактористам. Все переправились благополучно. И нам вначале казалось естественным, что он сам, как более опытный, решил переправляться последним. И только на противоположном берегу мы поняли, на какой риск он пошел: лед был расшатан нашими машинами, к тому же за трактором Дани-

ла шел тяжелый бензовоз. Когда лед треснул и машина стала уходить под воду, он мог бы, наверное, выскочить, но не выпустил рычаги и продолжал бороться до конца...»

О чем он подумал в это критическое мгновение, почувствовал ли смертельную опасность? Может, в этот последний миг, с последним вздохом и последним взглядом ему опять вспомнился тот раненый лейтенант в госпитале, что рассказал удивительную легенду о замечательном человеке по имени Данко? Данко погиб ради того, чтобы другие жили счастливо, улыбались цветам и солнечному утру... И конечно же, он, Даниил Нестеренко, думал в тот момент не о себе, не о спасении собственной жизни, потому и боролся до конца...

И только после этого трагического случая, разбирая его небогатые вещи и документы, обнаружили друзья орденскую книжку, где значилось, что ему, Д. П. Нестеренко, присвоено звание Героя Советского Союза, вручена Золотая Звезда под № 1639 и орден Ленина под № 17932.

Это было настолько неожиданным открытием, что сначала никто не поверил — как же это, вместе почти месяц, а о том, что такой человек среди них, и не знали? И все подивились его скромности, его простоте. Вспомнили, как он наравне со всеми ездил на станцию за грузами, как хлопотал у тракторов, как шутил, ободрял.

...А в совхозе «Никитовский» отец Даниила, Потап Варлаамович, получив телеграмму со скорбной вестью, пришел в партийный комитет и попросил:

— Направьте меня снова на прежнее место. Хочу в поле работать, хлеб выращивать. Душа рвется в поле, теперь мне и за Даниила нужно трудиться.

Уважили такую просьбу старого коммуниста, и вернулся Потап Варлаамович в свою бригаду полеводов.

Даниил Нестеренко погиб. Но те, кто остался в совхозе «Дальний», дали клятву — сделать все, чтобы поднять хозяйство, поселок, остаться тут на всю жизнь. Они сказали: новый совхоз, который приехал создавать Герой Советского Союза Даниил Нестеренко, будет ему памятником!

Совхоз «Дальний» вырос в крупное, высокомеханизированное зерновое хозяйство. На берегу синеводного Ишима поднялся замечательный поселок. В нем все, что необходимо людям для нормальной жизни: торговый центр, больница, школа-десятилетка, Дом культуры, аккуратненькие домики вдоль Ишима, парк, а в нем аллеи, стадион.

О переменах, происшедших в совхозе «Дальний» со дня основания до наших дней, отлично сказал его директор Н. Д. Гапоник:

— Разросся, окреп, похорошел наш совхоз, четыреста дворов в нем. Именем Нестеренко названа самая красивая улица, что тянется вдоль живописного берега Ишима. А весной, когда в садах целинников зацветают вишни, люди говорят: «Цветут вишни Нестеренко».

●

НАШЕ ОБОЗРЕНИЕ

СТАНОВЛЕНИЕ МАРКСИСТСКОЙ МЫСЛИ

Коммунизм давно уже не «призрак», пугающий буржуазную Европу. Ныне это практическая задача, захватывающая все более широкие слои всемирного общества. Через все континенты и страны проходит великая правда марксизма-ленинизма, мобилизуя на борьбу за лучшее будущее одних, повергая в смятение других, вызывая бессильную ярость у третьих. Безразличных к марксизму на земном шаре теперь нет. Игнорировать его и вообще невозможно. Остается — принимать или не принимать, что-то принимать и что-то не принимать, попытаться взорвать его изнутри, изменив акценты в соотношении разных аспектов учения или даже подчинив какой-то чуждой ему идее. Никогда еще не было столько разных «прочтений» марксизма и столь утонченных приемов его фальсификации. В этих условиях естественно, что защита истинного содержания учения марксизма-ленинизма составляет первостепенную задачу советских ученых. Двухтомное исследование «Марксистская философия в XIX веке», выпущенное Академией общественных наук при ЦК КПСС и Институтом философии, и служит выполнению названной задачи.

Когда речь идет о жизненно важных проблемах, трудно, казалось бы, предложить что-то «впервые». Тем не менее именно это слово подходит для характеристики всего издания в целом. В нем впервые дается систематизированное и всестороннее изложение истории марксистской мысли на протяжении XIX века с ее зарождения в 40-х годах. Любое явление может быть в полной мере понято лишь в том случае, если выяснены его истоки. Именно на истоки прежде всего устремляются старания фальсификаторов. На этом участке и встречают их во всеоружии авторы данной работы.

Марксистская философия в XIX веке. Кн. 1—2. Академия общественных наук при ЦК КПСС. Институт философии АН СССР. М., «Наука», 1979.

Известно заключение В. И. Ленина, что марксизм есть «законный преемник лучшего, что создало человечество в XIX веке в лице немецкой философии, английской политической экономии, французского социализма». Буржуазные маркcологи посвоему пытаются истолковать факт множественности истоков марксизма, выпячивая на первый план либо один, либо другой его исток. И дело здесь не только в сознательных фальсификациях. Ленин не случайно подчеркивал, что душу марксизма составляет **метод.** Не овладев методом диалектического материализма, невозможно понять и истинное содержание марксистского учения. Социологам-позитивистам марксизм неизбежно должен представляться эклектикой, механическим соединением несоединимых концепций и явлений. Собственную неспособность воспринимать мир во взаимосвязи, взаимообусловленности и развитии позитивисты принимают за отсутствие самих этих понятий или неприложимость их к объективной реальности. Отсюда проистекает и противопоставление марксизма как идеологии собственно «науке» (например, у Карла Поппера), понимаемой как сумма знаний, независимая от оценок. Напротив, экзистенциалисты склонны в самом марксизме усматривать «позитивизм», «онтологическое» учение, то есть учение о мироустройстве.

В последнее время буржуазные маркcологи пытаются противопоставить Маркса Энгельсу. Появилась концепция «двух разных линий» в марксизме. От Энгельса через Плеханова к Ленину идет якобы «онтологическая», «неистинная», а от молодого Маркса к Лукачу и теоретикам «Праксиса» (югославский журнал, в котором сотрудничают «неомарксисты», пытающиеся примирить марксизм с экзистенциализмом) «истинная», «антропологически - праксеологическая» линия. При этом Плеханов, допускавший известные ошибки метафизического плана, совершенно безосновательно объединен с Лениным, первым указавшим на эти ошибки. Именно в ленинизме учение марксизма в полной мере приобретает характер действия, не просто объясняющего мир, но и изменяющего его.

Многие буржуазные социологи сознают, естественно, что душу марксизма составляет метод. Понимают они и колоссальные познавательные возможности, открываемые этим методом. Однако им хотелось бы ограничить сферу его действия. Отсюда появление так называемого «академического марксизма», когда признается плодотворность метода и теории познания диалектического материализма, но они изолируются от полученных с их помощью экономических и политических выводов. Между тем диалектико - материалистический метод не может быть «академическим» в том смысле, который ему хотели бы приписать критики (а иногда и непоследовательные последователи) марксизма. Изучение процесса развития, то есть действия, всегда есть действие независимо от того, сознает это изучающий или не сознает.

Соотношение «науки» и «идеологии» в конечном счете основной объект всевозможных спекуляций вокруг марксизма. Буржуазные марксоло-

ги и ревизионисты часто противопоставляют «молодого» Маркса «зрелому». При этом одни из них предпочитают «молодого», движимого идеалами чистого гуманизма, другие — зрелого, ставшего якобы на почву рассудочного «онтологизма» и «сциентизма». Известный французский буржуазный марксолог Р. Арон пытается доказать, что Маркс вообще поставил невыполнимую задачу — соединение научного анализа капитализма с его гуманистической критикой. Авторы исследования «Марксистская философия в XIX веке» безоговорочно отвергают эти спекулятивные построения. Обращают они внимание и на то, что сами марксисты иногда дают повод для таких спекуляций, разрывая «науку» и «гуманизм». Думается, однако, что на этом вопросе следовало бы остановиться подробно. Ведь и в нашей литературе (особенно популярной) понятия «научность», «партийность», «гуманизм» часто соединяются союзом «и» («научность и партийность»). А такое соединение предполагает возможность их независимого друг от друга существования.

Надо решительно подчеркнуть, что свойственная позитивизму попытка «очистить» социальную науку от всего гуманистического, оценочного является глубоко антинаучной. История превратилась бы в бессмысленный набор разрозненных фактов, если бы мы попытались последовательно удалить из нее все оценки. И позитивизм, по существу, отвергает не все оценки, а только те, которые требуют вполне определенного действия. Иными словами, отвергаются именно научно обоснованные оценки, неотвратимо требующие от ученого занятия вполне определенной позиции. В этом и заключается принцип **партийности** в науке. И он не может быть исключен из науки (равно как не может быть противопоставлен «научности») без совершенного ее разрушения. Специфика марксистского учения об обществе не в том, что оно идеологично. Идеологично любое учение об обществе. Но лишь в марксизме идеология занимает именно то место, которое принадлежит ей объективно как в процессе развития, так и в процессе его познания. И секрет весьма «прост»: марксизм исходит **из факта** идеологичности общественной жизни и стремится его научно осмыслить, в то время как некоторые его критики, пытаясь игнорировать этот очевидный факт, заведомо искажают картину общественной жизни.

Свойственное марксизму целостное восприятие мира предполагает широкий круг вопросов, которые предстояло разрабатывать и которые можно практически до бесконечности углублять и уточнять. Буржуазные марксологи, естественно, пытаются использовать против марксизма и неравномерную разработанность разных его аспектов, и неодновременность их разработки, и неизбежные при всяком исследовании вычленения отдельных проблем, их условного отграничения от целого в пространстве и времени. И авторы книги «Марксистская философия в XIX веке» показывают, как под пером Маркса и Энгельса все рельефнее и детальнее прорисовывалась картина мироздания и процесса развития общества. Первый этап заканчивается в 1848 году изданием «Манифе-

ста Коммунистической партии», в котором в сжатой форме излагаются основные положения марксизма. Социально-политические битвы 1848—1852 годов потребовали обобщения огромного практического опыта, подсказали круг проблем, нуждавшихся в первоочередной разработке.

В буржуазной марксологии часто проводится тезис о том, будто марксистский исторический метод — абстрактная «схема», не учитывающая исторической конкретности и вообще творческой активности личности в истории. Анализ событий 1848—1852 годов, а затем также 1871 года в работах Маркса и Энгельса является наглядным опровержением подобных утверждений. Всего за четверть века после опубликования «Манифеста» события подтвердили правильность общего социологического анализа, данного творцами этого документа. Анализ же самих социально-политических движений позволил закономерно соотнести необходимое и случайное. Ни о каком принижении творческой активности людей в марксизме не может быть и речи, поскольку учение о революционном преобразовании общественного строя и есть анализ этой активности. Направленность же активности, неизмеримо возрастающей в условиях революции, неизбежно должна быть самой различной, поскольку существуют различные социальные слои с весьма разными социально-политическими идеалами, неодинаковым уровнем гражданского самосознания, расходящимися традициями. Учесть всю эту быстро меняющуюся конкретность исторической и социальной действительности, конечно, весьма нелегко. И, по существу, только диалектический материализм позволяет разобраться в беспорядочном на первый взгляд нагромождении традиций, событий, связей и действующих лиц. Диалектический материализм позволяет представить субординацию разнопорядковых величин, влияющих и на процесс в целом, и на поведение отдельных социальных групп или личностей, находя закономерное объяснение и самим случайностям. Работы Маркса и Энгельса и в данном случае ценны не только непреходящим значением содержащихся в них общих выводов о месте социальных революций в общественном развитии и практических задачах передового класса, но и способом учета конкретности, которая, естественно, будет различаться в каждом отдельном случае.

К периоду между двумя революциями относится и разработка Марксом проблем политической экономии, когда создается монументальный труд, обнажающий структуру капиталистической формации, — «Капитал». Именно в связи с этим исследованием буржуазные марксологи и ревизионисты бросаются «расщеплять» марксизм или сводить его к «экономическому материализму». Вновь и вновь обсуждается вопрос о том, что «взять» из марксизма: либо его экономическое учение, либо оторванный от «холодных» экономических расчетов «гуманистический» идеал. И вряд ли имеет смысл вслед за ревизионистами вести разговор об отдельных положениях и деталях. Все это имело бы значение лишь в том случае, если бы критикам удалось доказать, что марксизм не составляет цело-

стного учения. А они этого даже и не доказывают. Они просто делают вид, что этой проблемы не существует.

В «Капитале», как показывают авторы книги «Марксистская философия в XIX веке», диалектико-материалистическая концепция истории достигает совершенной научной зрелости или — это, пожалуй, точнее — научной завершенности. «Капитал» как бы связал в единое целое все ранее разработанные аспекты марксистского учения, естественно, не заменив и не отодвинув ни одного из них на задний план.

Буржуазные марксологи и ревизионисты неизменно спекулируют и на том, что Маркс не оставил равновеликого «Капиталу» труда о своем методе. И еще В. И. Ленину приходилось отвечать на такого рода спекуляции. «Если Маркс не оставил «Логики» (с большой буквы), — писал он в «Философских тетрадях», — то он оставил **логику** «Капитала». Сложность здесь заключается лишь в том, что правильное понимание метода Маркса требует опять-таки правильного понимания всего его учения как целостной системы. Буржуазные же марксологи в этом чаще всего не заинтересованы. Поэтому они пытаются либо «подчинить» Маркса Гегелю, представить его метод как абстрактное дедуцирование понятий на гегельянский манер, либо, наоборот, увести в мир «вещей». В данной работе показано, что метод Маркса глубоко отличен от гегелевского идеалистического метода, поскольку он имеет материалистическую природу. С другой стороны, этот метод совершенно несовместим с метафизическим методом буржуазных социологов и экономистов.

Целый ряд работ по методологии диалектического материализма, как известно, принадлежит Энгельсу. При этом Энгельс значительное внимание уделил методологии естественных наук и диалектике природы. Известное «разделение труда» между Марксом и Энгельсом, а также неизбежная очередность в разработке отдельных проблем и в данном случае эксплуатируется буржуазными марксологами для противопоставления Маркса Энгельсу. Именно этот аспект используется для выделения «догматической» линии, идущей от Энгельса через Плеханова к Ленину. В сборнике указывается на совершенную несостоятельность подобных взглядов. Классический труд «Анти-Дюринг», в котором впервые изложена вся система марксистского мировоззрения, создавался Энгельсом в тесном сотрудничестве с Марксом. В другой его работе — «Диалектика природы» — нашли развитие и разностороннее обоснование идеи, которые также в общей форме были поставлены Марксом. Энгельсом внесен весомый вклад в разработку диалектико-материалистической концепции истории. Ему, в частности, принадлежат работы, посвященные проблемам происхождения человеческого общества, сущности родового строя и происхождения классового общества и государства. В настоящее время наука располагает неизмеримо бо́льшим объемом фактических материалов о первых этапах развития человеческого общества. На новых материалах неизменно делаются попытки объявить «устарев-

шими» созданные столетие назад концепции. Но всякий раз оказывается, что «опровержения» не новы: это все то же стремление разорвать антропогенез и социогенез, выпятить на первый план биологическое начало в человеке, принизить или вовсе исключить роль труда, биологизировать самый труд. Но именно с этими тенденциями буржуазной науки спорил в свое время Энгельс, и новые факты лишь усиливают значение основных выводов, к которым он пришел в своих работах.

На плечи Энгельса легла задача не только раскрыть многие ранее лишь намеченные аспекты учения диалектического материализма, но и защитить его от волны ревизионизма, поднявшейся сразу же после смерти Маркса. В последние годы своей жизни Энгельс особое внимание уделил разъяснению проблемы диалектической взаимосвязи базиса и надстройки, особенно в плане воздействия надстройки на базис. В книге отмечается как теоретическое, так и большое практическое значение содержащих эти идеи «писем» Энгельса. Они помогают выработке тактики любой марксистской партии в отношении разных форм классовой борьбы пролетариата, заставляют считаться с определенной идеологической и политической конкретностью.

Специальный раздел двухтомника посвящен анализу наследства последователей Маркса и Энгельса: И. Дицгена, К. Каутского, П. Лафарга, Ф. Меринга, А. Лабриолы, Д. Благоева. Им принадлежит заслуга пропаганды идей марксизма в мировом рабочем движении. Достаточно весом и их собственный теоретический вклад в разработку отдельных вопросов диалектико-материалистического видения мира. Сложность задачи авторов труда в данном случае заключалась прежде всего в том, что многие из названных деятелей допускали те или иные неточности в трактовке отдельных положений марксизма, а некоторые (К. Каутский) и вообще оказались за бортом великого революционного движения, нараставшего как практическая реализация объективно истинной теории. Думается, что редколлегия и авторы поступили правильно, избрав путь строго конкретного исторического подхода к творческому наследию названных мыслителей.

Философии марксизма в России XIX века посвящена одна глава. Эта тема в нашей литературе разработана неплохо. Имеется ряд монографий. Достаточно широко известны основные факты, проливающие свет на связи ряда русских деятелей с Марксом и Энгельсом. Тем не менее и в этом разделе авторы сумели по-своему подойти к данной теме, главным образом за счет общей широты взгляда на проблему становления и распространения марксизма в разных условиях. Разумеется, возможности расширения и углубления самой этой проблемы далеко не исчерпаны.

Особенности понимания и применения марксистского учения в России неизбежно должны рассматриваться в связи не только с социально-экономическими условиями, но и со спецификой российской философской мысли домарксистского периода. А эта проблема еще далеко не исследована ни в философской,

ни в исторической, ни в филологической литературе. Достаточно сказать, что до сих пор по русской философии все еще нет специального труда.

Редколлегия и авторский коллектив вооружили читателя чрезвычайно важной и актуальной в современной идеологической борьбе книгой. И трудно удержаться от одного упрека — упрека в адрес издателей. Ведь эта книга может и должна быть настольной для каждого серьезного пропагандиста и работника идеологического фронта. А она стала библиографической редкостью сразу после выхода. Хотелось бы надеяться, что выйдет второе издание двухтомника «Марксистская философия в XIX веке».

А. КУЗЬМИН,
доктор исторических наук

ОПЫТ ИСТОРИИ

Успех или неуспех революции прямо зависит от того, сумеет ли класс, являющийся ее ведущей силой, подавить контрреволюционные поползновения.

Урок событий в Чехословакии конца 60-х годов состоит в том, что ни на каком, даже на самом высоком, этапе борьбы за конечные цели пролетариата, нельзя ослаблять борьбы с контрреволюционными попытками повернуть назад колесо истории или хотя бы затормозить его движение. Как распознавать эти контрреволюционные попытки, как отражать их и переходить в наступление — этому нас учат прежде всего ленинские произведения и документы нашей партии, в том числе и собранные в книге «В. И. Ленин, КПСС о борьбе с контрреволюцией».

Годы, последовавшие за поражением первой русской революции, в наиболее яркой форме показали основные черты периодов временного торжества реакции, периодов, являющихся испытанием для всех революционных сил.

Пока революция шла на подъем, многие стремились прослыть революционерами. Но как только революционная волна стала спадать, начался и отлив «революционеров». Красившиеся под них кадеты, например, сразу ушли вправо. «Нет уже прошлогоднего колебания между реакцией и народной борьбой. Есть прямая ненависть к этой народной борьбе, прямое, цинично возвещаемое стремление прекратить революцию, усесться спокойно, договориться с реакцией», — писал В. И. Ленин. А реакция между тем бешено мстит революционным классам, «точно торопясь воспользоваться перерывом массовой борьбы для уничтожения своих врагов...». Ведь «люди реакции — не чета либеральным Балалайкиным. Они люди дела».

В рядах революционеров начинает распространяться уныние, растут упадничество и обывательские настроения, непрочные друзья пролетариата покидают его. В. И. Ле-

---

В. И. Ленин, КПСС о борьбе с контрреволюцией. М., Политиздат, 1978.

нин так оценивал это явление: «Друзья сказываются в несчастье», и рабочий класс, переживающий тяжелые годины натиска и старых и новых контрреволюционных сил, неизбежно будет наблюдать отпадение многих и многих из его интеллигентских «друзей на час», друзей на время праздника, друзей только на время революции, — друзей, которые были революционерами во время революции, но поддаются эпохе упадка...» Именно в такие периоды и выясняется, кто настоящий революционер. «Революционер — не тот, кто становится революционным при наступлении революции, а тот, кто при наибольшем разгуле реакции, при наибольших колебаниях либералов и демократов отстаивает принципы и лозунги революции. Революционер — тот, кто *учит массы* бороться революционно...» Нужно учиться не только наступать, но и при отступлениях сохранять силу и боеспособность. Революции без контрреволюции не бывает и быть не может. Поэтому «вопрос не в том, будет ли контрреволюция, а в том, кто, в конечном счете, после неизбежно долгих и полных всяких превратностей судьбы битв, окажется победителем?»

Будучи великим диалектиком, В. И. Ленин учил видеть и революционную роль реакционных периодов. Хотя на поверхности общественной жизни царит дух уныния, веховства, отреченчества, потеря веры в какое бы то ни было преобразование, дух «смирения» и «покаяния», увлечение антиобщественными учениями, мода на мистицизм и тому подобное, в толще народных масс идет подспудная работа мысли, идет «переоценка всех ценностей», усиливается интерес к теории, к азбуке, к учению с азов. «Миллионы, сразу разбуженные от долгого сна, сразу поставленные перед важнейшими проблемами, не могли удержаться долго на этой высоте, не могли обойтись без перерыва, без возврата к элементарным вопросам, без новой подготовки, которая бы помогла «переварить» невиданно богатые уроки и дать возможность массе несравненно более широкой пойти опять вперед, уже гораздо более твердо, более сознательно, более уверенно, более выдержанно». Именно поэтому в такие периоды особенно важной становится задача оторвать массы идейно от реакции, научить их формам победоносной борьбы. Именно поэтому на повестку дня встают вопросы программы и тактики, оценки господствующих, наиболее распространенных или наиболее вредных для социализма идейно-политических течений данного времени. В. И. Ленин писал: «Без программы партия невозможна, как сколько-нибудь цельный политический организм, способный всегда выдерживать линию при всех и всяких поворотах событий. Без тактической линии, основанной на оценке переживаемого политического момента и дающей точные ответы на «проклятые вопросы» современности, возможен кружок теоретиков, но не действующая политическая величина. Без оценки «активных», злободневных или «модных» идейно-политических течений программа и тактика способны выродиться в мертвые «пункты», проведение которых в жизнь, применение к тысячам детальных, конкретных и конкретнейших вопро-

сов практики немыслимо с пониманием сути дела...»

Как бы долог ни был период реакции, новый революционный подъем неизбежен. Контрреволюция еще царит, мнит себя непоколебимой, но в ней уже чувствуются новые черты, «когда полное уныние и зачастую «дикий» испуг проходит, когда заметно крепнет в самых различных и в самых широких слоях сознание — или, если не сознание, то ощущение, что «так дальше нельзя», что «перемена» нужна, необходима, неизбежна, когда начинается тяготение, полуинстинктивное, сплошь да рядом не определившееся еще тяготение к поддержке протеста и борьбы». Постепенно усталость, оцепенение, порожденные торжеством контрреволюции, проходят, и становится видно, что массы «потянуло опять к революции». В этой, второй полосе контрреволюции она уже не способна к дальнейшему наступлению с прежней силой и энергией. Те, кто в начале наступления контрреволюции сбрасывал «революционные одежды», начинают менять окраску в противоположном направлении. «Всеобщее «полевение» буржуазии, значение которого само по себе не следует преувеличивать, крайне характерно, как симптом, как признак надвигающейся новой эпохи, как отзвук глубоких революционных процессов, происходящих там, внизу, в глубинах народных... Одни с надеждой, другие с ненавистью, но все сознают, что приближаются новые бурные времена».

Контрреволюционные периоды подготавливают новое поколение революционеров, прошедших под руководством большевиков «политическую школу в событиях революции и контрреволюции, стремящихся отстоять задачи революции и методы ее, найти соответствующие новым условиям исторического момента формы борьбы...». Разгул реакции изжил в них соглашательские иллюзии, веру в «доброту» и «порядочность» противников, научил твердости и беспощадности к врагам.

Большевики хорошо знали «итог буржуазных революций: вначале вооружить пролетариат, потом обезоружить, чтобы он не пошел дальше». Вот почему на одно из первых мест в пропаганде и агитации было выдвинуто разоблачение контрреволюционности буржуазного правительства и преступного соглашательства мелкобуржуазных партий эсеров и меньшевиков, стремившихся к сделке с контрреволюционной буржуазией.

Мелкая буржуазия боялась довериться руководству революционного пролетариата. Но «...в обществе ожесточенной классовой борьбы между буржуазией и пролетариатом, особенно при неизбежном обострении этой борьбы революцией, *не может* быть «средней» линии. А вся суть классовой позиции и стремлений мелкой буржуазии состоит в том, чтобы хотеть невозможного, стремиться к невозможному, то есть как раз к такой «средней линии». Опыт корниловщины еще раз показал, что середины нет, а мелкобуржуазное правительство Керенского продемонстрировало, что ни твердости, ни решительности в подавлении монархического заговора оно проявить не способно. И это не случайно: «Вопрос о твердом курсе, о смелости и решительности не есть личный вопрос, а есть

вопрос о том *классе,* который способен проявить смелость и решительность. Единственный такой класс — пролетариат. Смелость и решительность власти, твердый курс ее, — не что иное, как диктатура пролетариата и беднейших крестьян».

Если на этапе борьбы за победу социалистической революции мелкобуржуазные демократы строили иллюзии в отношении отсутствия диктатуры буржуазии, то после победы социалистической революции и установления диктатуры пролетарита они под лозунгами чистой, надклассовой демократии требовали от большевиков отказа от диктатуры пролетариата. Однако возможны «либо диктатура буржуазии, либо власть и полная диктатура рабочего класса, нигде середина не могла ничего дать, и нигде из нее ничего не выходило». Меньшевики и эсеры пугали крестьян «диктатурой одной партии», партии большевиков-коммунистов. В «Письме к рабочим и крестьянам по поводу победы над Колчаком» В. И. Ленин писал: «Либо диктатура (т. е. железная власть) помещиков и капиталистов, либо диктатура рабочего класса.

Середины нет. О середине мечтают попусту барчата, интеллигентики, господчики, плохо учившиеся по плохим книжкам. Нигде в мире середины нет и быть не может. Либо диктатура буржуазии (прикрытая пышными эсеровскими и меньшевистскими фразами о народовластии, учредилке, свободах и прочее), либо диктатура **пролетариата».** Этих мечтателей о середине В. И. Ленин рассматривал как самых вредных и опасных противников, высмеивая тупоумие мелкого буржуа, мещанина, отрицательно относящегося к диктатуре пролетариата. Вот почему для борьбы с контрреволюцией нужно определенно, твердо, прямо, сознательно «стать на борьбу за диктатуру пролетариата.

Об этой борьбе пролетариата мы говорим совершенно открыто, и нужно каждому человеку стать или по эту, нашу, сторону, или по другую. Все попытки не стать ни на одну, ни на другую сторону заканчиваются крахом и скандалом».

Наивно-мечтательные взгляды на создание социалистического общества без ожесточенной классовой борьбы с контрреволюцией мешали мобилизации пролетарских и полупролетарских масс на решительное подавление ее поползновений, мешали им понять, что для того, чтобы сломить бешеное сопротивление капиталистов и их приспешников, нужна твердая власть, нужно насилие и принуждение. «С нашей стороны, — писал В. И. Ленин, — всегда последуют меры принуждения в ответ на попытки — безумные, безнадежные попытки — сопротивляться Советской власти. И во всех этих случаях ответственность за это падет на сопротивляющихся...»

Жалость к контрреволюционерам, как показывает исторический опыт, причем также и совсем недавний, оборачивается потом кровью расстрелянных и замученных рабочих и крестьян. В. И. Ленин так ставил вопрос: «Что лучше? Выловить ли и посадить в тюрьму, иногда даже расстрелять сотни изменников из кадетов, беспартийных, меньшевиков, эсеров, «высту-

пающих» (кто с оружием, кто с заговором, кто с агитацией против мобилизации, как печатники или железнодорожники из меньшевиков и т. п.) *против* Советской власти, *то есть за Деникина?* Или довести дело до того, чтобы позволить Колчаку и Деникину перебить, перестрелять, перепороть до смерти десятки тысяч рабочих и крестьян? Выбор не труден». На крики о нарушении свободы, на обвинения большевиков в применении террора, во внесении системы террора в управление и тому подобное, на призывы к большевикам отказаться от террора В. И. Ленин отвечал: «...мы не хотели оказаться — и мы решили, что не окажемся — в том положении, в каком оказались соглашатели с Колчаком в Сибири, в каком завтра будут немецкие соглашатели, воображающие, будто они представляют правительство и опираются на Учредительное собрание, а на деле сотня или тысяча офицеров в любой момент может дать такому правительству по шапке». Опыт чилийских событий вновь подтвердил правоту и актуальность этих ленинских слов.

Как бы полон ни был, однако, разгром реакции, какой бы прочной ни казалась победа революции и социализма, не следует забывать о бдительности. «Переход от капитализма к коммунизму, — писал В. И. Ленин, — есть целая историческая эпоха. Пока она не закончилась, у эксплуататоров неизбежно остается надежда на реставрацию, а эта *надежда* превращается в *попытки* реставрации». Необходимо хорошо запомнить, что «таких революций, которые, завоевав, можно положить в карман и почить на лаврах, в истории не бывало. Кто думает, что такие революции мыслимы, тот не только не революционер, а самый худший враг рабочего класса». С установлением диктатуры пролетариата борьба не кончается, а лишь принимает иные формы. «Диктатура пролетариата есть *продолжение* классовой борьбы пролетариата в *новых* формах. В этом гвоздь, этого не понимают.

Пролетариат, как *особый* класс, один *продолжает* вести свою классовую борьбу».

Исторический опыт показывает, что враги социализма, антисоциалистические силы готовы принять любые лозунги, «лозунги даже советского строя, лишь бы свергнуть диктатуру пролетариата», «что белогвардейцы стремятся и умеют перекраситься в коммунистов и даже «левее» их, лишь бы ослабить и свергнуть оплот пролетарской революции...». Известно, что после поражения в гражданской войне контрреволюционные силы отнюдь не прекратили своей работы. В резолюции XII Всероссийской конференции РКП(б) «Об антисоветских партиях и течениях» указывалось, что эти силы «систематически пытаются превратить сельскохозяйственную кооперацию в орудие кулацкой контрреволюции, кафедру высших учебных заведений — в трибуну неприкрытой буржуазной пропаганды, легальное издательство — в средство агитации против рабоче-крестьянской власти и т. п.».

Контрреволюции свойственно до поры до времени выжидать, копить силы, тем более что она тщит себя надеждой на саморазложение или перерождение социализма. Как

только поражение контрреволюции становится несомненным, она меняет тактику. XVI съезд ВКП(б) обратил внимание всей партии на то, что «оппортунисты всех мастей, особенно правые, применяют новый маневр, выражающийся в формальном признании своих ошибок и в формальном согласии с генеральной линией партии, не подтверждая свое признание работой и борьбой за генеральную линию, что на деле означает только переход от открытой борьбы против партии к скрытой или выжидание более благоприятного момента для возобновления атаки на партию». Признавая генеральную линию партии на словах, на деле оппортунисты всячески тормозят ее осуществление и одновременно стремятся извратить и само содержание этой линии, сбить партию, рабочий класс, всех трудящихся с правильного большевистского курса. В Тезисах Центрального Комитета КПСС «К 100-летию со дня рождения Владимира Ильича Ленина» подчеркивалось, что построение нового общества «всегда встречает упорное противодействие со стороны свергнутых эксплуататорских классов, сил и традиций старого мира. Пролетарскому государству приходится подавлять подрывные действия буржуазии, врагов социализма».

Партия обращает внимание всех трудящихся на то, что пока силы и традиции старого мира не исчезли с исторической сцены, с ними необходима активная наступательная борьба. При этом нужно иметь в виду, что теперь правящие круги империалистических стран, не отказываясь от других форм борьбы против социализма, делают главную ставку на идеологические диверсии в отношении социалистических государств. Весь огромный аппарат антикоммунистической пропаганды направлен сейчас на то, чтобы «попытаться подорвать социалистическое общество изнутри».

В партийных документах подчеркивается, что «нет и не может быть нейтрализма, каких-либо компромиссов в борьбе с буржуазной идеологией: классовые принципы не примиряются, они побеждают в борьбе. Разоблачение буржуазной идеологии — революционный долг марксистов-ленинцев». Мы не должны и упрощать этой борьбы. Ведь «передовая линия борьбы против буржуазной идеологии, — как писал журнал «Коммунист», — проходит не только по границам, разделяющим новый и старый социальные миры, не только в международных организациях, на встречах политических деятелей и дипломатов, в научных дискуссиях. Она пролегает также в нашей повседневности, отграничивая подлинно социалистическое сознание от обывательски-мещанского, между которыми уже не одно десятилетие идет принципиальный и нелегкий бой». Партия призывает вести наступательную борьбу против буржуазной идеологии, активно выступать против попыток протаскивания в отдельных произведениях литературы, искусства и других произведениях взглядов, чуждых социалистической идеологии советского общества, защищать завоевания социализма.

Центральный Комитет нашей партии в постановлении «О дальнейшем улучшении

идеологической, политико-воспитательной работы» подчеркнул: «...долг партийных и комсомольских организаций — прививать молодому поколению чувство исторической ответственности за судьбы социализма, за процветание и безопасность Родины». Помочь выполнить этот долг, послужить пособием партийным и комсомольским пропагандистам, всем, кто ведет борьбу или готовится к активной и сознательной борьбе за социализм и коммунизм, — в этом назначение и ценность сборника «В. И. Ленин, КПСС о борьбе с контрреволюцией».

М. ПОПОВ

ВОЛЖСКАЯ ПАНОРАМА

В музеях Москвы, Ленинграда, многих городов Поволжья хранится в разрозненном виде удивительное собрание рисунков и живописных полотен художников братьев Г. и Н. Чернецовых — волжские пейзажи на всем протяжении от верховьев до устья. Созданные с целями географическими, как и собственно живописными, они с течением времени обрели новое значение, о котором вряд ли задумывались трудолюбивые художники. В наши дни к этим полотнам нас привлекает не только благородная сдержанность письма, академическая точность. Г. и Н. Чернецовы запечатлели краткий миг жизни на вечных берегах великой реки, и теперь собрание их картин представляет собой не только свидетельство путешествия по реке, открывающего пейзаж за пейзажем, следуя ее плавному течению. «Волжская панорама» как бы позволяет совершить путешествие во времени, показывая облик перемен на фоне узнаваемых плесов и круч.

Николай Палькин. Поэма о Волге. — «Волга», 1978, № 11.

Путь братьев-художников, путь тысяч паломников-туристов повторил в наши дни поэт Николай Палькин, и впечатления его легли в основу лирической «Поэмы о Волге». Одухотворенная стихия поэмы, казалось бы, далека от документальной точности чернецовских полотен, но единым остается правдивость взгляда, фиксирующего на волжских просторах приметы эпохи.

Волга — река, упомянутая еще в «Повести временных лет» как далекая восточная граница Руси, стала затем главной артерией разросшегося государства, стала зеркалом его души и истории:

И не только берега крутые,
И не только тучи-облака,
В Волге, словно в зеркале России,
Отразились судьбы и века.
. . . .
Отразилась в Волге вся Россия,
Отразилась близь ее и даль,
Все ее могущество и сила,
Вся ее тревога и печаль.

Недаром в это зеркало пытливо вглядывались поэты нашей страны, начиная с Сумарокова и Карамзина, посвятивших ей вдохновенные строки, и до наших современников. Вспомним хотя бы замечательную главу о Волге в

поэме Твардовского «За далью — даль». Имя Твардовского недаром упомянул в своем произведении Николай Палькин. От него заимствует автор «Поэмы о Волге» и жанр поэмы-путешествия, и доверительную интонацию, взвешенную «на весах души», и сплав гражданственности взгляда с лирической теплотой. Однако если Твардовского в первую очередь интересовали грандиозные процессы современности, то Н. Палькин все время оглядывается в прошлое, тем более что множество напоминаний о минувших днях щедро предлагает ему выбранный маршрут.

Не только память земли помогает поэту в работе. В лучших строках поэмы на помощь автору приходит память языка, в самом звучании которого заложен трудовой исторический опыт поколений:

И все тут к месту, все тут
впрок,
Во всем намек, во всем урок...

Русь начиналась не вчера.
Русь начиналась с топора.

И той порою был топор
Во всем опорою опор.

Прошлое не существует отдельно от сегодняшнего дня — их связывает державное течение времени, неостановимое, как течение великой реки. Вольная мысль поэта легко объединяет эпохи — от подножия памятника тверскому купцу Афанасию Никитину она летит за три моря, из XV века — к нашим делам и заботам.

Задумавшись в Угличе об убийстве царевича Дмитрия и захвате престола Борисом Годуновым, Н. Палькин вспоминает, что именно в ту пору на народ надели крепостную цепь, разорвать которую «в огне мужающей России» помогали в разные времена и Разин, и Некрасов, и Чернышевский.

Поклонившись памяти Некрасова, поэт напоминает о его страстной гражданственности, обличая нынешних «поэтических жонглеров». Николай Палькин известен как автор текстов популярных в народе песен. Неудивительно, что, проплывая мимо воспетых народом Жигулей, он раздумывает о делах сегодняшнего неспокойного песенного цеха. Любуясь красотой волжских просторов, поэт испытывает горькое чувство от несоразмерности высот духа, которыми славен наш народ, и корыстного штукарства, проявившегося в последние годы в массовой песне. Горькими, справедливыми словами укоряет автор нынешних «текстовиков» и исполнителей, предвещая радостные дни, когда песня зазвучит, задевая за самую душу:

Чтобы слезы, чтоб мороз
по коже,
Чтобы снова ясно стало мне:
Нет на свете ничего дороже
Этой жизни на родной земле.

В центре поэмы Николая Палькина глава, посвященная В. И. Ленину. Автор следует давней традиции советской поэзии, идущей еще от Маяковского и Есенина, воплощающей образ Ильича как плоть от плоти народа, самой истории русской земли:

Волга, Волга, не ты ль
с добротою
Этот страстный характер,
живой
Наделила своей широтою,
Одарила своей глубиной?

Побывав на родине вождя революции, увидев воочию места, где зрела его душа для

великого дела, поэт находит незаемные, прочувствованные слова о человеке, с рождения которого «начинается наш календарь».

Лирическая по преимуществу интонация первых глав поэмы перерастает в мощные, торжественные аккорды глав заключительных, посвященных великой битве за Сталинград и грандиозному индустриальному размаху сегодняшнего дня. Бескорыстная труженица-река словно вдохновляет народ на трудовые подвиги.

Пройдя путем «Поэмы о Волге», мы побывали в древних русских городах, вспомнили о славном прошлом страны, о замечательных людях. Автор нарисовал картины трудового величия приволжского края, доверительно поделился своими раздумьями и заботами.

Создание произведения, в котором были бы сплавлены воедино зримая достоверность изображаемого, вдохновенный лиризм и страстная публицистичность, — дело сложное. Естественно, что наряду с удачными главами в поэме можно подметить места недостаточно прописанные.

Мне показалась неудачной глава «Видение в Казани», где автор ведет беседу с воскресшим Мусой Джалилем. В предыдущей главе — «Здравствуй, Чувашия!» — автор проникновенно говорил о братстве народов нашей страны, об исторической общности всех национальностей, бок о бок живущих на берегах великой реки. И вот автор вызывает далее в собеседники талантливого татарского поэта, отдавшего жизнь в борьбе с фашизмом. Но здесь невольно вспоминается шекспировское: «Вызывать духов может всякий. Вопрос в том, явятся ли они на зов?» Воскрешение ушедших от нас знаменитых людей столь часто практикуется в нынешней поэзии, что становится уже обиходным. Читателя может покоробить, что Джалиль, вырвавшись на время по воле Н. Палькина из лагеря смерти, сидит теперь с автором поэмы за столиком и... не спеша потягивает пиво!

Трудное дело — просто, доверительно говорить с читателем о самых серьезных вещах. Разговорность интонации временами оборачивается засоренностью частицами и междометиями, необязательными словечками. Резкое сочетание разноплановой лексики, приемлемое в устной речи, порой разрушает речь поэтическую. Впрочем, шероховатости стиля объяснимы трудностью, значительностью задачи, принятой на себя поэтом.

Задача эта — рассказать, как воплощается память о славном прошлом народа в его великих сегодняшних делах, развернуть перед читателем современную волжскую панораму. Финал поэмы открыт будущему.

Я иду все дальше.
Ты за это
Беспокойства дай мне и любви.
Вдохнови на новый труд поэта
И в далекий путь
благослови, —

обращается поэт к Волге. Ему идти дальше по поэтической стезе, а «Поэма о Волге» останется свидетельством не только сегодняшнего дня великой реки, но и сегодняшнего дня нашей поэзии.

Леонид АСАНОВ

ЛЕТОПИСЬ КОМСОМОЛА

На алой обложке книги «Ленин. Сибирь. Комсомол» изображен золотой значок с буквами «КИМ», значок, который в 20-е и 30-е годы носили мы, комсомольцы, как знак принадлежности к Коммунистическому Интернационалу Молодежи. Две звездочки на корешке показывают, что это вторая книга трилогии, посвященной зарождению, развитию и работе комсомола Сибири. Первая книга о годах 1917—1920-х вышла пять лет назад. Вторая книга посвящена в основном периоду 1920—1925 годов.

Кандидат исторических наук Владимир Золотарев почти четверть века работает над материалами по истории комсомола Сибири. Он кропотливо, по крупицам собирал материалы о боевых делах сибирских комсомольцев 20-х годов, рассказы, воспоминания живых участников событий. Автор установил связь со многими из них. Книга В. Золотарева посвящена зачинателям комсомола в Сибири и рассказывает об огромной разносторонней работе комсомольцев в трудные годы после освобождения Сибири от колчаковцев и интервентов.

Автор много пишет о речи Владимира Ильича Ленина на III съезде РКСМ в октябре 1920 года, рассказывает об условиях, в которых проходил съезд, о настроениях делегатов. Приведена в книге уникальная фотография посланцев сибирского комсомола на III съезде — единственный в стране фотодокумент большой группы делегатов съезда.

Как самую дорогую реликвию почти шестьдесят лет хранит фотографию группы делегатов съезда ветеран нашего комсомола, делегат съезда от комсомольцев Енисейской губернии, мой товарищ, ныне живущий в Рязани, А. Гендон. Он активно участвовал в создании первых комсомольских организаций в бывшем Ачинском уезде Енисейской губернии. В марте 1920 года, спустя считанные недели после освобождения уезда от колчаковцев, он вступил в ряды партии и комсомола, организовывал комсомольские ячейки в Ачинске и его окрестностях, был одним из организаторов I уездной комсомольской конференции, а на I Енисейской губернской комсомольской конференции избран в состав губкома и делегатом на III съезд РКСМ. Событиям тех лет посвящена его книга «Слово первых комсомольцев», вышедшая в Красноярске в 1958 году.

В книге В. Золотарева обстоятельно, на огромном фактическом материале показывается, как сибирский комсомол под руководством партийных организаций вел свою работу среди молодежи в тяжелые годы конца гражданской войны, в условиях нэпа, как вместе с коммунистами комсомольцы вели борьбу против кулачества и бандитизма. Комсомол помогал партии в восстановлении народного хозяйства, боролся за хлеб, за новую жизнь, помогал голодающим. Комсомольцы активно участвовали в создании первых коммун, това-

---

В. А. Золотарев. Ленин. Сибирь. Комсомол. Новосибирск, Западно-Сибирское книжное изд-во, 1978.

риществ по совместной обработке земли, развертывали культурно-массовую работу, ликвидировали неграмотность, проводили антирелигиозную пропаганду.

В тяжелом 1924 году, после смерти В. И. Ленина, молодые рабочие, батраки и бедняки Сибири тысячами вступали в ряды комсомола, а лучшие сибирские комсомольцы шли в ряды партии. Автор этих строк в 1924 году по ленинскому призыву стал комсомольцем и был первым секретарем комсомольской ячейки в деревне Березовка Больше-Улуйского района нынешнего Красноярского края. Сейчас, после знакомства с книгой «Ленин. Сибирь. Комсомол», в памяти невольно встают картины далекого прошлого, бурной комсомольской жизни. Вспоминаются друзья, товарищи, многие из которых уже ушли из жизни, отдав борьбе пыл своих сердец.

В книге тепло рассказывается о работе многих нынешних ветеранов партии и комсомола, внесших большой вклад в создание и работу комсомольских организаций Сибири. Было особенно приятно увидеть фотографию и прочитать строки о моем первом партийном наставнике Петре Ильиче Белошапкине, бывшем партизане, потом бойце Народно-революционной армии, награжденном за участие в освобождении Спасска-Дальнего орденом Красного Знамени. Он был первым коммунистом в Березовке, именно под его руководством мы создавали комсомольскую ячейку.

В содержание книги органически вошел раздел «Говорят ветераны партии и комсомола», где приведены высказывания о комсомоле, о нашей героической молодежи М. И. Калинина, А. В. Луначарского, Н. К. Крупской...

Книга «Ленин. Сибирь. Комсомол» богато иллюстрирована. В ней помещено свыше двухсот фотодокументов, многие из которых уникальны. Они сохранят для будущих поколений живой образ тех, кто закладывал основы комсомола в Сибири. Большое впечатление производят подборки фотографий ветеранов сибирского комсомола, в которых отражен их жизненный путь от 20-х годов до сегодняшних дней.

Интересны страницы книги, рассказывающие, как после V съезда РКСМ в Сибири зарождалось и развивалось детское коммунистическое движение, как развертывалась, вначале в городах и промышленных центрах, а потом на селе, работа с юными пионерами. К январю 1926 года пионерских отрядов в Сибири насчитывалось больше двух тысяч, в составе которых находилось 80 тысяч пионеров. Для Сибири это были первые ласточки массового пионерского движения, особенно на селе. Мне самому довелось работать председателем бюро юных пионеров при Бириллюском райкоме ВЛКСМ нашего Красноярского края и, по существу, организовывать эту работу в районе почти с самого начала.

Материалы книг В. А. Золотарева выходят далеко за рамки одного края. Они раскрывают историю комсомола на большой территории от Омска до Якутска включительно.

И. МАЛИНИН,
член КПСС с 1928 года

НЕ ТОЛЬКО НА ФОТОГРАФИЯХ

Огромный Музей изобразительных искусств имени А. С. Пушкина на Волхонке был заполнен народом. А в одном из залов на втором этаже люди стояли буквально плечом к плечу. Центром всеобщего внимания была совсем небольшая, стоящая на затянутом бархатом постаменте картина в тяжелой золоченой раме. Дюрер. «Портрет молодого человека». Одна из вершин германского Возрождения. Именно с нее начался торжественный акт передачи бессмертных произведений Дрезденской галереи немецкому народу.

Около 750 произведений искусства, разысканных и спасенных от гибели советскими солдатами 1-го Украинского фронта и отреставрированных нашими выдающимися специалистами и художниками, возвращались в Дрезден.

Говорились речи, стрекотала киноаппаратура, и задумчиво глядел на все происходящее молодой человек в темном, слегка сдвинутом на правое ухо берете, и века, казалось, текли перед его спокойным взором.

А ведь его взгляд мог погаснуть навсегда, если бы не обнаружили наши саперы этот бесценный портрет в старой затопленной штольне известняковой шахты в Рудных горах Саксонии. Здесь фашистские варвары погребли 350 шедевров мировой культуры, среди которых были Рубенс и Ван-Дейк, Корреджо и Боттичелли, Тициан и Гольбейн, Кранах...

Е. Левит. Осталось только на фотографиях. М., «Планета». 1978.

«Если мы будем принуждены уйти, то мы хлопнем дверью с таким треском, который потрясет человечество до конца его дней». Так объявил за несколько дней до своего самоубийства доктор Геббельс. Тот самый, который с потрясающим цинизмом утверждал, что при слове «культура» его рука тянется к пистолету.

Сам ушел, получили свое и отправились вслед за ним другие ему подобные, но лишь счастливая случайность не позволила им «хлопнуть дверью». Уничтоженные взрывчаткой или водой, шедевры искусства должны были стать всего лишь очередной жертвой идеи человеконенавистничества, философии, объявлявшей, что «первобытное варварство, скрытое и скованное в течение столетий под строгими формами высокой культуры, теперь вновь пробуждается, когда культура кончилась и началась цивилизация».

Именно эта новая «цивилизация» несла в мир неисчислимые слезы и разрушения, горе и гибель целых народов.

Память... Как много сохраняет она светлого, но сколько — трагического!

«Несколько тысячелетий назад на земле прогремели первые войны, ставшие известными в истории. Но еще раньше из уст в уста передавались предания и легенды о кровавых побоищах и разорительных нашествиях. История человечества не знает ни одного народа, культура которого не пострадала бы от войн. Нет ни одной страны, которая не знала бы разру-

шений и грабежей — страшных преступлений иноземных захватчиков. Невежество, насаждаемое поработителями, не погубило столько творений человеческого гения, сколько было уничтожено завоевателями...»

Строки из книги, которая представляется мне одной из глав энциклопедии трагической человеческой памяти.

«Осталось только на фотографиях» — так она называется. Автор ее — Евгений Левит, оформление Надежды Рудаковой. Консультировал эту многолетнюю работу и внес в нее большой вклад известнейший знаток русского искусства, заслуженный деятель искусств РСФСР и лауреат Государственной премии РСФСР Николай Николаевич Померанцев. Это превосходное издание — первое в нашей стране, в котором собраны фотодокументы и другие материалы об уничтоженных и украденных фашистскими варварами в годы войны уникальных произведениях архитектуры и изобразительного искусства. Эта книга о навсегда пропавших для человечества шедеврах русской и мировой культуры. О взорванных национальных святынях в Киеве и под Ленинградом, Новгороде и Пскове, Риге и Нарве, о разрушенных городах и соборах, разворованных и вывезенных ценностях музеев и библиотек, о переплавленных памятниках, об оскверненных могилах Пушкина и Толстого... Книга о пустых рамах в наших музеях, являвших миру когда-то творения Дюрера и Веронезе, Брейгеля и Рембрандта, Репина и Васнецова, Айвазовского и Врубеля...

Листаю страницы фотоальбома и вижу закопченные руины девятисотлетнего собора в Ковентри, разбомбленного гитлеровской авиацией, развалины красавицы Варшавы, сброшенные с пьедесталов памятники Мицкевичу, Монюшко, обгорелые ноты, написанные рукой Шопена...

Помню, несколько лет назад стояли мы на Старом Мясте в Варшаве с художником Ришардом Збжежни. Пан Ришард был участником Варшавского восстания, а позже принимал участие в восстановлении города. Глухим голосом, делая долгие паузы, рассказывал он, как по старым чертежам, рисункам художников, случайно уцелевшим фотографиям воссоздавали они прежний облик Старого Мяста. Гигантски кропотливый, но какой величественный человеческий труд! Ведь из 705 памятников истории и культуры в Варшаве не осталось ни одного. И восстановить город из пепла означало построить его заново.

Уничтожение и разграбление памятников культуры, составлявших национальную гордость народов порабощенных гитлеровцами стран, носили планомерный характер и были возведены в ранг государственной политики.

Буквально в первые же дни второй мировой войны создавались подразделения особого назначения, специальные команды, снабженные каталогами музеев, техническими средствами и транспортом. Гитлеровцы «инвентаризировали» краденое, собирая собственные «сверхмузеи». Выдающиеся произведения искусства становились предметом обогащения и спекуляции фашист-

ских воротил всех рангов. Характерно в этом смысле откровенно циничное заявление Геринга: «Я намереваюсь пограбить». Коротко и точно.

Личные представители Гитлера, Геринга, Розенберга и других нацистских бонз, гауляйтеры и генералы вступали порой в ожесточенную борьбу за обладание мировыми сокровищами. Документы, приведенные в книге, свидетельствуют об этом. Так, гауляйтер Белоруссии Кубе жалуется Розенбергу на действия подручных Гиммлера, перехвативших у него добычу: «Сегодня после долгих поисков я наконец обнаружил и взял под охрану остатки художественных ценностей Минска... По приказу рейхсфюрера СС рейхсляйтера Генриха Гиммлера большинство картин... было упаковано эсэсовцами и отправлено в Германию. Речь идет о миллионных ценностях... Эсэсовцы предоставили остальные картины и предметы искусства... на дальнейшее разграбление вермахту. Генерал Штубенраух захватил с собой часть этих ценных вещей из Минска на фронт. Зондерфюреры, фамилии которых мне пока не доложены, увезли три грузовика с мебелью, картинами и предметами искусства...»

Так было в каждом городе, захваченном фашистами, несшими миру свою «культуру». Скотобойня в здании музея в Бородине, курятник в доме Циолковского, уборная в Монплезире, сожженная мебель и книги Льва Толстого в печах музея Ясной Поляны...

Недавно наше телевидение вело репортаж из Петродворца, где вот уже более трех десятков лет специалисты и художники восстанавливали и наконец завершили работы в Екатерининском дворце. Тщательно изучая обломки скульптур, куски штукатурки и дерева, обрывки тканей, они возродили заново одно из замечательных творений русской культуры.

Восстали из руин великолепные дворцы Петергофа и Павловска, Пушкина и Гатчины. Снова, как прежде, сверкают восхитительные фонтаны Петродворца, покоряют своей красотой Киев и Минск, Воронеж и древний Смоленск... Но никогда уже не увидят люди один из немногих памятников Киевской Руси XI века — Успенский собор Киево-Печерской лавры. Не увидят и всемирно известную новгородскую церковь Успения на Волотове XIV века с украшавшими ее фресками Феофана Грека. Многое не увидят уже люди, ибо даже самый вдохновенный труд реставратора не воссоздаст в первоначальном величии плоды творения гениев. Они остались только на фотографиях.

Книга, о которой идет речь, складывалась много лет. Сотни поездок во многие города страны предшествовали ей, долгая и тщательная работа в музейных архивах, тысячи консультаций со специалистами. Самые, казалось бы, незначительные данные помогали Евгению Левиту проследить судьбы тех или иных произведений, вплоть до их местонахождения в наши дни. На этом пути автору книги встречались истории поистине детективные. Вот одна из них.

В библиотеке Львовского филиала Академии наук Украины до Великой Отечественной войны сохранилось

более 30 рисунков Альбрехта Дюрера, которые еще в прошлом веке передал в народное заведение известный собиратель Генрик Любомирский. В декабре 1939 года Ганс Поссе, бывший тогда директором Дрезденской галереи, писал Борману: «Хочу обратить Ваше внимание на то, что... в руки Советов... попал альбом рисунков Альбрехта Дюрера...» Став личным представителем Гитлера по изъятию — так это именовалось — произведений искусства для «сверхмузея» в Линце, Поссе послал во Львов своего человека, но, как выяснилось, опоздал. Рисунки Дюрера исчезли. Их успел увезти личный представитель Германа Геринга. Позже Гитлер и Геринг, видимо, сумели договориться, и «второе лицо» в рейхе уступило коллекцию «первому». Рисунки так и не вернулись во Львов. Американская администрация в Германии обнаружила рисунки Дюрера и организовала сделку между потомком Любомирского и нью-йоркским коллекционером. Впоследствии этот коллекционер передал рисунки Метрополитен-музею, где они находятся до сих пор...

Длинный список исчезнувших произведений искусства приводит автор в своей книге.

«Киевский государственный музей русского искусства наряду с другими разыскивает следующие произведения живописи...»

«Картинная галерея в Минске считает пропавшими во время войны 500 произведений русских и западноевропейских художников, среди них...»

«Картинная галерея во Львове среди похищенных гитлеровцами в годы войны называет следующие произведения искусства...»

«Алупкинский дворец-музей разыскивает украденные офицерами штаба фельдмаршала фон Манштейна произведения западноевропейских художников...»

Каждый список — это список преступлений против человечества. Свыше ста тысяч ценнейших произведений искусства и культуры вывезли гитлеровцы из нашей страны за годы оккупации. Нет, пожалуй, ни одного художника или скульптора, сколько-нибудь известного в истории искусства, чье имя не оказалось бы в этом скорбном списке.

Огромна эстетическая ценность расхищенных произведений: среди них шедевры древнерусской живописи, полотна и скульптуры русских художников XVII—XX веков, прекрасные образцы творчества живописцев и ваятелей стран Запада и Востока. Излишне говорить и о материальной ценности похищенного: оно исчисляется сотнями миллионов золотых рублей.

После разгрома фашистской Германии многие произведения были разысканы и возвращены. Но далеко не все. Безусловно, что-то погибло в огне войны. Однако можно утверждать, что большая часть награбленного сохранилась и находится в запасниках музеев на Западе, в частных коллекциях, в тайниках и в сейфах банков. На это указывают появление, например, на Брюссельском аукционе похищенной иконы «Курской божьей матери», или разоблачение гитлеровских военных преступников, связанных с грязным бизне-

сом по продаже произведений искусств, и многие другие факты. Не так давно норвежская фирма, торгующая произведениями искусства, предложила советским торговым организациям приобрести у нее древние иконы. Фирма представила прекрасно изданный каталог, судя по которому в ее распоряжении имеется много икон, украденных в годы войны из наших музеев.

Очень большое и нужное дело начали автор и издательство. Книга «Осталось только на фотографиях» лишь начало. Тираж ее невелик, и представлена на ее страницах только малая часть разграбленных и уничтоженных шедевров, но значение книги трудно переоценить. Розыски продолжаются, и авторский архив пополнится новыми свидетельствами и документами, внушающими надежду, что великие образцы высокого искусства не останутся только на фотографиях. Видимо, теперь пришла очередь создания более обширного каталога пропавших произведений искусств, основанного на списках, хранящихся в наших музеях, архивах и других найденных материалах. Острая необходимость подобного издания очевидна.

Книга «Осталось только на фотографиях», как сказал о ней в предисловии президент Академии художеств СССР Николай Васильевич Томский, не только торжественный реквием. Она и «суровое предупреждение, обращение к поколениям нынешним и будущим, призыв охранять, защищать и беречь все, созданное человеческим гением».

Виктор ВУЧЕТИЧ

КРУГ ЧТЕНИЯ

Л. Стржижовский. Стреляет пресса Шпрингера. М., Политиздат, 1978.

Во второй половине 1978 года американский «фонд свободы» наградил Акселя Шпрингера «медалью свободы».

Этот штрих биографии Шпрингера журналист-международник Л. Стржижовский не успел включить в написанную им книгу о некоронованном короле прессы ФРГ, выпущенную Издательством политической литературы в серии «Властелины капиталистического мира». Книга появилась как раз накануне «знаменательного» события. Но тем не менее в ней содержится обстоятельный ответ на вопрос, почему фонд, по сведениям зарубежной печати, тесно связанный с Центральным разведывательным управлением США и всегда избиравший в качестве своих лауреатов самых отъявленных антикоммунистов, остановил на сей раз свой выбор на Акселе Шпрингере.

Л. Стржижовский шаг за шагом прослеживает путь Шпрингера от мелкого репортера, которому в свое время «посчастливилось» освещать визит Гитлера в Гамбург в 1936 году, до владельца огромной газетно-журнальной империи, разовый тираж продукции которой превышает 25 миллионов экземпляров.

Конечно, Шпрингер отрицает сегодня какую-либо связь между своими восторженными репортажами тех лет и нынешней продукцией концерна. В речах и на страницах принадлежащих ему газет Шпрингер всячески избегает даже слова «фашизм», оперируя придуманным им термином «неонационализм». И лишь внимательный взгляд исследователя, не только хорошо знакомого с содержанием шпрингеровских изданий, но и сумевшего заглянуть на «кухню», где пекутся политические новости, мог уловить духовное родство Шпрингера с бывшим имперским министром пропаганды Геббельсом и убедительно доказать, что по ряду вопросов, особен-

но германской политики, они мыслили в высшей степени схоже.

Журналист - международник раскрывает суть внешне, казалось бы, безобидных слов, которые избрал Шпрингер в качестве девиза для своей первой послевоенной газеты «Гамбургер абендбладет», — «Будьте приветливы друг с другом». Это была целая политическая программа, ибо этот призыв в равной степени был обращен и к битым гитлеровским воякам, и к военным промышленникам, и к матерым фашистам, и к финансовым воротилам, и просто к рядовым немцам, которым война принесла ужасы и разорение. В тот ответственный момент истории Германии, когда судьба каждого из этих людей должна была определяться в соответствии с его прошлым, «Гамбургер абендбладет» советовала забыть прошлое, предлагая свой рецепт оценки деятельности и поведения — «человеколюбие и приветливость». Со страниц газеты Шпрингер многозначительно призывал «прочувствовать заново старую родину».

Эта скрытая на первых порах нотка национализма, подчеркивает Л. Стржижовский, с каждым новым изданием не только давала о себе знать все явственнее, но и приобретала более четкое антикоммунистическое звучание.

Новая газета — «Бильдцайтунг» — уже действовала в строгом соответствии с геббельсовскими законами массовой пропаганды: искать врага вне собственного общества. На страницах «Бильдцайтунг» этот враг назывался «большевистской опасностью». Газета открыто провозгласила своей целью борьбу против коммунизма. Небылицы о нашей стране, ее политике стали главным содержанием газеты. Вот лишь некоторые из заголовков, приводимые в книге: «Москва: солдаты остаются под ружьем», «Кремль угрожает супербомбой». А параллели, которые позволяли себе журналисты «Бильдцайтунг», были открыто провокационными. Так, действия народной полиции ГДР сравнивались с «человеконенавистничеством эсэсовских команд уничтожения». «Зона» — так шпрингеровская пресса именовала ГДР — в «Бильдцайтунг» ассоциировалась с концентрационными лагерями. От постройки заградительной стены вокруг Западного Берлина в 1961 году протягивалась ниточка к захвату власти нацистами в 1933 году. От сравнений Шпрингер перешел на страницах своей газеты к открытым угрозам и даже провокациям в адрес ГДР.

Против подстрекательских акций газеты выступили многие известные политические деятели. Л. Стржижовский приводит в книге мнение одного из бывших бургомистров Берлина, Марии Людерс, которая писала, что беснующиеся толпы взвинченных газетой бюргеров напоминали времена, «когда разыгрывались нацистские баталии при участии и по приказу небезызвестного Геббельса».

В газете «Вельт» подданные Шпрингера выражали мысли своего хозяина еще более откровенно. Многим из них не пришлось даже перестраиваться. Главным редактором «Вельт» был назначен Ганс Церер, еще в 30-х годах возглавлявший журнал «Тат», где, по выра-

жению известного журналиста-антифашиста Карла Осецкого, «превзошли Гитлера, перекладывая национал-социализм на современный язык образованных людей». Церер привел с собой в «Вельт» многих своих собратьев по перу из «Тат».

На должность редактора воскресного издания «Вельт ам зонтаг» Шпрингер пригласил одного из ведущих в прошлом нацистских военных корреспондентов — Детмана. Если напомнить, что в этой компании оказались Унфрид Мартин, ярый поклонник португальского диктатора Салазара, Гейнц Пентцлин, в прошлом агент нацистских секретных служб в Скандинавии, Вильям Шламм, в статьи которого то и дело перекочевывали тезисы из книги Гитлера «Майн кампф», то нетрудно представить себе характер этого издания. Недавно, следуя традиции, «Вельт» представила читателям своих лучших нештатных авторов. Рядом с вождем западногерманской реакции Штраусом и военным преступником, бывшим министром Шпеером красуются портреты Сахарова и Солженицына.

Таковы «духовные наставники», чьим взглядам на страницах газеты открыта «зеленая улица». Не случайно «Вельт» выступила против расширения всяких контактов и сотрудничества ФРГ с социалистическими странами; против «восточной политики» своего правительства, вступившего в договорные обязательства с Советским Союзом, Польшей, Чехословакией, ГДР; за американское присутствие в Западной Европе; за чрезвычайное законодательство, жертвами которого становились честные демократы. «Вельт» даже советовала канцлеру ФРГ не подписывать Заключительный акт Общеевропейского совещания в Хельсинки.

«Гамбургер абендбладет», «Бильдцайтунг», и «Вельт» — это не только вехи на жизненном пути Акселя Шпрингера как издателя. Это его главные политические рупоры, с помощью которых на протяжении последних тридцати лет он распространяет духовную отраву, сеет вражду между народами и раздувает еще теплящиеся кое-где угольки «холодной войны».

Свое политическое кредо Шпрингер сформулировал в уставе акционерного общества, где он предписывает работающим у него журналистам неукоснительно следовать выработанным им самим принципам, в частности, «безусловной поддержки идеи восстановления немецкого единства», «отрицания любой формы политического тоталитаризма», «признания системы социального рыночного хозяйства». Журналист должен либо принять на вооружение эти принципы, за которыми кроется, по существу, проповедь антикоммунизма, либо уйти. В этом выборе они свободны. Другой свободы в изданиях Шпрингера нет. Свободно благодаря своим миллионам (годовой доход концерна перевалил за миллион марок) чувствует себя лишь сам хозяин концерна.

В книге приводится немало фактов, как с помощью денег газетный магнат обретал могущество. Сначала он «навел порядок» в родном Гамбурге. Когда в 1948 году в газетных киосках появи-

лась «Гамбургер абендбладет», ее конкурентами были пять газет. Ныне в Гамбурге с молчаливого согласия Шпрингера выходит лишь социал-демократическая «Моргенпост». Показательна судьба «Гамбургер фремденблат», с непокорными владельцами которой Шпрингер путем перекупки объявлений, разжигания вражды читателей к газете расправился в течение восьми недель. Разоренные владельцы были вынуждены за гроши продать тому же Шпрингеру право печатать название некогда популярной газеты на изданиях концерна.

В руках Шпрингера уже 86 процентов общенациональных ежедневных газет. Он выпускает девять из каждых десяти воскресных изданий. Шпрингеру принадлежит и 75 процентов тиража ежедневной прессы Западного Берлина, хотя, как известно, этот город не входит в состав ФРГ. Л. Стржижовский приводит в книге мнение видного западногерманского публициста Себастьяна Хаффнера, который так характеризует могущество Шпрингера: «Уже сегодня каждая еще существующая в ФРГ газета живет, так сказать, по милости Шпрингера и знает это. Наверное, нет уже такой газеты, которую он не мог бы так или иначе задушить, появись у него желание».

Таков Аксель Шпрингер, капиталист, отъявленный антикоммунист и антисоветчик, ярый противник международной разрядки.

Говорят, что врагов надо знать в лицо. В наше время, отмеченное обострением идеологической борьбы, не менее важно знать политическое лицо своего противника, приемы и методы, с помощью которых он пытается воздействовать на общественное мнение. Тот, кто прочтет книгу Л. Стржижовского «Стреляет пресса Шпрингера», получит достаточно полное и точное представление об одном из наших идейных врагов, которого нередко на Западе пытаются представить «борцом за свободу».

В. ЧЕРВЯКОВ

Узники Шлиссельбургской крепости. Очерки. Л., Лениздат, 1978.

«Стены крепости возведены из твердых скал и исполинских камней. Между крепостью и водою ни фута земли, над стенами возвышались сильно укрепленные башни. Маленький остров сильно охранялся. Часовые, расхаживавшие по стенам, могли вдоль и поперек просматривать внутреннее пространство. Солдаты зорко следили, чтобы ни одна лодка не могла приблизиться к берегу. Да и берега-то не было — были бастионы, неприступные с обеих сторон, и с внутренней и с внешней. Двухвековая история крепости почти не знала побегов!»

История Шлиссельбурга — «Ключ-города» — начиналась как история крепости оборонительной, охранявшей северо-западные рубежи Русской земли, но затем волею самодержавия превратилась в тюрьму для защитников интересов народа, тюрьму, печально известную строгостью режима и полной оторванностью от мира.

В истории крепости отрази-

лась история всего революционного движения, начиная с конца XVIII века и до Октябрьской революции. О жизни, трудной каждодневной борьбе, о сопротивлении узников Шлиссельбурга рассказывает книга ленинградских авторов.

Думается, что она адресована прежде всего молодому поколению. Юность — это всегда поиски идеала. Любой из героев этой книги достоин восхищения и уважения. Нельзя не задуматься над подвигом людей, сумевших проявить героизм не только в открытой борьбе с царизмом, но и многолетней стойкостью в страшном застенке. Сильный дух этих людей не только не был сломлен, они продолжали борьбу, они творили в условиях тюрьмы. История Шлиссельбурга вопреки стремлениям царских палачей — свидетельство величайшего подвига трех поколений русских революционеров.

Важный этап в истории крепости связан с народовольцами. В Шлиссельбурге оказались В. Н. Фигнер, Г. А. Лопатин; в 1887 году за покушение на Александра III в Шлиссельбурге казнили Александра Ульянова и его четырех товарищей. В 80-е годы в крепости находились все оставшиеся в живых лидеры народничества: Н. А. Морозов, М. Ф. Грачевский, Ю. Н. Богданович, М. Ф. Фроленко, Г. П. Исаев, А. В. Долгушин, И. Н. Мышкин. Эпоха их заточения в Шлиссельбурге завершилась лишь в октябре 1905 года.

Революция 1905—1907 годов не дала еще победы. Наступившая полоса реакции пополнила Шлиссельбург заключенными. Многие из революционеров только здесь под влиянием прочитанной литературы и бесед с такими стойкими искровцами, как Орджоникидзе, окончательно встали на большевистские позиции.

В книге рассказывается о революционной борьбе, о непоколебимой верности ленинским идеалам Серго Орджоникидзе, прекрасно описана глубокая, чуткая душа Владимира Лихтенштадта, бывшего живым примером стойкости и доброты для всех заключенных.

Да, с революцией, с борьбой за освобождение народа связали свои судьбы прекрасные, талантливейшие люди своего времени. Книга дает множество примеров того, как, несмотря на тяготы и невзгоды жизни, люди умели создавать, творить, смогли внести реальный вклад в науку.

Николай Морозов в отрыве от научного мира сделал оригинальные выводы, которые легли в основу книги «Периодические системы строения вещества». Не вина, а беда его, что он с большим трудом открывал в тюрьме то, что уже доказали ученые за стенами крепости. За время заключения Морозов научился свободно читать на всех европейских языках. Он первый на основе периодического закона Менделеева приступил к разработке теории строения атома. По представлению Д. И. Менделеева Морозову без защиты диссертации была присуждена степень доктора наук.

Книга рассказывает не только о людях — плеяде революционеров России разных времен. Она позволяет проследить и историю самой крепо-

сти: от возникновения города Орешка до наших дней, когда крепость стала музеем. Бывшая цитадель самодержавия ныне исторический памятник.

Е. БОНДАРЕВА

Евгений Павлихин. Техническое решение. Роман. М., «Московский рабочий», 1978.

«Техническое решение»... Какое странное и невыигрышное для романа название, будто речь идет в нем о сугубо производственных делах. Заметим, что это не первый опыт в жанре художественной прозы преподавателя общественных наук Евгения Павлихина. Уже начальные страницы книги нас убеждают в расширительном смысле и даже полемичности заглавия: хотя и техническое решение, но проблема нравственная, проблема человеческой сущности, жизни, судьбы.

Главный герой произведения, инженер-конструктор Сергей Агапов, работающий в научно-исследовательском институте, и вся группа научных сотрудников, которыми он руководит, напряженно ищут наиболее совершенные способы изготовления сложных электронных устройств. На их пути сомнения, неудачи, но и радости постижения истины. Таков сюжет романа.

Глубинный, внутренний нерв его связан прежде всего с характерами героев, с конфликтом, который выходит далеко за рамки узкотехнических вопросов. Больше того, практическая работа Агапова над созданием так называемых «следящих систем», хотя ей и отведено немало страниц, показана автором довольно условно, без ненужных подробностей, которые в иных произведениях молодых авторов затемняют существо человеческих взаимоотношений.

Евгений Павлихин, и в этом нельзя не видеть основного достоинства его романа, сумел перенести центр повествования в идейно-психологическую сферу и раскрыть характер своего героя в единстве его чувств и действий. Сергей Агапов — это прежде всего яркая творческая личность, многогранно себя проявляющая. Мы его видим и как ученого-труженика, самоотверженно выполняющего свой долг, и как семьянина, любящего мужа и отца, и вообще как живого, доброго и умного человека с его многосторонними интересами и увлечениями. Главное — он нарисован в борьбе против холодного ремесленничества, приспособленчества, беспринципности, карьеризма, против тех отрицательных явлений, которые особенно нетерпимы в научной среде.

Рисуя образ талантливого, одержимого все новыми идеями конструктора, автор удачно использует приемы психологического анализа, смело вводит нас в творческий мир изобретателя — «настоящего инженера из потомственных мастеровых». И отец и мать его были рабочими, его детство прошло в старом волжском городе, в обычной семье простых тружеников.

Традиции рабочего класса живут и продолжаются в делах и в жизни Агапова. Вместе с ученым автор представляет читателю его друга — рабочего Василия, токаря-универсала. Агапов как бы по-

стоянно набирается сил от этого удивительно обаятельного, справедливого и талантливого человека. В обществе Василия Прокофьевича он чувствует себя увереннее. «Здесь было легко. Среди своих, добрых и умных людей. Таких понятных, таких родных». Не так много места отведено образу Василия, но его роль в романе значительна. Василий говорит: «Инженеры, хорошие головы у нас на производстве во как нужны. Опять же среди своих, оно полегче. На заводе люди получше, покрепче, чем где». Эти умные слова, образ передового рабочего наших дней, активного участника научно-технической революции, придают роману об интеллигенции бóльшую масштабность, размах. Дружеский союз Агапова с Василием символизирует великую созидательную силу развитого социалистического общества.

Думая о современном ученом, старый академик обобщает:

«Говорят, что технический прогресс обгоняет нравственный. Сомнительно. Кто же двигает технику? Люди. Если у кого-то нет чего-то в душе, откуда он может взять это, чтобы внести в работу? Нравственность сейчас расширила свою сферу».

Всей логикой образной системы своего произведения Евг. Павлихин и доказывает, что в науке решают не только знания, не только способности, но и ничем не заменимая высокая цель деятельности.

Потому-то творчески одаренные, талантливо работающие герои романа — и конструкторы Зотов, Таякина, и токарь Василий, и секретарь горкома партии Хвоин — противопоставлены весьма эрудированному, но растратившему свои духовные силы в суете устройства комфортабельной жизни Михаилу Михайловичу, современной мещанке Раисе Федоровне, а также красивой жене Агапова Марине, для которой преподавательская работа в институте так и не стала любимым делом. По-настоящему увлеченные научными поисками люди объединяются вокруг волевого, интересного своей человеческой, творческой сущностью Агапова. Их сплоченная деятельность и предопределила трудовую и нравственную победу всего коллектива.

В некоторых главах романа сюжет сильно обнажен, что ведет к схематизму, заметны порой стилистические шероховатости, сухость языка, хотелось бы видеть более выразительными эпизодические персонажи. Но все эти недочеты не могут снизить общей положительной оценки интересной и содержательной книги, правдиво воссоздающей «труды и дни» советских ученых.

А. ВЛАСЕНКО

В. Григорьев. Рог изобилия. М., «Молодая гвардия», 1977.

Когда-то Николай Васильевич Гоголь, говоря о роли фантастического в литературе, высказал интересную мысль. «Можно допустить, — сказал он, — что на яблоне растут золотые яблоки, но не-

возможно представить, чтобы на ней росли золотые груши». Точное замечание. Сам великолепный мастер метафоры, Гоголь тем не менее очень точно чувствовал ту грань, за которой фантастическое могло превратиться в абсурд.

Это высказывание Гоголя мне вспомнилось при чтении новой книги писателя-фантаста Владимира Григорьева «Рог изобилия». Как известно, традиции фантастического жанра требуют соответствующего антуража. Так повелось, что при знакомстве с очередным научно-фантастическим произведением мы ждем, что местом действия его будет космос, а герои — люди недалекого или, наоборот, отдаленного будущего. И такое ожидание вполне резонно и оправданно, потому что фантастика — это все-таки предвидение завтрашнего дня, новых людей и новых взаимоотношений. Однако каждый писатель в зависимости от своих целей и замысла волен и отступить от традиции. Владимир Григорьев так и поступил в силу своего взгляда на вещи, в силу своей индивидуальности.

Как правило, действие рассказов Владимира Григорьева происходит на Земле, в условиях, нам привычных. Но это ни в коей мере не говорит о «приземленности» его сюжетов. Герои живут на Земле, но смотрят в небо. Для них, впрочем, как и для самого писателя, главное — работа мысли. И совсем неважно, в каких сферах она проявляется. Важно, что эти люди думают не о себе. Для них превыше всего интересы и заботы общества. Может быть, кому-нибудь они покажутся чудаковатыми и старомодными. Может быть. Но повторим слова мудрого человека: «Да здравствуют чудаки!» Вспомним великого «чудака» Константина Циолковского и пристальнее вглядимся в героев Владимира Григорьева.

Лучший рассказ сборника — «Образца 1919-го» — рассказ программный, в котором, как в фокусе, отразилось мировоззрение Владимира Григорьева, посвящен проблеме взаимоотношений человека с представителями внеземного разума. Каков будет первый контакт? Поймут ли друг друга существа, обитающие в разных концах вселенной? Поймут, отвечает писатель и тем самым определяет свою позицию, следуя таким мастерам советской фантастики, как Иван Ефремов и Александр Казанцев, в чьих произведениях концепция о единстве вселенского разума нашла яркое выражение. В этом смысле книга Владимира Григорьева — наглядный пример преемственности научных и философских идей. Под пером Владимира Григорьева рассказ об одном дне великой революции звучит как высокая баллада, утверждающая везде — на Земле и в космосе — торжество принципов гуманизма, взаимопонимания и добра. В небольшом по объему рассказе писателю удалось по-своему воплотить эту непреложную истину.

В. Григорьев превосходно чувствует слово, его мысль всегда точна, а приемы изложения выразительны. В книге много умного, а главное, доброго юмора.

Книгу Владимира Григорьева с благодарностью прочтут все, кто ценит острый ум, верный взгляд и доброе сердце.

Борис ВОРОБЬЕВ

В. Коротаев. Чаша. Стихи. М., «Молодая гвардия», 1978.

Первое, что сразу же хочется выделить, говоря о новой книге стихов Виктора Коротаева, — это ее цельность. Весь поэтический строй «Чаши» пронизан острым чувством современности, сыновней выстраданной любви к Родине, к отчему вологодскому краю, молодым задором.

Писавшие о В. Коротаеве уже подчеркивали лирическую «дневниковость» его книг, их искренность и пелукавую прямоту. Новая книга — исповедь, обращенная в одинаковой мере и к себе самому, и к читателям. Гражданской неуспокоенностью, ощущением кровного родства с землей, напряженностью мысли и взволнованностью чувств проникнуты едва ли не все стихи новой книги. Глубокие раздумья автора перемежаются бесшабашной удалью, покаянные нотки соседствуют с доброй озорной улыбкой, горечь — с радостью... Нет лишь там одного: пресных, равнодушных, «мертвых» строк, рожденных холодной игрой ума. В. Коротаев пишет «солнечно и звездно», не играя в прятки с совестью и не кокетничая с читателем. Поэт не случайный странник, не гость на родной земле и не «рыцарь на час» — он плоть от плоти ее:

В годину бурь и тяжкого раздора,
В лихие дни глухого забытья
Ты мне одна и вера и опора,
Земля неотторжимая моя.

Эта коротаевская «неотторжимость» от земли, от своего народа явственно ощутима не только там, где он воспевает бессмертную величавость родной природы или же говорит о бескорыстной щедрости людских сердец. Пожалуй, в каждом его стихотворении, даже самом интимном, мы чувствуем это кровное родство. Думается, не случайно сказано им: «Я учился жизни у природы...»

Тревожные думы поэта о будущем урожая в недобрый, засушливый год («Засуха»), его беспокойство о завтрашнем дне тихой северной деревеньки, возле которой в скором времени проляжет бетонная автомагистраль («Дорога пройдет за деревней...») — лишь немногие примеры обостренной совестливости поэта и его гражданской активности.

В новой книге поэт нередко радует читателя настоящим мастерством, передавая драматизм больших человеческих чувств. В то же время невозможно обойти стороной и другую особенность поэтического дара Виктора Коротаева — его поистине счастливое умение блеснуть озорной шуткой.

Язык стихов «Чаши» прост и выразителен. Поэт не занимается составлением словесных головоломок, мысль его всегда образна и понятна и не нуждается в дополнительной «расшифровке».

У поэта свой собственный голос. И все же необходимо оговориться: иногда к нему примешиваются чужие интонации. Читаем, к примеру, следующие строки В. Коротаева:

И прошу я у бога,
Сир и незащищен,
Отпусти хоть немного
Этой жизни еще...

А на память невольно приходят другие:

И прошу я у милого бога,
Как никто никогда не просил:
— Подари мне еще хоть немного
Для земли утомительной сил.

(Ф. Сологуб)

Или, скажем, вот как начинается одно из стихотворений «Чаши»: «И ветер, и дождь, и ненастье...» Сразу же вспоминается бунинское «Одиночество» («И ветер, и дождик, и мгла...»). Может быть, случайность. Но случайность эта, к сожалению, не единственная...

Если же от частностей вновь обратиться к общему впечатлению, то стоит только лишь от всей души порадоваться появлению поэтически серьезной, искренней книги, какой стала «Чаша» Виктора Коротаева.

Евгений ПОТУПОВ

Анатолий Москаленко. Киев. Документальная повесть. М., Политиздат, 1978.

Города, как и люди, каждый имеет свою судьбу, свою жизнь. О славной странице из истории города Киева, о его героической защите и освобождении в годы Великой Отечественной войны пишет А. Москаленко в книге «Киев».

Повествование строится на документальном материале: военных сводках, письмах, дневниковых записях, воспоминаниях участников сражений. Среди них и офицеры Советской Армии, и партизаны, и коммунисты-подпольщики, ни на минуту не прекращавшие борьбу с врагом в оккупированном Киеве.

В первые месяцы войны, когда гитлеровская армия имела превосходство в силе, технике и активно вела наступление по всему фронту, особенно ярко проявился героизм и патриотизм киевлян, защищавших до последней возможности родной город.

Автор приводит воспоминание участника боев за Киев Маршала Советского Союза И. Х. Баграмяна, который так характеризует оборону Киева: «Бойцы и командиры Юго-Западного фронта в течение лета и начала осени 1941 года нанесли немецко-фашистским захватчикам непоправимый урон, оттягивая на себя огромные силы вражеских армий... Стойкость и героизм воинов Юго-Западного фронта в значительной степени способствовали крушению гитлеровского плана «молниеносной войны» и, несомненно, оказали существенное влияние и на развитие последующих событий в битве под Москвой».

Героизм советских людей в эти дни испытаний принимает массовый характер. В отряды народного ополчения вступило 32 800 человек. Стойко сражаются не только солдаты и кадровые офицеры, но и подростки. Машенька Боровиченко прошла через линию фронта, передала ценные сведения советским воинам. Одна из улиц города-героя Киева названа ее именем.

Дни и месяцы стойкой обороны, защиты и освобождения Киева богаты примерами народного подвига. Многие страницы повести автор уделяет рассказу о киевском парти-

занском подполье, организация которого началась сразу в первые дни войны. Семь подпольных райкомов действовали в осажденном городе. Киев сражался. Фашистский террор, облавы, аресты, расстрелы — ничто не могло сломить коммунистов и комсомольцев.

Автору удается, несмотря на документально краткие сообщения, придать повествованию эмоциональную насыщенность.

На протяжении всей повести Москаленко удерживает внимание читателя на судьбе двух невымышленных героев: Алексея Стахорского и Михаила Внукова. В их частных жизнях отразилась всенародная жизнь, борьба с врагом, горечь поражений и радость побед.

Стаховский и Внуков вошли в число 25 тысяч воинов, удостоенных звания Героя Советского Союза за форсирование Днепра и освобождение Киева. Среди них были офицеры и бойцы разных национальностей: русские, украинцы, белорусы, грузины, казахи. Воины 1-й Чехословацкой отдельной бригады под командованием полковника Людвига Свободы участвовали вместе с 1-м Украинским фронтом в освобождении столицы Украины — Киева.

Автор сумел избежать сухости в изложении документов, поэтому повесть увлекает, удерживает внимание читающего.

Имена героев, их подвиги, самоотверженность всегда будут напоминать о героической борьбе советского народа в годы минувшей войны.

Людмила РОМАНОВА

В. К. Орлов. Острова, затерянные во льдах. М., «Мысль», 1979.

«Весь день мы пробирались во льдах, стремясь выйти к середине пролива Вилькицкого, где были большие глубины. И когда наконец добрались до нужного места... нам пришлось тут же приниматься за работу, вырубать яму во льду размером два на полтора метра...

В конце второй ночи я проснулся внезапно, будто кто-то толкнул меня... Гидролог сидел ко мне спиной на ящике от приборов, а у его ног из воды высовывалась усатая нерпичья башка. Сжав ноздри, нерпа строго, как мне показалось, смотрела на гидролога, а он тихим голосом успокаивал ее...»

На следующий день автор этих строк пришел сюда с фотоаппаратом. Нерпа словно поджидала его у открытой воды. Держась ластами за кромку льда, она удивленно ворочала круглыми глазами, выказывая всем своим видом крайнее любопытство. Но вот она шумно фыркнула, зажмурилась от внезапной магниевой вспышки и резко ушла под воду. В течение двух-трех дней она постоянно появлялась в лунке, но уже не пугалась нацеленного на нее объектива.

Удивительные получились кадры: презрев опасность, осторожный морской зверь с доверием и дружелюбием словно присматривается к человеку, пытаясь постичь его поступки.

С тех пор прошло более пятнадцати лет. Фотографии любопытной нерпы, столь редкостные для фотожурналистики 60-х годов, обошли стра-

ницы многих изданий и у нас в стране, и за рубежом. Бывший полярник Валерий Орлов стал фотокорреспондентом, а затем и ведущим очеркистом журнала «Вокруг света». Но то, что он наблюдал и пережил в Арктике, работая там радистом и начальником станции, отныне и навсегда стало главным содержанием творчества.

В предисловии к книге известный полярный исследователь доктор биологических наук С. М. Успенский пишет: «Автору, посвятившему свою жизнь охоте с фотоаппаратом, нет нужды что-то придумывать, домысливать — и без того материал, которым он обладает, достаточно богат... Мне, как биологу, хочется отметить, что наблюдения В. Орлова за поведением животных, будь то белуха, нерпа, белый медведь, белая сова, чайка или «полярный воробей» — пуночка, настолько точны и содержательны, что могли бы украсить труд иного профессионала — эколога или этолога».

Что и говорить, оценка весьма лестная в устах специалиста. И все-таки, как мне кажется, недостаточно полная, ибо документальные очерки Орлова прежде всего обращены к людям, работающим в суровых арктических широтах.

Каждое новое путешествие для него — это прежде всего углубленные человеческие контакты, которые завязываются порой легко и сердечно, иногда мучительно, с натугой. Но о каждом новом знакомстве Орлов пишет предельно откровенно, без утайки. В своей книге он, если так можно выразиться, прославляет будничную работу во всех ее мелких и значительных проявлениях, будь то заготовка дров, стирка белья или снятие показаний со щитка приборов.

За пятнадцать лет журналистской работы В. Орлов облетал почти всю Арктику, участвовал во многих научных экспедициях, побывал в десятках передряг и вот, казалось бы, мог ко всему привыкнуть. Однако это не так. Автор не перестает удивляться, заставляя и нас, читателей, удивляться вместе с ним. Лучшие его очерки — это отнюдь не воспоминания эдакого умудренного «полярного волка», опыту которого мы должны внимать с почтительностью, а живые, горячие свидетельства о людях, которые делают свое дело просто, добросовестно, планомерно, порой не замечая в горячке будней, что их труд где-то сродни настоящему подвигу. Таковы в изображении Орлова отважные чукчи-охотники Ульвелькот и Тымклин (очерк «В проливе Лонга»), таков неунывающий исследователь морских животных Виктор Иванович Крылов («Моржи еще вернутся»), таковы начальник полярной станции Павел Морозов, «ледовые снайперы» радисты Олег Брок и Александр Пугачев, пилот Юлий Векслер и другие.

Работая когда-то радистом на полярных островах, Валерий Орлов поддерживал бесперебойную связь с материком, сообщая метеосводки, которых с нетерпением ожидали в синоптических центрах. Переменив профессию, он, однако, не сложил с себя полномочия «связного». Написав книгу «Острова, затерянные во льдах», В. Орлов словно приблизил Арктику к миллионам читателей.

Олег ЛАРИН

Анна Неркаги. Анико из рода Ного. Повесть. М., «Молодая гвардия», 1978.

У Анны Неркаги, молодой ненецкой писательницы, сильный и самостоятельный голос, твердая и уверенная рука талантливой художницы слова. Несмотря на молодость, в ее прозе уже чувствуется сложившаяся личность со знанием и суждением о жизни в ее реальной сложности. Драматизм повествования назвала бы я в качестве наиболее характерной черты творческого почерка Неркаги. Драматизм подлинный, суровый, жизненный. Одинокий отец героини повести, связав с ней все надежды, живет в затерявшемся в безлюдной тундре стойбище о трех чумах. Ее жизнь почти вся прошла в большом современном городе. Таковы две сюжетные линии повести «Анико из рода Ного»: жизнь ненецкого стойбища как она сложилась исторически, в ее еще старых формах, и нравственные муки героини, понимающей, что она должна быть со своим народом, своими руками переделывать его быт, внутренне не принимая его. В повести нигде не проскальзывает сентиментальность, а лишь подлинность, первозданность переживаний серьезной, очень самостоятельной, глубокой натуры Анико, вставшей перед трудным выбором.

«Анико из рода Ного» первая повесть Неркаги, но не проба пера; книга даст представление о ненецком национальном образе жизни и характере, а категории это непростые. Читатель запомнит и отца Анико старого Себеруя, и его верных друзей и соплеменников Пассы и Алешки, запомнит характеры, да, именно характеры, самоотверженного пса Буро и оленя Тэмуйко. Как и ее герои, Неркаги очень уважительно относится к животным. Она всерьез пишет, как Тэмуйко, вскормленный грудью матери, постоянно навещает ее могилу, — об этом и герои и автор говорят буднично и спокойно. А Буро отдает жизнь за хозяина. Такие картины идут в традиции северных народов: олень и собака на Севере — помощники и друзья человека.

То же знание жизни ненцев и понимание в художественно убедительных, сильных, скупыми средствами построенных трагических сценах, когда в стойбище привозят останки погибших жены и маленькой дочери Себеруя. «Алешка на всем бегу остановил упряжку. Олени тут же упали, дышали загнанно, с хрипом. Алешка, бледный, со страшными глазами, молча прошел мимо людей. Повернул было к Себерую: «Отец, пусть у тебя сердце будет больше неба».

Себеруй не слышал его. Он стоял, неловко согнувшись, и упрямо смотрел на нарту. Ветер шевелил край шкуры, прикрывавшей поклажу, пытаясь сорвать, будто хотел показать людям то, что лежало под ней. Себеруй, выпрямившись насколько мог, сделал то, чего не мог или боялся сделать ветер...»

Все в повести не элементарно, а непросто определено жизнью и психологией ненца. Драматизм в повести возникает периодически: так чувствует писательница жизнь, такова она и у ее народа в описываемый исторический период. В этом ключе тяжелая сцена, когда все в стой-

бище, Себеруй в том числе, начинают понимать, что Анико не останется, что она с трудом может вытерпеть ставшие ей чужими обычаи. Анико, честная и прямая девушка, не юлит, не хитрит. Больно переживая свою отчужденность в стойбище, не может скрыть, что ей нечего сказать сородичам в ответ на их слова.

Все ясно и им и ей. И вдруг... Она буквально срывается к отцу, готова все ему пообещать и исполнить, когда видит и слышит его жалкий и безнадежный разговор с Буро. Это тоже выписано сильно, без малейшей сентиментальности, драматично.

А как хорошо описана безысходность одиночества старого, изуродованного человеческими хитростями волка, испытавшего, кроме злобы, и самые нежные чувства. Это не проходные описания в повести, у этих эпизодов есть и более важный смысл в традиции близких, особых отношениях с животными, домашними и дикими, — в чем-то их жизни неразрывны на Севере.

Интересен характер у главной героини повести Анико. Сильный, незаурядный, гордый, но и добрый, чуткий, воспитанный ранней самостоятельной жизнью. Привлекательный характер. Образ Анико во многом автобиографичен. Поэтому кажется, что на талантливой книжке тоже лежит печать характера ее автора: им не в последнюю очередь и определены ее достоинства — самостоятельность художественного почерка, знание жизни, серьезность жизненной позиции, большая отзывчивость и доброта. Многообещающее начало.

Т. КОМИССАРОВА

Художественный редактор В. Недогонов

Технический редактор Н. Строева

Сдано в набор 06.02.80. Подп. в печ. 21.03.80. А02627.
Формат 84×108 1/32. Печать высокая. Условн. печ. л. 16,8.
Уч.-изд. л. 21,4. Тираж 807 500 экз. Цена 60 коп. Заказ 115.
Типография ордена Трудового Красного Знамени
изд-ва ЦК ВЛКСМ «Молодая гвардия».
103030, Москва, К-30, Сущевская, 21.

ВНИМАНИЮ УЧЕБНЫХ ЗАВЕДЕНИЙ, ПИОНЕРСКИХ И КОМСОМОЛЬСКИХ ОРГАНИЗАЦИЙ, ОБЩЕСТВЕННОСТИ КОЛХОЗОВ И СОВХОЗОВ!

Начался сбор дикорастущих хозяйственно-ценных и лекарственных растений. От нас зависит, как будут служить богатства природы нашему народу.

В апреле на лесных опушках, на пастбищах и у дорог уже появились первые грибы: строчки обыкновенные (торчок, бабура, пестрица), в лесу — сморчки конические, сморчковые шапочки. Эти весенние грибы принимают заготорганизации потребительской кооперации. Принимаются также листья брусники, цветы фиалки трехцветной, мать-и-мачехи, ромашки обыкновенной. Не забудьте и о сборе коры крушины ольховидной — она темно-бурого цвета, гладкая, с чечевицеподобными поперечными черточками: если эту кору слегка поскоблить ногтем — появится пурпурно-красный слой. Сейчас идет также сбор корневищ с корнями девясила и дягиля.

Перед выходом на сбор лекарственных и хозяйственно-ценных растений обязательно свяжитесь с местными заготорганизациями потребительской кооперации. Там вы точно узнаете сроки сбора и ассортимент тех растений, которые следует собирать в вашем районе.

Желаем успехов!

ЦЕНТРОКООПЛЕКТЕХСЫРЬЕ ЦЕНТРОСОЮЗА

Цена 60 коп.

Индекс 70544